

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Кафедра всеобщей истории

ЗАПАД, ВОСТОК и РОССИЯ: война – мир – память

Вопросы всеобщей истории
Выпуск 14

Сборник научных и учебно-методических трудов

Екатеринбург
2012

УДК 930.1
ББК Т
3-30

Редакционная коллегия:

Главный редактор – д.и.н., проф. *В.Н. Земцов*
к.и.н., проф. *Б.А. Сутырин*, к.и.н. *М.В. Шистеров*,
Н.Ф. Шестакова (отв. секретарь)

Запад, Восток и Россия: война–мир–память: Вопросы всеобщей истории: Сб. науч. и уч.-метод. трудов. Вып. 14 / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2012. – 269 с.

ISBN

Четырнадцатый выпуск сборника научных и учебно-методических трудов «Вопросы всеобщей истории» приурочен к 200-летию Отечественной войны 1812 года и посвящен широкому кругу проблем, условно обозначенных как «война – мир – память».

Публикации открываются материалами “круглого стола” «Отечественная война 1812 года и историческая память», в работе которого приняли участие ведущие специалисты Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника.

Сборник предназначен для преподавателей учебных заведений, студентов, всех интересующихся проблемами всеобщей и отечественной истории.

© Коллектив авторов, 2012

© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

I. Материалы региональной научной конференции, проведенной в формате “круглого стола” «Отечественная война 1812 года и историческая память»

5

II. Статьи и сообщения

1. Отечественная война 1812 года в контексте наполеоновской эпохи: проблемы истории, историографии и исторической памяти

<i>Хр. Глушков</i>	Разрыв Амьенского мира (май 1803 г.) и его роковые последствия	22
<i>В.Н. Земцов</i>	Панорама Ф.А. Рубо «Бородинская битва»: история одного национального мифа.....	35
Б.П. Миловидов	Проблема медицинской помощи военнопленным туркам в 1809–1812 гг.	53
<i>Е.А. Назарян</i>	Мифология Малоярославецкого сражения в умах обывателей в 1912 и 2012 гг.	64
А.А. Орлов	Английский обершпион или солдат удачи (Оценка деятельности и личности генерала Р.Т. Вильсона в русской и англоязычной историографии).....	70
<i>А.А. Постникова</i>	Наполеон на подступах к Березине: поиск путей к спасению	84
Е.Ю. Рукосуев	Новые технологии военного производства на Урале в первой четверти XIX в.....	99
<i>Б.А. Сутырин</i>	В.И. Тютчев и наполеоновская тема в его творчестве.....	107
2. Память о войне – война за память		
<i>Н.Ф. Шестакова</i>	«Железное кольцо» Эдуарда I	111
<i>Е.С. Соколова</i>	Роль принципа законности в формировании надсословных тенденций правовой политики Петра I периода военных свершений (90-е гг. XVIII – первое десятилетие XVIII в.)	117
<i>С.И. Ворошилин</i>	Топонимические войны – насильственная смена топонимов вследствие войн и революций (Часть 2).....	132
3. Власть и общество в условиях гражданской войны: теоретические и историографические подходы		
<i>О.С. Поршнева</i>	Концептуально-теоретические подходы к изучению проблем взаимоотношений власти и рабочих Урала в годы Гражданской войны.....	150
<i>М.А. Фельдман</i>	Причины поражения Белого движения в Гражданской войне на Урале в контексте взаимоотношений власти и рабочих (проблемы историографии).....	161
4. Международные отношения в эпоху мировых войн: вопросы истории и историографии		
<i>И.В. Грибан</i>	Тема советско-германских отношений 1939–1941 гг. в историографии ГДР.....	174
<i>В.А. Кузьмин,</i> <i>Е.С. Думнова</i>	Особенности англо-турецких отношений в 1940–1941 гг..	183

III. В помощь преподавателю и студенту

<i>М.В. Шистеров</i>	«Гомеровский вопрос» и проблема Троянской войны (материалы к спецкурсу). Часть 1.....	193
<i>Г.Н. Шумкин, Т.Г. Шумкина</i>	Советская историческая наука в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (материалы к лекции).....	203

IV. Историко-литературные опыты

<i>А.В. Гладышев</i>	Повседневность исторических руин	217
<i>Л.С. Слободяник</i>	Екатеринбургский бал 1812 года (историко-литературная фантазия)	234
<i>Я.В. Черноусова</i>	Лейпясун-2012 г.: по следам «забытой» советско-финской войны 1939–1940 гг.	246

V. Дебют

<i>Т.М. Есенбаев</i>	«Франция» по правому берегу Рейна. Вестфальское королевство Жерома Бонапарта (1807–1813 г.).....	249
<i>В.С. Пруцакова</i>	Мон Сен-Мишель: память о Столетней войне	259
<i>Сведения об авторах</i>		266

I. Материалы региональной научной конференции, проведенной в формате “круглого стола” «Отечественная война 1812 года и историческая память»

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»
Исторический факультет
Екатеринбургский военно-исторический клуб «Горный щит»

«ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»

ПРОГРАММА
РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ФОРМАТЕ
«КРУГЛОГО СТОЛА»
Екатеринбург, 6 марта 2012 г. в 15.00

Предлагаются к обсуждению следующие вопросы:

1. 1812 год: проблемы источниковедения и историографии.
2. Наполеоновские войны в исторической памяти народов.
3. Война 1812 года и кросскультурные процессы.
4. Культурное наследие 12-го года.

Организационный комитет:

Клименко Иван Михайлович, кандидат педагогических наук, профессор, декан исторического факультета Уральского государственного педагогического университета;

Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета;

Емельянов Александр Вячеславович, председатель Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит», участник движения военно-исторической реконструкции;

Сутырин Борис Алексеевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета;

Постникова Алена Александровна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

Ведущий дискуссии:

Земцов Владимир Николаевич, д-р ист. наук, профессор, зав. каф. всеобщей истории УрГПУ.

Участники дискуссии:

Архипов Александр Михайлович, член ЕВИК «Горный щит», поисковик;

Бобров Аркадий Викторович, член ЕВИК «Горный щит», поисковик;

Грибан Ирина Владимировна, аспирант каф. всеобщей истории УрГПУ, директор Музея истории УрГПУ;

Емельянов Александр Вячеславович, председатель ЕВИК «Горный щит»;

Корепанова Светлана Анатольевна, зам. директора по науке Свердловского областного краеведческого музея;

Клименко Иван Михайлович, канд. пед. наук, профессор, декан исторического ф-та УрГПУ;

Кручинин Александр Михайлович, член-корреспондент Академии военно-исторических наук, член ЕВИК «Горный щит»;

Орлова Александра Алексеевна, аспирант каф. всеобщей истории УрГПУ;

Постникова Алена Александровна, аспирант каф. всеобщей истории УрГПУ;

Рукоусев Евгений Юрьевич, канд. ист. наук, доцент каф. истории России УрГПУ, ст. науч. сотрудник ИИиА УрО РАН;

Семишцева Елена Васильевна, зав. отделом Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника (г. Москва);

Слободяник Лада Сергеевна, докторант Высшей школы экономики (г. Прага);

Сутырин Борис Алексеевич, канд. ист. наук, профессор, профессор каф. всеобщей истории УрГПУ;

Токарева Елена Евгеньевна, член ЕВИК «Горный щит»;

Хомченко Сергей Назарович, канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника (г. Москва);

Швецова Светлана Константиновна, зав. отделом методического центра Свердловского областного краеведческого музея;

Шистеров Максим Валерьевич, канд. ист. наук, ст. преподаватель каф. всеобщей истории УрГПУ;

Ячменева Наталья Валентиновна, зав. методическим кабинетом исторического ф-та УрГПУ;

Стенограмма «круглого стола» конференции (печатается с сокращениями)

[Участники конференции просматривают слайды, отражающие формы культурно-исторической памяти о событиях 1812 г., с комментарием В.Н. Земцова.]

В.Н. Земцов: Я полагаю, что наш сегодняшний разговор надо начать с того, что в представлении историков, людей – по крайней мере, нам так кажется – науки, формирует историческую память. Это то, что мы называем историографией. Затем перейдем к другим аспектам, которые связаны с исторической памятью. Позвольте предоставить слово Максиму Валерьевичу, который скажет несколько слов по этому поводу.

М.В. Шистеров: Да, хотя я, вероятно, буду больше говорить об историографии. Впрочем, на самом деле все эти вещи – источниковедение и историография – в нашем случае тесно переплетаются. Подчас сложно даже определить как тот или иной источник классифицировать: историографический он или исторический (многое зависит от аспекта рассмотрения). Тем более, когда мы говорим о нарративной национальной историографической традиции и анализируем ее элементы в рамках того или иного культурного пространства, мы, так или иначе, обращаемся к историческому источнику (прежде всего, личного происхождения, отражающего эмоции, мысли и чувства человека), потому что, будучи субъективным авторским творением, он выражает определенное видение ситуации через использование разного вида модальностей – оценочных суждений. Если мы обратимся к историографии более позднего времени (оставив в стороне методологический аспект), то мы, в сущности, не увидим там ничего принципиально нового в модально-

аксиологическом плане. В то же время историография войны 1812 г. обширна и постоянно пополняется, поэтому даже просто обозреть ее представляет немалый труд. Еще сложнее ее систематизировать и классифицировать. Поэтому в диссертации, написанной более 3 лет назад, мы предложили такой способ классификации как выделение «национальных историографических традиций», что существенно отличается от более привычного страноведческого подхода. Так, например, немецкая историография при определенном внутреннем единстве оказалась очень противоречивой. Ведь на ее формирование оказали влияние не только немцы, воевавшие на стороне Наполеона, но и те, кто служил в 1812 г. в русской армии. Можно вспомнить и историю Германии в XX в., которая также не способствовала формированию «единого взгляда» на проблему. Поэтому немецкая историография столь неоднозначна. В этой связи напрашивался какой-то иной подход, иная калибровка. И вот тогда мы предпочли говорить о «национальных историографических традициях» (далеко не совпадающих с изменяющимися государственно-политическими границами). Сегодня, я бы даже сказал, что правильнее было определить их как национально-культурные традиции, потому что смысл здесь отнюдь не исчерпывается неким узким стереотипным национально-политическим взглядом на проблему. В сущности, проблему следовало бы рассматривать значительно глубже, чем мы тогда делали, но за этим будущее... Кто-то этим, наверное, займется и, думаю, сумеет исследовать проблему более глубоко.

Следует исходить из того, что принципиально в основе любой культуры (культуры как социального пространства жизни) лежит миф, поэтому, если понимать под словом «миф» не просто некий ложный или псевдоисторический рассказ, но некие, так сказать, сознательные и бессознательные искажения, говорить о «мифе», как о способе взаимодействия человека с миром (реальностью), то любой социализированный человек, так или иначе, – живет в мифе, в пространстве мифа. Поэтому историографии «вне мифа» быть не может, она отражение культурного кода мифа, способ его трансляции. Поэтому сегодня изучая историографию войны 1812 года мы, в действительности, изучаем «национальные мифы» о войне: французский миф, немецкий миф (или мифы), англо-саксонский миф... Вот, англо-саксонская историография некоторое время назад казалась мне более или менее монолитной, сейчас я бы уже не был столь категоричен: она тоже представляет собой некое единство, но в многообразии. В конечном итоге, очень интересно наблюдать за тем как эти мифы и национальные традиции взаимодействуют и изменяются на наших глазах. Диссертация была написана три года назад. И за эти три года произошли такие перемены, которые, по-хорошему, составляют часть этой диссертации переписать, потому что современный

мир очень быстро меняется. Это, кстати, заставляет задуматься о будущем «национальных традиций». Уже в диссертации мы отмечали, что в современных условиях рамки «национальных традиций» начинают постепенно исчезать, разрушаться. Традиции начинают проникать друг в друга, видоизменяться и обогащаться за счет иных традиций. Причем способы взаимодействия (и их результаты!) могут быть совершенно разными. Это может быть не просто взаимодействие на основе обмена теми или иными достижениями, но и путем своеобразного «присвоения» пространства чужой традиции, без признания, так сказать, ее заслуг, то есть путем откровенного плагиата при помощи оборотистых товарищей (этаких маргинализованных элементов, сформировавшихся на стыке разных традиций и выполняющих функции своеобразных «переводчиков»), которые имеют возможность выдать за свое то, что они «позаимствовали» где-то за пределами пространства данного культурного мифа. <...>

Если говорить о проблемах, которые стоят сегодня перед отечественной историографией, то они собственно хорошо известны специалистам, и здесь я ничего нового сказать не могу. В общих чертах эти проблемы сводятся к нескольким основным пунктам.

Во-первых, остро ощущается необходимость введение в научный оборот новых источников (прежде всего, зарубежных). Собственно, этот процесс постепенно идет... Кстати, мне представляется, что большие возможности здесь открывают не только зарубежные архивы, хранящие многие еще не обработанные документы, но также отечественные архивохранилища (регионального и федерального уровня), документация которых еще далеко не полностью введена в оборот. Хорошо известно, что значительная часть материалов, исходивших от руководства российской армии, была написана на немецком или французском языках. В советское время эти документы почти не использовались или использовались ограниченно. Полных переводов их также зачастую не существует, есть только какие-то фрагменты, и т. д. Другими словами, мне представляется, что нам нужно еще со своими источниками толком разобраться, и, по-хорошему, провести ревизию всего того, что было опубликовано и прокомментировано в прежние годы. А что касается источников зарубежного происхождения, то, конечно, здесь дело не только в доступе к ведущим французским архивам, следует обратить внимание (на что указывали и участники нашего «круглого стола») на материалы архивов так называемых «малых» стран и народов Европы: швейцарские, австрийские, чешские архивы еще хранят, вероятно, немало источников, проливающих свет на историю национальных частей Великой армии Наполеона.

Вторая проблема, которая стоит перед отечественными историками, – это проблема методологического свойства. Потому что вполне очевидно, что историческая наука за последнее время очень сильно изменилась. На Западе эти перемены происходят гораздо быстрее, у нас, как обычно, несколько медленнее, с запаздыванием. Но, так или иначе, мы движемся в ту же сторону, и очень хочется, чтобы этот процесс шел быстрее и динамичнее; чтобы наши историки стремились не только ввести в оборот максимальное количество источников, прокомментировать их и тому подобное (в духе классической парадигмы), но и использовать новейшие методы исторической антропологии, микроистории и прочие достижения современной исторической науки, которые уже находят применение в конкретных исследованиях, но пока, как представляется, недостаточно.

Следующий момент собственно связан с предыдущим – это расширение самой тематики работ, посвященных 1812 году. Уже наметился переход от военно-исторической тематики, которая изначально абсолютно доминировала в исторических исследованиях о войне 1812 г., к проблемам, связанным с исторической памятью народов, с социальными и ментальными процессами, экономической историей. <...>

Ну и последний момент, который здесь тоже необходимо отметить – это усиление международного сотрудничества, которое, безусловно, необходимо, причем на разном уровне. Это поможет отечественным исследователям и в освоении тех же данных архивохранилищ разных европейских стран, и в плане расширения собственного исследовательского горизонта.

В.Н. Земцов: Итак, Максим Валерьевич обозначил ряд интересных сюжетов, направлений. Мы общую картину сегодня, надо сказать, представляем себе достаточно неплохо. Действительно, 1812 год, выражаясь не вполне академическим языком, европейцев «зацепил», и они до сих пор вспоминают эти события – кто-то взволновано, кто-то более спокойно (как американцы, которые смотрят как бы издалека). Например, французская традиция, на мой взгляд, достаточно цельная. По сути, она за двести лет не изменилась. И Мари-Пьер Рей, крупный французский специалист по истории России начала XIX в., которая недавно посетила Екатеринбург с презентацией своей новой книги, посвященной войне 1812 г., это еще раз продемонстрировала, хотя она использовала и некоторые русскоязычные источники. Немецкая традиция тоже изменилась мало, хотя она и сформировалась изначально в нескольких вариациях. Польская традиция? Тут вообще все понятно – это была их национальная война! Даже итальянская традиция (в целом, наименее разработанная) хорошо прослеживается. А вот русская традиция? Такое впечатление, что постоянно происходит разрыв этой традиции. Такой разрыв

произошел после 1917 г. Потом было некое восстановление, но очень причудливое. Потом – снова разрыв... Есть ли она – русская традиция? Я бы такой вопрос сегодня поставил.

А.А. Постникова: Мне бы хотелось остановиться подробнее на некоторых моментах, связанных с зарубежной историографией. Максим Валерьевич уже отметил, что в зарубежной историографии наблюдается своеобразный антропологический поворот, внимание к человеку. Это отчетливо прослеживается в англо-американской традиции, а в последнее время – и во французской. Обращаясь к человеку, к его чувствам, ощущениям, мыслям и репрезентациям, зарубежные историки реконструируют их по мемуарам и воспоминаниям. И, как следствие, мы видим, что из зарубежных исторических трудов постепенно исчезает архивный материал, делопроизводственные документы, несмотря на имеющиеся у зарубежных коллег возможности работы в архивах. Между тем, даже и некоторые опубликованные источники по-настоящему не введены в научный оборот. <...> Возможно, специфика и своеобразие российской историографии, российской исторической науки заключается как раз в том, что российские историки до сих пор стараются найти эти архивные материалы, воспроизвести именно военную историю «как таковую». И, так скажем, романтично надеются найти истину. В этом наше своеобразие, а не в погоне за какими-то методологическими новациями.

В.Н. Земцов: Суждения, конечно, очень интересные. Хотя, как же отказаться от попытки воспользоваться новыми методологическими принципами? <...> На мой взгляд, это не менее важно, чем поиск архивных материалов. Тем более – у меня сложилось такое впечатление – в сущности то, что имеется у нас в архивах, вряд ли может произвести какую-либо сенсацию или даже серьезно изменить принятый взгляд на какое-то важное событие войны 1812 г. Скорее, эти материалы будут подтверждать, уточнять, дополнять уже сформировавшуюся картину. Может быть, я ошибаюсь, но у меня такое впечатление. То же самое касается и зарубежных архивов... В тоже время я согласен, что мы все-таки отличаемся от зарубежных коллег (та же книга М.-П. Рей тому свидетельство) тем, что у нас сохраняется старая традиция, традиция еще XIX в. – историю мы воссоздаем такой, какой «она была в действительности». Мы все еще «ранкеанцы». Может быть, это действительно является той основой, с которой нам все-таки расставаться не надо, чтобы не витать где-то там, в методологических изысках, пересказывая то, что уже давно известно (как сейчас пытаются делать некоторые товарищи за рубежом).

М.В. Шишоров: Владимир Николаевич, мне кажется, что мы сейчас – вольно или невольно – соединили две вещи, которые нужно различать: есть историографические традиции, сформировавшиеся во-

круг события и есть научные традиции историописания... Возвращаясь к тому вопросу, который вы задали: сложилась ли у нас устойчивая традиция о войне 1812 г., традиция, которая бы опиралась на достаточный массив исторической памяти, была бы насыщенной и укорененной в обществе? Это действительно вопрос очень сложный. Кажется, что по каким-то причинам такой устойчивой традиции, мы не имеем.

В.Н. Земцов: Причина этого, наверно, связана не только со сложностью нашей истории последние 200 лет, не только с попытками государства монополизировать, так сказать, историческую память о 1812 г., что, конечно, наблюдается... Но еще и с тем, что мы – россияне, русские, пытаемся найти истину. Французы «истину» давно нашли, она в бюллетенях Наполеона. Они ее просто воспроизводят и все. Для них это и есть истина. Поляки свою «истину» тоже давно нашли. И эта «истина» для них подтверждается Катынью и другими последующими событиями. О чем говорить? Достаточно вспомнить многочисленные разделы Польши... Вот русский человек – не такой. Он пытается найти истину, которая во многом ставит под сомнение или даже отрицает само, так сказать, самостояние русской памяти, противоречит национальному мифу. А может не так? А Бородино мы выиграли или проиграли? А Кутузов? Какой он был? Хороший или плохой? А роль Александра I? Какая она была? И так далее, и тому подобное. То есть причина – в самой амбивалентности наших поисков, вернее, нашей «истины». Отсюда и амбивалентности нашей традиции... вот наверно так! Здесь, наверно, и скрывается наше национальное своеобразие.

М.В. Шистеров: Это, конечно, связано также с нашим историческим опытом, потому что в советское время, например, пытались создать некий миф о 1812 г., который выполнял бы объясняющую функцию. Но когда система, обеспечивающая этот миф, развалилась, вновь встала проблема отношения к тем событиям... Вы правильно отметили – там, где миф работает эффективно; там, где он укоренен; там, где он отражает некие внутренние потребности общества, – он будет прочным. А когда общество нестабильно, а миф искусственно сконструирован – хотя в нашем случае, я думаю, что там были элементы, которые восходили к самому 1812 г. – то, в конечном итоге, это вынуждает к его постоянному пересмотру. Вот отсюда и этот поиск...

В.Н. Земцов: А вот вопрос: «Пересмотрели ли? И почему?». Ведь в конце XX в. у нас вместо прежнего национального мифа образовался некий вакуум. С одной стороны, наука мифы начала разрушать... Это разрушительное начало привело к тому, что образовавшийся вакуум стали заполнять поделки различных халтурщиков. <...> Не они ли формируют новый национальный миф?

А.М. Кручинин: У меня вопрос. Владимир Николаевич, как вы думаете, советская историография о войне 1812 г. она продолжала традиции дореволюционной российской историографии или действительно был разрыв, как вы упомянули после 1917 г.?

В.Н. Земцов: <...> Конечно, в значительной степени продолжала. Как ни парадоксально, но советская историография, начиная с 1930-х гг., воспроизвела в худшем виде дворянско-православную (как ее принято называть) традицию. При этом во многом отказавшись от тех новаторских идей и новых материалов и подходов, которые были предложены и разработаны на рубеже XIX–XX вв. Почему это произошло? Думаю, потому что удобно было, по крайней мере, Власти тогда это казалось удобным... Только вместо Александра I появился М.И. Кутузов, потому что оставить Александра I в качестве спасителя Отечества было невозможно. А так – все один к одному. Были, конечно, и существенные отличия, но сходство действительно бросается в глаза. Оно более зримо в этой традиции.

И.М. Клименко: Несколько слов по этому поводу. Я хотел бы добавить, что для государства в данной ситуации, на мой взгляд, был важнее эмотивный аспект, нежели когнитивный. Вот оно – единство, вот она – Россия. Вот – все вместе, вот – защитники. <...> Все это полезно, по-своему... Конечно, наука зависит от государства. Государство дает деньги, оно поощряет те или иные исследования и подходы, поэтому нет ничего удивительного, что эта патриотическая – и полезная с точки зрения государства! – традиция, она и впредь будет существовать. Более того, она носит консервативный, некий охранительный характер, и, с этой точки зрения, также весьма полезна в определенной мере, но она, конечно, может находиться в расхождении с действительностью, поэтому подлинный историк, который всегда ищет истоки, причины вещей, он не может согласиться в полной мере с подобной интерпретацией.

А.М. Кручинин: Иван Михайлович, но всегда ли эта традиция, провозглашаемая от имени государства полезна? Попытка использовать опыт 1812 г. в период Первой мировой войне (во время великого отступления), спровоцировала грандиозную – и совершенно безобразно организованную – эвакуацию людей. И эта эвакуация, в ходе которой тысячи людей погибли (совершенно бесцельно!), а потом сотни тысяч – особенно, еврейского населения российского Запада – оказались на новом месте, в глубине России, без работы, без корней. Они ведь стали горючим материалом для будущей революции, между прочим...

Е.Ю. Рукосуев: В то же время, если продолжать эту логику, то можно вспомнить, что опыт эвакуации 1915 г. был использован советской властью в 1941–1942 гг....

А.М. Кручинин: Да, все неоднозначно, конечно.

В.Н. Земцов: Здесь ведь вопрос еще заключается в том, что до сих пор ведется спор о существовании или отсутствии в 1812 г. так называемого «скифского плана». Был ли этот «скифский план» вообще? И в этом смысле государственные деятели, проводившие эвакуацию 1915 г., ориентируясь на опыт столетней давности, воспринимали этот опыт, я бы сказал, очень упрощенно, мифологизировано, прямолинейно. <...>

С.Н. Хомченко: Мне бы тоже хотелось добавить несколько слов по поводу новых источников, которые лежат и ждут еще своих исследователей. В 2005–2006 гг., когда я работал над кандидатской диссертацией, собирая данные по французским пленным в Поволжско-Уральском регионе, у меня к моменту защиты (в 2007 г.) была информация примерно о 12 тыс. пленных, которые из нескольких губерний поступили. Обработал я тогда примерно 8 архивов, областных и центральных. За последние 2 года я прибавил к своему списку еще три областных архива и выявил еще 3 тыс. пленных Великой армии. Информации много, на самом деле. Нужно только искать...

<...>

А.А. Постникова: Говоря об исторической памяти, мне бы хотелось обратиться к европейским традициям об отступлении Великой армии из России и символе этого отступления – Березине. <...>

В принципе, современные представления европейцев о событиях на Березине берут свое начало еще с декабря 1812 г., то есть с самого конца войны, с официальной переписки французского командования, писем участников войны, их впоследствии опубликованных воспоминаний. Из всей довольно разнообразной гаммы чувств, переживаний, впечатлений, которые пережили участники тех событий, в памяти европейцев осталась только моральная победа Великой армии на Березине. Я говорю преимущественно о тех, кто принимал участие в сражении – это немцы, поляки, французы, швейцарцы. В других национальных традициях символом Березины является переправа, а не сражение...

В самом начале XIX в. представления европейцев, несомненно, формировались на основе французских исследований, французских мемуаров. Ситуация кардинально изменилась после европейских революций 1848 г., когда все нации стали возрождать память о своем участии в войне 1812 г. и, в частности, о событиях на Березине. В этот период выходит масса различных мемуаров, разных исторических исследований. И что происходит? К концу XIX в. Березина как бы расщепляется на самостоятельные исторические сюжеты, существующие в различных национальных традициях. Она становится и победой швейцарцев, и победой поляков, и победой французов, и победой немцев... Однако, несмотря на такую значительную дифференциацию, именно в конце XIX

в. были созданы наиболее обширные, наиболее глубокие исследования о событиях на Березине. И, наверное, до сих пор подобных исследований более не появлялось. Перед Первой мировой войной ситуация меняется – Березина становится как бы орудием в дипломатической игре. Внезапно оказывается, что Березина – это общая итало-немецкая победа, или символ франко-российского примирения, а после Первой мировой войны – уже франко-польская победа. И таких примеров можно привести достаточно много. Стоит однако сказать, что эти внешние изменения образа Березины, связанные с международной обстановкой начала XX в., не закрепились в памяти европейцев. В большей степени сохранились те элементы образа Березины, которые сложились еще в конце XIX в., на основе мемуарной литературы. В конце XX – начале XXI вв. мы вновь видим, что возрождается именно «национальная Березина», то есть традиции, заложенные еще в конце XIX в. В большей степени, конечно, это событие остается памятным для швейцарцев и французов. Швейцарцы вообще всю войну 1812 г. ограничивают, по сути, одним сражением на Березине! Это единственная национальная традиция, где нет других событий войны 1812 г. И, конечно, там до сих пор царит мнение, что Березина была победой швейцарцев и это именно они спасли Великую армию Наполеона. В свою очередь французская память о войне более противоречива. Здесь образ Березины более сложный, многогранный: с одной стороны, это синоним катастрофы, трагедии; но с другой стороны, это и великая победа французов. В то же время, судя по последним французским исследованиям, они уже стараются как-то «впустить» другие нации в «свою Березину». Так, например, мы видим, что французы стали обращать, наконец, внимание на участие швейцарцев и поляков в этих событиях. <...> Таким образом, французы (не только профессиональные историки, но и само французское общество) в последнее время начинают открывать для себя многие грани и многие сюжеты, связанные с Березиной. К слову, те тенденции, которые наблюдаются сегодня в европейской науке, контакты, которые устанавливаются между англо-американской наукой, французской, немецкой и российской, дают надежду, что память о Березине, возможно, станет в будущем общеевропейской памятью.

Е.Ю. Рукосуев: Эти изменения во французской историографии, на Ваш взгляд, связаны с созданием Европейского Союза?

А.А. Постникова: Ну, вообще Европейский союз, конечно, способствовал тому, чтобы европейцы обратились к войне 1812 г. Не только французы, но и немцы разрабатывают этот сюжет... Как раз немцы сейчас очень интересуются межнациональными отношениями внутри Великой армии. Великая армия – это ведь своего рода прообраз Единой Европы. Их исследования показывают, что одной из причин

поражения Великой армии были внутренние раздоры, которые часто инициировали французы. Вот к такому выводу приходят немецкие историки. Что касается Франции, то... французская историография, конечно, более обособлена. Изменения здесь стали наблюдаться со времен Шарля де Голля, когда возродилась идея величия Франции. Постепенно, на протяжении века, французы стали более активно обращаться к войне 1812 г., но мне кажется, что, возможно, не Евросоюз сыграл стимулирующую роль, а больше – деятельность отдельных людей. Например, хотелось бы вспомнить в этом контексте имя Фернана Бокура, который на протяжении многих лет интересовался событиями на Березине и много способствовал установлению контактов между Францией и Россией (также и Белоруссией). И после него эти контакты были продолжены...

В.Н. Земцов: Удивительный был человек. Он за свои деньги поставил памятник на Березине. Каждый год приезжал в Россию. Несколько лет работал в Минском госуниверситете, ничего фактически за свой труд не получая... В настоящее время его сын возглавляет частный Институт Наполеоновских исследований во Франции.

А.А. Постникова: Любопытно, но наиболее достойные работы во французской историографии принадлежат как раз перу непрофессиональных историков, таких как Фернан Бокур или Алан Пижар... Это заставляет задуматься: может быть, эти ученые как раз выделяются потому, что не были во власти определенных стереотипов, которое накладывает французское историческое образование.

В.Н. Земцов: Я бы назвал еще несколько таких достойных людей, благодаря которым за последние два-три десятилетия произошел настоящий переворот в изучении войны 1812 г. – это обратившийся к «живой истории» англо-американский журналист и историк Куртис Кэйт; англо-шведский писатель и журналист, создавший великую трилогию о войне 1812 г. (на английском языке), Пол Бриттен Остин; франко-немецкая писательница Анка Мульштайн, в 2007 г. опубликовавшая на немецком языке книгу «Пожар Москвы»... Вот эти люди, которые находились и находятся на стыке разных культур. Это тоже очень интересный момент – веяние времени в некотором роде. <...>

Раздумывая над тем, как воспринимается 1812 г. в разных национальных традициях, я прихожу к выводу, что большинство европейских традиций покоятся на наследии Наполеона. Кстати, историком (как и политикам) вообще-то надо бы поучиться этому – как остаться в истории и что нужно для этого сделать, чтобы через 200 лет созданный тобою миф по-прежнему воспроизводился. Конечно, Наполеон отразил в своих бюллетенях и воспоминаниях определенные ощущения и чувства, которые многие европейцы действительно испытали в 1812 г. Эти люди

– прежде всего, участники похода в Россию – накладывали свой жизненный опыт на определенный, я бы сказал, культурно-исторический стереотип. Ведь те, кто потом писал мемуары, были людьми, конечно, образованными или даже близкими к литературе, склонными к творчеству. «Илиада» и «Одиссея»! Поход в Россию – это своеобразная «Илиада», поход в дальние страны (непонятно зачем?), вплоть до Индии... А самое главное – «Одиссея», то есть то, как они (Великая армия) возвращались обратно. И вот здесь – человек... Почему человеческий аспект сегодня для всех европейцев очень важен? Да потому, что человек тогда был на грани превращения в животное! Сегодня цивилизованная Европа, а завтра – какая она может быть? Это история о том, как человек противостоит возвращению в животное состояние. И вот, та же Березина. <...>

Историческая память русских. Что это? Это Бородино! Безоговорочно. Даже не Москва. Это, прежде всего, Бородино. Ту же Березину не все вспомнят, Малоярославец тоже, Смоленск... Для европейцев, что главное? Березина! Почему? Потому что Березина – это Рубикон. Даже не Рубикон. Рубикон был в начале, когда они переходили Неман, а потом самое главное – Стикс. Они оказались в другом мире, в царстве мертвых... пустыня, белый снег... Здесь люди умирают, надо перейти эту реку, возвратиться в царство живых. Обратно – к цивилизации! И вот это ощущение, что они все-таки преодолели эту угрозу – превратиться в мертвого человека, или – что еще хуже! – оказаться в плену, возвратились обратно, к себе домой. У них это настолько засело в сознании, в их исторической памяти, что для европейцев главное в 1812 г. – это Березина, а для нас, русских – Бородино. Несмотря на то, что в военном отношении мы проиграли, но для нас Бородино – это победа. Вот какая интересная вещь национальная историческая память.

<...>

М.В. Шистеров: За европейцами, действительно, был колоссальной глубины пласт исторической памяти, уходящий корнями к «Илиаде» и «Одиссее», походам Александра Македонского... Отсюда в значительной степени и восприятие европейцами себя как завоевателей, как наследников Александра Великого... Вообще-то говоря, для них мы тогда были своеобразной Персией, воплощением Востока: обширной, нависающей над Европой, страшной, коррумпированной, богатой, но при этом варварской и чуждой страной...

В.Н. Земцов: Не хотел бы полностью согласиться с вашим последним тезисом. Это, я бы сказал, несколько прямолинейный взгляд на то, как воспринимали нас европейцы в 1812 г. – как варваров! Я бы так не сказал. По моему глубокому убеждению и сам Наполеон, и многие французы, участники похода, воспринимали Россию как страну, которая

во многом цивилизацию уже освоила, благодаря Петру I. Скорее, можно говорить об обратном – Наполеон слишком переоценивал нашу «европейскость». Я даже не уверен, что к концу 1812 г. он осознал насколько, так сказать, страшен этот русский дух, которого он выпустил из бутылки. Наполеон все еще не верил в то, что произошло. Тот же пожар Москвы! Он был убежден, что французы жгут! Как можно жечь свою собственную столицу? А для нас это как раз вещь достаточно нормальная. И в этом плане, мне кажется, здесь все-таки важно правильно расставить акценты...

М.В. Шистеров: Я, в целом, с Вами согласен Владимир Николаевич. Я специально несколько утрировал этот момент. В действительности, образ России был амбивалентным, конечно. Однако когда было необходимо, можно было направленно актуализировать образ «варварской страны».

В.Н. Земцов: Действительно. Кто нашептывал Наполеону, что Россия – варварская страна, что надо с ней разделаться? Это поляки, конечно. <...>

И все-таки интересно узнать, как сейчас «живет» Бородинское поле, сердце нашей памяти о войне 1812 г.?

Е.В. Семенищева: История Бородинского поля как исторического памятника начинается с 1835/1836 г., когда по приказу русского царя Николая I было решено поставить монумент на Бородинском поле, в память о победе в Отечественной войне 1812 г. Приняли решение возвести этот памятник на месте «батареи Раевского» (Курганная высота), так как рядом проходил Смоленский тракт, с которого памятник был бы хорошо виден. Однако в то же самое время в другом министерстве решался вопрос о перенесении дороги, связывающей западные губернии России с Москвой, почти на 50 верст южнее. Это поставило под вопрос установку памятника – зачем ставить, если памятник будет далеко от основной дороги? Дело дошло до императора, который своим решением постановил оставить дорогу на прежнем месте и установить памятник на месте «батареи Раевского», для чего были выкуплены вблизи Бородино земли у местных помещиков. В дальнейшем, до 1917 г. Бородино было царским поместьем. Там возник дворцово-парковый ансамбль. <...> Вообще, внимание императорской семьи к Бородинскому полю было очень значительным... В 1912 г. Бородино посетил Николай II, в связи с празднованием 100-летия Отечественной войны. К сожалению, в дальнейшем – ни в советский период, ни в постсоветский – руководители нашей страны на Бородино больше не бывали. Хотя в 1975 г. Бородино посетил В. Жискард д'Эстен, а в 1987 г. поле посетила делегация Политбюро, но без М.С. Горбачева...

<...>

Буквально, год назад на Бородинском поле стали происходить очень неприятные события. Дело в том, что был принят закон о передаче земель из сельскохозяйственного пользования под дачное строительство. Под действие этого закона попало и Бородинское поле, несмотря на то, что еще в 1961 г. постановлением Совета министров СССР оно стало Музеем-заповедником площадью 109 кв. км. Однако это тоже земля сельскохозяйственного пользования, Музеем принадлежит только земля под памятниками и экспозиционными залами/постройками. Кстати, закона о музеях-заповедниках в России нет! Теперь эти земли стали продаваться и застраиваться... Государство на эту ситуацию пока не реагирует, несмотря на то, что мы всеми средствами стараемся привлечь внимание к данной проблеме... В настоящее время, строительство коттеджей на Бородинском поле приостановилось, идут суды, итоги которых пока не ясны. Так что мы сидим на «пороховой бочке», можно сказать... Впрочем, есть, конечно, и положительные моменты: в преддверии юбилея усилено финансирование, благодаря чему еще в 2008 г. Музей начал делать экспозицию, посвященную 200-летию Отечественной войны 1812 г. Открыли экспозицию гостиницы «Монастырская», в которой останавливался Л.Н. Толстой, когда приезжал в 1867 г. на Бородинское поле. Сейчас строится новая экспозиция «Славься век Бородино» в здании у «батареи Раевского» и началось восстановление дворцово-паркового ансамбля в селе Бородино (старый деревянный ансамбль был сожжен немцами в январе 1942 г.). Планируем закончить его восстановление (по сути, это будет новый ансамбль, приспособленный под нужды Музея) к 2014 г. Кроме прочего, у «батареи Раевского» планируется разбить специальную благоустроенную территорию – небольшой сквер Памяти, где будут выставлены мемориальные доски, с указанием всех полков принимавших участие в Бородинском сражении. И такой же небольшой сквер с мемориалом будет у Шевардина, где находился командный пункт Наполеона. Здесь будут указаны все полки Великой армии, принимавшие участие в Русском походе. <...>

Мы, конечно, надеемся, что юбилей пройдет хорошо, и будем рады видеть многочисленных гостей на Бородинском поле, но многое будет, без сомнения, зависеть от графика первых лиц государства, которые планируют в этом году посетить, наконец, Бородино. <...>

В.Н. Земцов: Спасибо, Елена Васильевна. Насколько мне известно, Сергей Назарович принимал активное участие в археологических изысканиях на Бородинском поле.

С.Н. Хомченко: Да, совершенно верно. Главный заказчик археологических работ на Бородинском поле – это, естественно, наш Музей, но, так как своих археологов у нас нет, то привлекаем специалистов ГИМа. Все обнаруженные предметы, естественно, попадают в музейные

фонды. Наша главная находка на сегодняшний день – в 2007 г. на месте «батареи Раевского» был обнаружен французский Орден Воссоединения, который, очевидно, принадлежал знаменитому генералу Огюсту Коленкуру, погибшему во время штурма батареи французами. В новой экспозиции, которую мы будем открывать этим летом, надеюсь, этот орден тоже будет присутствовать. Верхнее колечко (петелька) у ордена перебито (по-видимому, картечью), поэтому он, очевидно, и упал. Таким образом, то место, где был найден орден, можно с высокой степенью вероятности считать местом гибели О. Коленкура (уже внутри укрепления батареи, кстати). В целом, находок очень много: различные боеприпасы, иногда – личные вещи солдат. <...> В 2010 г. перед началом строительных работ в селе Бородино, где восстанавливается Николаевский дворец, археологические исследования выявили на месте усадьбы Давыдовых массовое погребение (на месте винной ямы). Было обнаружено много косных останков, которые позволили сделать некоторые выводы: в основном, это были скелеты лошадей (57 или 58) и 9 человеческих скелетов. Вещей найдено очень мало. На почти 60 лошадей найдено только 3 подковы, что явно свидетельствует о том, что крестьяне, которые занимались захоронением, многие вещи, очевидно, оставляли себе. Обнаружены также некоторые детали амуниции, несколько пуговиц, по которым останки были рассортированы на русских и французов. Теперь мы планируем захоронить их в небольших братских могилах, вблизи тех скверов, о которых говорила ранее Елена Васильевна. Кроме того, совсем недавно (прошлой весной), вблизи того же села Бородино археологи наткнулись на немецкие могилы 1941–1942 гг. – всего около 60 человек. Их останки подняты и отправлены на родину. <...>

В.Н. Земцов: Сергей Назарович, а что касается других массовых захоронений – в Утицком лесу, например – их поиски продолжаются?

С.Н. Хомченко: ...К 1912 г. на карте Генштаба было обозначено чуть более десятка таких захоронений на территории Бородинского поля. Сейчас известны только три массовых захоронения: два в Утицком лесу и вот эта «винная яма», о которой я ранее говорил. Мы примерно знаем сейчас где эти захоронения, но исследований не проводится. Да они, мне кажется, и не нужны.

Е.В. Семенищева: Конечно, хотелось бы определить как можно большее количество этих могил. Не для того, чтобы их «вскрыть», но чтобы обозначить места. <...>

С.Н. Хомченко: ...Несмотря на то, что многие предметы, описанные в отчетах советских археологов, сейчас утеряны (в Музее их нет!), каждый год к нам поступают тысячи новых артефактов (в основном, вследствие археологических раскопок, конечно)...

В.Н. Земцов: Вы знаете, все-таки неслучайно было показано (уже в завершающей части нашего «круглого стола») изображение найденного археологами на Бородинском поле Ордена Воссоединения, принадлежавшего Огюсту Коленкуру, – символу воинской славы Франции, захватившему, якобы, «Большой редут» (хотя многие знают, что не французы Коленкура его захватили!), но для Франции – это, своего рода, национальный миф... И сам факт того, что спустя 200 лет, здесь – в Екатеринбурге, русские, сидя за «круглым столом», восхищаются тем, что этот символ французской воинской доблести был неожиданно найден, очень символичен, конечно... «Путем войн – к миру!» Это не только девиз движения военно-исторической реконструкции, через которое прошли многие историки, но это также великое дело и символ нашего времени. И нынешний юбилей – 200-летие Отечественной войны 1812 г. – также, возможно, способствует тому, что новые поколения молодых людей и девушек «загорятся» идеей сохранения памяти об этой войне. В заключение я предоставляю слово декану исторического факультета УрГПУ Ивану Михайловичу Клименко.

И.М. Клименко: Спасибо. Я хочу выразить благодарность всем принявшим участие в работе «круглого стола» и особенно, нашим московским коллегам, приехавшим издалека... Конечно, сложно подводить какие-то конкретные итоги, ибо процесс познания бесконечен, а истина поливалентна... Каждая интерпретация по-своему интересна, но я хочу поддержать мысль, высказанную Владимиром Николаевичем: «Через бой – к миру!». У меня есть еще одна аллюзия: через сопротивление Европе – к Европе! Потому что тот узкий культурный слой офицерства, который в 1812 г. вел за собой русских солдат, не слишком-то разбирающихся в тонкостях политики, всегда ассоциировался с Европой и в борьбе с этой Европой, воплощенной в армии Наполеона, доказал, что Россия – это не темная Азия, а именно европейское государство... В завершение хочу также поблагодарить кафедру всеобщей истории и лично Владимира Николаевича Земцова, который, по крайней мере для нашего факультета, является в некотором роде символом тех событий, юбилей которых мы отмечаем в этом году. Всем спасибо!

*Текст стенограммы отредактирован
к.и.н. М.В. Шистеровым и Н.Ф. Шестаковой*

II. Статьи и сообщения

I. Отечественная война 1812 года в контексте наполеоновской эпохи: проблемы истории, историографии и исторической памяти

Хр. Глушков

РАЗРЫВ АМЬЕНСКОГО МИРА (май 1803 г.) И ЕГО РОКОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Возобновленная война с Англией и спровоцированные ею роялистские заговоры ускорили эволюцию личного режима первого консула к монархии. Чтобы справиться с войной и заговорами, Франция нуждалась в диктатуре; не годились ни либеральная республика, ни конституционная монархия. Министр иностранных дел Талейран тоже предпочитал такую форму правления, как конституционная монархия по английскому образцу, но Бурбоны не были склонны ни к каким ограничениям своей власти, и эта их ослепленность заставляла таких деятелей как Талейран продвигать амбициозного генерала. С конца 1799 г. Бонапарт целенаправленно и последовательно готовил французское общество к провозглашению Империи – начиная с агрессивного подхода, при помощи которого он устранил Директорию и Э.-Ж. Сийеса, с уже бессильных законодательных институтов и обещаний мира, и кончая успехами в экономике и быстрой стабилизацией финансов, умело афишируемых пропагандой.

Ключевые слова: Амьенский мир, Империя, личный режим, война

Решение русского императора Павла I выйти из коалиции, борющейся против республиканской Франции и вернуть свою армию из Западной Европы в Россию ослабило в значительной степени мощь союзников. Разочарованный интригами и эгоистическим поведением Англии и Австрии, в начале 1800 г. Павел выгнал из Петербурга дипломатов австрийского посольства и даже наложил эмбарго на ввозимые в Россию английские товары. В последующие месяцы русский царь начал переговоры со Швецией, Данией и Пруссией о восстановлении «северной системы» вооруженного нейтралитета, обещал прусскому королю территориальные компенсации и подталкивал его завладеть Ганновером, который по условиям унии являлся территорией английского короля. Павел был готов стать союзником республиканской Франции в воз-

возможной войне с Англией и в феврале 1801 года отправил русские войска с миссией завладеть Индией¹.

Подобная перемена во внешней политике России была принята с удовлетворением первым консулом Бонапартом и накануне битвы при Маренго он советовал министру иностранных дел Ш.-М. Талейрану: «За Павлом надо ухаживать, он должен понять, что мы хотим вступить в переговоры с ним». В качестве первого дружественного жеста по отношению к русскому царю Бонапарт отказался признать захват острова Мальты англичанами осенью 1800 г. и настоял на том, чтобы они его уступили Павлу, принявшему в 1797 г. предложение рыцарей Иоаннического ордена стать их покровителем. Как выражение своего уважения к царю, первый консул Франции приказал вернуть на родину семь тысяч попавших в плен в Швейцарии русских солдат, одев их в новую форму. 21 декабря 1800 г. Наполеон Бонапарт отправил пожелание сотрудничества с Россией, написав Павлу: «Я хочу видеть в ближайшее время союз между двумя самыми могучими нациями мира»².

Оставшись без надежного союзника на континенте, Австрия потерпела друг за другом два крупных поражения – в Северной Италии при Маренго от генерала Бонапарта и в Германии при Гогенлиндене от генерала Ж.-В. Моро. Маренго оказалось одним из самых роковых сражений в военной и политической карьере Наполеона Бонапарта. Победа укрепила его авторитет первого консула, легитимировало все реформы, проведенные им для стабилизации экономики, финансов и общественной безопасности, усилило его позиции в Европе. Успех при Маренго был достигнут благодаря отваге генерала Л.-Ш.-А. Дезе, погибшего в битве, но Бонапарт, несмотря на свое уважение к генералу, воспользовался победой для того, чтобы расширить свою популярность во Франции. В июле 1800 г. в церковь Инвалидов в Париже пригласили трех консулов, сенаторов, депутатов и генералов, перед которыми пела Джузеппина Грассини в дуэте с Бьянки. Их выступление очаровало Бонапарта, который прокомментировал так: «Неужели кто-то сумеет лучше отпраздновать Маренго, чем те, кому это событие обеспечило спокойствие и счастье?»

Бонапарт воспринял известие о физическом устранении Павла с огромным сожалением, но был вынужден ждать, пока определится внешнеполитическая ориентация нового русского царя. Он отправил

---

¹ 25 августа (5 сентября) 1800 г. Павел объявил о разрыве дипломатических отношений с Англией. См.: Борисов Ю. Шарль Морис Талейран. М., 1989. С. 162; Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах 1683–1914. М., 2010. С. 166; Dictionnaire Napoléon. P., 1999. T. 2. P. 483.

² Mémoires du Prince de Talleyrand. P., 2007. P. 234; Tulard J. Les Révolutions de 1789 à 1851. P., 1985. P. 187.

своего адъютанта генерала Ж.-К.-М. Дюрока на коронацию Александра с поручением подтвердить желание военного союза, отправленное первым консулом его отцу. Тем временем переговоры о мире между Францией и Австрийской империей закончились подписанием мирного договора в Люневиле 9 февраля 1801 г. В соответствии с достигнутыми соглашениями Австрия уступала Франции Бельгию, левый берег реки Рейн и три республики – Батавскую, Гельветическую и Цизальпинскую. Это был долгожданный мир, в результате которого впервые великая держава признавала значительные французские территориальные приобретения и который стал началом целого ряда соглашений Французской республики: с Королевством Обеих Сицилий, с Португалией, с Россией и с Османской империей. В октябре 1801 г. в Париже был подписан французско-русский мирный договор. Обе стороны обязались не предоставлять «никакой помощи войсками или деньгами ни под каким мотивом ни внешнему, ни внутреннему врагу другого государства». Этим договором Франция была признана равноправным государством с законным правительством. В июне 1802 г. опять же в Париже был заключен мирный договор с Турцией. Ему предшествовало перемирие, подписанное в 1800 г. Ж.-Б. Клебером и Великим визирем и предусматривающее эвакуацию французских войск из Египта³.

Осенью 1800 г. французской дипломатии удалось заключить мирный договор с США, и молодое государство в Северной Америке вновь стало союзником Парижа против Англии. Несколько месяцев спустя первый консул подписал договор и с Испанией, которая закрыла свои порты для судов англичан и уступила остров Эльбу Франции. Испанцы обязывались оккупировать Португалию, являвшуюся опорой Англии на Пиренеях. Оказавшись в изоляции после распада второй коалиции, Англия была вынуждена подписать в Лондоне предварительный мир с Францией, Испанией и Голландией. Плохой урожай, проблема статуса ирландских католиков, инфляция и непредсказуемые действия короля в результате его психического заболевания привели к мощному общественному недовольству, и после нахождения в течение 18 лет во главе кабинета премьер-министр У. Питт-Младший был вынужден уйти в отставку⁴.

Новое английское правительство возглавил более умеренный во взглядах Г. Аддингтон, согласившийся на прекращение состояния войны с Францией. Мир был заключен 25 марта 1802 г. во французском городе Амьене и, согласно его условиям, Англия возвращала Франции и

---

³ Дюфрес Р. Наполеон Бонапарт. София, 2000. С. 63; Виноградов В.Н. Балканский плацдарм Наполеоновской эпопеи // Новая и новейшая история. 2010. № 6. С. 149.

⁴ Исдейл Ч.Дж. Наполеоновские войны. Ростов-на-Дону, 1997. С. 30; Собуль А. Первая республика 1792–1804. М., 1974. С. 334.

ее союзникам все их колонии, единственно сохранив Цейлон, принадлежащий Голландии и Тринидаду, и захваченный ранее Испанией. Была достигнута договоренность о том, чтобы эвакуировать военные силы обоих государств из Египта и оставить его под верховенством Высокой Порты. Было принято решение о выводе Англией своих судов и солдат с Мальты и о возврате острова рыцарям Ордена Св. Иоанна. Обе стороны объявили Ионические острова независимыми. Англия, однако, не признала ни естественных границ Франции, ни ее вассальных республик. Договор, подписанный в Амьене Жозефом Бонапартом и лордом Корнуоллисом с английской стороны, не смог разрешить все спорные вопросы между двумя странами, в одинаковой степени нуждавшимися в мире. В договоре не было статей о статусе Голландии и Швейцарии, а также о других спорных вопросах⁵.

После Люневиля Англия оказалась в изоляции, без союзников, с огромной задолженностью, сотрясаемая массовыми общественными волнениями. Еще во время предварительных переговоров о мире осенью 1801 г. жителей Лондона охватила настоящая эйфория, и они распрягли карету французского уполномоченного генерала Ж.-А. Ло де Лористона, триумфально потащив ее на себе. Всего несколько недель после заключения мира тысячи английских туристов хлынули через Ла-Манш в Париж, чтобы увидеть изменения в стране, 10 лет живущей без короля, и в надежде глянуть на Бонапарта. Французы тоже ликовали – вторая коалиция против Франции распалась окончательно, что впервые после 1792 г. обеспечивало мир. Новость о мире была принята с энтузиазмом всеми слоями французского общества, но самое большое удовольствие она вызвала у купцов в портовых городах. Они надеялись восстановить колониальную торговлю с Сенегалом, Мартиникой и Индией. Такая идиллия во французо-английских отношениях длилась всего 14 месяцев⁶.

По инициативе Бонапарта 18 апреля 1802 г., в Пасху, в соборе Notre Dame впервые после революции была организована торжественная литургия, на которой отметили Конкордат и мир с Англией. В празднике приняли участие все три консула, одетые в красное, с вышитыми золотыми нитями пальмами, в шляпах с трехцветными кокардами, охраняемые египетскими мамелюками. По требованию первого консула в церкви исполнили *Te Deum* Джованни Паизиелло. Праздничный звон церковных колоколов создавал приподнятое настроение. Париж был в воодушевлении – достигнут мир с Богом и с Европой. Амьенский мир

---

⁵ Lentz T. La Paix d'Amiens // *La Revue Napoléon*, janvier-fevrier-mars. 2002. Т. 9. P. 22–28.

⁶ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. София, 1978. С. 377–378; Лодей Д. Талебран. М., 2009. С. 193; Lovie J., Palluel-Guillard A. L'episode napoléonien. Aspects extérieurs. 1799–1815. P., 1972. P. 43–44.

длился недолго, но позволил Бонапарту украсить себя почестями мироворца и ускорил переход к пожизненному консульству.

Ненавидимый тысячами, любимый миллионами, Бонапарт превратился в кумира для французского общества, ищущего весной 1802 г. подходящего повода для выражения национальной признательности после его побед на фронтах и Конкордата с папой. После десяти лет войны Франция радовалась миру в Европе, стабилизировавшимся финансам, подъему экономики, питала надежды на восстановление торговли с колониями. 6 мая члены Трибуната впервые объявили о своем желании дать «блистательный знак национальной благодарности» первому консулу, предложив ему занимать этот пост пожизненно. За это усиленно агитировали его приближенные, в первую очередь, Талейран и Ж.-Ж.-Р. Камбасерес. Члены Сената разделились во мнениях, категорически против выступили министры Л. Карно и Ж. Фуше, подозревавшие Бонапарта в стремлении установить личный режим. При голосовании большинство сенаторов высказались только за продление его мандата на десять лет, что разочаровало генерала⁷.

Камбасерес нашел удачный выход, применив юридическую комбинацию. Так как суверенное право решать подобные вопросы «принадлежит народу», был проведен референдум по вопросу «Быть ли Наполеону Бонапарту консулом пожизненно?» Для многих избирателей имя Наполеона было незнакомо, но более 3,5 млн человек проголосовали «За» и только 8 тыс. – против. 2 августа 1802 г. было объявлено: «французский народ назначает и Сенат объявляет Наполеона Бонапарта пожизненным консулом». Этим актом выражение национальной благодарности не закончилось – имя первого консула было высечено на монетах, а его день рождения (15 августа) был объявлен национальным праздником. Одним из немногих, проголосовавших против введения должности пожизненного консула, был генерал Ж. Лафайет. Он открыто осудил этот акт как покушение на свободу и демократию, написав свои возражения на самом бюллетене⁸. Установление авторитарного личного режима было встречено с неодобрением в различных социальных слоях. «В армии были поражены Конкордатом», – вспоминал генерал П. Тьебо, а после праздника 18 апреля П.-Ф.-Ж. Ожеро воскликнул: «Великолепная церемония, но не хватает только миллиона человек, погибших ради того, чтобы разрушить то, что мы восстанавливаем»⁹. Ге-

---

⁷ Собыль А. Указ. соч. С. 348–349.

⁸ Черкасов П.П. Лафайет. М., 1991. С. 274.

⁹ Кастело А. Бонапарт. М., 2010. С. 405; Histoire de l'officier français des origines à nos jours. P., 1987. P. 101.

нерал Моро демонстративно отказывается от ордена Почетного легиона¹⁰.

В 1802 г. первый консул сбросил с себя маску скромности, не присущую ему. Он расчетливо и последовательно подбирался к высшей власти в стране, ревниво удалял генералов-соперников, ему улыбнулось счастье при Тулоне, в Италии и в Египте, он успешно манипулировал обществом, чтобы обеспечить себе легитимность. Провозглашением его Сенатом 2 августа 1802 г. пожизненным консулом была закончена эта удивительная эволюция – от якобинца и поклонника Ж.-Ж. Руссо к авторитарному властителю, создавшему покорные государственные институты монархического характера и видимость демократии через периодические референдумы и консультации о воле нации. После переворота 18 брюмера Бонапарт захватил всю власть, но остался наследником революции и только осторожно называл себя ее преемником. Он пока еще оставался «гражданином Консулом», который хочет приносить пользу. Но на торжественной литургии 18 апреля, когда священники спросили у него окуривать ли ладаном и перед остальными двумя консулами, присутствующими на церемонии, Бонапарт категорически сказал: «Нет!»

19 мая 1802 г. декретом, представленным в Трибунате и одобренным минимальным большинством в Законодательном корпусе, было объявлено о создании Почетного легиона. Он возглавлялся Первым консулом и был организован как армия: состоял из 15 когорт по 250 легионеров в каждой. Он был задуман как объединение новой элиты. Участников Почетного легиона выбирал сам Бонапарт среди видных гражданских и военных деятелей. Участие в легионе являлось наградой для выбранных, «которые своими знаниями, талантами и добродетелями внесли вклад в утверждение и защиту принципов Республики». Каждой когорте была выделена часть национального имущества, приносящая доход, и из него каждый легионер получал дотацию в зависимости от своего звания. Участники Почетного легиона представляли собой элитную милицию созданного Бонапартом личного режима. Чтобы не давать оппозиции оснований для протестов, они давали присягу верности Республике, сохранения целостности территории, уважения законов и собственности, борьбы против привилегий и феодального режима, за свободу и равенство граждан. Создание Почетного легиона объективно является первым посягательством на эгалитарные принципы, выдвинутые Французской революцией¹¹.

---

¹⁰ L'histoire de France. La Révolution et l'Empire, 1789–1815. P., 1987. P. 17. История военных заговоров против Наполеона изучена еще недостаточно. См.: Туган-Барановский Д.И. Наполеон и республиканцы. Волгоград, 2005. С. 83.

¹¹ Собыль А. Указ. соч. С. 342.

Бонапарт планировал восстановить колониальную торговлю и пытался вернуть себе вновь Антильские острова, один из которых – Мартиника – был родиной Жозефины. В феврале 1802 г. герой переворота 18–19 брюмера генерал Ш. Леклерк был послан с экспедицией на Сан-Доминго, чтобы погасить восстание местного негритянского населения, вызванного восстановлением рабства (май 1802 г.). Сан-Доминго был испанской колонией, переданной Франции в 1795 г. по условиям Базельского мира. На острове доминировал чернокожий консул Туссен Лувертюр. Леклерк с тревогой наблюдал как бушующая желтая лихорадка подкашивает французских солдат и экспедиция терпит полное фиаско. В ноябре Леклерк бросил армию и вернулся во Францию, где все же умер от лихорадки. Ему так и не удалось утвердить прочно французскую власть на острове. Безуспешными остались также усилия его преемника генерала Ж.-Б. Рошамбо, который со своей небольшой армией оказался в изоляции. Бонапарт был вынужден признать, что попытки «умиротворить» остров являются его большой ошибкой. Колония, производящая преимущественно сахар, была потеряна для французов¹².

В 1801 г. Франция вернула себе еще одну территорию – колонию Луизиану, расположенную на обоих берегах реки Миссисипи от Великих озер на севере до Мексиканского залива и устья реки на юге. В 1682 г. миссионер де Ла Саль объявил земли на обоих берегах реки французской собственностью и назвал их Луизианой в честь короля-солнца Людовика (Луи) XIV. Ему удалось обеспечить признание прав на эту огромную территорию, включающую сейчас 12 американских штатов. В начале XVIII в. колония вела успешную торговлю, был основан город Новый Орлеан, объявленный столицей. Необходимость в рабочей силе стала основной причиной заселения территории африканскими неграми, численность которых доходила до двух пятых населения. По секретному договору 1762 г. французский король Людовик XV уступил западную часть Луизианы (правый берег Миссисипи) Испании, своему союзнику в неудачной войне 1756 г., а в следующем году восточную часть (левый берег реки) – Англии. До разделения в Луизиане проживало около 50 тыс. человек – французов, испанцев, индейцев и чернокожих, и все они разговаривали преимущественно на французском языке.

После победы французов при Маренго в 1800 г. Мадрид уступил Луизиану Франции, но претензии на свободное судоходство по Мисси-

---

¹² Севостьянов Г.Н., Уткин А.И. Томас Джефферсон. София, 1981. С. 280. В 1762 г. в Сан Доминго родился будущий французский генерал Александр Дюма, отец известного писателя-романиста. Его отцом был маркиз, а мать была чернокожей, которая умерла после рождения сына. Французские плантаторы обычно брали с собой сыновей смешанной крови, а дочерей оставляли на островах.

сипи и пользование портом Нового Орлеана предъявили также американцы. «Есть такая точка на земном шаре, – заявил в 1802 г. президент Т. Джефферсон, – владение которой чужим государством является для нас опасностью»¹³. США готовились к объявлению войны, и Бонапарт отправил генерала Виктора с военной экспедицией, которая, однако, не смогла добраться до Северной Америки. Отношения между двумя странами ухудшились. Джефферсон предпочел войне переговоры и направил в Париж бывшего губернатора штата Вирджиния и будущего президента Дж. Монро, чтобы тот договорился о покупке Нового Орлеана. Получив информацию о неудаче Виктора в организации экспедиции, Бонапарт принял крайнее решение – продать территорию колонии американцам: «Я точно знаю сколько стоит Луизиана. Завоевать ее будет для англичан не трудно, а у меня нет времени спасать ее от их домогательств. Я думаю уступить ее США». Монро прибыл во французскую столицу 12 апреля 1803 г. и предложил 10 млн франков за один только Новый Орлеан. Он был шокирован, когда ему предложили цену в 80 млн за всю французскую территорию. Переговоры велись до конца апреля, когда стороны договорились об условиях, и французы, в буквальном смысле, подарили Луизиану США. В своем письме сенаторам, которым надо было одобрить эту продажу, Бонапарт внушал: «Соединенные Штаты обязаны Франции своей независимостью, они будут вам обязаны в будущем своим укреплением и величием»¹⁴.

С наступлением годовщины заключения мира в Амьене оказалось, что Англия не выполнила ни одного принятого на себя обязательства. Правительство в Лондоне не только не вывело своих солдат и моряков с Мальты, но и сохранило свое враждебное отношение к Франции: оно приняло на свою территорию графа д'Артуа, представителя свергнутой династии Бурбонов, финансировало заговоры роялистов и шуанов против республики. На встрече первого консула с английским послом в феврале 1803 г. выяснилось, что у Лондона тоже есть серьезные претензии к Франции и там не принимают как долгосрочное ее чрезмерное территориальное расширение в Западной Европе. Англия отправила послом в Париже лорда Ч. Уитворта, того самого дипломата, который до этого служил в России и которого откровенно называли соучастником убийства Павла I. Разговор между Бонапартом и новым послом в марте 1803 г. закончился скандалом, вызванным гневными репликами первого консула, который буквально кричал на поверенного Лондона: «Англия хочет войны. Но если они первыми вытасят из ножен шпагу, то я буду последним, кто вложит ее обратно. Они не соблю-

---

¹³ Там же. С. 282.

¹⁴ Будон Ж.-О. Путь Наполеона // Французский ежегодник. 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А.З. Манфреда. М., 2008. С. 78.

дают заключенных договоров и будут в ответе перед Европой». Через несколько недель Уитворт покинул Париж, и состояние войны между Францией и Англией было возобновлено¹⁵.

Амбициозная колониальная политика первого консула вызвала у англичан очень серьезные опасения. Бонапарт продолжал расширять французское влияние в Северной Африке, заключил соглашения с пашой Ливии, с беим Туниса и с Алжиром, отправил своего посла в Сирию, Египет и Османскую империю. Кроме того, Бонапарт аннексировал остров Эльбу, Пьемонт и Парму. Разумеется, Англия не могла смириться с такой активностью, поэтому она выдвинула условие – сохранить за собой контроль над Мальтой еще на 10 лет в качестве компенсации за территориальные приобретения французов. В Лондоне отдавали себе отчет о том, что обе страны вовлечены в ожесточенную экономическую войну (за условия торговли, рынки и пошлины), в которой формальный Амьенский мир не мог выявить победителя. Разрыв был инициирован Англией, и в мае 1803 г. королевское правительство предъявило Парижу ультиматум с требованием вывести французские войска с территорий Голландии и Швейцарии, после чего английские суда покинули Мальту.

Напряжение между двумя странами быстро нарастало. 15 мая Бонапарт направил французские войска к границе с Ганновером. 16 мая 1803 г. Англия захватила около 1200 французских и голландских кораблей, их команды и грузы, что дало Бонапарту основание объявить о разрыве мира. 23 мая 1803 г., всего лишь после года мира, Англия объявила войну Франции. Эти события почти не отличались от периода Семилетней войны (1756–1763 гг.), вызванной конфронтацией между двумя странами по колониальным и морским проблемам, в результате которой Франция потеряла Канаду, Антильские острова, Французскую Индию, а в итоге - свою колониальную империю; Англия же опустошила свою казну, обложила налогами жителей 13 колоний в Северной Америке и тем самым ускорила их объединение в независимое государство 4 июля 1776 г., когда было провозглашено создание США. Создается впечатление, что миниатюрный остров Мальта (356 кв. км) стал причиной нарушения Амьенского мира. Бонапарт оценивал правильно стратегическое значение острова в Средиземном море и не раз повторял: «Этому маленькому острову цены нет», но даже в том случае, если бы они договорились насчет Мальты, то нашелся бы другой повод для возобновления военных действий.

---

¹⁵ Кастело А. Указ. соч. С. 439; Лодей Д. Указ. соч. С. 206–207. Ч. Уитворт жаловался русскому послу в Париже, что первый консул разговаривал с ним на языке драгунского капитана, см.: Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел... С. 172.

В конце XVIII в. рыцарский орден Св. Иоанна Иерусалимского, обосновавшийся на острове Мальта в 1530 г., не был уже тем сильным военным институтом, который бесстрашно воевал в Средиземном море с кораблями турок и варваров. Власть рыцарей была значительно ослаблена недовольством местного населения. В 1789 г. 2/3 рыцарей на Мальте были французами, которых Законодательное собрание лишило их имущества во Франции и передала его нации. Сильно ограниченные в доходах, рыцари на Мальте вряд ли смогли бы сохранить свою независимость, тем более что Париж лишил своих подданных также защиты декретом Учредительного собрания от июля 1791 г. Англия первой задумала завладеть стратегически важным островом и в 1794 г. предложила рыцарям «протекцию». Русский царь Павел I также искал компенсации и открыл здесь монастырь. Австрия, у которой были определенные позиции в Адриатике, тоже не скрывала своих амбиций.

В июне 1797 г. по пути в Египет французские корабли осадили остров Мальту, захватили его и через неделю продолжили свою экспедицию, оставив на острове три тыс. солдат. Мальта и расположенные поблизости острова поменьше были объявлены французской территорией, местное население разоружили, а казну конфисковали. В короткие сроки островитянам были навязаны институты, школы, налоговая система по образцу французских. Крупнейшей проблемой оставалось снабжение острова продовольствием, так как господствующим в Средиземном море оставался английский флот. Узнав о поражении французов при Абукире, местное население на Мальте восстало и попросило помощи у англичан и у короля Неаполя. Осада длилась два года, и 5 сентября 1800 г. французы были вынуждены капитулировать из-за отсутствия продуктов питания. По условиям Амьенского мира Англия обязывалась вернуть остров рыцарям, но Лондон превратил его в базу английского флота и центром торговли с Востоком. Английское правительство нуждалось только в поводе для того, чтобы откладывать выполнение обещанного.

Даже сегодня очень сложно определить, на которой из двух сторон лежит ответственность за разрыв Амьенского мира в 1803 г. До сих пор историкам различных национальных школ не удается освободиться от своих пристрастий, и даже по прошествии более чем 200 лет они продолжают предъявлять своим противникам одни и те же обвинения. Профессор Ч. Исдейл, преподаватель университета в Ливерпуле, отмечает, что все крупные государства Европы в 1803 г. были настроены миролюбиво и не усматривали причин воевать с Бонапартом, так как он не затрагивал их интересы. Он признает тот факт, что Англия тогда находилась в изоляции, лишившись симпатий остальных правителей из-за ее нежелания соблюдать условия Амьенского мира и стремления любой

ценой выторговать присутствие своих войск на Мальте. По мнению автора, Англия была очень заинтересована в безопасности в Европе, а война на континенте оказалась единственным эффективным средством ее обеспечения.

Этот вывод профессора Исдейла, написавшего серьезное исследование о войнах Наполеона, является косвенным признанием вины Англии: «Уже доказано, что при вступлении в 1803 г. в войну Британией не руководили ни идеологические, ни экономические мотивы. Политические изменения во Франции ее не интересовали, от дела роялистской контрреволюции быстро отказались, и вопрос реставрации остался открытым – хотя война за рынки сбыта и колонии, которую она теперь возобновила, была, само собой, хорошим ударом по Франции, но и только. Британию интересовали вопросы безопасности в Европе и во всем мире... Поскольку ни одна из сторон не желала пойти на уступки, 18 мая 1803 г. Франция первой объявила войну, открыв таким образом эпоху наполеоновских войн»¹⁶.

Это утверждение можно принять с некоторыми оговорками. Англо-французское соперничество конца XVIII в. основывалось на экономических факторах, а с начала революции 1789 г. – и на идеологических противоречиях. Защита английских интересов, понимаемых в их глубине и всеохватности, была основной целью британской дипломатии. Еще бдительнее и бескомпромисснее были министры в Лондоне, когда дело касалось отношений с Францией. Премьер-министр Питт-Младший (1759–1806) отнесся с безразличием к взятию Бастилии и получил видимое удовлетворение от политической эскалации и гражданских беспорядков у французов. Но когда французские армии захватили порт Антверпена, Питт с тревогой заявил, что английские интересы находятся под серьезной угрозой и усердно финансировал золотом первые три коалиции против Парижа.

Другой английский автор, Д. Лодей, опубликовавший недавно биографию Талейрана, пишет о тех событиях: «Англия стала оттягивать уход с Мальты, предусмотренный Амьенским договором. Нежелание Лондона выполнять взятое на себя обязательство раздражало консула. Мальта обеспечивала британскому флоту господство в Средиземном море. Англичан же возмущал захват Наполеоном Пьемонта, области на южном фланге Альп, между Францией и Италией. Бонапарт просто отобрал ее у Италии, где он уже был хозяином, и присоединил к Франции. Пьемонт для англичан не представлял особого интереса, но им не нравилась территориальная экспансия Наполеона, своеволие, подрывающее, по их мнению, дух Амьенского договора. Лондон опасался даль-

---

¹⁶ Исдейл Ч.Дж. Указ. соч. С. 39.

нейшего разрастания сфер влияния Бонапарта, ограничивающих основу экономического благополучия нации – торговлю»¹⁷.

Французские авторы сходятся во мнении, что экономические интересы обеих стран являются самой существенной причиной нарушения Амьенского мира. Вот мнение академика П. Микеля: «В Лондоне мир был уже непопулярен: повышенные таможенные ставки, навязанные Францией, препятствовали сбыту английских мануфактурных изделий на континенте. Французские торговые амбиции в Европе представляли собой угрозу в будущем. Хорошая война стоила больше, чем плохой мир. На ультиматум Наполеона в отношении Мальты англичане ответили разрывом. 17 мая французские корабли были заблокированы в портах, находившихся в зависимости от Англии. Прежде чем объявить войну, “зловредный” Альбион присвоил себе товары более тысячи судов». Ответом Наполеона стала немедленная оккупация Ганновера, личного владения английских королей»¹⁸.

Академик Ж. Тюлар всю свою научную карьеру посвятил эпохе Наполеона. Об этих событиях он пишет: «Амьенский мир представлял собой только перемирие. Его подписание сделало Наполеона пожизненным консулом, его разрыв сделал его императором... Англия спровоцировала разрыв через проблему Мальты, отказываясь, вопреки договоренностям в Амьене, покинуть этот оплот в Средиземном море и требуя в качестве компенсации вывод французских войск из Голландии и Швейцарии. Бонапарт предложил нейтральный вариант – временную оккупацию Мальты русскими. Лондон предпочел разрыв отношений 16 мая 1803 года»¹⁹. Другой французский автор – Альбер Собуль – констатировал, что с подписанием Амьенского мира «монополия на торговлю колониальными товарами рисковала ускользнуть из рук Англии. Англичане хотели, чтобы мир был основан на выгодных для них торговых отношениях»²⁰. Профессор А.З. Манфред считал, что Амьенский мир был выгоднее для Франции, в то время как в Англии его подвергли острой критике: «Бонапарт всегда настаивал на том, что ответственность за возобновление войны лежит на Англии и что уже на следующий день после заключения Амьенского мира английское правительство было озабочено тем, как бы перейти от мира к войне»²¹.

Канадский историк Б. Вейдер подробно отследил усилия первого консула сохранить мир в Европе весной 1803 г. Бонапарт писал русскому царю, королю Пруссии, папе и Георгу III. В своем письме россий-

---

¹⁷ Лодей Д. Указ. соч. С. 207.

¹⁸ Miquel P. Histoire de France. P., 1976. P. 298.

¹⁹ Tulard J. Op. cit. P. 195.

²⁰ Собуль А. Указ. соч. С. 352.

²¹ Манфред А.З. Указ. соч. С. 394.

скому императору Александру I он отмечал: «Англия сбросила маску и сообщила мне, что желает сохранить Мальту еще на семь лет... Я прошу вмешательства Вашего Величества, мне это представляется необходимым для поддержания мира на морях, к чему Вы, по-видимому, всегда проявляли интерес». Вейдер приводит также отрывок из послания Наполеона английскому королю, написанного в январе 1805 г., когда эти две страны уже формально находились в состоянии войны: «Государь и брат мой, призванный Провидением и изъявлением воли Сената, народа и армии на трон Франции, я превыше всего мечтаю о мире. Франция и Англия растрачивают свое благосостояние. Они могут воевать веками. Но исполняют ли их правительства свой самый священный долг?.. Я не вижу для себя унижения в том, чтобы сделать первый шаг... Я заклинаю Ваше Величество не отвергать счастливую возможность самому подарить миру мир... За последние десять лет Ваше Величество приобрели богатства и территории, обширностью превосходящие всю Европу. Ваша нация достигла вершины процветания. Что может она рассчитывать получить от войны?» И Вейдер, хотя он был хорошо знаком с дипломатическим и артистическим талантом Наполеона, делает заключение: «Похоже ли это на письмо поджигателя войны?»²²

Бесспорен тот факт, что весной 1803 г. Бонапарт не хотел войны с Англией. Это признавал даже английский посол во Франции Уитворт до скандала с первым консулом 13 марта, когда он официально потребовал свой паспорт, чтобы уехать: «Я замечаю у Бонапарта сильное желание продолжить переговоры и, по возможности, избежать разрыва». Все войны Наполеона Бонапарта – от Тулона до Ватерло – на протяжении более 20 лет велись или напрямую с Англией, или с ее союзниками, искусно науськиваемыми и щедро финансируемыми Лондоном. Еще будучи первым консулом, он понимал, что власть над морями – это на самом деле власть над миром. Вот почему после Маренго он заявил: «Я уничтожу Англию, и Франция будет властительницей мира». Поскольку у него не было достаточно мощного флота, чтобы воевать с Англией в открытом море, Бонапарт решил организовать вторжение на остров.

***

Возобновленная война с Англией и спровоцированные ею роялистские заговоры ускорили эволюцию личного режима первого консула к монархии. Чтобы справиться с войной и заговорами, Франция нуждалась в диктатуре; не годились ни либеральная республика, ни конституционная монархия. Министр иностранных дел Галейран тоже предпочитал такую

---

²² Вейдер Б. Наполеон. Триумф, трагедия, убийство. М., 2005. С.77–79.

форму правления, как конституционная монархия по английскому образцу, но Бурбоны не были склонны ни к каким ограничениям своей власти, и эта их ослепленность заставляла таких деятелей как Талейран продвигать амбициозного генерала. С конца 1799 г. Бонапарт целенаправленно и последовательно готовил французское общество к провозглашению Империи – начиная с агрессивного подхода, при помощи которого он устранил Директорию и Э.-Ж. Сийеса, с уже бессильных законодательных институтов и обещаний мира, и кончая успехами в экономике и быстрой стабилизацией финансов, умело афишируемых пропагандой.

Вместе с успехами возрастало и честолюбие Бонапарта. С 1802 г. его день рождения, 15 августа, стал национальным праздником, а его лик стали чеканить на монетах. Он все чаще стал говорить о достижениях таких властителей прошлого как Карл Великий и Генрих IV, подражая им, протезировал вернувшихся эмигрантов и даже назначал некоторых из них на престижные посты. Виктор Гюго удачно подметил: «Наполеон уже выглядит из-за Бонапарта», а Р. Дюфрес, биограф Наполеона, проиллюстрировал эту тенденцию следующим образом: «Старый режим сделал из французов подданных, Революция – граждан, Консульство превратило их в подчиненных»²³. Как консул генерал Бонапарт уже говорит не «французский народ», а «мой народ», он отменяет обращение к нему «гражданин Консул» и настаивает на том, чтобы его называли «Государь» в том числе его братья и сестры.

Пер. с болгарского С. Польшиковой

Хр. Glushkov

Glushkov Hristo Stefanov – professor of chair of general history of modern and latest times of Velikotyrnovsky university of St. Ki-rilla and Mefodiy (. Great Tyrnovo, Bulgaria), doctor of historical sciences, professor.

GAP AMYENSKOGO MIRA (May, 1803) AND ITS FATAL CONSEQUENCES

The resumed war with England and the royalist plots provoked by it accelerated evolution of a personal mode of the first consul to a monarchy. To cope with war and plots, France needed dictatorship; were no good neither the liberal republic, nor constitutional monarchy. The Minister of Foreign Affairs Taleyran too preferred such form of government as constitutional monarchy on an English sample, but Burbons weren't inclined to any restrictions of the

---

²³ Дюфрес Р. Указ. соч. С. 50.

power, and this their osleplennost forced such figures as Taleyran to advance the ambitious general. Since the end of 1799 Bonaparte purposefully and consistently prepared the French society for Empire declaration – since aggressive approach by means of which it eliminated the Directory and E.-Zh. Siyes, from already powerless legislative institutes and world promises, and finishing achievements in economy and fast stabilization of the finance which is skillfully advertized by promotion.

Key words: Amyensky world, Empire, personal mode, war

В.Н. Земцов

ПАНОРАМА Ф.А. РУБО «БОРОДИНСКАЯ БИТВА»: ИСТОРИЯ ОДНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МИФА

В основании исторической памяти россиян об Отечественной войне 1812 года лежат три «кита»: «Москва, спаленная пожаром», роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир» и образ Бородина, воплотившийся в знаменитой панораме Ф.А. Рубо «Бородинская битва». Наше обращение к первому опыту воплощения этого великого сражения на монументальном живописном полотне, к панораме Ж.-Ш. Ланглуа «Сражение при Москве-реке», заставило нас предположить, что творение Рубо стало в значительной степени своеобразным «русским ответом» на французский образ битвы под Бородином. Попытаемся подвести итоги:

1. Панорама «Бородинская битва» является художественным произведением, которое производит на зрителя сильнейшее эмоциональное воздействие, но которое не в состоянии претендовать на достоверное, исходя из современного уровня знаний, воспроизведение исторического события.

2. Панорама «Бородинская битва» создавалась в условиях русско-французского сближения начала XX в., что нашло отражение в окончательном варианте произведения.

3. Творческий коллектив Рубо, работавший в Мюнхене и состоявший, главным образом, из немецких художников, счел необходимым заметно «интернационализировать» Великую армию Наполеона, избрав на полотне наряду с французскими частями, саксонских, вестфальских и польских солдат. Центральным эпизодом панорамы стал бой русских и *саксонских* кирасир.

4. Рубо, его консултанты Афанасьев и Колюбакин, а также ряд немецких художников создали своего рода «национальный русский

миф» Бородинского сражения, слабо соотносящийся с «частностями» исторического события, но зато искусственно соединивший в себе хорошо узнаваемые, «знаковые» персонажи и эпизоды сражения.

5. Неоднократные «реставрации» панорамы, а то и создание почти всего живописного полотна заново, способствовали усилению ее историко-мифологического содержания, тем самым, усиливая эмоциональное воздействие на зрителя, но одновременно еще более уводя его от научно-обоснованной картины прошлого.

Ключевые слова: война 1812 г., живопись, историческая память, мифология, Бородино, патриотизм

В основании исторической памяти россиян об Отечественной войне 1812 года лежат три «кита»: «Москва, спаленная пожаром», роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир» и образ Бородина, воплотившийся в знаменитой панораме Ф.А. Рубо «Бородинская битва»²⁴. Наше обращение к первому опыту воплощения этого великого сражения на монументальном живописном полотне, к панораме Ж.-Ш. Ланглуа «Сражение при Москве-реке»²⁵, заставило нас предположить, что творение Рубо стало в значительной степени своеобразным «русским ответом» на французский образ битвы под Бородином. Этот образ был воплощен в начале 1830-х гг. участником наполеоновских войн, уже известным к тому времени баталистом Ж.-Ш. Ланглуа (1789–1870). Вдохновленный эпопеей русского похода Наполеона, он написал на эту тему две панорамы – «Сражение при Москве-реке» и «Пожар Москвы». Хотя Ланглуа не участвовал в походе на Россию (он в это время воевал в Испании), но, обратившись к бюллетеням Великой армии, ряду работ и воспоминаний (Ф.-П. Сегюра, Ж.-Ж.-Ж.Пеле, А.-Ж.-Ф. Фэна и др.), к документам архива военного депо, посетив места событий 1812 года, он создал впечатляющие произведения. Панораму «Сражение при Москве-реке», открытую в специально построенном в виде ротонды здании на ул. Марэ дю Тампль в Париже в июле 1835 г., за 3,5 года посетило более

---

²⁴ О жизни и творчестве Ф.А.Рубо см.: Халаминский Ю.С. Ф.А. Рубо. М., 1952; Федорова О.В. Франц Алексеевич Рубо. 1856–1829. М., 1982; Зубов Е.А. Франц Алексеевич Рубо – художник и педагог. Дисс... канд. искусствоведения. СПб., 2007; и др. Благодарим Г.И. Герасимову за великодушное согласие прочесть предварительно наш текст и высказать ценные замечания.

²⁵ О жизни и творчестве Ш.-Ж. Ланглуа см.: Bourseul E.Ch. Biographie du colonel Langlois. P., 1874; Pinet G. Le colonel Langlois, peintre de panoramas militaires // Carnet de la sabretache. 1910. P. 609–626; Robichon F. Langlois, soldat, peintre et panoramiste // Uniformes. 1983. № 71; Idem. Le colonel Langlois 1789–1870: un peintre de l'épopée napoléonienne: collections de Musée Langlois. Caen; Paris, 2000; Jean-Charles Langlois 1789–1870. Le spectacle de l'histoire. Musée des Beaux-Arts, Caen. Exhibition catalogue / F. Robichon. Paris; Caen, 2005; Робишон Ф. Жан-Шарль Ланглуа и русская кампания // Пинакотекa. 2002. № 13–14. С. 128.

53 тыс. человек. Среди посетивших был и ветеран русского похода великий хирург и гуманист Д.-Ж. Ларрей. Отзывы о панораме были восторженными. На огромном полотне (110x12 м) художник воссоздал эпизод сражения, который можно отнести примерно к полудню 7 сентября 1812 г., когда французская армия, захватив д. Семеновское, успешно отражает русские контратаки и готовится к штурму Большого редута (батареи Раевского). Хотя полотно Ланглуа «Сражение при Москве-реке» ко времени работы Рубо над панорамой «Бородинская битва» и не сохранилось, но остались его многочисленные изображения, а главное – эскиз, экспонирующийся ныне в парижском Музее Армии.

В начале XX в., когда Россия стала готовиться отметить 100-летие Отечественной войны 1812 г., Ф.А. Рубо, к тому времени известный баталист и создатель уже двух панорам – «Покорение Кавказа. Штурм аула Ахульго» и «Штурм 6 июня 1855 года» («Оборона Севастополя») – принял предложение написать панораму «Бородинская битва». Предполагая создать полотно, воспевающее силу и торжество российского оружия, Рубо первоначально избрал (с подачи военного консультанта В.А. Афанасьева) в качестве центрального эпизода бой за батарею Раевского, когда русские войска в одном энергичном порыве выбили оттуда солдат 14-й пехотной дивизии Морана. Однако эта идея, дошедшая до нас в ряде эскизов, не нашла поддержки в официальных кругах. Тому были две главные причины: во-первых, Рубо попытался соединить разные по времени эпизоды сражения, что, как указывалось, было анти-исторично, во-вторых, интерпретация художником сражения 100-летней давности не соотносилась с фактом русско-французского союза начала XX века.

В конечном итоге, после нового посещения Бородинского поля и консультаций с военными историками Б.М. Коллюбакиным и В.А. Афанасьевым был избран новый сюжет – бой за д. Семеновское. Точка, откуда зритель должен был обозревать поле, была избрана почти та же, что и на панораме Ланглуа (на этом месте будет возведена потом специальная площадка), а время боя за деревню, в отличие от французского полотна, было перенесено несколько назад, когда неприятель только пошел в атаку на д. Семеновское. Это давало возможность, как казалось создателям панорамы, художественными средствами, не умаляя доблести французов, убедить зрителя в конечной непобедимости русского войска и его по-толстовски «нравственной победе» при Бородино.

Трудно объяснить простой случайностью очевидные параллели и своего рода реминисценции, которые бросаются в глаза при сопоставлении Ланглуа и Рубо – от почти совпадающих места и времени изображенных эпизодов сражения до некоторых фигур на полотнах (в особенности, Наполеона, который, отъехав от командного пункта у Шевар-

динского редута, приблизился к Семеновскому оврагу; только при взгляде на полотно Ланглуа зритель воспринимает это как знак близящейся победы французов, а у Рубо – как свидетельство безуспешности усилий сломить русских). При этом следует отметить, что факт поездки Наполеона к Семеновскому оврагу, хотя и основывается на упоминаниях Пеле и Фэна, вызывает, тем не менее, большие сомнения в своей достоверности, не говоря уже о «временном» несовпадении этого бытия на полотнах Ланглуа и Рубо.

В любом случае, очевидно, что даже при самом «научном» подходе к реконструкции исторического события на живописном полотне, тем более такого динамичного и эмоционально насыщенного, как сражение, невозможно добиться фотографического воспроизведения прошлого. Панораму «Бородинская битва» Рубо (как и «Сражение при Москве-реке» Ланглуа) следует воспринимать как художественное произведение, не просто воскрешающее прошлое, но призванное отразить общественные, нравственные, государственно-патриотические и прочие идеи автора и его заказчиков. Более того, на том полотне, которое продолжает восприниматься нами как произведение Рубо (по крайней мере, того коллектива художников, в основном, «мюнхенцев», который он возглавлял), нашли отражение пристрастия и многих иных людей более поздних эпох. В этой связи напомним, что работы над восстановлением панорамы к 1962 г. длились более 10 лет, а осенью 1967 г. после пожара, уничтожившего до 70% живописного полотна, панорама была создана фактически заново.

И еще одно предварительное замечание. Длительное время «хронометраж» основных этапов Бородинского сражения в отечественной и зарубежной историографии явно не совпадал. Отечественные авторы прилежно «растягивали» время, стараясь тем самым втиснуть в ход сражения восемь атак Багратионовых «флешей», три атаки батареи Раевского, что должно было отразить ожесточенность боя и невиданное упорство русских солдат. Поэтому, согласно Рубо и его консультантам, начало штурма д. Семеновское, увековеченное на русской панораме, следует отнести к половине первого часа. Подобная практика «растянутости» событий Бородинского сражения не разделяется большинством современных отечественных специалистов (Л.Л. Ивченко, А.А. Васильев, А.И. Попов и др.), которые убедительно показали, что изображенное на панораме центральное событие имело место, скорее всего, в начале 11-го часа утра.

Сделав эти замечания, обратимся к самому полотну и попытаемся понять, что именно и кого именно попытались изобразить Рубо, его помощники и последующие «реставраторы».

Обзор панорамы принято начинать с фигуры генерала-от-инфантерии Д.С. Дохтурова, принявшего командование войсками в районе д. Семеновское после ранения П.И. Багратиона (см.: Рисунок 1). Однако уже здесь мы сталкиваемся с «художественным переосмыслением» исторически достоверных фактов: Дохтуров прибыл на левый фланг и принял командование над ним уже после того, как в д. Семеновское утвердились французы.

На полотне перед генералом загадочным образом оказался барабан, который, по замыслу авторов полотна, должен как бы обозначить импровизированный командный пункт. Рядом с Дохтуровым – два офицера. Один – протягивающий ему подозрительную трубу – в гусарской форме (по-видимому, Ахтырского гусарского полка, хотя цвета доломана и ментика плохо различимы), второй (судя по полуэполету на правом плече и аксельбанту) – генеральский или старший адъютант, или же, наконец, офицер свиты е.и.в. по квартирмейстерской части. Его левый эполет без бахромы и шляпа с черным султаном говорят, что это обер-офицер, состоящий «по армии», т.е. по пехоте. Левее этой группы – еще один адъютант (судя по шляпе, состоящий «по кавалерии») садится на лошадь, отправляясь выполнять какое-то поручение. Еще левее – драгун или конный артиллерист (его мундир, возможно, унтер-офицерский, выписан очень «невнятно») торопится сообщить Дохтурову нечто важное, хотя не исключено, что он просто привел лошадей генерала и его офицеров.

Рисунок 1

Командный пункт Дохтурова изображен рядом с загоревшейся избой, за которой видны еще две полуразрушенные и полусгоревшие избы или хозяйственные постройки. Вообще же количество неразобранных изб д. Семеновское, изображенных на панораме, удивляет, так как накануне боя все они (за исключением двух или трех) были раскатаны солдатами и ополченцами для строительства укреплений и во избежание пожаров в тылу русских позиций.

Через деревню, рядом с Дохтуровым, проходят солдаты Московского и Астраханского гренадерских полков, входивших во 2-ю гренадерскую дивизию генерал-майора К. Мекленбургского. Это легко определить по расцветке знамен. Так, рядом с Дохтуровым проносят т.н. «цветное» знамя (с черным крестом и красно-малиновыми углами) Московского гренадерского полка. Справа – по ходу движения гренадерских полков, на фоне разрушенных изб – «белое», т.е. полковое, знамя Астраханского гренадерского полка (белый крест с абрикосовыми углами). Судя по желтым репейкам (знакам различия, крепившимся у верхнего края тульи кивера), слева от Дохтурова идут стрелки 1-й гренадерской роты. А вот репейки солдат, оказавшихся справа от генерала (то ли зеленые с белым центром, то ли светло-синие с белым центром), могут вызвать недоумение: такой расцветки в гренадерских полках не было.

Два офицера одного из гренадерских полков, проходящие рядом с Дохтуровым, отдают ему честь поворотом головы и, обер-офицер – приложив правую руку к козырьку, штаб-офицер, как можно понять, – шпагой. Обращает на себя внимание, что изображенные штаб-офицеры гренадерских полков – в пешем строю, хотя должны были быть на лошадях. Ряды мундирных пуговиц должны быть изображены ближе друг к другу. В целом же, русская пехотная форма, предложенная авторами панорамы, не может не вызвать вопросов и в другом отношении. Главный из них заключается в том, почему кивера всех пехотинцев напоминают (именно напоминают, т.к. выписаны очень «невнятно») образец 1812 года, тогда как переход на головной убор этого типа тогда только начался? Впрочем, русская униформология на рубеже XIX–XX вв. продолжала ориентироваться почти исключительно на регламенты, и консультанты – полковник Афанасьев и генерал Колюбакин – могли просто не вдаваться в мундирные «тонкости».

Сразу за горячей деревней авторы панорамы изобразили остатки войск 3-й пехотной, 27-й пехотной и 2-й сводно-гренадерской дивизий. Однако расцветку развевающихся над пехотинцами знамен совершенно невозможно соотнести с теми, которые были в полках 3-й и 27-й дивизий. Как можно понять, всадник на белом коне, находящийся перед

строем пехоты, – это генерал П.П. Коновницын, временно принявший командование на этом участке фронта после ранения Багратиона.

Еще дальше, на третьем плане, видна масса кавалерии. В комментариях к панораме почему-то нередко указывается, что это спешенные драгуны Харьковского и Черниговского полков. Авторы панорамы, по-видимому, действительно изобразили драгун бригады Панчулидзева 1-го, но они явно не в пешем, а в конном строю. Далее от них и вправо – Екатеринославский и Орденский кирасирские полки бригады генерал-майора Кретьева.

Перед деревней, на берегу оврага, – русская артиллерия ведет огонь по французской пехоте (см.: Рисунок 2). Обычно считается, что это гвардейская пешая артиллерия. Однако на воротниках и обшлажных клапанах ни у кого не просматриваются желтые петлицы, которые были отличием гвардейских артиллеристов. Кивера гвардейских артиллеристов также отличались наличием герба в виде орла с арматурой, в то время как у армейской артиллерии была гренада с одним огнем и двумя перекрещенными пушками. Все эти детали совершенно не просматриваются. Что же касается самих орудий, то на первом плане хорошо видно, что это 12-фунтовые пушки средней пропорции, которыми была вооружена батареяная артиллерия вне зависимости от того, была она гвардейской или армейской.

Бросается в глаза, что вместо, по крайней мере, 9 человек в расчете 12-фунтовой пушки, которые должны были находиться рядом с орудием, на живописном полотне оказывается по пять, а то и по четыре человека. При этом убитых артиллеристов рядом нет.

Рисунок 2

Напомним, что в лейб-гвардии артиллерийской бригаде были две батареинные роты (1-я гвардейская батареинная рота е.и. высочества вел. кн. Михаила Павловича и 2-я гвардейская батареинная рота генерала от артиллерии графа А.А. Аракчеева). Обе они имели по 12 орудий (именно такое количество орудий просматривается на полотне), из которых 8 были 12-фунтовыми пушками, а 4 – ½-пудовыми единорогами.

Упряжные лошади, которые видны за избами, развернуты крупами к орудиям, что делалось при «отступном» боевом порядке.

Выше артиллерийской батареи изображены отбивающие атаку кирасиров корпуса Нансути батальонные каре лейб-гвардии полков Измайловского, Литовского и Финляндского. Действительно, «белое» знамя лейб-гвардии Измайловского полка просматривается в центре заднего каре, но что касается прочих знамен, то только полотнище, которое видно в рядах третьего от зрителя каре первой линии может быть соотнесено с «белым» знаменем (белый крест с желто-черными углами) лейб-гвардии Литовского полка. Два знамени в каре, находящихся наиболее близко к зрителю, не могут быть соотнесены с реально существовавшими в Измайловском и Литовском полках (лейб-гвардии Финляндский полк, как известно, в 1812 г. знамен не имел). Если соотнести изображение на полотне с имеющимися историческими свидетельствами, то получается, что ближе к зрителю – каре Измайловского полка (2-й и 3-й батальонные каре стоят в первой линии, а 1-й – во второй), а за ним – Литовский полк, построены так же.

На каре несутся в атаку французские кирасиры 1-го корпуса резервной кавалерии дивизионного генерала Нансути. В составе этого корпуса была 1-я (командир – дивизионный генерал Сен-Жермен) и 5-я (командир – дивизионный генерал Валанс) дивизии тяжелой кавалерии, в которых соответственно были 2-й, 3-й, 9-й и 6-й, 11-й, 12-й кирасирские полки. Судя по полотну, каре русской гвардейской пехоты атакованы сразу несколькими кирасирскими полками. Российский исследователь А.И. Попов, скрупулезно изучив этот сюжет Бородинского сражения, пришел к выводу, что русские гвардейские каре дважды были атакованы французскими кирасирами, причем каждый раз одним полком; при этом атаки отбивала не только пехота, но и русская кавалерия.

Переместим внимание на ближний план и немного вправо. Этот сюжет обычно комментируется так: «Контратакует сводно-гренадерская дивизия». О какой сводной гренадерской дивизии идет речь? Вероятно, о сводной гренадерской дивизии под командованием генерал-майора М.С. Воронцова 2-й Западной армии. Однако, судя по мельканию остроконечных гренадерских шапок Павловского гренадерского полка (других указаний на счет принадлежности солдат к определенным частям «манера письма» нам не дает), речь должна идти о 1-й сводной гренадерской бригаде 1-й Западной армии.

Именно в ее составе был 2-й сводный гренадерский батальон 1-й гренадерской дивизии, куда и попали павловцы из 2-й гренадерской роты запасного (второго) батальона полка. Напомним, что 1-й и 3-й (т.н. действующие) батальоны Павловского гренадерского полка в день Бородинского сражения находились далеко от д. Семеновское – в районе д. Утица в составе 3-го пехотного корпуса.

Удивляет манера (иначе такой «строй» и назвать нельзя), в которой сводная гренадерская бригада контратакует неприятеля – нестройными кучками сбившихся рот и даже взводов (как можно судить по «разбросанности» павловских шапок, иногда возникающих среди киверов). По-видимому, военные консультанты Рубо либо «забыли» о построениях пехоты того времени, либо поддались «эмоциональности» письма художников. Если все же принять, что контратакующая русская пехота – это гренадеры 1-й сводно-гренадерской бригады, то не понятно, почему патронные суммы части солдат – с гвардейской арматурой. Создается впечатление, что художники, военные консультанты и «реставраторы» просто «перемешали» солдат разных соединений, частей и подразделений, дабы озадаченные зрители никак не смогли идентифицировать не только отдельные эпизоды, изображенные на полотне, но и каждую фигуру в отдельности.

Среди нестройных кучек пехоты оказалось одно орудие. Судя по не очень четкому изображению бляхи кивера артиллериста – оно относится к гвардейской артиллерии, хотя отсутствие петлиц на воротниках и погонах артиллеристов все же заставляет отказаться от этого и предположить, что это все же армейская артиллерия. Что же касается орудия – то это пушка – то ли 12-фунтовая малой пропорции, то ли, скорее всего, – 6-фунтовая. В расчете орудия – всего 5 человек (впрочем, мы нигде на полотне панорамы не увидели «полноценного» обслуживания орудий). На переднем плане – разбитый передок орудия.

Перейдем к следующему эпизоду. «Батарея Сорбье поддерживает атаку французов и прикрывает отход пехоты генерала Маршана». Такой комментарий просто невероятен. Во-первых, орудийная батарея Сорбье вряд ли могла находиться здесь в это время. Если все же сделать «привязку» к убедительно реконструированному историками бою за д. Семеновское, то это могут быть артиллеристы и орудия батареи Пернетти. Во-вторых, отходящая французская пехота не может быть 25-й *вюртембергской* дивизией Маршана, ибо она вовсе не принимала участия в бою за д. Семеновское, да и мундиры отходящих солдат явно не вюртембергские (у последних мундиры были белыми).

Рисунок 3

Что же касается наступающей справа пехоты 2-й пехотной дивизии Фриана, то она выглядит не менее странно (см.: Рисунок 3). Во-первых, если впереди идут «роты центра», то почему у солдат красные эполеты (должны быть синие погоны с красной выпушкой) и у мундиров нет белых лацканов? Если это гренадеры (о чем могут поведать красные эполеты), то почему у них столь странные кивера и также нет белых лацканов? Наконец, если это солдаты 15-го полка легкой пехоты, то почему у них столь странная экипировка, не дающая возможности идентифицировать их ни с карабинерами, ни с другими подразделениями легкой пехоты? И только небольшая «кучка» солдат на втором плане может иметь некоторое сходство с гренадерами полка линейной пехоты. Авторы панорамы (или «реставраторы»?) попытались изобразить в центре наступающей пехоты орла (знамя) образца 1804 г. Действительно, новые орлы образца 1812 г. с вертикальными полосами синего, белого и красного цветов на полотнище ко времени Русской кампании еще не были вручены полкам армейской пехоты. Однако неряшливо выписанное полотнище (со смещением цветных углов) и то, что орлоносцем является не обер-офицер, а какой-то старослужащий солдат, не могут не вызывать законного недоумения.

В боевых порядках наступающей дивизии заметна группа всадников. Вероятно, авторы изобразили штаб генерала Фриана.

В заключение комментариев этого панорамного сюжета напомним, как выглядело начало штурма д. Семеновское со стороны французов. Генерал Дюфур во главе трех батальонов 15-го легкого полка дви-

нулся на саму деревню, намереваясь взять также и укрепление, сооруженное к северо-западу от Семеновской (кстати, на полотне это укрепление не просматривается вовсе, если не считать пары орудий, оставшихся без прислуги). Правее Дюфура наступал 48-й полк линейной пехоты, имея в резерве два батальона испанского полка Жозефа-Наполеона. В общем резерве дивизии был 33-й линейный полк, находившийся на крайнем правом фланге, «у лесной поросли». Очевидно, что панорамная «интерпретация» совершенно не согласуется с историческими свидетельствами²⁶.

В целом, если художники-создатели и славные продолжатели их дела советского времени умудрились основательно напутать с расположением войск и внешним видом воинов русской армии, то что можно сказать об изображении армии и солдат противника?

Вдалеке за наступающей дивизией Фриана изображены неясные очертания Багратионовых «флешей» (в сущности, только заднее (восточное) укрепление было флешью, а два других следует отнести к люнетам).

Вправо от наступающей французской пехоты ведут огонь 12-фунтовые орудия армейской пешей артиллерии. На полотне можно насчитать, по меньшей мере, 10 орудий. Но в роте французской пешей артиллерии было только 8 орудий. Конечно, можно предположить, что два орудия просто «прибились», либо что огонь ведут две весьма потрепанных роты. Но все же это будет большой «кнатяжкой».

Далее вправо: выезжает на позицию конно-гвардейская батарея. Действительно, судя по мундирам и калибру орудий – это гвардейская конная артиллерия. Только вот в дело она была введена значительно позже, уже после взятия д. Семеновское и даже батареи Раевского!

Вдалеке просматриваются какие-то массы войск. В комментариях их соотносят с корпусом маршала Даву. Этого не может быть. Скорее всего, это части 3-го армейского корпуса Нея. Войска Даву могли находиться значительно левее – ближе к уровню «флешей» и к опушке Утицкого леса.

Также вдалеке и правее этих войск – Шевардинский редут. По обеим сторонам редута – императорская гвардия. Наполеон, вопреки комментариям, находится на полотне не у подножия Шевардинского редута. Во главе свиты и дежурных эскадронов он приблизился к оврагу Семеновского ручья. Этот момент Рубо воспроизвел вслед за Ланглюа.

---

²⁶ Журнал дивизии Фриана // Chuguet A. 1812. Notes et documents. P., 1912. Sér. 2. P. 50; Ф.-М. Дюфур – Богарне. 28 января 1813 и 5 февраля 1813 г. // Chuguet A. 1812. Sér. 3. P. 345–346; Рапорт Мюрата о сражении под Москвой // Bulletins officiels de la Grande Armée. Campagne de Russie et de Saxe. P., 1821. P. 127–128; Friant J.-F. La vie militaire du lieutenant-général comte Friant. P., 1857. P. 234; и др.

Последний же, в свою очередь, опирался на неясные замечания, сделанные Пеле и Фэном. Однако не менее авторитетные источники убеждают, что император вплоть до 4-х часов дня из района Шевардинского редута не отлучался и на лошадь не садился. Рубо, как, впрочем, Афанасьев и Коллюбакин, в такие «детали» не вникал. Тем более, что сюжет с поездкой Наполеона к Семеновскому ручью, вызванный якобы рейдом Платова и Уварова и поколебавший дух французов, вполне отвечал общему замыслу художественного произведения, каковым и является панорама «Бородинская битва».

Правее: дивизионный генерал Лорж, командир 7-й тяжелой кавалерийской дивизии, наблюдает за тем, как идут в бой вестфальские кирасиры. В первой линии идет 1-й вестфальский кирасирский полк. Хотя художники верно изобразили чинов этого полка в белых колетах, однако кирасы, вопреки полотну, имели только офицеры и, возможно, кирасиры 1-го эскадрона. Остальные чины полка обходились в день Бородина только скатками плаща через плечо. За 1-м вестфальским кирасирским полком следует 2-й вестфальский кирасирский, солдаты которого отличались синими колетами. В комментариях к панораме этот полк нередко называют польским кирасирским, имея в виду, вероятно, 14-й польский кирасирский, который вместе с саксонскими кирасирами входил в 1-ю бригаду 7-й дивизии тяжелой кавалерии Лоржа. Однако, судя по каскам, это все-таки вестфальские кирасиры. Но в этом случае неизбежно возникает другой вопрос: куда художники дели 14-й польский кирасирский С. Наленч-Малаховского?

За левым флангом 1-го вестфальского кирасирского полка виден всадник на белом коне. Это, без сомнения, командующий резервной кавалерией Великой армии Неаполитанский король И. Мюрат. Рядом с ним, по-видимому, начальник штаба кавалерийского резерва дивизионный генерал Бельяр. Слева от Мюрата движется польская конная артиллерия шефа эскадрона Шверина из 4-й дивизии легкой кавалерии. Также слева от Мюрата, в глубине плана, видна кавалерийская масса, впереди которой выделяется всадник на белом коне. Панoramисты таким образом изобразили, вероятно, 2-й кавалерийский корпус. Но не ясно, кого именно они показали во главе этого корпуса: Монбрена, ко времени штурма д. Семеновское уже смертельно раненого, или же, скорее всего, О. Коленкура, принявшего после него командование.

Справа от Неаполитанского короля во главе своего штаба мчится, как можно понять, командир 4-го кавалерийского корпуса Латур-Мобур (см.: Рисунок 4).

На переднем плане – пересекает ручей орудие из состава 2-й конной батареи саксонской артиллерии, которая, впрочем, не могла находиться в день сражения в этом месте.

Рисунок 4

Правее, на заднем плане, на берегу оврага, генерал Тильман, командир 1-й бригады 7-й дивизии тяжелой кавалерии, наблюдает за вводом в бой саксонских кирасир. Рядом с ним художники изобразили три фигуры адъютантов и/или ординарцев генерала. Двое всадников – кирасиры в желтых колетах полка Гар-дю-Кор, один – в гусарском мундире, либо в мундире гвардейского конного егеря, или, наконец, в форме гвардейской конной артиллерии. Однако ни один из адъютантов Тильмана (среди них были двое будущих мемуаристов – фон Минквиц и Рот фон Шрекенштайн, состоявшие в полку Цастрова, т.е. имевшие белые колеты) подобных мундиров носить не мог.

Рисунок 5

Справа от Тильмана – идущие в атаку польские уланы 4-й дивизии легкой кавалерии генерала Рожнецкого. В состав этой дивизии входили 3-й, 11-й и 16-й уланские полки (всего – 9 эскадронов). Однако соотнести изображенных на панораме улан с каким-либо из этих полков (как и с любым другим) невозможно. Наиболее «подходит» 11-й уланский полк, имевший красно-малиновые лацканы. Однако почему-то у всех изображенных улан – белые эполеты; расцветка флюгеров пик (красная полоса сверху и белая снизу) не соответствует 11-му полку, у которого флюгера были трехцветные (красная и синяя горизонтальные полосы с белым треугольником у основания). Нигде не просматривается элитная рота в меховых шапках. Странный вид имеют и штандарты (которые имелись в каждом эскадроне; на панораме их всего два). Несмотря на некоторые разночтения в исследовательской литературе, посвященной орлам и штандартам уланских полков Великого герцогства Варшавского, которые касаются, в основном, цвета польского орла и цвета вышивки на красном (кармазинном) полотнище, они все же не могли быть такими, какими оказались изображенными на панорамном полотне. Интересно, что сам Рубо, как и его консультанты, могли увидеть подлинные штандарты из числа трофейных, хранившиеся в Казанском соборе в С.-Петербурге, и не допустили бы подобной «вольности».

Поэтому полагаем, что столь смелая расцветка штандартов польских полков – это результат «реставрации» советского времени.

Знаменитый «бой во ржи» (см.: Рисунок 5). Кирасиры саксонского полка Гар-дю-Кор, смешав строй при переходе через Семеновский ручей (они шли, вероятно, как и полк Цастрова, в развернутом строю по-эскадронно), столкнулись с русской пехотой и кирасирами 2-й бригады 1-й кирасирской дивизии генерал-майора Бороздина 2-го. Начнем с того, что подлинные события, реконструированные А.И. Поповым в ряде публикаций, нашли на холсте только слабое отражение. Гар-дю-Кор и полк Цастрова действительно атаковали русскую пехоту (вероятно, это были остатки 27-й пехотной дивизии, построены в каре) севернее д. Семеновское, затем столкнулись с русскими драгунами и с кирасирами (возможно, это был Орденский кирасирский полк). Наконец, после этого на фланге у саксонцев появились русские кирасирские Его и Её Величеств и Астраханский полки, а также Киевский и Новороссийский драгунские, а чуть позже – и гусарский полк (возможно, Ахтырский). Впрочем, по другим сведениям, удар по саксонцам могли нанести Оренбургский и Курляндский драгунские и Мариупольский гусарский.

Обращает на себя внимание, что если на панораме Ланглуа главными действующими лицами являлись собственно французские части (исключение составили только изображенные на втором плане два батальона полка Жозефа-Наполеона), то на панораме Рубо мы видим не только французов (и, прежде всего, не французов), но саксонцев, поляков, вестфальцев... Вне сомнения, мюнхенские художники, которые сыграли важнейшую роль в создании полотна, были знакомы с работами и воспоминаниями своих соотечественников-участников сражения – А. Минквица, Рот фон Шрекенштайна, Буркесроды (он был ординарцем Латур-Мобура), фон Меерхаймба и Шеффеля из полка Цастрова, «письмами с Волги» Лейссера, командовавшего полком Гар-дю-Кор, и с рядом исследовательских работ, посвященных действиям саксонцев. Эти материалы и стали вдохновляющим началом для «конструирования» «боя во ржи» как центрального события «русской панорамы».

Теперь обратимся к изображенным в этом сюжете фигурам. Кирасиры Гар-дю-Кор, отличающиеся желтыми колетами, действительно, были в ходе кампании 1812 года без кирас, которые были оставлены в Варшаве. В день Бородина неким заменителем кирас могли быть скатки плащей, надетые через плечо. На белых лошадях – офицеры. Как знать, возможно, авторы панорамы в одном из них изобразили Лейссера, командира Гар-дю-Кор. Хотя все же если «вписать» этот эпизод в «реконструированную историческую реальность», то получится, что ко време-

ни столкновения Гар-дю-Кор с кирасирами Бороздина 2-го Лейссер был уже оглушен и оказался в русском плену. Трубачи Гар-дю-Кор, как и на полотне, были в красных колетах.

Противники саксонских всадников – русские кирасиры 2-й бригады генерал-майора Бороздина 2-го. Впереди, уже столкнувшись с саксонцами, – атакует кирасирский Его в-ва полк, имевший светло-синий приборный цвет воротников, обшлагов, погон, чепраков и чушек (суконных лопастей, прикрывавших седельные кобуры). Причем, вместо вензеля императора на чепраках и чушках нижних чинов в этом полку была Андреевская звезда.

Рисунок 6

В самой гуще саксонцев выделяется фигура раненого русского кирасира, чья участь, по-видимому, уже решена (см.: Рисунок 6). Судя по перевязи, ружью (или штуцера), чепраку и чушкам (других знаков различия не видно) – это нижний чин кирасирского Его в-ва полка. Что же касается цвета его колета (этот цвет воспринимается как зеленый), то это явный зрительный обман, который, впрочем, может быть и результатом «творческой реставрации» советского времени. Плодом реставрации, возможно, стало и то, что на русском воине почему-то оказалась кираса, больше похожая на французскую.

Вслед за всадниками кирасирского Её в-ва полка несутся воины кирасирского Её в-ва полка, имевшие светло-малиновый отличительный цвет. Далее – развертывая эскадроны, построенные во взводных колоннах, – начинают движение астраханские кирасиры. Они выделяются желтыми воротниками, погонами, чепраками и чушками.

На переднем плане в зеленом мундире с золотыми эполетами и в шляпе с белым султаном, одетой «с поля», т.е. углом вперед, наблюдает за своей бригадой генерал-майор Бороздин 2-й (см.: Рисунок 7). Возле него – два ординарца. Один – в белом колете, – судя по чепраку и чушкам – офицер лейб-гвардии Конного полка; другой – гусар, мундир которого с большой натяжкой можно соотнести с формой Изюмского гусарского полка (вместо изображенных на полотне светло-синих ментика, чепрака и чушек, они должны были быть синего цвета).

Рисунок 7

Справа от кирасир идут в атаку ахтырские гусары, выделяясь коричневыми доломанами и ментиками.

Теперь попытаемся понять, что и кто могут быть изображенными на втором и дальних планах знаменитого «боя во ржи». Сразу за схваткой саксонских и русских кирасир происходит столкновение польских улан и, как считается, русских драгун Киевского и Новороссийского полков. Подобно тому, как польские уланы изображены «в обобщенном виде», так же «раскрашены» и русские драгуны. Два полка оказались

«растворены» в одном – Киевском, имевшем светло-малиновые воротники и обшлага.

Вдалеке, на уровне атакующих драгун, различается церковь с. Бородино. Значительно правее ее, и ближе к зрителю – Курганная высота, подступы к которой со стороны французов отмечены изображением жертв первого штурма. На самой батарее видна русская артиллерия, которая ведет огонь по неприятелю. Справа от батареи – приближающиеся к ней колонны русской пехоты. Согласно одним комментариям – это 4-я пехотная дивизия Е. Вюртембергского, которая действительно в ходе начавшейся борьбы за д. Семеновское оказалась в пространстве между этой деревней и батареей Раевского. Согласно же другим предположениям – художники изобразили приближающуюся пехоту 4-го пехотного корпуса Остерман-Толстого. И тот, и другой варианты не очень убедительны. Во-первых, потому что изображенные колонны явно превосходят по численности дивизию, которой командовал Е. Вюртембергский, а, во-вторых, подход 4-го пехотного корпуса к Курганной высоте состоялся позже представленных на полотне событий. Конечно, можно предположить и третий вариант: изображенная пехота – это остатки тех частей, которые ранее контратаковали захваченную французской дивизией Морана Курганную высоту, а движущиеся перед пехотными массами два генерала – это не кто иные, как А.П. Ермолов и чудом воскресший А.И. Кутайсов. Этот вариант кажется нам совсем фантастическим.

На втором плане, за идущим в атаку Её императорского в-ва кирасирским полком, выделяется группа всадников. До пожара 1967 г. эта группа состояла из трех фигур, которые обычно идентифицировались как М.Б. Барклай де Толли, Н.Н. Раевский и К.Ф. Толь. Однако после восстановления ударными темпами панорамы к ноябрю 1967 г. силами художников студии им. Грекова количество фигур в этой группе заметно возросло!

Еще более важная метаморфоза произошла со «штабом Кутузова» (см.: Рисунок 7). На изображениях панорамы, сделанных до 1967 г., «штаб Кутузова» был достаточно сильно «приближен» к зрителю, при этом фигура Кутузова выделялась своей совершенно непропорциональной монументальностью. Судя по всему, «Кутузов со штабом» появился на панораме при подготовке ее к открытию в 1962 г. «Реставраторы» же 1967 г. несколько сгладили несоответствия, «отодвинув» «Кутузова со штабом» подальше. Как бы то ни было, факт остается фактом: Кутузова при любых ухищрениях нельзя было увидеть с той точки, куда Рубо поместил зрителя.

Вправо от «Кутузова со штабом» и ближе к зрителю выдвигаются соединенные 2-й и 3-й кавалерийские корпуса генерал-адъютанта

Ф.К. Корфа. Еще правее – на фоне березовой рощи – стоят в резервах лейб-гвардии Преображенский и Семеновский полки.

Переместим взгляд на фигуры ближнего плана. Перед зрителем – несколько убитых русских кавалеристов. Двое из них в белых колетах – это кирасиры, двое других – драгуны. Убитых лошадей – пять. Повидимому, пятый кавалерист был только ранен (его драгунский мундир, патронная сума и рубаха остались лежать на земле), и его унесли на перевязочный пункт. И все же, несмотря на ясность прочтения предложенной зрителю сцены, не может не возникнуть, по крайней мере, пары вопросов. Во-первых, каким образом три драгуна и два кирасира могли «перемешаться», дабы составить живописную группу убитых? Во-вторых, к какому полку принадлежали кирасиры? Хорошо видная зрителю расцветка чепраков и чушек их лошадей ответа на этот вопрос не дает. Что же касается драгун, то, мучимые сомнениями, все же рискнем причислить их к Киевскому полку, у солдат которого были светло-малиновые обшлага и воротники.

Справа от группы павших воинов – пехотинцы во главе с обер-офицером. Пробежав по грядке с капустой, они открывают огонь по неприятелю. Эта нетронутая грядка с капустой посреди разоренной деревни, в которой не менее двух суток стояли войска, просто восхищает!

Заключительная сцена панорамы: Кавалергардский и Конно-гвардейский полки приветствуют тяжелораненого Багратиона, которого увозят на перевязочный пункт у д. Князьково. В аннотациях к панораме образца 1962 г. отмечалось, что «этот фрагмент написан заново художником И. Евстигнеевым». Добавим, что до 1962 г. этот фрагмент вообще выглядел иначе: фигура Багратиона отсутствовала вовсе. Во время восстановления панорамы в 1967 г. фигуру Багратиона воспроизвели вновь, но внесли некоторые перемены в ландшафт, изменили масть нескольким лошадям и добавили гвардейской кавалерии несколько новых штандартов, при этом изменив расцветку прежних.

Попытаемся подвести итоги:

1. Панорама «Бородинская битва» является художественным произведением, которое производит на зрителя сильнейшее эмоциональное воздействие, но которое не в состоянии претендовать на достоверное, исходя из современного уровня знаний, воспроизведение исторического события.

2. Панорама «Бородинская битва» создавалась в условиях русско-французского сближения начала XX в., что нашло отражение в окончательном варианте произведения.

3. Творческий коллектив Рубо, работавший в Мюнхене и состоявший, главным образом, из немецких художников, счел необходимым заметно «интернационализировать» Великую армию Наполеона, изо-

бразив на полотне наряду с французскими частями, саксонских, вестфальских и польских солдат. Центральным эпизодом панорамы стал бой русских и *саксонских* кирасир.

4. Рубо, его консультанты Афанасьев и Колобакин, а также ряд немецких художников создали своего рода «национальный русский миф» Бородинского сражения, слабо соотносящийся с «частностями» исторического события, но зато искусственно соединивший в себе хорошо узнаваемые, «знаковые» персонажи и эпизоды сражения.

5. Неоднократные «реставрации» панорамы, а то и создание почти всего живописного полотна заново, способствовали усилению ее историко-мифологического содержания, тем самым, усиливая эмоциональное воздействие на зрителя, но одновременно еще более уводя его от научно-обоснованной картины прошлого.

V. N. Zemtsov

Zemtsov Vladimir Nikolaevich – the head of the department of general history of the Ural state pedagogical university, the doctor of historical sciences, professor.

PANORAMA F.A. RUBO "THE BORODINO FIGHT": HISTORY OF ONE NATIONAL MYTH

In the basis of historical memory of Russians about Patriotic war of 1812 three "whales" lie: "Moscow burned by a fire", L.N. Tolstoy's epic novel "War and peace" and the image of Borodino embodied in the well-known panorama of F.A. Rubo "The Borodino fight". Our appeal to the first experience of an embodiment of this great battle on a monumental picturesque cloth, to J.-Che. Langlois's panorama "Battle at the Moskva River", forced us to assume that Rubo's creation became substantially peculiar "the Russian answer" to the French image of fight near Borodino. We will try to sum up the results:

- 1 . The panorama "The Borodino fight" is a work of art which makes the strongest emotional influence but which isn't able to apply on reliable, proceeding from modern level of knowledge, reproduction of a historical event on the viewer.
- 2 . The panorama "The Borodino fight" was created in the conditions of the Russian-French rapprochement of the beginning of the XX century that found reflection in a final version of work.
- 3 . Rubo's working in Munich and consisting, mainly, of the German artists the creative group, considered necessary considerably "to internationalize"

Napoleon's Great army, having represented on a cloth along with the French parts, Saxon, Westphalian and Polish soldiers. Fight Russian and Saxon the cuirassier became the central episode of a panorama.

4 . Rubo, his consultants Afanasyev and Kolyubakin, and also a number of the German artists created some kind of "the national Russian myth" the Borodino battle, poorly corresponding to "details" of a historical event, but artificially united well known, "sign" characters and battle episodes.

5 . Numerous "restorations" of a panorama, and even creation of almost all picturesque cloth anew, promoted strengthening of its historical and mythological contents, thereby, strengthening emotional impact on the viewer, but at the same time even more taking away it from a scientific and reasonable picture of the past.

Key words: war of 1812, painting, historical memory, mythology, Borodino, patriotism

Б.П. Миловидов

ПРОБЛЕМА МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ВОЕННОПЛЕННЫМ ТУРКАМ в 1809–1812 гг.

Вопрос о турецких военнопленных, захваченных в ходе русско-турецкой войны 1806–1812 гг., в отечественной науке изучен мало. Если положение пленных Османской империи в России на первом этапе войны, проблема взаимоотношений турок с населением внутренних губерний и правовой статус турецких пленных в 1809–1812 гг. автором рассматривались в других работах, то проблема заболеваемости турецких пленных и организация для них медицинской помощи специально не изучалась. История эпидемии в Александрийском уезде (довольно эффективно и быстро подавленной) была скорее исключением для мест постоянного размещения турок, где в условиях стабильного существования смертность от болезней была крайне незначительна. Это свидетельствует об успехе губернских властей в деле сохранения жизни и здоровья пленных. Большинство же вспышек заболеваний и повышенная смертность приходится на время транспортировки, прежде всего, от театра военных действий до приграничных пунктов и непосредственно в них. Документы об эпидемии в Александрийском уезде показывают, что одним из важнейших факторов распространения эпидемии власти считали этноконфессиональные особенности бытового поведения турецких пленных, они же считались и серьезным препятствием в борьбе с болезнями. Понимая это, российские чиновники предпринимали целе-

направленные усилия по преодолению межкультурных барьеров, убеждали пленных придерживаться принятой тогда в Европе методики профилактики и лечения. И, судя по всему, их деятельность в этом направлении имела некоторый успех.

Ключевые слова: военнопленные, русско-турецкая война 1806–1812 гг., эпидемия, Александровский уезд

Вопрос о турецких военнопленных, захваченных в ходе русско-турецкой войны 1806–1812 гг., в отечественной науке изучен мало. Если положение пленных Османской империи в России на первом этапе войны, проблема взаимоотношений турок с населением внутренних губерний и правовой статус турецких пленных в 1809–1812 гг. нами рассматривались в других работах²⁷, то проблема заболеваемости турецких пленных и организация для них медицинской помощи специально не изучалась.

Положение пленных турок на втором этапе русско-турецкой войны, после прекращения действия Слободзейского перемирия, регулировалось высочайше утвержденным 26 апреля²⁸ 1809 г. докладом военного министра А.А. Аракчеева. Согласно изложенным в нем правилам, турок, взятых с оружием в руках, следовало отправлять в Слободско-Украинскую, Воронежскую и Тамбовскую губернии. «Что же принадлежит до турков, которые получают название пленных, не будучи взяты с оружием в руках, следовательно одна только предосторожность потребует удалить их из жилищ и из крепостей или сами они добровольно на то согласятся», то их, по мнению Аракчеева, следовало, как и ранее, размещать в Екатеринославской и Херсонской губерниях²⁹. Основные положения этого документа были направлены на сохранение жизни и здоровья подданных султана, сдавшихся на милость российских войск. Поэтому вопросы смертности, заболеваемости и организации медицинского обслуживания пленных были предметом постоянной заботы как центральных, так и региональных властей.

---

²⁷ Миловидов Б.П. Правовое положение турецких военнопленных в России в 1807 г. // Военная история России XIX–XX веков. Материалы III Международной военно-исторической конференции. СПб., 2010. С. 20–27; Его же. Турецкие военнопленные в России в 1812 году // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 91–98; Его же. Транспортировка и содержание турецких военнопленных в Российской империи в 1809–1812 гг.: законодательные нормы и практика // Вестник военно-исторических исследований. Международный сборник научных трудов. Вып. 3. Пенза, 2011. С. 26–42.

²⁸ Все даты по старому стилю.

²⁹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1152. Оп. 1. Соединенные деп. Законов и Экономии. 1812 г. Д. 37. Л. 5–9; Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2113. Л. 5–10.

Одной из важных проблем, обращавших на себя внимание самых высоких сфер российского руководства, вплоть до военного министра и императора, была высокая заболеваемость и смертность пленных турок в процессе их транспортировки к границам Российской империи и во время пребывания в приграничных пунктах.

Так, 16 января 1810 г. каменец-подольский комендант генерал-майор Ган сообщил военному министру, что партия пленнных, взятых при м. Рисовато, во время препровождения по степи ночевала под открытым небом. В итоге оказалось, что почти все пленные, добравшиеся до Каменец-Подольска, были больны поносами и «жестокими лихорадками», «и едва могли оное прекратить медицинские чиновники, находящиеся при каменец-подольском военном госпитале». В резолюции на документе сменивший Аракчеева М.Б. Барклай де Толли предписал сообщить вновь назначенному главнокомандующему Н.М. Каменскому, чтобы тот распорядился «брать лучшие меры к сбережению пленных» и приказал препровождающим пленных лицам в случае большой смертности в партиях доносить об этом заранее, «чтоб не занести заразы в наши границы»³⁰. Текст этой резолюции был направлен Каменскому 9 марта 1810 г.³¹

В начале 1812 г. внимание на факт высокой заболеваемости в одной из партий пленных обратил внимание император Александр I. Поводом послужил рапорт генерал-майора Гана, из которого стало известно, что из 240 человек (турок), «взятых в плен при разбитии визиря», 25 человек умерли по пути из Бухареста до Каменец-Подольска, еще 105 были оставлены больными в фокшанском и хотинском госпиталях, и в результате до Каменец-Подольска к 24 декабря добрались только 106 человек. Из них в тот же день умерли трое и еще 27 поступили в госпиталь. Действительно, если процент смертности (11,6%) не был особенно велик, то число заболевших было необыкновенно большим и составляло более половины партии (55%). Расследование, проведенное Ганом, установило, что по пути пленных довольствовались сухарями, «к коим они не обычны», и что при отправлении не были снабжены соответствующей времени года одеждой. Высочайшее повеление, данное по этому случаю, Барклай де Толли довел до главнокомандующего М.И. Кутузова в приказе № 61 от 20 января 1812 г. Император изволил «высочайше указать» Кутузову на необходимость принятия ряда мер. Во-первых, следовало «взять» «немедленно все предосторожности к... лечению» пленных, с тем чтобы их болезнь не распространилась на русских пациентов госпиталей. Во-вторых, впредь предписывалось при отправлении

---

³⁰ РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2116. Л. 84.

³¹ Там же. Л. 6.

турок внутрь России снабжать их одеждой и обувью, «которые служили бы им защитой от стужи и непогод и тем упреждать их от подобного изнурения, болезней и преждевременной смерти». Наконец, главнокомандующий должен был произвести строгое расследование, не было ли со стороны препровождавшего партию штабс-капитана Ряжского пехотного полка Нордберха какой-либо «оплошности или упущения», послуживших «ближайшею причиною» столь печального положения пленных.³² В тот же день, 20 января, аналогичное повеление Александра I о необходимости лечения больных турок и предотвращения распространения заразы, Барклай де Толли в приказе передал и главнокомандующему Подольской армией П.И. Багратиону.³³

Во время транспортировки, в первую очередь, в холодное время, по внутренним губерниям, и, как следствие, сразу после прибытия на места, назначенные для жительства, пленными преследовали и массовые болезни. Причем больные пленники представляли опасность и для местного населения. В частности, 4 февраля 1811 г. слободско-украинский гражданский губернатор сделал в Министерство полиции представление об исключении села Калянникова Валковского уезда (оно лежало между Харьковом и Полтавой) из маршрутов движения пленными и рекрутов. 15 апреля губернатор обратился к министру полиции А.Д. Балашову с этой просьбой повторно. Дело в том, что в результате контактов с располагавшимися в селении на отдых турецкими пленными среди местного населения распространились болезни, и до трети жителей села находились «в немалой опасности» (в частности, 100 человек были больны горячкой).³⁴

Во время препровождения пленными через Полтавскую губернию в холодный период с 18 ноября 1810 по 15 апреля 1811 г. в госпиталях кременчугского и полтавского богоугодных заведений побывало 562 человек.³⁵

Среди проблем, вставших перед губернскими властями, в распоряжении которых оказались военнопленные турки, была и проблема организации медицинского обслуживания подданных султана. После прибытия первой партии турок в Харьков выяснилось, что механизм финансирования лечения больных пленными в нормативных документах не прописан. Поэтому слободско-украинская казенная палата в деньгах на этот предмет губернатору отказала, о чем он и донес 18 сентября 1809 г. Аракчееву. До разрешения дела больные турки были помещены в заведениях приказа общественного призрения и финансировались за

---

³² РГВИА Ф, 1. Оп. 1. Д. 2441. Ч. 1. Л. 67.

³³ Там же. Л. 66.

³⁴ Там же. Д. 2113. Л. 269–270.

³⁵ Там же. Д. 2116. Л. 362.

его счет. Однако в уездных городах, где губернатор предполагал размещать следующие партии, заведений такого рода не было и, следовательно, эта практика применяться не могла.³⁶ В связи с этим Аракчеев предположил всех пленных турок пользоваться в заведениях приказов общественного призрения, компенсируя их затраты из казенных палат, и обратился 6 октября к министрам финансов и внутренних дел с просьбой дать соответствующие предписания казенным палатам и губернаторам.³⁷ Министр финансов Ф.А. Голубцов отдал предписание выделять деньги на лечение турок в порядке, предусмотренном положением о больных из проходящих через губернии воинских команд, и 19 октября довел это до сведения военного министра.³⁸ Впрочем, это распоряжение вопроса о медицинской помощи туркам в уездных городах не снимало.

2 октября 1810 г. херсонский гражданский губернатор Г.Н. Рахманов донес министру полиции, что среди прибывших из Разграда в губернию в количестве 3000 турок обоего пола, расположенных в селениях Александрийского уезда, «открылись» массовые болезни.³⁹ Часть этих турок (в основном семейные) должны были остаться в Александрийском уезде, прочим же предстояло отправиться в другие губернии.⁴⁰ Пленные эти прибыли в Херсонскую губернию в сентябре, и в течение трех недель пребывания на месте из них умерло 102 человека. Еще 90 душ умерло по пути следования из Тирасполя. Уездный штаб-лекарь считал, что причиной болезней является перемена воздуха, воды, пищи и «бедное состояние» турок. Губернатор заверил министра, что принял все меры для предохранения жителей от болезней, отправил на место инспектора врачебной управы и собирается отправиться туда сам.⁴¹ Донесение это было представлено Балашовым императору, который 28 октября предписал сделать Рахманову выговор «за пропущение времени без донесения о таком значительном происшествии» и велел послать к губернатору фельдъегеря, чтобы истребовать от него подробные сведения о случившемся и особенно о причине болезни.⁴² На следующий день 29 октября Балашов сообщил Рахманову о высочайшем выговоре и потребовал сообщить с посланным фельдъегерем, выдержали ли турки надлежащий карантинный срок, были ли очищены в соответствии с карантинными правилами их «вещи и пожитки», и какие меры приняты к пресечению «саих болезней» и распространению их среди жителей. В

---

³⁶ Там же. Д. 2113. Л. 69.

³⁷ Там же. Л. 70–71.

³⁸ Там же. Л. 72.

³⁹ РГИА Ф. 1297. Оп. 117. Д. 63. Л. 138.

⁴⁰ Там же. Л. 148.

⁴¹ Там же. Л. 138.

⁴² Там же. Л. 139.

виду важности происшествия министр просил губернатора употребить под собственную ответственность все зависящие от него «способы к истреблению зла сего в самом начале».⁴³ Как видно из этих бумаг, в тех случаях, когда информация о массовых заболеваниях и смертности турок доходила наверх, петербургские власти и лично император обращали на это особое внимание, руководствуясь не только человеколюбивым отношением к самим пленным, но и не в последнюю очередь из страха перед распространением эпидемий, которые были отнюдь не редким явлением в южных районах России. Однако еще 14 октября губернатор, прибывший на места расквартирования пленных, направил Балашову донесение. По мнению Рахманова, ссылавшегося также на сведения инспектора врачебной управы Короленкова, болезни, распространившиеся среди турок, были по большей части «гнилые с сыпью и с пятнами горячки и гнилые же кровяные поносы».⁴⁴ Впрочем, сам инспектор позднее писал, что некоторые пленные страдали и «лихорадками, свойственными краю сего», а гнилые горячки часто соединялись с нервными. Но уже сразу Короленков установил, что гнилые горячки и гнилые поносы «суть заразительного свойства и неудобоизлечимы».⁴⁵ Однако о двух последних обстоятельствах губернатор Балашову писать прямо воздержался. Тем не менее, по его рапорту, с 1 по 14 октября умерли 127 человек «всякого возраста и пола». А число больных по-прежнему оставалось велико. Лишь в трех селениях множество больных усилиями медицинских чиновников получили облегчение. Сообщая об этом, Рахманов обещал, что и в прочих селениях «будут употреблены средства и лечения» и сетовал при этом на недостаток врачей.⁴⁶ Согласно приложенной к донесению справке, в херсонской губернской врачебной управе состоял на службе только один инспектор, оператора и акушера не было вовсе, а из пяти уездов губернии штатного врача не было как раз в Александрійском.⁴⁷ В донесении губернатора также говорилось, что «благоразумием и деятельностью» александрійского земского исправника турки были отделены от жителей. Сами же селения, где располагались пленные, находились вдалеке от больших дорог, и в каждое из них были определены «испытанные верностью люди», задачей которых было обеспечение порядка и доставка всего необходимого. Кроме того, Рахманов проинформировал министра полиции, что из отпущенной Министерством финансов суммы для продовольствия пленных, он решил часть денег пустить на покупку лекарств и «других нужных боль-

---

⁴³ Там же. Л. 140–141.

⁴⁴ Там же. Л. 142.

⁴⁵ Там же. Л. 151.

⁴⁶ Там же. Л. 142.

⁴⁷ Там же. Л. 144.

ным пособий».⁴⁸ Все эти обстоятельства Балашов довел до сведения императора 5 ноября 1810 г.⁴⁹ Предписание же министра полиции от 29 октября херсонский гражданский губернатор получил только 15 ноября и в тот же день отправил ему ответ. В нем он повторил, что сразу после прибытия на место отдал все нужные распоряжения как для «пользования и спасения больных турок», так и для «предохранения жителей». Благодаря всем этим мерам не заболел ни один житель как в селениях, где были расквартированы турки, так и по пути их следования. Причем, Рахманов сам убедился в этом, проделав путь от Тирасполя до Александрии. Более того, число больных турок тоже стало уменьшаться, так что губернатор не предвидел более «никаких дурных последствий» и даже не счел нужным до окончания объезда всех затронутых болезнью мест делать в Петербург дополнительных донесений. Прибыв 13 ноября в Александрию, Рахманов получил, по его словам, от находившегося там инспектора врачебной управы Короленкова «самые утешительные сведения» (на следующий день, 14 ноября, инспектор изложил их в официальном рапорте, который губернатор также приложил к своему донесению министру). Подчеркивая свои заслуги, губернатор писал, что не оставил без осмотра «ни одного селения, ни одного жилища, где были турки... по несколько раз сам снабжал их всем нужным, предохранял жителей внушениями» и т. д. Более того, за все эти труды, «увенчавшиеся совершенным успехом», Рахманов надеялся получить монаршую благодарность – и тем неожиданнее был для него царский гнев. В связи с этим губернатор просил министра довести до сведения императора информацию об «успешном прекращении болезней между турками и выражал надежду, что через «предстательство» Балашова не только сам получит «должное», но и принимавшие участие в ликвидации вспышки заболеваемости чиновники также не останутся без награды. Оправдываясь в задержке с первоначальным донесением в столицу, Рахманов сообщил и еще некоторые подробности начального этапа развития эпидемии и действий в связи с этим местных властей. По его словам, все земские исправники и городничие были предупреждены о мерах предосторожности, которые им следовало предпринимать в случае, если в партиях окажутся больные. И меры эти в точности исполнялись. Когда партионный офицер сообщил о смерти в пути 90 человек, Рахманов донес об этом херсонскому военному губернатору. Число же больных сразу после расположения турок по квартирам было, на его взгляд, «не так значительно», и он считал, что все происходит «от дороги, подобно тому, как было в прошлом году с тираспольскими турками, в сей губернии

---

⁴⁸ Там же. Л. 142–143.

⁴⁹ Там же. Л. 145–146.

расположенными». Болезни пленных расценивались местным начальством как обычное дело, и губернатор «даже не смел о сем донести» министру. Когда же «при начале холодов и ненастной погоды число больных стало умножаться», и исправник сообщил о множестве умерших, губернатор уже донес об этом петербургскому начальству. Из донесения Рахманова также видно, что время пребывания в карантине все турки были здоровы, и карантинные правила, равно как и карантинный срок, назначенный для препровождаемых внутрь России пленных и добровольно сдавшихся турок по распоряжению командующего войсками в Молдавии, строго соблюдались. Однако этот срок был в два раза меньше положенного по карантинному уставу, что очевидно объяснялось стремлением избежать на границе скопления пленных. Описал Рахманов и противоэпидемиологические меры, принимавшиеся по его приказам во время транспортировки пленных по губерниям: полициям дано было предписание приготовить для турок квартиры отдельно от обывателей, а в случае прибытия к населенному пункту партии, в составе которой окажутся больные (прежде всего, горячками), турки должны были ночевать вообще за пределами города или селения. Все эти нормы, по словам губернатора, неукоснительно исполнялись.⁵⁰

В приложенном рапорте Короленкова от 14 ноября 1810 г. действительно содержались подробные сведения о развитии эпидемии и постепенном ее затухании. К 21 октября он осмотрел пленных турок во всех десяти селениях и установил, что больных было 487 человек: 73 перемежающимися лихорадками, 291 гнилыми горячками, соединенными с нервными, и 123 гнилыми поносами.⁵¹ К моменту прибытия Короленкова, т. е. к 8 октября, на местах расселения за три недели умерло 170 душ. Сравнивая эти данные с приведенными выше сведениями из донесений губернатора (ко 2 октября умерло 102 человека, а с 1 по 14 октября – 127 человек), можно сказать, что пик развития эпидемии пришелся как раз на первую половину октября: в первую неделю умерло около 70 человек и около 60 – во вторую. В этот период число заболевших «ежедневно умножалось... заражая один другого и семья семью». Однако с 8 октября по 12 ноября, т. е. в течение пяти недель смертность составила всего 130 человек (61 от горячек и 69 от поносов). Если учесть, как следует из вышеприведенных данных, что около 60 из них пришлось на первую неделю этого отрезка времени, то можно говорить о том, что распространение эпидемии достаточно быстро было остановлено. О том, что число умерших уменьшалось каждую неделю, равно как сокращалось и число больных (к 12 ноября их

---

⁵⁰ Там же. Л. 147–150.

⁵¹ Там же. Л. 151.

было 72 человека — лихорадками 15, горячками 46 и поносами 11), писал и сам Короленков. Причем большинство оставшихся больными также подавали надежды к выздоровлению. Таким образом, из 487 больных, зафиксированных Короленковым, к этому времени выздоровело 285 человек (58 от лихорадок, 184 от горячек и 43 от поносов). В качестве причины того, что эпидемия пошла на спад, инспектор выставлял принимаемые им меры к «отдалению причин, рождающих болезни», а также «способы врачевания». По его же данным, благодаря мерам, предписанным губернатором, и ревностно проводившимся в жизнь самим инспектором и земским исправником, не заболел ни один житель уезда. Ситуацию на момент составления донесения Короленков считал настолько благоприятной, что поручил заканчивать дела штаб-лекару Елисаветградского уезда Гессину и старшему лекарскому ученику того же уезда отставному унтер-офицеру Паненко, а сам намеревался возвратиться в Херсон, где он был единственным членом врачебной управы и где отсутствовал даже уездный врач.⁵²

Не забыл Короленков донести и о тех медиках, которые помогали ему бороться с эпидемией. Среди них он упомянул Гессина, Паненко, а также ученика херсонской полевой аптеки Тимофеева, занимавшегося «составлением и сбережением медикаментов». Для всех них инспектор просил у губернатора наград – Гессина произвести в чин 8 класса, Паненко – 14 класса, а Тимофеева выдать денег.⁵³

16 ноября Короленков вместе с земским исправником передали губернатору обновленные данные о выздоровевших и больных, которые в тот же день были отправлены Балашову. Согласно им, за период с 12 по 16 ноября от гнилой горячки умер 1 человек, и еще 2 «души престарелых» от гнилых поносов. Выздоровели от горячки 14 человек, от лихорадки 8 и от поносов 5 человек. В результате осталось слабых после горячки 31, после лихорадки 7, и после поносов 4 человек – всего 42 человека⁵⁴.

Таким образом, из 487 больных почти за шесть недель поправилось 312 человек или 64% (а если учесть оптимистический прогноз инспектора, то эта цифра могла возрасти до 73%). Если сделать такие же расчеты по отдельным болезням, то процент выздоровевших от лихорадок составлял 90% (а с учетом благоприятного прогноза все 100%), от горячек 68% (с учетом прогноза 79%), а от поносов только 39% (с учетом прогноза лишь 42%). Таким образом видно, что наиболее массовыми болезнями были горячки, а наиболее опасными – поносы.

---

⁵² Там же. Л. 155–156.

⁵³ Там же. Л. 156.

⁵⁴ Там же. Л. 159.

Получив донесения Рахманова с попытками оправдания от 15 и 16 ноября 1810 г., Балашов представил на имя императора 1 декабря доклад, в котором попытался защитить губернатора. Зная человеколюбивую, выражаясь языком того времени, позицию императора, министр опустил явно неудачный аргумент, что, мол, болезни пленных были делом обычным, и Рахманов не сообщил вовремя о них, поскольку хотел не тревожить начальство. Зато на первый план Балашов выдвинул тезис о том, что губернатор не сообщал ничего в Петербург, поскольку хотел сначала лично удостовериться во всех обстоятельствах дела, хотя Рахманов выдвигал этот аргумент лишь в оправдание задержки донесения о развитии эпидемии, а впервые сообщил о ней в Петербург еще до того, как отправился в места расположения турок. Далее Балашов сделал упор на тех мерах, которые предпринимались губернатором для предотвращения болезней и борьбы с ними, сообщил царю лишь статистику из последнего рапорта Рахманова за период с 12 по 16 ноября. Сведения же, фигурировавшие в донесениях Короленкова от 14 ноября и губернатора министру от 15 ноября о большом числе заболевших и умерших, Александру I вовсе представлены не были.⁵⁵ Правда Балашов перечислил причины болезней, названные Короленковым, – «нравственные причины в людях отдаленных от своего отечества», а также и перемена климата, пищи, образа жизни, тесное помещение, нечистота и наконец «недостаток в разных жизненных припасах».⁵⁶ Если большинство этих обстоятельств носили объективный характер, то три последних могли быть отнесены на счет недостаточного усердия местных властей. Впрочем, о реакции императора на этот доклад нам ничего не известно.

Вообще же упоминавшееся уже донесение Короленкова Рахманову от 14 ноября 1810 г. представляет собой чрезвычайно интересный документ с точки зрения истории медицины. В нем подробно описаны признаки заболеваний пленных турок, течение болезней, сформулированы их причины и механизмы распространения, а также названы основные средства и методы лечения. Многократно объехав селения, где находились больные турки, инспектор пришел к выводам, что у пожилых людей гнилые горячки начинаются с чувства изнеможения и истощения жизненных сил, молодых же людей болезнь поражает внезапно или проявляется сначала как «воспалительная горячка». Вслед за этим у больных начинаются поносы. Большая часть стариков теряли «раздражимость нервную», «для возбуждения которой все пособия тщетны были», и в итоге умирали, чему способствовали изнуряющие организм

---

⁵⁵ Там же. Л. 157–158.

⁵⁶ Там же. Л. 158.

поносы и «околоушные нарывы, которые вдруг затвердевали». Более молодые люди, «благополучно выдержав таковые припадки», выздоравливали. К числу особенностей болезни инспектор отнес «противное обонянию выдыхание, гнилой пот и зловонные испражнения», что, по его мнению, обуславливало заражение окружающих и могло, если бы не были приняты соответствующие меры, привести к заражению и остальных пленных и местных жителей.⁵⁷ Короленков выделял две группы причин заболеваемости: «предрасполагающие» и «местные». К первым он отнес моральные факторы и трудности пути – «печаль, грусть и скуку о потере своего отечества, имущества и родных, воображение неволи, расстройство души и беспокойство тела», которые были обусловлены перенесением «постоянных ненастьев погоды», постоянным изменением характеристик воды и «тощей пищи». Местными причинами Короленков считал тесноту помещений при больших семьях и некоторые этно-религиозные особенности бытового поведения турок: «противное религии их пребывание мужского пола вместе с женским, которые всегда почти запершись и закрывши головы и лица свои сидят по избам, отчего воздух оных сгущается и делается затхлый и вредный для дыхания, нечистота в оных, неопрятность около самих себя, даже до того, что все они имеют какой-то неприятный запах, тоска без опия, который они с рождения употребляют». К местным причинам болезней инспектор относил также перемену климата и непривычную воду, которую турки пьют в сыром виде, «употребляемую без разбора пищу», а также крайнюю бедность многих из них, «во всем недостаток», и «притом праздную жизнь».⁵⁸ К числу трудностей в борьбе с эпидемией Короленков относил и саму по себе «жестокость болезни» и невозможность поместить больных отдельно от здоровых, а также недостаточный присмотр, «затруднительность в скором обозрении оных, в раздаче лекарств и в аккуратном наблюдении» за их действием, что было обусловлено «рассеянностью» пленных по селениям и недостатком медицинских чиновников. Среди причин болезней названо и весьма туманное «суеверие в точности соблюдения наставлений». Сюда же инспектор причислил «невоздержанность» турок в пище и питье, а также препятствующие общению с чиновниками и медиками незнание ими «национального языка» и «азиатскую дикость нравов» турок.⁵⁹ Любопытны и методы лечения, примененные Короленковым. Первым делом он ввел для пленных строгую диету, запретив употребление молока, сыра, яиц, рыбы, арбузов, «разных лепешек, турецких колбас», баранины и прочих «неудобосваримых яств», причем не только больным, но и здоровым

---

⁵⁷ Там же. Л. 151–152.

⁵⁸ Там же. Л. 152–153.

⁵⁹ Там же. Л. 153.

пленным. Тоже касалось и употребления сырой воды. Вместо этого инспектор уговаривал турок есть «жидкую ячневую кашу, сваренную с цыпленком или, по крайней мере, с хорошим коровьим маслом в малом количестве». В качестве питья Короленков рекомендовал больным отвар ячневой крупы с добавлением «по пропорции приятного вкуса» меда и уксуса, либо купоросной кислоты. Здоровым же предлагалось пить такой же отвар, настоянный с ржаными сухарями или хлебом. С целью предотвращения заражения туркам было предписано чаще открывать двери и окна, окуривать помещения «серною кислотой с селитрою», а самим бывать больше на улице. Где возможно, следовало уменьшить тесноту расселения пленных, не смешивая их однако с обывателями и не стесняя излишне последних. Здоровым запрещалось общаться с больными. За ними дозволялся только необходимый уход, и то только на сытый желудок, а после таких контактов следовало с уксусом вымыть руки и лицо. Немедленному проведению в жизнь перечисленных противоэпидемиологических мероприятий способствовало личное присутствие губернатора и своевременное доставление крупы, меда и уксуса госпитальным исправником Лисаневичем. Именно благодаря этому, по мнению Короленкова, и удалось остановить распространение болезни. Для лечения же уже заболевших применялись, сначала «рвотные и разводящие» средства, способствующие «извержению зловредных нечистот из пищеварительных путей», а затем, в зависимости от течения болезни, внутренние и наружные средства «для истребления и поправления гнилостных соков, для возбуждения раздражимости и для восстановления и подкрепления истощенных сил».⁶⁰

История эпидемии в Александрийском уезде (довольно эффективно и быстро подавленной) была скорее исключением для мест постоянного размещения турок, где в условиях стабильного существования смертность от болезней была крайне незначительна. Это свидетельствует об успехе губернских властей в деле сохранения жизни и здоровья пленных. Большинство же вспышек заболеваний и повышенная смертность приходится на время транспортировки, прежде всего, от театра военных действий до приграничных пунктов и непосредственно в них. Документы об эпидемии в Александрийском уезде показывают, что одним из важнейших факторов распространения эпидемии власти считали этноконфессиональные особенности бытового поведения турецких пленных, они же считались и серьезным препятствием в борьбе с болезнями. Понимая это, российские чиновники предпринимали целенаправленные усилия по преодолению межкультурных барьеров, убеждали пленных придерживаться принятой тогда в Европе методики про-

---

⁶⁰ Там же. Л. 153–155.

филактики и лечения. И, судя по всему, их деятельность в этом направлении имела некоторый успех.

Boris P. Milovidov

Milovidov Boris Pavlovich – the editor of Kriga publishing house (St. Petersburg), the master of history.

PROBLEM OF MEDICAL CARE The PRISONER OF WAR to TURKS in 1809-1812.

The question of the Turkish prisoners of war captured during the Russo-Turkish war of 1806-1812, in domestic science is studied a little. If situation captured the Ottoman Empire in Russia at the first stage of war, a problem of relationship of Turks with the population of internal provinces and legal status Turkish captured in 1809-1812 the author were considered in other works, the problem of incidence Turkish captured and the organization for them medical care specially wasn't studied. Epidemic history in the Alexandria district (quite effectively and quickly suppressed) was rather an exception for places of continuous placement of Turks where in the conditions of stable existence diseases mortality was extremely insignificant. It testifies to success of the provincial authorities in preservation of life and health of the captured. The majority of outbreaks of diseases and the increased mortality falls on transportation time, first of all, from a battlefield to border points and directly in them. Documents on epidemic in the Alexandria district show that as one of the most important factors of distribution of epidemic of the power considered ethnoconfessional features of household behavior Turkish captured, they were considered also as a serious obstacle in fight against diseases. Understanding it, the Russian officials undertook purposeful efforts on overcoming of cross-cultural barriers, convinced captured to adhere to the technique of prevention accepted then in Europe and treatment. And, apparently, their activity made some success in this direction.

Key words: prisoners of war, Russian-Turkish war of 1806-1812, epidemic, Alexandria district

Е.А. Назарян

МИФОЛОГИЯ МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО СРАЖЕНИЯ В УМАХ ОБЫВАТЕЛЕЙ в 1912 и 2012 гг.

Каждый новый юбилей приводит к обострению мифотворческой активности обывателей. Желание быть сопричастным знаменательным событиям порождает целый ряд мифов, баек и просто сказок. До сих пор самым дискуссионным вопросом применительно к событиям 1812 г. в Малоярославце остается легенда о подвиге повытчика малоярославецкого нижнего земского суда Саввы Ивановича Беляева. Еще один забавный местный миф, появившийся где-то в 1960-е гг. касается того, что М.И. Кутузов верхом на белом коне сразу после сражения проехал по Верхне-Солдатской улице (ныне ул. им. М.И. Кутузова) к Монастырью и с монастырской площади оглядел окрестности. В 1962 г. на Монастырской площади был поставлен памятный знак, а в 1987 г. в здании бывшей поминальной часовни была открыта диорама «Сражение при Малоярославце 12/24 октября 1812 года», где этот эпизод и был запечатлен. Хотя историкам прекрасно известно, что Кутузов, будучи в преклонных летах, ездил, в основном, в коляске. Удивительно, но юбилейные даты, которые, казалось бы, побуждают нас более пристально взглянуть в прошлое и являются прекрасным поводом, чтобы исправить накопившееся ошибки, порождают все новые и новые мифы.

Ключевые слова: мифология, Малоярославецкое сражение, историческая память

Каждый новый юбилей приводит к обострению мифотворческой активности обывателей. Желание быть сопричастным знаменательным событиям порождает целый ряд мифов, баек и просто сказок.

До сих пор самым дискуссионным вопросом применительно к событиям 1812 г. в Малоярославце остается легенда о подвиге повытчика малоярославецкого нижнего земского суда Саввы Ивановича Беляева. По существующей в местном краеведении традиции считается, что Беляев разрушил мельницу на реке Луже, после чего французские понтоны были снесены, а левый берег реки временно затоплен. Это задержало французские войска не менее чем на сутки и дало возможность русским подойти к Малоярославцу и дать решающее сражение⁶¹.

---

⁶¹ Среди обывателей ходит байка, будто Наполеон лично подъехал к реке Луже, когда она уже вошла в привычное русло, и сказал своим маршалам: «И вы целые сутки не могли переправиться через эту речку? Это не река, а Лужа!» Якобы с тех самых пор река и носит название Лужа. Конечно, название неблагозвучное, но, вполне вероятно, что в древности река называлась Лужва, по аналогии с Протвой, Москвой и другими.

Впервые эта версия событий была изложена В.С. Глинкой в 1842 г. в книге «Малоярославец в 1812 году, где решилась судьба большой армии Наполеона»⁶². В.С. Глинка – сын участника, современника и свидетеля событий 1812 г. С.Н. Глинки, родного брата Ф.Н. Глинки. Рассказ о подвиге Беляева Глинка приводит со слов архимандрита Макария, настоятеля Черноостровского монастыря. Однако сам Макарий этот подвиг видеть не мог, так как еще 6 октября (ст. ст.) 1812 г. уехал в Калугу, а вернулся в Малоярославец только 16 октября (ст. ст.). Следовательно, он передавал информацию из третьих уст. Документов, подтверждающих версию о задержке французов под Малоярославцем на целые сутки, обнаружено не было. Тем не менее, о подвиге местного патриота повествуют многие краеведы конца XIX – начала XX вв.: И.И. Безсонов⁶³, И.Ф. Цветков⁶⁴, Н.В. Кременский⁶⁵ и др. В основном, эти работы выходят в юбилейный 1912 год и несут мощный патриотический заряд. Очевидно, что, в работах, вышедших в канун 100-летнего юбилея, патриотическая тематика явно превалировала над научной обоснованностью.

Еще в 1884 г. генерал-майор в отставке Александр Яковлевич Миркович (ветеран Отечественной войны 1812 г.) обратился с письмом в Малоярославецкую думу с предложением поставить памятник Беляеву. Миркович первым пожертвовал 100 рублей. По всероссийской подписке, за короткий срок было собрано 14808 рублей 98 коп. И в 1899 г. был открыт памятник, на пьедестале которого была сделана надпись: «Доблестному патриоту С.И. Беляеву благодарная Россия».

Книга А.Е. Дмитриева и В.М. Беспалова «Малоярославец»⁶⁶, также вышедшая к юбилею – празднованию 550-летия со дня основания города, полностью повторяла рассказ о подвиге Беляева.

Впервые серьезной критике эта версия подверглась в работе А.А. Васильева «Сражение при Малоярославце 12 октября 1812 года».⁶⁷

Васильев указывает, что «документы, в частности рапорт генерала Дельзона, свидетельствуют, что 10 (22) октября 1812 года французы дошли только до Боровска и под Малоярославцем появились лишь на следующий день».⁶⁸ Причем, Васильев утверждает, что мост через Лу-

---

⁶² Глинка В.С. Малоярославец в 1812 году, где решилась судьба Большой армии Наполеона. СПб., 1842. С. 40–48.

⁶³ Безсонов И.И. Битва в Малоярославце 12 октября 1812 года. Калуга, 1912. С. 12–14.

⁶⁴ Цветков И.Ф. О Савве Ивановиче Беляеве, малоярославецком патриоте // Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 года. Калуга, 1912. С. 138–140.

⁶⁵ Кременский Н.В. Знаменитейший день 1812 года (Бой при Малоярославце). М., 1912.

⁶⁶ Дмитриев А.Е., Беспалов В.М. Малоярославец. Калуга, 1960.

⁶⁷ Васильев А. А. Сражение при Малоярославце 12 октября 1812 года // Очерки по истории города. Малоярославец, 1992. С.16–87.

⁶⁸ Васильев А. А. Указ соч. С. 23.

жу был разрушен и французы для переправы использовали мельничную плотину, находившуюся в 500 м выше моста. Два французских батальона 1-й бригады 13-й пехотной дивизии переправились по узкой плотине на правый берег Лужи и ночевали в пустом (!) городе. Шесть других батальонов Дельзон оставил ночевать на левом берегу Лужи напротив разрушенного моста и мельничной плотины.⁶⁹

В этом же сборнике была помещена статья Н.Е. Ячник «Памятники Отечественной войны 1812 года в Малоярославце», в которой она поддерживает мнение Васильева. Однако, по нашему мнению, она все же, приводила косвенные данные, что плотина все-таки была разрушена.⁷⁰

Возмущению местных жителей по поводу сомнений в подвиге земляка не было границ. Поэтому, в целом признавая правильными выводы Васильева, Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года занял двойственную позицию. В книге «Малоярославец. История и современность», опять таки вышедшей к 600-летию юбилею города Малоярославца, о подвиге Саввы Беляева не упоминается вовсе, но подробно описывается сбор средств на памятник и открытие училища им. С. Беляева.⁷¹

Спор продолжался 10 лет, но, увы, никаких новых документов за этот период в научный оборот введено не было. И к очередному юбилею– 200-летию Отечественной войны 1812 г. – точку в споре поставила городская дума Муниципального образования городское поселение «Город Малоярославец». Своим решением от 05.06.2012 г. № 189 о присвоении звания «Почетный гражданин города Малоярославца» Савве Ивановичу Беляеву. Теперь С.И. Беляев имеет право на бесплатный проезд в общественном транспорте и льготы на оплату коммунальных услуг.

В период празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. появляются люди, которые, несмотря ни на что, упорно называют себя потомками героев 12-го года. И это породило новые мифы и легенды. Во время подготовки к юбилею особая межведомственная комиссия в Москве приняла решение составить списки потомков участников войны 1812 г. и облагодетельствовать их. В Калужской губернии занимались этим вопросом с усердием и старанием. По уездам составлялись списки потомков ветеранов на основании имеющихся документов: послужных списков, аттестатов, рескриптов на награждение

---

⁶⁹ Там же. С. 28.

⁷⁰ Ячник Н.Е. Памятники Отечественной войны 1812 года в Малоярославце // Очерки по истории города. С. 97–113.

⁷¹ Щебикова Е.А. «...И вечной памятью двенадцатого года» // Малоярославец. История и современность. Калуга, 2002. С. 109–125.

орденами и т. д. Если документов не было, то проводились полицейские расследования. В Малоярославецком уезде нашлось 15 человек – потомков ветеранов войны 1812 г.

Не обошлось и без курьезов. Так, крестьянка села Угодки, Угодско-Заводской волости Малоярославецкого уезда Евдокия Степановна Киселева просила назначить ей пенсию в связи с тем, что ее отец Степан Васильевич Адуевский, крестьянин д. Пафнутьевой, принимал участие в войне 1812 года и оказал Отечеству неоценимые услуги. Пристав I стана Малоярославецкого уезда провел дознание по этому вопросу: допрашивал Евдокию Киселеву и крестьян д. Пафнутьевой. Крестьяне Белуцкий, Адуевский и Белов объясняют, что «по рассказам в 1812 г. в ихней деревне стояли солдаты. А Степан Васильевич Адуевский был в виде десятского, а потому он по деревне делал распоряжения, сам он был человек не военный и войска никогда никуда не сопровождал».⁷² Но дотошный пристав продолжает расследование и допрашивает внука С.В. Адуевского, мещанина Ивана Адуевского, живущего в г. Малоярославце в собственном доме. Выясняется, что документов об участии деда в войне 1812 года не сохранилось, а существует лишь фамильное предание, о том, что «Степан Васильевич Адуевский во время Отечественной войны проживал в деревне Боевка, Угодско-Заводской волости, Малоярославецкого уезда, отстоящей на 10 верст от села Тарутино и имел там свой дом. В этом доме впоследствии квартировал генерал М.И. Платов. При занятии французскими войсками села Тарутино во всей деревне Боевке из всех жителей её остался один Степан Адуевский. Между деревней Боевкой и с. Тарутиным находился лес. Неприятель хотел по Большому тракту пройти из Тарутино на Калугу, но генерал Платов благодаря указаниям Степана Адуевского в означенном лесу отрезал путь неприятелю и заставил его взять направление на г. Боровск. Когда же оттуда французские войска пошли на Малоярославец, то генерал Платов спешил уже на выручку в Малоярославец, но дорогой ему надлежало перейти р. Протву. Переправа через Протву была затруднена, так как в то время городская мельница в г. Малоярославце на реке Луже была разобрана, а вода спущена. Речка Лужа, впадая в речку Протву, естественно подняла высоту и реки Протвы, что и было препятствием к скорой переправе через неё для генерала Платова. Но и здесь Степан Адуевский выручил наши войска, указал генералу Платову более удобное и более надежное место для переправы».⁷³

---

⁷² Государственный архив Калужской области (далее – ГАКО). Ф. 159. Оп. 5. Д. 3307. Л. 45.

⁷³ Там же. Л. 47.

Легендарность данного рассказа совершенно очевидна. Канцелярия губернатора принимает решение в получении пенсии отказать и в списке не вносить.

Однако были и более успешные попытки. Александр Иванович Храповицкий был личностью очень деятельной, видимо, имел авантюрный склад характера. Так, в 1911 г., когда полицейское управление составляло списки потомков участников Отечественной войны 1812 г., А.И. Храповицкий, тогда уже статский советник, заявил, что «его дед Николай Иванович Храповицкий командовал Лейб-гвардии Измайловским полком и принимал участие в Бородинском сражении»,⁷⁴ что и было зафиксировано Малоярославецким уездным исправником. Хотя, как хорошо известно, Лейб-гвардии Измайловским полком на Бородинском поле командовал Матвей Евграфович Храповицкий. За Бородинское дело М.Е. Храповицкий был произведен в генерал-майоры со старшинством с 26 августа (ст. ст.) 1812 г. (на 27 году жизни).⁷⁵

Как удалось выяснить, дед А.И. Храповицкого – Николай Иванович Храповицкий – в 1815 г. был поручиком, а в 1812 г. подпоручиком Лейб-гвардии Семеновского полка.⁷⁶ Действительно, он был участником Отечественной войны 1812 г., но командовать полком никак не мог. Вряд ли внук не знал об этом. М.Е. Храповицкий приходился Н.И. Храповицкому лишь троюродным братом.⁷⁷

Тем не менее, в августе 1912 г. А.И. Храповицкий поехал на Бородинское поле на юбилейные торжества в память Отечественной войны 1812 года.⁷⁸ Впоследствии информация об А.И. Храповицком как о внуке героя Бородинского сражения, командовавшего Лейб-гвардии Измайловским полком, прочно вошла в краеведческую литературу⁷⁹.

Спустя сто лет юбилейная лихорадка продолжает плодить все новые и новые мифы.

Самым популярным на сегодняшний день в Малоярославце является миф о победе русского оружия под Малоярославцем и о перелом-

---

⁷⁴ Там же. Ф. 32. Оп.2. Д. 1609. Л. 60.

⁷⁵ Русский биографический словарь / Под ред. А.А. Половцева. Т. 21. Фабер-Цявловский. СПб., 1901. С. 422; Военный энциклопедический лексикон. Т. XIII. СПб., 1857. С. 504; Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813 1814 и 1815 годах. Т. 5. СПб., 1848–1849. С. 1–11; Военная галерея 1812 года. СПб., 1812. С. 257–258; Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XIX в. Т. VII. М., 1996. С. 600, 601; Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 765.

⁷⁶ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1343. Оп. 31. Д. 3041. Л. 49 об.

⁷⁷ У Дементия были сыновья Яков и Юрий. У Юрия сын Иван, у Якова сын Евграф. У Евграфа сын Матвей, у Ивана сын Николай. Т.е. сыну Николая – Ивану, Матвей Евграфович приходился лишь четверюродным дедом.

⁷⁸ ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1609. Л. 316.

⁷⁹ Халаев В.Н. Калужане – участники в Отечественной войне. Калуга, 1912. С. 8.

ном характере сражения для всей кампании 1812 г. Вывод Васильева о том,⁸⁰ что после Малоярославца Наполеон, отказавшись от генерального сражения, утратил стратегическую инициативу, в умах обывателей трансформировался в «стратегическую» победу русского оружия над французским. Причем понятие «стратегическая» воспринимается как некий эпитет, который не несет серьезной смысловой нагрузки и, в принципе, может быть отброшен. Этот миф находит свое проявление в ежегодных комментариях к реконструкциям сражений при обсуждении на сайте г. Малоярославца.⁸¹ Апофеозом стало появление в 2012 г. в центре города баннера с надписью: «Малоярославец – город, повернувший историю вспять». К сожалению, установить, кто автор этого афоризма бессмысленно как по форме, так и по содержанию, нам не удалось.

Тот факт, что русские войска после Малоярославецкого сражения отступили в сторону Калуги, сначала к селу Детчино, а затем еще дальше к Полотняному заводу никого из местных краеведов не смущает. Движение Великой армии и решение Наполеона направиться от Малоярославца в Верею, а затем в Можайск, трактуется исключительно как признание французским императором своего поражения. Причем, по мнению местных любителей истории, после Малоярославца Наполеон двинулся сразу на Старую Смоленскую дорогу. Дело осталось за малым: найти, где же в Малоярославце начинается Старая Смоленская дорога.

Еще один забавный местный миф, появившийся где-то в 1960-е гг. касается того, что М.И. Кутузов верхом на белом коне сразу после сражения проехал по Верхне-Солдатской улице (ныне ул. им. М.И. Кутузова) к Монастырю и с монастырской площади оглядел окрестности. В 1962 г. на Монастырской площади был поставлен памятный знак, а в 1987 г. в здании бывшей поминальной часовни⁸² была открыта диорама «Сражение при Малоярославце 12/24 октября 1812 года», где этот эпизод и был запечатлен. Хотя историкам прекрасно известно, что Кутузов, будучи в преклонных летах, ездил, в основном, в коляске.

Удивительно, но юбилейные даты, которые, казалось бы, побуждают нас более пристально взглянуть в прошлое и являются прекрасным поводом, чтобы исправить накопившееся ошибки, порождают все новые и новые мифы.

---

⁸⁰ Васильев А.А. Сражение при Малоярославце 12 (24) 1812 года. Малоярославец, 2002.

⁸¹ <http://schans.ru/>

⁸² Часовня построена в 1860 г. на деньги майора Максимова в 50-ти метрах от братских могил русских воинов, павших в Малоярославецком сражении. До революции находилась в ведении Свято-Николаевского Черноостровского монастыря. После национализации использовалась для различных хозяйственных нужд, в т. ч. и как здание музея.

Указом президента РФ № 608 от 07 мая 2012 г. Малоярославцу было присвоено почетное звание «город воинской славы», а 2 сентября 2012 г. на Бородинском поле у батареи Раевского президент торжественно вручил главе города О.В. Цируль грамоту о присвоении почетного звания. Может, это событие поможет малоярославчанам преодолеть детские комплексы, даст возможность в полной мере почувствовать себя сопричастными к славным страницам Отечественной войны 1812 г., и малоярославцевские краеведы от мифотворчества перейдут к глубокому и всестороннему изучению истории своего города.

E.A. Nazaryan

Nazaryan Ekaterina Anatolyevna – the manager of chair of gosudarstvenno-legal disciplines of Maloyaroslavetsky branch of the Moscow financial-legal university (Maloyaroslavets), the candidate of historical sciences, the associate professor.

MYTHOLOGY OF MALOYAROSLAVETSKY BATTLE In MINDS of INHABITANTS in 1912 and 2012.

Each new anniversary leads to a sharpening of mifotvorchesky activity of inhabitants. The desire to be to copresent significant events generates a number of myths, baizes and simply fairy tales.

Still the most debatable question in relation to events of 1812 in Maloyaroslavets there is a legend of a feat of a povytchik of maloyaroslavetsky bottom territorial court of Savva Ivanovich Belyaev. One more amusing local myth which has appeared somewhere in the 1960th concerns that M. I. Kutuzov astride a white horse right after battle passed on Verkhne-Soldatskaya Street (nowadays M. I. Kutuzov St.) to the Monastery and from the monastic area inspected vicinities. In 1962 the memorable sign was placed on the Monastic square, and in 1987 in the building of the former funeral chapel the diopama "Battle was open at Maloyaroslavets on October 12/24, 1812" where this episode and was imprinted. Though historians perfectly know that Kutuzov, being in advanced litas, I went, generally in a carriage. Surprisingly, but anniversaries which, apparently, induce us more fixedly to peer into the past and are an excellent opportunity to correct collected errors, generate all new and new myths.

Key words: mythology, Maloyaroslavetsky battle, historical memory

А.А. Орлов

АНГЛИЙСКИЙ ОБЕРШПИОН ИЛИ СОЛДАТ УДАЧИ

(Оценка деятельности и личности генерала Р.Т. Вильсона в русской и англоязычной историографии)

Практически во всех трудах, посвящённых Отечественной войне 1812 г. и эпохе наполеоновских войн в целом, упоминается британский офицер сэр Роберт Томас Вильсон (1777–1849 гг.). В русской историографии оценка его деятельности, особенно в период нахождения в качестве британского комиссара при штабе М.И. Кутузова, до сегодняшнего дня весьма критическая. Это тем более странно, что в отечественной мемуарной литературе трудно найти действительно серьёзные негативные упоминания о нём. Мемуары самого Вильсона о событиях 1806–1807 и 1812 гг. дышат духом дружбы и уважения к России и к её народу. Однако со второй половины XIX в. российские исследователи начинают изображать его как интригана, русофоба и циничного британского шпиона. Вильсон – сын эпохи Просвещения, для представителей которой характерны положительные и негативные черты, которые проявились в деятельности британского офицера. Везде, где бы он ни оказался, он был готов неустанно защищать интересы своей страны, однако, не любыми способами. Определяющим критерием для него было следование сформировавшимся в XVIII в. принципам личной чести благородного человека (джентльмена). Честь призывала бороться с несправедливостью и насилием независимо от того, от кого они исходили. (С этой позиции понятно изменение его отношения к России в 1817 г. Борьба Александра I с агрессором была справедливой борьбой. Но как только, по мнению генерала, император захотел занять место Наполеона, он потерял право на уважение и должен был встретить сопротивление Великобритании.) Беспокойный характер и романтический настрой души нередко толкали Вильсона на авантюрные действия или неосторожные высказывания, но это никогда не было заранее и холодно рассчитанным шагом политического интригана-provokatora.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Наполеоновские войны, историография, Р.Т. Вильсон

Практически во всех трудах, посвящённых Отечественной войне 1812 г. и эпохе наполеоновских войн в целом, упоминается бри-

танский офицер сэр Роберт Томас Вильсон* (1777–1849 гг.)⁸³. В русской историографии оценка его деятельности, особенно в период нахождения в качестве британского комиссара при штабе М.И. Кутузова, до сегодняшнего дня весьма критическая. Это тем более странно, что в отечественной мемуарной литературе трудно найти действительно серьёзные негативные упоминания о нём. Мемуары самого Вильсона о событиях 1806–1807 и 1812 гг. дышат духом дружбы и уважения к России и к её народу. Однако со второй половины XIX в. российские исследователи начинают изображать его как интригана, русофоба и циничного британского шпиона.

Мне представляется, что переломным моментом в изменении отношения к Вильсону стало издание в 1860–1862 гг. его племянником и зятем (так!) преподавателем Г. Дж. Рэндалфом нескольких томов воспоминаний своего родственника о событиях 1812–1814 гг.⁸⁴. Интерес к этим трудам оказался велик. Немедленно появились их полные или частичные переводы на французский, немецкий и русский языки, а также рецензии и критические отклики на них⁸⁵. Во всех сочинениях, издан-

---

* Для избежания неясностей в настоящей работе его фамилия даётся в устаревшем произношении, хотя более правильно писать её Уилсон, что делалось в некоторых работах российских историков.

⁸³ Это относится к научным, научно-популярным и художественным произведениям. Борьба Вильсона в британском парламенте за предоставление испанским колониям в Америке независимости от метрополии упоминается в последнем романе одного из великих писателей мировой литературы Г. Гарсиа Маркеса, повествующем о том, как завершилась жизнь национального героя Латинской Америки генерала С. Боливар. См.: Гарсиа Маркес Г. Генерал в своём лабиринте / Пер. А. Борисовой. Роман. СПб., 2003. С. 38, 70 и сл.

⁸⁴ Wilson R.[T.] Narrative of Events, during The Invasion of Russia by Napoleon Bonaparte, and The Retreat of the French Army. 1812. By General Sir Robert Wilson, K.M.T., baron of Austria and the Holy Roman Empire; G. C. St. A. of Russia; K. C. St. G. of Russia, etc., etc. British Commissioner at the Head-quarters of the Russian Army / Ed. by his nephew and son-in-law, The Rev[erend] Herbert Randolph, M. A., of Balliol College, Oxford. L., 1860. (В том же году книга вышла повторным изданием. Далее сноски будут делаться на него следующим образом: Wilson R.[T.] Narrative of Events... Second edition.); *Idem*. Private Diary of Travels, Personal Services, and Public Events, during Mission and Employment with the European Armies in the Campaigns of 1812, 1813, 1814. From the Invasion of Russia to the Capture of Paris / Ed. by... H. Randolph. Vols. I–II. L., 1861 (далее – Wilson R.[T.] Private Diary...); Life of Sir Robert Wilson from autobiographical Memoirs, Journals, Narratives, Correspondence, etc. / Ed. by... H. Randolph. Vols. I–II. L., 1862.

⁸⁵ Forgues E.-D. Le Général Sir Robert Wilson commissaire anglais au camp russe pendant la guerre de 1812 // Revue de deux Mondes. Seconde période. T. XXXI. Paris, 1861. Livraison du 15 Janvier. P. 345–385; Wilson R.[T.] Geheime Geschichte des Feldzugs von 1812 in Russland von General Sir Robert Wilson. Aus dem Englischen von Julius Seybt. Leipzig, 1861; Л. Де-п. Роберт Вильсон, очевидец кампании 1812 года // Военный сборник, 1860. Т. XVI. Кн. 12. С. 299–342; Толстой Ю.[В.] Записки Сэр-Роберта Вильсона о нашествии Наполеона на Россию и об отступлении его армии // Русский вестник, 1862. Т. 37, № 1 (январь). С. 129–195; Богданович М.[И.] <...> Описание нашествия на Россию Наполеона Бонапарте и от-

ных Рэндолфом, естественно, утверждалось: главным победителем Наполеона I была Великобритания, а сам Вильсон – неутомимым проводником британской политики во всех странах (от мыса Доброй Надежды и Египта до России), куда его забрасывала судьба в период войн с «корсиканским чудовищем». При описании событий войны 1812 г. генерал подробно рассказывал о взаимных конфликтах российских военачальников в первый период кампании, о медленности продвижения русской армии во второй её половине, о своей борьбе с Кутузовым, считая его вольным или невольным виновником спасения Наполеона, которого тот мог разгромить «сто раз до Березины»⁸⁶.

Такая позиция оскорбила российскую читающую публику, только что пережившую тяжёлое в политическом и моральном плане поражение в Крымской войне 1853–1856 гг. Публикация именно в этот момент записок Вильсона могла быть воспринята как попытка Лондона, не сумевшего добиться полного военного разгрома противника даже в союзе с Францией, Сардинским королевством и Османской империей, отнять у России честь победы над Наполеоном I. На запоздалость выхода в свет мемуаров генерала указал в своей рецензии и авторитетный военный историк М.И. Богданович. «...Если бы сочинение Вильсона было издано вскоре после войны 1812 года, то оно совершенно удовлетворило бы общим ожиданиям», – писал он⁸⁷.

Тут кстати вспомнили о том, что ещё в 1817 г. Вильсон опубликовал книгу «Очерк военного и политического могущества России». В ней он давал следующий прогноз: если Великобритания ничего не противопоставит росту могущества империи Александра I, возможно распространение русского влияния на Центральную Европу, нападение на Индию, захват Константинополя и в будущем установление господства Петербурга над всем миром⁸⁸. Американский историк А. Ресис считает

ступления французской армии в 1812 году. Соч. генерала сэра Роберта Вильсона. 2 издание. Лондон. 412 стр. // Инженерный журнал. 1862. № 1. Отдел неофициальный. III. Критика и библиография. С. 1–32 и т. д. Полного перевода хотя бы одной из книг Вильсона в России тогда не появилось из-за противодействия цензуры. См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 772 (Главное управление цензуры Министерства народного просвещения). Оп. 1. Ч. II. Д. 5854 (342). «О разрешении статьи Ю.В. Толстого "Записки сэра Роберта Уильсона о нашествии Наполеона на Россию и об отступлении его армий" для журнала "Русский вестник"».

⁸⁶ Критику российского военного руководства в целом см.: Wilson R.[Т.] Private Diary... Vol. I. P. 275. Критику Кутузова см.: Ibid. P. 221–222, 238, 266; Wilson R.[Т.] Narrative of Events... Second edition. P. 276 (один из самых ярких обличительных пассажей, где автор обвиняет Кутузова в нанесении прямого ущерба России).

⁸⁷ Богданович М.[И.] Указ. соч. С. 2.

⁸⁸ [Wilson R.T.] A Sketch of the Military and Political Power of Russia in the Year 1817. L., 1817 (далее – [Wilson R.T.] A Sketch...). Эта работа только в 1817 г. была издана четыре раза и в следующем году вышла пятым изданием. Она была сразу же переведена на фран-

выход в свет этой книги важным событием в истории политического и идейного противостояния России и Западной Европы. Он пишет, что Вильсон распространял русофобию в Британии⁸⁹. Ресис, правда, отметил и объективность автора, писавшего, что русское управление уже завоёванными народами было весьма толерантным и либеральным. За границей Россия «не стремилась к прозелитизму, она лишь требовала людей, которым были открыты все военные и гражданские должности, согласно их талантам и службе». Таким образом, по словам Вильсона, «в Азии она (Россия – *A.O.*) азиатская, в Европе – европейская, в Америке... она американская»⁹⁰.

Ответ «клеветнику» не заставил себя долго ждать. Одна из первых критических заметок, которую мне удалось обнаружить, появилась в 1866 г. в журнале «Русский архив». Здесь были опубликованы воспоминания о Кутузове его дальнего родственника, ветерана 1812 г. Н.П. Шишкова⁹¹. В них неоднократно упоминалось имя Вильсона, и критически разбирались его записки, с которыми автор познакомился по сокращённому французскому переводу Э. Форгюэса. Шишков категорически отказывался верить в то, что во время встречи британского офицера с Александром I 12 (24) декабря 1812 г. в Вильне последний мог себе позволить в разговоре с иностранцем негативно отзываться о действиях Кутузова в прошедшую кампанию⁹².

Вскоре неприязнь российского общества к лицемерной политике Великобритании была подогрета итогами русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда руководители западных держав, в т.ч. британский премьер-министр Б. Дизраэли, в ходе работы Берлинского конгресса «украли» у России плоды её победы. Теперь уже к процессу развенчания книг одного из проводников подобной политики в прошлом подключились профессиональные историки. (Напомню, что во второй половине XIX в. вопрос о соотношении политики и нравственности, прежде всего, в связи с проблемами внутреннего развития страны занял в русской общественно-политической мысли особо важное место⁹³.)

цузский язык. См.: Wilson R.[T.] *Puissance politique et militaire de la Russie en 1817; Attribuée a Sir Robert-Wilson, Général au service d'Angleterre. Orné d'une carte.* A Paris, 1817.

⁸⁹ Resis A. *Russophobia and the "Testament" of Peter the Great, 1812–1980* // *Slavic Review*. 1985. Vol. 44. № 4 (winter). P. 685.

⁹⁰ *Ibid.* Note 18. Со ссылкой на кн.: [Wilson R.T.] *A Sketch...* P. 129–130.

⁹¹ Шишков Н.П. Воспоминание о князе Смоленском М.И. Голенищеве-Кутузове // *Русский архив*. 1866. Т. I. Кн. 3. Стлб. 460–470.

⁹² Там же. Стлб. 463. Рассказ Вильсона об этом разговоре см.: *Narrative of Events...* Second edition. P. 356–358.

⁹³ Пивоваров Ю.[С.] *Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX – первой половины XX столетия.* М., 1997. С. 188.

Сравним два труда российских авторов. Знаменитый учёный С.М. Соловьёв в книге о политике и дипломатии Александра I, впервые вышедшей в свет в 1877 г., только один раз упоминает имя Вильсона и не даёт никакой оценки его деятельности⁹⁴. В обширной статье на ту же тему казанского историка Н.Н. Фирсова, опубликованной годом позже, говорилось о том, что приезд Вильсона в Россию в 1812 г. имел целью, с одной стороны, сдержать продвижение русской армии на Дунае, с другой стороны, воспрепятствовать возможности заключения мира с Наполеоном⁹⁵. «Словом, желали связать одну руку России, но требовать, чтобы другою она не переставала драться», – полагал автор. Далее он приводил слова «одного английского писателя того времени» (какого именно, не указано), якобы утверждавшего: «Сколько бы ни погибло русских, для них (англичан – *A.O.*) было безразлично, лишь бы было уничтожено побольше французов»⁹⁶. Причём Фирсов чуть выше цитировал книгу Вильсона о кампаниях 1806 и 1807 гг.⁹⁷ с высокой оценкой вклада России в борьбу с Наполеоном, либеральнейшей политики (*his policy is most liberal and favourable to liberty*) Александра I и с укоризнами в адрес двуличного правительства собственной страны⁹⁸. (По прошествии 34-х лет в другой работе Фирсова такого надрыва уже не чувствуется, но негативная оценка влияния Вильсона на деятельность Кутузова сохранена⁹⁹.)

В дальнейшем в российской дореволюционной историографии сохранилось двойственное отношение к сочинениям и к личности Виль-

⁹⁴ Соловьёв С.[М.] Император Александр Первый. Политика – дипломатия. СПб., 1877. С. 245–246.

⁹⁵ Об этом см. рассказ самого Вильсона в книге *Narrative of Events... Second edition*. P. 98–99.

⁹⁶ Фирсов Н.Н. Отношения Англии и России в царствование императора Александра I // Древняя и новая Россия, 1878. Кн. 3. С. 251 (далее – Фирсов Н.Н. Отношения Англии и России...).

⁹⁷ Wilson R.[T.] *Brief Remarks on the Character and Composition of the Russian Army, and a Sketch of the Campaigns in Poland in the Years 1806 and 1807*. By Sir Robert Wilson, aide-de-camp to the King; Knight of the Military Order of Maria Theresa, &c. L., 1810. P. 56–58. Вскоре после начала войны 1812 г. появилось сразу три сокращённых перевода этого труда на русский язык. См.: Выписка из книги: *Brief remarks on the character and composition of the Russian Army &c.* [Пер. А.Н. Оленина?] // Санктпетербургский вестник, Издаваемый Обществом Любителей Словесности, Наук и Художеств. 1812. Ч. III. № 7. Прибавление I. С. 87–112; Выписка из книги: Краткие замечания о свойстве и составе русского войска, сочинённой Англинским офицером Сером Робертом Вильсоном. СПб., 1812; Замечания Англичанина о Русских // Вестник Европы. 1812. Ч. 65. № 18. Отдел IV. Смесь. С. 135–141.

⁹⁸ Фирсов Н.Н. Отношения Англии и России... С. 248.

⁹⁹ Фирсов Н.Н. 1812 год в социолого-психологическом освещении (общая характеристика). М., 1913. С. 40. Эта работа в сокращённом виде была прочитана автором на торжественном собрании Казанского университета 26 августа 1912 г., в день столетней годовщины Бородинского сражения.

сона. Мемуары и переписку генерала продолжали изучать и использовать в научных трудах. Журнал «Русский архив», основанный и издаваемый П.И. Бартеневым, в № 1 за 1878 г., в разделе «Книжные заграничные вести», сообщил читателям: «Британским музеем приобретены все рукописи и записки, оставшиеся после известного генерала Вильсона, Английского комиссара при иностранных армиях, в том числе и Русской, с 1799 по 1814 год, и его корреспонденция, в числе коей есть письмо императора Александра Павловича»¹⁰⁰. К 70-летию юбилею войны 1812 г. появилось издание писем современников этих событий, подготовленное видным военным историком Н.Ф. Дубровиным¹⁰¹. Здесь были опубликованы найденные составителем переводы (не всегда качественные и аутентичные) на русский язык некоторых донесений Вильсона, которые он в ходе кампании отправлял Александру I, британскому послу в России генералу У. Шоу (лорду Каткарту), главнокомандующему британской сухопутной армией герцогу Ф.А. Йоркскому и другим лицам. Письма сохранились благодаря тому, что их переводы, сделанные с подлинников, полученных императором, или перлюстрированных специально для него, были переданы Александром I гр. А.А. Аракчееву и находились среди бумаг последнего¹⁰².

Другое дело – отношение к личности Вильсона. Чем больше в представлении россиян реальный Кутузов превращался в мифологизированную фигуру главного, если не единственного, спасителя Отечества, тем более кощунственной и губительной для России выглядела борьба с ним британского комиссара. В массовом сознании разногласия двух исторических личностей превратились в анекдот, отражавший представления о неизменной лицемерной сути политики «коварного Альбиона». Этот анекдот пересказал в одном из своих словарей выдающийся исследователь русского изобразительного искусства Д.А. Ровинский. Комментируя гравюры, изображавшие пожар Москвы и героические подвиги русских людей в 1812 г., он дал следующую сноску: «Замечу здесь, мимоходом, про доброго союзника нашего Англичанина: английский комиссар, состоявший за это время (так в тексте – *А.О.*) при нашей

---

¹⁰⁰ [Бартенев П.И.] Книжные заграничные вести. История и биография // Русский архив. 1878. Кн. I. № 1. С. 195.

¹⁰¹ Дубровин Н.[Ф.]. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). Приложение к LXIII-му тому Записок Императорской Академии Наук. № 1. СПб., 1882.

¹⁰² Ныне эти письма, переплетённые в два больших тома, хранятся в фонде Аракчеева в Российском государственном военно-историческом архиве. См.: РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Т. 1. Д. 90, 91. О передаче Александром I документов 1812 г. Аракчееву «...дабы многие из оных не были ни кому и известны, кроме нас с тобою» см.: Александр I, Николай I и Александр II. Исторические материалы, к ним и к их эпохам относящиеся, 1822–1855. XII. Материалы войны 1812 г., принадлежавшие графу Аракчееву // Русская старина, 1881. Т. 32. № 12. С. 887–888. Письмо Аракчеева Николаю I от 4 сентября 1831 г.

главной квартире, собирал точные справки о том, где именно в районе [боевых] действий расположены наши фабрики, и давал о том знать французским мародёрам! А ведь другом нашим в то время назывался, и нашими руками себе жар загребал»¹⁰³.

Один из самых талантливых и замечательных историков императорской России вел. кн. Николай Михайлович даже в эпоху значительного улучшения российско-британских отношений в период создания Антанты писал в своей работе, посвящённой личности и политике Александра I, о том, что перед самым началом войны 1812 г. император оказался окружён «самой пёстрой толпой ненавистников Наполеона». В ней «...копошились обиженные Бонапартом немцы, как Штейн и Фуль, с другими немцами, носившими русские мундиры, как Беннигсен, Дибич и Толь; потом *всякие англичане* (курсив здесь и далее мой – А.О.), шведы, итальянцы, приверженцы разных павших Бурбонов, *в роде Вильсона*, Паулуччи, Мишо и Сен-При. Все горели нетерпением при помощи русских штыков сразить владычество тирана, сына великой революции, давали советы, вмешивались во всё и только тормозили работу. Истинно русские воины скорбели и негодовали...»¹⁰⁴. Понятно негативное отношение автора к «немцам», неизбежность войны с которыми уже была ясна для столь высокопоставленной особы. Его не менее презрительные взгляды на союзников России («всяких» англичан и французов) могли быть порождены стереотипным представлением об их постоянном стремлении воевать чужими руками.

---

¹⁰³ Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. IV. Приложения, заключение и алфавитные указатели. СПб., 1889. Стлб. 547–548. Прим. Анекдот об англичанах, руками французов уничтожающих промышленность России, мог быть искажённым отражением шуточного разговора Александра I с Вильсоном, пересказанного в мемуарах последнего. Генерал заметил, что в Англии испытали бы большую благодарность российскому императору, если бы он прислал туда всё содержимое штабного фургона маршала Даву (в фургоне были найдены карты Центральной Азии и Индии), захваченного при участии Вильсона во время сражения под г. Красным. Александр ответил: «О, нет, всё его содержимое тщательно сохраняется в моей канцелярии. Удивительно, как вы не догадались взорвать сей фургон, когда он был в ваших руках. Кстати, разве вы с Кэткартом (так в тексте. – А.О.) не имели инструкций сжигать все мануфактуры после взятия Пруссии и Германии?». – Вильсон Р.Т. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французов в 1812 году / Науч. ред. С.Н. Искюль. Пер. с англ. Д.В. Соловьёва. М., 2008. С. 222. Прим. (далее – Вильсон Р.Т. Повествование...).

¹⁰⁴ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. 1. СПб., 1912. С. 113. Это замечание автора вызвало отзыв советского историка И.С. Завича, который на закате существования «другой Антанты» – антигитлеровской коалиции – критиковал его презрительное отношение «ко всем иностранцам без изъятия». См.: Завич И.С. Как была заключена Тауроггенская конвенция // Учёные записки МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 114. История. М., 1947. С. 33. Прим. 1. Сам Завич скончался от сердечного приступа во время «проработок» в период кампании против космополитов.

В то же время не менее замечательный, но ныне почти забытый российский историк К.А. Военский, который, кстати, сотрудничал с вел. кн. Николаем Михайловичем¹⁰⁵, во всех трудах, посвящённых историографии Отечественной войны 1812 г., постоянно упоминал о чрезвычайной ценности записок Вильсона и о слабом знакомстве российских авторов с этими источниками, хотя прошло уже 50 лет после их первой публикации¹⁰⁶. Слабое знакомство, несомненно, порождалось тем, что ни одна из книг генерала так и не была полностью переведена на русский язык.

«Доставалось» Вильсону и от британских учёных. Причём некоторые их высказывания были диаметрально противоположными, а некоторые совпадали с определениями отечественных исследователей. Например, оксфордский профессор Х.Б. Джордж в предисловии к своей книге «Вторжение Наполеона в Россию», анализируя источники, писал следующее: «Сэр Роберт Вильсон, один из английских очевидцев [войны], смотрел на вещи, само собой разумеется, с русской стороны. Он имел превосходные возможности и хорошо судил о военных [вопросах], несмотря на, возможно, некоторую склонность к преувеличению своего собственного значения. Он беспощадно критиковал просчёты русских, особенно Кутузова»¹⁰⁷.

В советской историографии, при всём её отличии от дореволюционной, отношение к Вильсону не только осталось негативным, но и ещё более ухудшилось, став суперкритическим, на чём, безусловно, сказались непримиримая политическая вражда СССР и Великобритании. Наиболее ярко это проявилось в работах знаменитого историка академика Е.В. Тарле. Бдительное внимание к нему со стороны советских идеологических чиновников самого высокого уровня заставляло учёного от работы к работе постепенно усиливать негативную оценку деятельности британского офицера. В книге «Нашествие Наполеона на Россию», впервые опубликованной в 1938 г., он называет Вильсона «влиятельным врагом Кутузова», тайно следившим за фельдмаршалом и доносившим на него царю¹⁰⁸, хотя и признаёт за ним качества умного и тонкого наблюдателя, который «... прекрасно справлялся со своими

---

¹⁰⁵ Исмаил-Заде Д.И. Великий князь Николай Михайлович – судьба и книги // Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. М., 1999. С. 11.

¹⁰⁶ Военский К.А. 1812 год в английской литературе (Наполеон, Англия и Россия). Историко-библиографический очерк // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Т. VII. М., 1912. С. 294–296; Его же. Священной памяти Двенадцатый год. Исторические очерки, рассказы, воспоминания и другие статьи, относящиеся к эпохе Отечественной войны. СПб., [1912.] С. 74.

¹⁰⁷ George H.B. Napoleon's Invasion in Russia. With maps and plans. L., 1899. Preface. P. VIII.

¹⁰⁸ Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию // 1812 год. Е.В. Тарле. Избранные произведения / Сост. и общ. ред. В.А. Дунаевского. М., 1994. С. 257–258, 276, 280–283 и сл.

сложнейшими задачами...»¹⁰⁹. В более поздней статье, написанной в 1952 г., в основном, ради оправдания от обвинений в космополитизме, «Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат» автор величает генерала «английским обершпионом»¹¹⁰ в духе газетных публикаций о процессах «врагов народа».

С этого времени в подавляющем большинстве работ советских авторов, посвящённых Отечественной войне 1812 г., звучат обвинения Вильсона в шпионаже в пользу «английской буржуазии» или правящих кругов Великобритании и в стремлении очернить в глазах Александра I самого Кутузова и все его действия. Некоторые авторы просто ничего не меняли в своих книгах, впервые изданных ещё в 40-х – 50-х гг. XX в. и потом вышедших повторными тиражами¹¹¹. Такая оценка попала даже в солидное научное издание дипломатических документов русского Министерства иностранных дел. В шестом томе этой публикации, подготовленном специально к 150-летию юбилею войны, были помещены аннотации (ни одного источника хотя бы в выдержках) к нескольким письмам Вильсона, сопровождавшиеся следующим комментарием: «Письма... содержат много его личных домыслов и дают искажённое представление о действиях русского главнокомандующего. Вильсон пытался через Александра I оказать воздействие на Кутузова с целью побудить его *как можно меньше беречь силы русской армии*, а также путём клеветы дискредитировать Кутузова и внушить Александру I недоверие к русскому главнокомандующему. <...> Недовольство Александра I Кутузовым было, по-видимому, результатом клеветнических донесений Вильсона и других противников русского главнокомандующего, а также вызывалось широкой популярностью Кутузова»¹¹².

Мнение о Вильсоне как о враге России настолько устоялось в сознании советских историков, что и в перестроечные времена продолжали звучать прежние оценки. О.В. Орлик, например, в одной из своих книг писала о том, что на решение Александра I о переносе войны за границы России «определённое влияние» оказала английская дипломатия в лице Вильсона и лорда Каткарта. «Проводя давнюю тактику английской дипломатии, таскать каштаны из огня чужими руками, они представляли себя поборниками интересов России, ловко маскируя собственные интересы Англии. <...> В действительности же он (Вильсон – А.О.) исходил в своих призывах, прежде всего, из интересов правящих

---

¹⁰⁹ Там же. С. 151.

¹¹⁰ Тарле Е.В. Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат // Там же. С. 388.

¹¹¹ См., например: Жилин П.А. Михаил Илларионович Кутузов. Жизнь и полководческая деятельность. М., 1979. С. 260–263, 273, 275, 375–376.

¹¹² Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия 1. 1801–1815 гг. Т. VI. М., 1962. С. 774. Прим. 617.

кругов Англии, которые стремились к скорейшему сокрушению владычества наполеоновской империи в Европе, к уничтожению континентальной блокады. Английские правящие круги мало интересовали людские потери в этой войне. Англия как участник антинаполеоновской коалиции вносила значительные денежные суммы на ведение войны и мало жертвовала своими людскими силами. В то же время она серьёзно опасалась, что при длительном нахождении русских войск в европейских странах возрастёт влияние России на международной арене. А это противоречило всем её интересам, стремлениям укрепить на континенте свои позиции великой европейской державы», – пишет О.В. Орлик¹¹³.

Оставим на совести автора утверждение о том, что Великобритания «мало жертвовала своими людскими силами». Общеизвестно: британцы дольше всех (с 1793 по 1815 г. с небольшим перерывом в период Амьенского мира 1802–1803 гг.) и упорнее многих сражались с Наполеоном. Но нельзя не обратить внимание на прямое противоречие, содержащееся в этом тексте. Великобритания руками Вильсона и Каткарта подталкивает Александра I к переносу войны за границы его страны и в то же время ей категорически невыгодно, чтобы они там остались. Каким же путём можно будет убедить императора немедленно после победы очистить занятые ценой большой крови земли? С помощью новой войны, на этот раз с Россией? Или Вильсон «уговаривает» Александра I убраться восвояси? В книге Орлик повторяются почти все те обвинения, которые можно встретить в дореволюционной российской историографии. Отечественная наука, таким образом, доказала, что никаких принципиально новых подтверждений враждебного отношения британского генерала к России или его подрывной деятельности читателям представлено не будет.

Впрочем, иногда у советских историков появлялись идеи, призванные доказать: Вильсон не пропускал ни малейшей возможности поспорить между собой любые народы. А.В. Дубровский в статье об отношении британцев к реставрации династии Бурбонов во Франции кратко затронул эпизод с участием Вильсона и двух его друзей лейтенанта М. Брюса и капитана лорда Дж. Хили-Хатчинсона в неудачной попытке освобождения маршала М. Нея и в организации побега из тюрьмы наполеоновского министра почт гр. А.М. де Лавалетта¹¹⁴. Комментируя эти события, автор отметил: «...ряд свидетельств указывают

---

¹¹³ Орлик О.В. «Гроза двенадцатого года...». М., 1987. С. 114–115.

¹¹⁴ Об этом подробнее см.: Nightingale J., Rev[erend]. The Accusation, Examination, and Trial of Sir R. Wilson, Capt. Hutchinson and Mr. Bruce at Paris, for aiding the escape of M. Lavalette from prison, containing the intercepted letter from Sir Robert Wilson to Earl Grey, and other documents. L., 1816. Обширные отчёты о «деле Вильсона» с января по май 1816 г. помещала на своих страницах газета «Русский инвалид».

на то, что генерал пытался приложить руку к разжиганию вражды между английскими протестантами и французскими католиками». «Именно так толкует "Таймс" одно из писем к генералу от его брата сэра Эдварда, в котором тот просил сообщать о всех случаях притеснения протестантов во Франции»¹¹⁵. Если под таким углом зрения рассматривать огромное эпистолярное наследие Вильсона, может показаться, что он собирался разжечь пожар междоусобной вражды по всей Европе.

С позиции сегодняшнего дня эти обвинения выглядят абсурдными и нелогичными. Действительно, как можно обвинять в шпионаже представителя дружественной России державы, заключившей с ней в июле 1812 г. официальный мирный договор ради совместной борьбы с Наполеоном? В этом случае Александр I, ожидавший от Великобритании скорой военно-технической помощи, был заинтересован в том, чтобы в Лондоне хорошо знали сильные и слабые стороны российской армии. Деятельность Вильсона в определённой степени способствовала осознанию правящими кругами его страны необходимости оказания скорейшей полномасштабной поддержки сражавшимся войскам. Не его вина, что в 1812 г. этого не произошло. Тем не менее, оценка Вильсона как провокатора и шпиона (в смягчённом варианте – разведчика), враждебно настроенного по отношению к России, сохранилась в отечественной научной литературе вплоть до наших дней¹¹⁶.

В то же время, в связи с постепенным «потеплением» в отношениях СССР со странами западной демократии, в т. ч. и с Великобританией, в 70-е – 80-е гг. XX в. в трудах некоторых советских исследователей зазвучали иные нотки по отношению к Вильсону. Прежде всего, были постепенно «реабилитированы» его письма и воспоминания. В одной из книг специалиста по русской мемуаристике эпохи 1812 г. А.Г. Тартаковского ещё в 1967 г. была сделана осторожная попытка указать на выдающуюся ценность этих исторических источников. Говоря об отражении в них событий, произошедших при встрече Кутузова с посланцем Наполеона генералом Ж.А. Лористоном 23 сентября (5 октября) 1812 г., автор отмечал: «...в передаче фактической стороны переговоров письма Вильсона могут быть оценены как источник вполне достоверный, хотя в собственных своих суждениях он проявлял прежнюю

---

¹¹⁵ Дубровский А.В. Английское буржуазное общественное мнение и реставрация Бурбонов во Франции (1813–1816 гг.) // Проблемы британской истории. 1980. М., 1980. С. 228, 229. Прим. 6. Со ссылкой на номер «Таймс» от 24 апреля 1816 г.

¹¹⁶ См.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 202–203, 282; Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли, или История одной невероятной карьеры. М., 1993. С. 215–216; Сироткин В.Г. Наполеон и Россия. М., 2000. Приложения. С. 348–354.

тенденциозность, и эти привнесённые настроения в его письмах надо строго отличать от конкретных данных»¹¹⁷.

В работах В.М. Безотосного и Н.А. Троицкого можно было прочитать о том, что, готовясь к войне с Россией, Наполеон изучал, среди прочих, книгу Вильсона о кампаниях 1806–1807 гг. и даже взял её с собой в поход¹¹⁸. Это могло навести на следующую мысль: если сам Наполеон оценил творчество «склочника и интригана» Вильсона, то последний, возможно, был не таким уж пустым и бесталанным человеком. В более поздней своей работе, посвящённой деятельности донского генералитета и атамана М.И. Платова в 1812 г., В.М. Безотосный несколько подробнее говорит о Вильсоне, характеризуя его попытки помирить Кутузова и Платова, конфликт между которыми достиг апогея в период пребывания в Тарутинском лагере. Он пишет: «...английский генерал оказался искренне заинтересованным в прекращении затянувшегося конфликта между двумя русскими военачальниками». Это утверждение заставляет автора поднять вопрос об искренности действий Вильсона вообще. «Можно, конечно, говорить, что его стремление примирить [их] диктовалось корыстными заботами о стране, которую он представлял. Любые неурядицы в среде русского генералитета были не на пользу Британской империи и входили в противоречие с её интересами», – резюмирует В.М. Безотосный¹¹⁹. Здесь напрямую поставлена проблема, с которой столкнулась отечественная историография на рубеже XX–XXI вв.: так всё-таки, деятельность Вильсона в 1812 г. приносила вред или пользу России?

Неоднозначно оценивала генерала и англоязычная историография XX в. Американский исследователь Дж. Костигэн, книга которого была создана на основании изучения материалов британских архивов, называл его «солдатом удачи» эпохи наполеоновских войн. «Карьера сэра Роберта Вильсона в особенности представляет наиболее интересный пример типичного солдата, который мог бы найти свою удачу под революционным триколором и стать князем империи или маршалом армии – Наполеон всегда сетовал, что не имеет подчинённых с инициативой – тогда как в Англии он был подвержен обидным ограничениям системы, диктуемой скорее Двором, чем [военным] лагерем, в которой продвижение было скорее прерогативой привилегии, чем на-

---

¹¹⁷ Тартаковский А.Г. Военная публицистика 1812 года. М., 1967. С. 128–129.

¹¹⁸ Безотосный В.М. Разведка Наполеона в России перед 1812 годом // Вопросы истории, 1982, № 10. С. 88; Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 69. Оба раза со ссылкой на книгу французского автора А. Шюке. См.: Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie. Notes et documents. T. 3. Paris, 1912. P. 3.

¹¹⁹ Безотосный В.М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. Малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. М., 1999. С. 92.

градой за службу. Неблагодарные поступки Вильсона были многочисленными и вопиющими, но если и невозможно давать себе волю в панегириках, которыми утешаются его родственники и поклонники, то, может быть, стоит относиться сочувственно к тому, чьё рыцарство сделало имя Британца уважаемым за границей, в то время, когда оно было обычно ненавидимо, и кто добыл себе славу Рыцаря у современников, которую среди народов Европы превзошёл только победитель Наполеона при Ватерлоо», – пишет он¹²⁰. Нельзя согласиться с утверждением автора о том, что Вильсон мог бы сделать выдающуюся карьеру под трёхцветным знаменем. Его жизненные и политические принципы были противоположны идеям, которые несли миру деятели французской революции и империи. Но стоит обратить внимание на слова Костигэна о влиянии рыцарского поведения Вильсона на изменение образа британца в сознании европейцев в лучшую сторону.

Как отмечал британский историк М.С. Андерсон, Вильсон, как очевидец событий, лучше, чем любой другой англичанин, знал о том, что происходило в России. Письма и дневник генерала представляли его соотечественникам различные картины войны. «Он строго осуждал грабежи Казаков и жестокость, с которой [русские] относились к пленным, организацию и руководство Русской армией и их (русских командующих – А.О.) неспособность довести до конца разгром Французов. <...> Требовалось, однако, некоторое время для того, чтобы такие критические отзывы стали известны Британской публике, и даже когда они делались, они не могли серьёзно поколебать основательно укрепившуюся веру в Русские героические добродетели», – пишет он¹²¹. Андерсон указывает здесь на то, что описание Вильсоном неизбежных жестокостей войны могло быть воспринято в британском обществе как вода на французскую мельницу¹²².

К сожалению, мне не удалось ознакомиться с двумя другими трудами англоязычных авторов, посвящёнными Вильсону. Я могу судить о них лишь по названиям. Видный британский учёный М. Гловер вынес в заголовок своей книги слова герцога Веллингтона, так охарактеризовавшего соперника по боевой славе: «Он очень скользкий парень (*very slippery fellow*), у него нет способности говорить правду по любому вопросу»¹²³. В 1985 г. в США появилось исследование, автор которого, в

---

¹²⁰ Costigan G. Sir Robert Wilson: A Soldier of Fortune in the Napoleonic Wars. University of Wisconsin Studies in the Social Sciences and History. Number 16. Madison, 1932. P. 15–16.

¹²¹ Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia 1553–1815. L., 1958. P. 220–221.

¹²² О жестоком обращении русских с пленными французами см.: Wilson R.[T.] Private Diary... Vol. I. P. 200, 209, 214, 215.

¹²³ Glover M. A Very Slippery Fellow. The Life of Sir Robert Wilson, 1777–1849. Oxford, 1978. Слова Веллингтона цит. по: Трухановский В.Г. Указ. соч. С. 215.

отличие от более критично настроенных предшественников, с оттенком восхищения именуется генерала «удивительным человеком» (*astounding fellow*)¹²⁴.

В англо-американской историографии, также как и в советской, наблюдались «сезонные колебания» отношения к Вильсону. Если в 60-х гг. XX в. связи между СССР и странами Запада улучшались, переиздавались русофильские мемуары генерала¹²⁵, десятилетие спустя, когда накал «холодной войны» вновь усиливался, в печати появлялись его секретные записки, критикующие российский экспансионизм¹²⁶.

В современной России, как уже отмечалось выше, наметилась качественная перемена отношения к деятельности Вильсона. В 1995 г., впервые после издания Н.Ф. Дубровина, историки из Петербурга С.Н. Искюль и Д.В. Соловьёв опубликовали свой перевод большей части личного дневника генерала за 1812–1813 гг., дополнив текст письмами, найденными ими в различных российских архивах¹²⁷. Публикацию предваряла статья одного из составителей, в которой говорилось о жизненном пути, о русских связях британского офицера, а также об истории изучения его творческого наследия в нашей стране и за рубежом¹²⁸. Однако, следует подчеркнуть две характерные особенности. Автор, во-первых, не стал касаться истории пребывания Вильсона в России во время войны 1812 г. Он предложил читателям самим узнать об этом из дневника генерала, обойдя, таким образом, опасную тему. Во-вторых, отказавшись от старых оценок и ярлыков, он перенял из англоязычной историографии взгляд на Вильсона как на «солдата удачи» («солдата Фортуны», по его выражению), что видно из названия статьи.

Сегодня уже достаточно хорошо понятно: Вильсон не был шпионом, провокатором и врагом России, ловко маскирующим свою ненависть, когда было нужно. Не был он и ловцом военного счастья, подоб-

---

¹²⁴ Samuel I. *An Astonishing Fellow. The Life of General Sir Robert Wilson*, K. M. T., M. P. Slough, 1985.

¹²⁵ *General Wilson Journal 1812–1814* / Ed. by A. Brett-James. L., 1964; *1812: Eyewitness Accounts of Napoleon Defeats in Russia* / Ed. by A. Brett-James. L., 1966.

¹²⁶ *Sir Robert Wilson's Confidential Memoir on Turkey and Russia* / Ed. G.R. Barrat // *Canadian-American Slavic Studies*, 1973. Vol. VII, № 4. P. 511–528.

¹²⁷ Вильсон Р.-Т. Дневник путешествий, службы и общественных событий в бытность при европейских армиях во время кампаний 1812–1813 г. Письма к разным лицам / Сост. С.Н. Искюль, Д.В. Соловьёв. СПб., 1995. В примечаниях к дневнику приведены также обширные выдержки из книги Вильсона "Narrative of Events...".

¹²⁸ Искюль С.Н. Солдат Фортуны, или Жизнь и труды сэра Роберта Вильсона // Вильсон Р.-Т. Указ. соч. С. 5–38. Интерес автора к эпистолярному наследию Вильсона проявился ещё в 1978 г., когда им было опубликовано найденное в одном из ленинградских архивов письмо генерала к гр. С.П. Воронцову от 26 декабря 1812 г. См.: Неизвестное письмо эпохи войны 1812 г. (из переписки генерала Р.-Т. Вильсона) // *Проблемы британской истории*. 1978. М., 1978. С. 239–244.

ным современным профессиональным наёмникам, которым безразлично, за что или за кого воевать. (Сам генерал в одном из писем [январь 1813 г.] называл Наполеона главным мастером войны, предполагая: «...на его мануфактуре найдётся достаточно средств, чтобы с неизбежностью рано или поздно повернуть колесо Фортуны в свою пользу»¹²⁹.) Почему же исследователи, изучавшие его жизнь, подходили к нему так необъективно? На мой взгляд, в России XIX в. это вызывалось влиянием устойчивых национальных стереотипов, сформировавшихся в сознании россиян образ «коварного Альбиона», что ещё более осложнялось политическими противоречиями двух стран, а в следующем столетии – идеологической враждой. В работах англоязычных историков почти всегда выделена какая-то одна черта характера Вильсона, или, в лучшем случае, некоторые из них, а это ограничивает масштаб такой неординарной личности. Кроме того, большинство авторов рассматривали его вне контекста эпохи, предъявляя к его морали, принципам и поступкам требования собственного времени.

Вильсон – сын эпохи Просвещения, для представителей которой характерны положительные и негативные черты, которые проявились в деятельности британского офицера. Везде, где бы он ни оказался, он был готов неустанно защищать интересы своей страны, однако, подчёркиваю это, не любыми способами. Определяющим критерием для него было следование сформировавшимся в XVIII в. принципам личной чести благородного человека (джентльмена). Честь призывала бороться с несправедливостью и насилием независимо от того, от кого они исходили. (С этой позиции понятно изменение его отношения к России в 1817 г. Борьба Александра I с агрессором была справедливой борьбой. Но как только, по мнению генерала, император захотел занять место Наполеона, он потерял право на уважение и должен был встретить сопротивление Великобритании.) Беспокойный характер и романтический настрой души нередко толкали Вильсона на авантюрные действия или неосторожные высказывания, но это никогда не было заранее и холодно расчитанным шагом политического интригана-провокатора.

Alexander A. Orlov

Orlov Alexander Anatolyevich – professor of chair of foreign history of the Moscow state humanities university of M. A. Sholokhov (Moscow), the doctor of historical sciences, the associate professor.

---

¹²⁹ Вильсон Р.Т. Повествование... С. 315, № 14. Вильсон герцогу Глостерскому от 30 января 1813 г.

ENGLISH OBERSHPION OR SOLDIER OF FORTUNE

(An assessment of activity and the identity of the general R. T. Wilson in the Russian and English historiography)

Practically in all works devoted to Patriotic war of 1812 and an era of Napoleonic wars as a whole, the British officer sir Robert Thomas Wilson (1777-1849) is mentioned. In the Russian historiography an assessment of its activity, especially during stay as the British commissioner at a staff M. I. Kutuzov, about one today the very critical. It especially is strange that it is difficult to find really serious negative mentions of it in domestic memoirs literature. Wilson's memoirs about events 1806–1807 and breathe 1812 spirit of friendship and respect for Russia and for its people. However from the second half of the XIX century the Russian researchers start representing it as intriguer, the russophob and the cynical British spy. Wilson – the son of the Age of Enlightenment for which representatives positive and negative lines which were shown in activity of the British officer are characteristic. Everywhere, where it appeared, he was ready to protect continued interests of the country, however, not in any ways. Following to the principles of personal honor of the noble person (gentleman) created in the XVIII century was defining criterion for it. Honor urged to fight against injustice and violence irrespective of from whom they proceeded. (From this position change of its relation to Russia in 1817 is clear. Alexander's I fight against an aggressor was fair fight. But as soon as, according to the general, the emperor wanted to take Napoleon's place, it lost the right for respect and had to encounter resistance of Great Britain.) The turbulent character and romantic spirit of soul quite often pushed Wilson on adventurous actions or careless statements, but it never was in advance and is cold the calculated step of the political intriguer provoker.

Key words: Patriotic war of 1812, Napoleonic wars, historiography, Robert Thomas Wilson

А.А. Постникова

НАПОЛЕОН НА ПОДСТУПАХ К БЕРЕЗИНЕ: ПОИСК ПУТЕЙ К СПАСЕНИЮ

28 ноября 1812 г. одновременно произошли два сражения на берегах р. Березины между русской армией и армией Наполеона. В дальнейшем это событие получило неоднозначную оценку в воспоминаниях современников и вызвало множество вопросов в зарубежной и отечест-

венной исторической литературе. Создав впечатление, что Великая армия направляется к Минску, Наполеон заявил 27 ноября, что осуществит свой замысел – приведет армию в Вильно. Заметим, что эту мысль с полной уверенностью он высказал до начала сражений. Возможно, император, изначально убеждая Удино и Виктора в необходимости атаковать русскую армию, хотел с помощью этих корпусов прикрыть движение основных сил. Когда цель была достигнута – армия после переправы оказалась в безопасности, Наполеон открыто заявил, что его единственным желанием было привести армию в Вильно. Таким образом, французскому императору удалось в ходе русской кампании осуществить свой замысел – спасти армию, дать врагу последнее сражение и уйти с честью из России.

Ключевые слова: война 1812 г., отступление, Великая армия, сражение на Березине

28 ноября¹³⁰ 1812 г. одновременно произошли два сражения на берегах р. Березины между русской армией и армией Наполеона. В дальнейшем это событие получило неоднозначную оценку в воспоминаниях современников и вызвало множество вопросов в зарубежной и отечественной исторической литературе.

Как правило, историографические дискуссии сосредотачивались на анализе хода и результатов сражений на Березине. Но ключевая проблема, связанная с ролью Березинской операции в проектах отступления Наполеона, слабо освещалась в историографии. В основном, данный вопрос поднимали французские историки с целью подчеркнуть факт стратегической победы Наполеона в этих сражениях. Так, полковник Ж. Шамбре, исследовав документы войны 1812 г., пришел к выводу, что сражение на Березине мыслилось в проектах Наполеона как необходимый этап продвижения к Минску¹³¹. Секретарь-архивист Наполеона барон А. Фэн рассматривал операцию на Березине в качестве результата реализации осознанного и целенаправленного плана действий со стороны французов¹³². Фэн пришел к выводу, что все устремления Наполеона к движению в сторону Минска были лишь обманным маневром: «Мы искали путь к Вильно, а Чичагов опасался, что мы идем в Минск»¹³³. Таким образом, французские историки, анализируя проекты Наполеона применительно к событиям на Березине, утверждали, что Великая армия по итогам сражений достигла поставленных целей.

---

¹³⁰ Все даты даны по новому стилю.

¹³¹ Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P., 1838. Т. 3. P. 23.

¹³² Fain A. Manuscrit de 1812. P., 1827. Т. 2. P. 357.

¹³³ Ibid. P. 370.

Совершенно иное представление о роли Березинской операции в проектах Наполеона сложилось в отечественной историографии. Русские историки стремились умалить результаты сражений для Великой армии. Среди представителей отечественной историографии единственным, кто обратился к проблеме роли Березины в проектах французов, был историк XIX в. А.Н. Попов. Его идея заключалась в том, что Наполеон не руководствовался определенными планами в своих действиях, он преследовал лишь цель спасти свою армию, избежав сражений с русскими войсками¹³⁴.

Проблема целей Наполеона, которую тот преследовал, двигаясь к Березине, не нашла должного отражения в историографии. Современные историки, продолжая дискуссии вокруг результатов двух битв на Березине, не акцентируют внимания на проектах Наполеона перед столкновением с русскими. Возможно, именно в характере планов французского командования, которыми оно руководствовалось на подступах к Березине, кроется разгадка вопроса о результатах сражений для Великой армии.

Что касается русских замыслов по разгрому наполеоновской армии на Березине, то они ведут свое начало от Петербургского плана, составленного российским императором Александром I еще в период французской оккупации Москвы. Основным исполнителем этого проекта был определен П.В. Чичагов, командующий Дунайской армией. В конце сентября, действуя согласно приказам императора, он прибыл на Вольнь. Здесь ему противостояли войска Наполеона: 7-й саксонский корпус генерала Ж.Л. Ренье и австрийский корпус фельдмаршала К.Ф. Шварценберга. Австрийцы отступили, тем самым значительно облегчив действия Чичагова в направлении Минска. Шварценберг, заняв позицию возле Бреста, прикрыл Варшаву и Вильно.

Русская армия, приближаясь к Минску, ожидала встречи с отступающими французскими войсками. Осмысливая проект отступления армии, император Наполеон осознавал те невероятные трудности, которые предстоит преодолеть его солдатам. Испытав себя во многих войнах, познав цену жизни, дружбы, служебного долга, именно на этапе Березинской операции солдаты Великой армии показали, насколько они были верны своим убеждениям. Уже на пути от Дорогобужа до Смоленска им пришлось испытать невзгоды, порожденные слепым произволом обстоятельств — болезнями, холодами, скудными продовольственными припасами.

Наполеон, контролируя все возможные пути к отступлению, в начале ноября отправил в Смоленск и Витебск указания о заготовке про-

---

¹³⁴ Попов А.Н. Отечественная война 1812 г. М., 2010. Т. 1. С. 253.

довольствия для отступающей в эти пункты армии¹³⁵. 9-му корпусу маршала К.П. Виктора было приказано контролировать коммуникационную линию от Витебска до Глубокого¹³⁶. Маршалы Н.Ш. Удино (командовал 2-м армейским корпусом) и Виктор, наблюдая за действиями Чичагова, пытались понять направление движения его армии – на Минск или на Вильно¹³⁷. Сосредоточив внимание на дороге к Вильно, император проявил явную незаинтересованность положением дел в районе Минска и Борисова. Виктор неоднократно посылал информацию о необходимости направить подкрепления в эти пункты¹³⁸.

В то время, когда Великая армия отчаянно пробивала себе путь к Смоленску, Чичагов находился на подступах к Минску. 5 ноября он доложил российскому императору: «Нам необходимо пройти на Лепель и объединиться с армией Витгенштейна. Без этого невозможно будет дать отпор войскам Наполеона»¹³⁹.

Удино, находившийся в этот момент в Борисове, осознавая, что его движение против войск Чичагова было бы неразумным и, уверившись в том, что цель русской армии – Минск, сообщил министру иностранных дел Франции Ю.Б. Маре, герцогу Бассано, о наиболее безопасном пути отступления для французов: «Я думаю, что враг замедлит движение на Вильно. Конечно, нет гарантии, что [наша] армия сможет беспрепятственно достичь этого города»¹⁴⁰. Получив это письмо, герцог Бассано предупредил генерала К.Ф. Вреде, командующего 20-й пехотной дивизии 6-го армейского корпуса Великой армии: «Армия смогла бы объединиться в Вильно. Установите коммуникации со 2-м корпусом через Березино»¹⁴¹.

В это время на центральном направлении Великая армия, ведомая Наполеоном, продолжала борьбу за спасение. Наполеон, пытаясь обеспечить солдатам временное пребывание в Смоленске, сообщил Маре из Дорогобужа о последующих действиях армии для достижения этой цели: «Вице-король прибыл в Духовщину. Он установил коммуникации со Смоленском. В этих обстоятельствах я продолжу действия в направлении Смоленска или Витебска»¹⁴². Возможно, Наполеон планировал расположить армию на территории между Смоленском, Витебском, Могилевом. Но, как опытный военный, он осознавал слабость шансов на

---

¹³⁵ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16 (далее – РГВИА). Д. 3699. Л. 2.

¹³⁶ Fabry G. La campagne de Russie. P., 1903. Т. 4. P. 136.

¹³⁷ Ibid. P. 117.

¹³⁸ Ibid. P. 140, 143, 145.

¹³⁹ РГВИА. Д. 3700. Л. 2.

¹⁴⁰ Fabry G. Op. cit. P. 130.

¹⁴¹ Voelderdorff T. Observations sur l'ouvrage de Ph. de Ségur. Munic, 1826. P. 68.

¹⁴² Correspondance de Napoléon. P., 1868. Т. 23. P. 301.

осуществление этого проекта. Намереваясь вырваться из окружения трех русских армий, император должен был вывести своих солдат из Смоленска через Витебск, либо через Оршу и Могилев. Однако вскоре Наполеону пришлось искать иные варианты отступления, так как еще на пути к Смоленску император получил новости, свидетельствующие о том, что русская армия заметно активизировала наступательные действия.

«Мой корпус прибыл в Духовщину без лошадей, артиллерии. В этом состоянии я был атакован казаками. Мне пришлось отступить»¹⁴³, – сообщил 8 ноября вице-король Италии Е. Богарне, командир 4-го армейского корпуса. Осложнило ситуацию сообщение о том, что русский генерал П.Х. Витгенштейн занял Витебск, а Чичагов продвигался к Минску¹⁴⁴.

Таким образом, уже на подступах к Смоленску Наполеон был вынужден отказаться от длительного отдыха в этом городе, осознавая, что промедление приведет Великую армию к окружению русскими войсками.

По мере приближения Наполеона к Смоленску Чичагов все ближе подходил к Минску, угрожая французским коммуникациям и преграждая, тем самым, путь Великой армии через Березину. Виктор, уверенный в обреченности Минска, приказал генерал-губернатору города М. Брониковскому и генералу Я.Г. Домбровскому объединиться с 9-м корпусом в Борисове¹⁴⁵. Маршал заметил, что необходимо безучастно относиться к движению врага на Минск, так как более важным является защита Борисова. На следующий день в письме к Брониковскому Виктор признался, что выполнение его указаний будет идти вразрез с приказами императора¹⁴⁶. Маршал решился пойти на этот шаг, чтобы обеспечить защиту Борисова, что давало, как он считал, единственную возможность для Великой армии не попасть в окружение. Выполняя приказ Виктора, Домбровский увел свою дивизию к Игумену, по дороге на Борисов.

8 ноября в письме к Бассано Брониковский осудил действия Домбровского: «Несмотря на свой талант, этот сумасшедший генерал боится врага. Я думаю, что Домбровский не пойдет на Минск, как он обещал»¹⁴⁷. Брониковский, выразив сомнение в возможности получить военную помощь со стороны Домбровского, пытался заранее оправдать

---

¹⁴³ РГВИА. Д. 3699. Л. 3.

¹⁴⁴ Fabry G. Op. cit. P. 134.

¹⁴⁵ Ibidem.

¹⁴⁶ Ibid. P. 155.

¹⁴⁷ Ibid. P. 95.

себя в случае сдачи Минска. С другой стороны, зная о приказе Виктора, он предупредил, что на силы Домбровского рассчитывать не стоит.

Опасения Виктора были оправданными: Борисов мог стать пунктом объединения Чичагова и Витгенштейна, которые совместными усилиями смогли бы изолировать 2-й и 9-й корпуса от основных французских сил. Не успела еще русская армия овладеть Минском, как французское командование уже получило сообщения об опасности, угрожавшей Борисову. 10 ноября Удино с тревогой сообщил Бассано, что враг направился к городу¹⁴⁸. На следующий день генерал Вреде с абсолютной уверенностью предупреждал, что русская армия планирует занять Борисов 19 ноября¹⁴⁹.

Тем временем Наполеон привел солдат в Смоленск. Для Великой армии этот город олицетворял надежду на отдых. Солдаты бросились писать письма домой. В большинстве писем чувствовалось убеждение солдат в том, что император готовится к походу на Петербург. Однако мысли большинства адресантов были связаны не с этим: они ожидали скорейшего окончания войны¹⁵⁰.

Подобные чувства тоски по дому испытывал и Наполеон, что хорошо видно из его писем к жене. После пережитых испытаний и разочарований он не писал Марии-Луизе о военных проектах, он желал одного: «Я хочу увидеть сына»¹⁵¹. Обессиленные французские солдаты уже не стремились к достижению громких побед. В период отступления нечто более ценное открылось для них в войне – солдатская дружба, верность Родине и императору. Победа для них заключалась уже не в разгроме врага, а в сохранении традиций воинского братства. Отсюда, из Смоленска, Великая армия направилась к самой ужасной из своих катастроф, вошедшей в историю под именем «Березина».

9 ноября император, осмысливая свои дальнейшие планы, определил для армии следующий порядок действий: «Главная квартира расположится в Смоленске. Весь корпус Мортье, включая дивизию Клапареда и Роге, соединится в пригороде Смоленска. Старая гвардия расположится в городе. Этот город будет предназначен для соединения армии, в то время как гвардия направится в Красное»¹⁵².

Планируя закрепиться с основной армией в Смоленске, Наполеон приказал Виктору установить коммуникации с Минском и Вильно. Получив это сообщение, Виктор предупредил Удино: «Наша армия объе-

---

¹⁴⁸ Ibid. P. 157.

¹⁴⁹ Ibid. P. 162.

¹⁵⁰ Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M. Goriainow. P., 1913. P. 213–299.

¹⁵¹ Lettres inédites de Napoléon I à Marie-Louise. P., 1935. P. 100.

¹⁵² Correspondance de Napoléon. P. 310.

динится в Вильно, пройдет в направлении Лепеля в Березино, чтобы остановить Витгенштейна, и нам можно будет действовать на Березине без препятствий»¹⁵³.

Возможно, уверенность Наполеона в силы своей армии еще позволяла ему надеяться сохранить за собой территорию от Смоленска и Орши до Минска и Вильно. Но 11 ноября были получены тревожные новости, по всей видимости, изменившие планы Наполеона и заставившие прервать отдых армии в Смоленске. М.И. Кутузов угрожал французским коммуникациям с Оршей. Удино предупредил, что Витгенштейн движется в район Витебска для объединения с основными силами русской армии во главе с Кутузовым, вследствие чего они могут ударить во фланг Великой армии.

В этот же день армия Наполеона, не получившая должного отдыха и продовольствия в Смоленске, была взбудоражена приказами о возобновлении движения. На тот момент Наполеон еще мог рассматривать два пути отступления: на дорогу через Глубокое к Вильно и через Борисов к Минску. «Император внушал всем необходимость сохранить в армии дисциплину на пути из Смоленска к Вильно и Витебску»¹⁵⁴, – отмечал в те дни генерал-интендант армии П. Дарю. Видимо даже он, как и большинство французских солдат, не имел представления о наиболее вероятном пути движения Великой армии. В этот же день в письме к матери он написал о ином направлении движения: «Мы были в Москве, находимся в Смоленске, прошли Малоярославец, направляемся к Минску»¹⁵⁵. В письмах французских солдат из Смоленска встречаются противоречивые суждения о дальнейшем направлении движения армии. Часть солдат уверенно утверждала, что они идут на Вильно¹⁵⁶, а другая – на Минск¹⁵⁷. Как правило, их уже не интересовал точный пункт отступления, их мечты были связаны только с возвращением на Родину.

Единственная мысль, которая тревожила на тот момент Наполеона – как сохранить свою армию. Стремясь к реализации исключительно этой цели, император дал следующие указания: «Порекомендуйте правительству Минска и Вильно не использовать против врага полки; это уничтожит ресурсы без определенного результата; необходимо, чтобы эти полки оказались вне сражения»¹⁵⁸. Этими словами Наполеон вполне точно дал понять, что в своих действиях он будет руководствоваться, прежде всего, задачей сохранения армии. В связи с этим достаточно

---

¹⁵³ Fabry G. Op. cit. P. 134.

¹⁵⁴ Российский архив древних актов. Ф. 30. Оп. 1. (далее – РГАДА). Д. 248. Л. 15.

¹⁵⁵ Там же. Л. 24.

¹⁵⁶ Там же. Д. 266. Л. 183, 195, 207, 261, 268, 271.

¹⁵⁷ Там же. Л. 256, 223.

¹⁵⁸ Correspondance de Napoléon. P. 310.

странно звучат строки его письма к Виктору: «Император может остановиться на зимних квартирах в Витебске. Мы будем готовиться к следующей кампании в направлении на Петербург. Если вы сможете успешно атаковать врага, то мы займем зимние квартиры»¹⁵⁹.

Наполеон был вынужден расстаться с мыслью сохранить за собой завоеванную территорию. Контролируя дороги на Вильно и Минск, он ждал случая, который заставил бы его определиться с дальнейшим направлением движения. Желая вернуть свою армию на родину, Наполеон, дождавшись прибытия вице-короля, выступил из Смоленска. Перед отъездом он сообщил герцогу Бассано, что направляется в Оршу.

Приказ императора покинуть Смоленск армия беспрекословно выполнила. Несмотря на военные неудачи солдаты по-прежнему шли за своим императором. Дух армии был еще превосходный.

Первый корпус маршала Л.Н. Даву пришел в Смоленск последним. Его солдатам пришлось довольствоваться лишь жалкими остатками продовольствия. Генерал Ж.Д. Компан в день прибытия в город написал жене, что они останутся на зимние квартиры здесь. Однако его надежды не оправдались. 1-му корпусу был дан малый срок на отдых в этом городе. 14 ноября маршал Даву получил указания в отношении своих последующих действий: «Перед отъездом вы должны поджечь все оставшиеся склады»¹⁶⁰. 16 ноября, выполняя приказ императора, корпус уже покинул Смоленск.

Как и планировал Наполеон, часть армии направилась в Красное. Император пошел на этот шаг, дабы прикрыть от армии Кутузова отступающие войска. 14 ноября Богарне получил приказ от маршала Л.А. Бертье, начальника Главного штаба: «Желание императора заключается в том, чтобы вы со своим корпусом завтра утром, 15-го, направились в Красное. Принц Экмюльский (Даву – *А.П.*) 16-го и 17-го должен поддерживать отступление герцога Эльхингенского (М. Нея – *А.П.*), вам необходимо занять позиции»¹⁶¹.

В тот же день Богарне написал жене: «Я здесь с раннего вечера, но я вскоре снова отправлюсь в путь». Далее, не вдаваясь в подробности военной операции, он с легкой грустью отметил: «Веришь ли, у нас по вечерам 17, 18 градусов холода? Лошади этого не выдерживают»¹⁶².

14 ноября, после пятидневного пребывания в Смоленске, Наполеон с гвардией вышел из города по направлению к Красному. За ним шли корпуса Богарне, Даву, Мюрата, Нея. Общая усталость охватила всю армию от простого солдата до маршала. Непрерывное движение и тяже-

---

¹⁵⁹ Ibid. P. 343.

¹⁶⁰ Бертье – принцу Экмюльскому. Смоленск, 14 ноября // *Lettres interceptées*. P. 329.

¹⁶¹ *Mémoires et correspondance politique du Prince Eugène*. P. 1860. T. 8. P. 87.

¹⁶² Ibid. P. 87.

лые лишения сказались на состоянии солдат. Поэтому, вступая в сражение под Красным, Наполеон не мог рассчитывать на успех. Но, вступая в бой, он стремился выиграть время. После сражения под Красным Наполеон вернулся на дорогу к Орше.

Удино, пытаясь предугадать действия императора, пророчески предупредил Виктора: «Мне кажется, в дальнейшем император будет заинтересован в сохранении вашей армии, так как она сможет защитить с фланга Великую Армию, задержав врага»¹⁶³. 14 ноября корпуса Удино и Виктора были значительно ослаблены в сражении при Смольяницах. На следующий день Удино с горечью написал Виктору: «Армия 2-го корпуса устала, умирает от голода, корпуса дезорганизованы»¹⁶⁴.

16 ноября Минск был захвачен русской армией. Это событие создало новую опасность для французов – возможное объединение Чичагова и Витгенштейна. В этот день Виктор, планировавший двигаться в Борисов, уверенный в том, что император идет в Глубокое, неожиданно написал Удино: «Я пойду в Березино и присоединюсь к императорской армии в районе Глубокого, чтобы установить коммуникации с Вильно и со Шварценбергом»¹⁶⁵.

Удино в этот же день сообщил Бертье, что его «корпус вместе с Виктором пойдет на Березино, а затем на Лепель, ликвидировав шансы на объединение Витгенштейна и Чичагова. Генерал Вреде окажет нам помощь в проходе к Вильно»¹⁶⁶. Действительно, Вреде 13 ноября сообщил, что он собирается пройти к Глубокому для установления сообщения со 2-м корпусом.

Домбровский, ожидая обещанного объединения с Виктором, решил не вступать в сражение за Минск, о чем он и доложил 16 ноября Бертье: «Вражеские силы достаточно серьезны. Виктор согласовал со мной порядок действий, я жду соединения с ним на левом берегу»¹⁶⁷.

Тем временем Брониковский сообщал Бертье о тяжелом положении французской армии в Минске: «Я удерживал Минск, сколько мог, я еще нахожусь в нем. Генерал Домбровский, который приехал сегодня поговорить со мной, не считает возможным противоборствовать врагу. Он посоветовал мне собрать всех своих людей и следовать с ним на Игумен. Но я считаю бесчестным оставить свой пост. Я остаюсь здесь»¹⁶⁸. Таким образом, русская армия, захватив Минск, начала про-

---

¹⁶³ Fabry G. Op. cit. P. 172.

¹⁶⁴ Ibid. P. 173.

¹⁶⁵ Ibid. P. 168.

¹⁶⁶ Ibid. P. 177.

¹⁶⁷ Ibid. P. 178.

¹⁶⁸ Ibidem.

движение к Борисову. На тот момент захват этого пункта давал Великой армии единственную возможность покинуть пределы России.

2-й и 9-й корпуса, выбирая более безопасное направление движения, не смогли выполнить приказ Наполеона – установить коммуникации с Минском и Вильно. Ко всему прочему, Вреде 17 ноября информировал, что дорога на Вильно занята вражескими силами¹⁶⁹. В этот же день он сообщил генералу Ж.Б. Корбино, командиру 6-й легкой кавалерийской бригады: «Дорога на Вильно занята генералом Властовым. Армия адмирала Чичагова движется в этом направлении. Я найду дорогу на Минск и установлю коммуникации»¹⁷⁰. 19 ноября Т. Хогендорп, генерал-губернатор Литовского княжества, из Вильно предупредил, что «дорога для Великой армии в данный момент перерезана»¹⁷¹.

Жестокое поражение под Красным и неутешительные новости о действиях на флангах заставили Наполеона задуматься о неизбежности встречи с русскими войсками на Березине. Эта мысль привела его к необходимости хоть как-то восстановить дисциплину в армии. В Лядах император написал Бертье: «Мы придем в край, где войска могут остановиться и привести себя в порядок. Не следует допускать, чтобы беспорядочно расхищали продовольствие, которые мы здесь найдем. В Дубровне, где мы будем завтра, есть магазин. В Орше у нас 90 тыс. рационов и много водки; мы найдем также муку в Толочине. Надо установить повсюду правильную раздачу продовольствия – это лучший способ собрать людей, которые разбрелись по одиночке»¹⁷².

18 ноября Наполеон, узнав о захвате Минска русскими войсками, не потерял надежды на успех, полагая, что уже завтра будет в Орше, а Удино скоро соединится с Домбровским. Из Дубровно император приказал Удино: «2-й корпус пройдет к Борисову. Это очень важный пункт на пути к Минску. Вместе с генералом Домбровским Удино установит коммуникации с Минском»¹⁷³. 19 ноября последовал приказ Виктору: «Виктор займет Борисов. Там он сформирует авангард всей армии и пробьет дорогу на Минск»¹⁷⁴.

Обозначив своей целью Борисов и Минск, император продолжал контролировать дорогу на Вильно. Наполеон сообщил Виктору, что он должен быть готов в случае необходимости пойти из Борисова на Березино, прикрыв дорогу на Вильно от русских. Наполеон посвятил Бассано в свои планы, написав, что ориентируется на Борисов, дабы обеспе-

---

¹⁶⁹ Ibid. P. 183.

¹⁷⁰ Ibid. P. 185.

¹⁷¹ Ibidem.

¹⁷² Fain A. Op. cit. P. 314.

¹⁷³ Correspondance de Napoléon. P. 310.

¹⁷⁴ Ibid. P. 311.

чить себе движение на Минск. В том случае, если враг, находящийся в городе, окажется очень силен, император поведет армию через Борисов на Вилейку¹⁷⁵.

19 ноября армия Наполеона прибыла в Оршу, где ей удалось найти кое-какие припасы. Император чувствовал всю опасность создавшегося для Великой армии положения. 20 ноября он предупредил жену: «Тебе придется несколько дней побить без писем от меня»¹⁷⁶.

Положение Великой армии с каждым днем ухудшалось. Чичагов приближался к Борисову и мог установить коммуникации с Витгенштейном. Теперь все надежды Великой армии на спасение были связаны с мостом в Борисове. 20 ноября Брониковский так высказал свои опасения Бертье на этот счет: «В данный момент я пытаюсь поймать шпиона, присланного врагом для того, чтобы выяснить, что происходит в Борисове. Мне сообщили, что дивизия Ланжерона и Ламберта приближается к городу. Я предупредил Удино и Виктора об этом. Генерал Домбровский должен прибыть сегодня»¹⁷⁷. Как и в случае с Минском, это сообщение свидетельствует о том, что атака русских на Борисов не была для французов внезапной.

Приближаясь к Березине, Великая армия быстро утрачивала шансы на спасение. Русская армия отрезала для французов дорогу к Минску и подходила к Вильно. 20 ноября Вреде сообщил Бассано из Глубокого: «Враг оккупировал этот город (Глубокое). Вражеские войска двигаются на Вильно...»¹⁷⁸.

Допуская мысль о возможном сражении с армией Чичагова и войсками Витгенштейна, Наполеон решил помешать их объединению, отдав на растерзание врагу корпус Виктора. 20 ноября Наполеон направил приказ маршалу занять со своим корпусом соответствующую позицию, благодаря которой можно было бы прикрыть путь отступления армии на Борисов и Вильно. Таким образом, действия Виктора должны были заставить Витгенштейна думать, что Наполеон намерен действовать именно против него. После выполнения миссии 9-й корпус мог составить арьергард армии¹⁷⁹. В то же время 2-й корпус представлял бы собою авангард. 20 ноября Виктор предупредил Домбровского: «Удино движется со 2-м корпусом на Минск для атаки на врага. Необходимо прикрыть движение Удино»¹⁸⁰. Таким образом, по замыслу Наполеона, 2-й и 9-й корпуса прикрыли бы основные французские силы.

---

¹⁷⁵ Ibidem.

¹⁷⁶ Lettres inédites de Napoléon I à Marie-Louise. P.102.

¹⁷⁷ Fabry G. Op. cit. P. 196.

¹⁷⁸ Voelderdorff T. Op. cit. P. 107.

¹⁷⁹ Ibidem.

¹⁸⁰ Fabry G. Op. cit. P. 198.

Императора мучили опасения, что русские захватят мост в Борисове. В 2 часа ночи 21 ноября Наполеон поделился своими размышлениями с Удино и в очередной раз приказал ему прорываться к Минску. В тот же день маршал сообщил Маре следующее: «Я имею честь сообщить вам, что армия 2-го корпуса прибудет 22-го в Борисов. Я думаю, что данный план входит в намерение императора, который сможет таким образом пройти к Минску. При выполнении своих действий я надеюсь на помощь Домбровского»¹⁸¹. 20 ноября к Наполеону присоединились корпуса Богарне и Нея. В авангарде следовали войска Жюно, затем двигалась гвардия, Ней, вице-король и в арьергарде – корпус Даву.

21 ноября Главная квартира Великой армии разместилась в Коханове. В тот же день разгорелось сражение в Борисове. До последнего момента Домбровский надеялся получить подкрепление от Удино. Впоследствии губернатор города описал подробности сражения, отметив отчаянную борьбу своей 17-й пехотной дивизии¹⁸².

Отчаянно сражаясь, гарнизон города всецело надеялся на 2-й корпус. Сам маршал постоянно обнадеживал защитников своим скорым прибытием. 21 ноября из Бобра Удино сообщил Бертье: «Генерал Домбровский сразился сегодня с авангардом врага. Эта атака была сильной, завтра я лично прибуду в Борисов»¹⁸³. В этот же день маршал упомянул о переходе через реку выше Борисова: «Я надеюсь, что вы не оставите важный пост в Зембине, который я вам приказываю удерживать»¹⁸⁴. Тем самым маршал, занятый поисками другого пункта переправы, уже осознал обреченность Борисова.

Удино, быстро поняв, что сможет обеспечить переправу для всей армии в каком-либо в ином пункте, 21 ноября направил в Зембин бригадного генерала Э.И. Памплона. Генерал, прибыв туда, сообщил, что не обнаружил русских в данной местности. После этого Удино замедлил

---

¹⁸¹ Ibid. P. 196.

¹⁸² «Брониковский сообщил мне, что вражеский корпус направляется через Борисов для захвата моста. Получив эту новость, я решил атаковать врага и защитить переправу. В 10 ч. вечера я прибыл в Борисов с 2 000 пехотинцев, 300 кавалеров и 12 орудий. Моя армия заняла позиции после генерала Брониковского; мой арьергард состоял из пехоты и двух эскадронов кавалерии под командованием генерала Пакоша. Темнота не позволяла осмотреть позиции. В 6 ч. утра враг атаковал. Я установил четыре орудия и пехоту на правом берегу реки и восемь орудий на левом берегу для защиты моста. Несмотря на то, что у врага были более выгодные позиции, моя армия три раза победно его атаковала. 22 ноября я прибыл со своей дивизией в Крупки, недалеко от Борисова, где я соединился со вторым корпусом (без Удино)» (Bulletin Polonais. 1903 // Белорусская национальная библиотека. Собрание И.Х. Колодеева).

¹⁸³ Fabry G. Op. cit. P. 204.

¹⁸⁴ Ibid. P. 203.

движение, пытаясь избежать участия в Борисовском сражении. Он считал более разумным воспользоваться переправой у Зембина.

22 ноября Наполеон узнал, что мост в Борисове захвачен. Он приказал Удино занять брод у Веселова, маршалу Виктору – взять под контроль Лепельскую дорогу, дабы уберечь Удино от атак Витгенштейна. Расположение русских войск не позволяло Наполеону направиться ни через Черю и Лепель к Вильно, ни через Игумен к Минску. Следовательно, Чичагову оставалось охранять течение Березины от Веселова до Уши.

Наполеон, осознав, что явное уклонение от сражения с русской армией нанесет серьезный урон его репутации, решил создать видимость наступления на врага. Из Коханова 22 ноября он написал Виктору: «Я получил ваше письмо 21-го; с радостью узнал, что вы будете сегодня в Борисове. Враг захватил и сжег мост. Это великое несчастье! Генерал Домбровский будет обвинен в плохом руководстве дивизией. Необходимо, чтобы вы нашли переход через Березину. Я понимаю, что в данной ситуации это будет трудно осуществить. Вам необходимо двинуться на Лепель»¹⁸⁵. Таким образом, Виктору пришлось повернуть в противоположном направлении.

В этот же день император написал Удино, чтобы он атаковал русские войска и постарался вернуть Борисов, освободив дорогу на Минск. Таким образом, Наполеон либо не мог расстаться с мыслью о движении на Минск, либо хотел заставить свое окружение поверить в это намерение.

Прибыв в Борисов 23 ноября, Удино, убедившись в необходимости наведения нового места для переправы, предложил императору использовать свободную дорогу через Зембин, Плешеницы, Вилейку¹⁸⁶.

Оценив условия для форсирования переправы возле Ухолод, Стахова, Студянки и Веселова, Удино отдал предпочтение переправе у Студянки. 23 ноября он сообщил из Лошницы: «Я соединился здесь с бригадой Корбино, которая нашла переход у Студянки»¹⁸⁷.

23 ноября Наполеон из Бобра сообщил Маре о предполагаемом расположении войск: «Виктор написал, что должен быть вечером в Хлопенищах. Несомненно, Витгенштейн не пойдет на Удино. Виктор должен сам атаковать. Надеюсь, что я завтра буду в Борисове»¹⁸⁸.

Неожиданно император в этот же день изменил свое решение. Он отдал приказ Виктору занять дорогу, ведущую к Борисову и Веселову. Оказалось, что маршал миновал уже этот пункт и направился к

---

¹⁸⁵ Correspondance de Napoléon. P. 314.

¹⁸⁶ Fabry G. Op. cit. P. 207.

¹⁸⁷ Ibid. P. 211.

¹⁸⁸ Ibidem.

Лошнице. 22 ноября Виктор, преследуемый Витгенштейном, выступил к Черее на Борисов. Наполеон, получив донесение от Удино о возможной переправе в районе Студянки, конечно же, понял, что силы 9-го корпуса могут послужить в ходе переправы прикрытием на левом берегу.

Наполеона не покидала надежда завершить кампанию удачной операцией. Более того, император открыто заявил о своем намерении атаковать врага на правом берегу Березины¹⁸⁹. Удино, выполняя приказы императора, сообщил о своем плане: «Я организую демонстрацию возле Ухолды и на мосту в Борисове»¹⁹⁰.

Присутствие французов в Борисове заставляло Чичагова думать, что именно здесь будет главный пункт переправы Великой армии, но полной уверенности в этом у него не было. Адмирал был в замешательстве¹⁹¹.

Французам удалось найти свое спасение организацией ложной переправы. Чичагов признался императору Александру, что был обманут врагом¹⁹². Возможно, адмирал, не получивший поддержки Витгенштейна, не решился со своими немногочисленными силами сразиться с великим полководцем. После проведения демонстративной переправы Удино 26 ноября предупредил Наполеона, что собирается атаковать врага под Стаховым для того, чтобы освободить дорогу на Минск¹⁹³.

27 ноября были наведены мосты через Березину в Студянке. В первую очередь переправилась гвардейская артиллерия и артиллерия корпуса Удино, а в ночь – войска Нея и Молодая гвардия. На следующий день 28-го переправилась Старая гвардия и сам император, вслед за ними – остатки корпусов вице-короля, Даву, Жюно и одна ди-

---

¹⁸⁹ Ibidem.

¹⁹⁰ Ibidem.

¹⁹¹ «кн. Кутузов предписал мне в предосторожности наблюдать, чтобы Наполеон не поворотил вдоль по Березине к Бобруйску и не переправился через реку по направлению к Игумену и Минску. Между тем, гр. Витгенштейн письмом уведомляет меня, что неприятельская армия разделена на многие колонны, что одни идут на Борисов, а другие к Бобруйску, но где будет Наполеон никто не знает и вероятно там, где наименее его ожидают; к довершению замешательства я получил донесение, что австрийцы и саксонцы возвратились в Слоним. Невозможно было воспрепятствовать переправиться армии впятеро сильнее» (Отечественная война 1812 г. Военно-ученый архив. СПб., 1911. Т. 18. С. 161).

¹⁹² «Три дня мы имели перед собой неприятеля, который маневрировал, чтобы нас вводить в заблуждение. Мы не имели никакого признака приближения наших войск, которые, по моему мнению, шли ему по пятам. По расчету переходов, какие мог сделать неприятель, он должен был быть в Борисове ранее, чем действительно там показался; был ли он там со всей армией и с Наполеоном, или он только производил демонстрацию малым корпусом, чтобы нас удерживать. Я этого не мог знать» (РГВИА. Д. 3700. Л. 2).

¹⁹³ Fabry G. Op. cit. P. 236.

визия Виктора, так что к 27-му ноября почти все войска еще находились на правом берегу.

Для многих участников именно переправа через Березину стала символом трагедии Великой армии и в то же время воплощением героизма. Все чувствовали ответственность этого момента, когда должна была решиться судьба Великой армии и каждого ее солдата. Образ единой армии, который в очередной раз предстал перед французами во время переправы, возродил гордость за военное прошлое и настоящее Франции.

27 ноября Наполеон, возвращаясь к мысли атаковать врага, написал из Студянки: «Дан приказ Нею пересечь реку с поляками и присоединить к себе дивизию Клапареда, тем самым поддержать маршала Удино, который атакует утром»¹⁹⁴. Сообщение о наступательных действиях со стороны французской армии подтвердил в своих мемуарах и Чичагов: «Я дал указание Чаплицу оборонять до последнего это место, атаковать в том случае, если враг будет упорствовать. Курьер Чаплица мне сообщил, что враг собирает силы, чтобы атаковать русские войска»¹⁹⁵.

Однако уже 27 ноября император лаконично выразил Маре свой взгляд на дальнейший путь Великой армии: «Я не потерял надежду на наше приближение к Вильно. Возможно, я двинусь по направлению к Зембину, Плешеницам, Сморгони»¹⁹⁶. Тем самым император вполне определенно заявил, что мысль достичь Вильно его никогда не покидала. Достигнув Занивок 27 ноября, Наполеон отдал следующий приказ: «Виктор будет охранять мост и Студянку. Вице-король пересечет этой ночью реку, займет место в арьергарде Молодой гвардии. Весь багаж, раненые и офицеры будут направлены в Зембин»¹⁹⁷.

Тем самым Наполеон дал понять своему окружению, что изначально рассматривал Вильно как наиболее выгодный вариант отступления. Вреде, находившийся в данный момент в Вильно, сообщил о предстоящей атаке Наполеона на Чичагова: «Император соединит все силы, которые направляются в Вильно для атаки на корпус адмирала Чичагова. Необходимо установить коммуникации со Шварценбергом»¹⁹⁸.

28 ноября разгорелись сражения на берегах Березины, в результате которых Наполеону удалось отступить к Вильно и сорвать Петербургский план русского императора. После сражений Наполеон представил их как запланированную атаку на русские позиции: «Мы вчера

---

¹⁹⁴ Correspondance de Napoléon. P. 319.

¹⁹⁵ Mémoires de l'amiral Tchitchagoff. Leipzig, 1862. P. 162.

¹⁹⁶ Correspondance de Napoléon. P. 320.

¹⁹⁷ Ibidem.

¹⁹⁸ Voelderdorff T. Op. cit. P. 142.

ожесточенно сражались против Чичагова и Витгенштейна. Мы атаковали первыми, сохранили переправу через Березину»¹⁹⁹.

Спустя несколько дней был составлен 29-й бюллетень, в котором была представлена совершенно иная картина. В нем было заявлено о том, что французы подверглись нападению: «28-го на рассвете герцог Реджио (Удино – *А.П.*) уведомил императора, что подвергся нападению; полчаса спустя на левом берегу был атакован герцог Беллюнский (Виктор – *А.П.*). Вся Великая армия взялась за оружие»²⁰⁰.

Таким образом, замыслы Наполеона в период отступления находились в противоречии с необходимостью сохранить свой авторитет победителя и с возможностями армии. В течение ноября император искал вариант, который смог бы разрешить это противоречие. В Смоленске Наполеон планировал сохранить территорию от Витебска и Орши до Минска и Вильно за своей армией. Если обратиться к сложившейся к тому времени обстановке, то все говорило именно об этом. Наполеон планировал с основными силами остановиться в Витебске, а Виктору и Удино было приказано установить коммуникации с Вильно и Минском.

19 ноября после захвата Минска главной целью императора стало обеспечение беспрепятственного движения основных сил к Вильно. Признавая ослабление армии, он все же упорно настаивал на том, чтобы Удино, атаковав врага, вернул Минск. Даже после захвата русскими Борисова император продолжал обдумывать возможность атаковать врага.

Создав впечатление, что Великая армия направляется к Минску, Наполеон заявил 27 ноября, что осуществит свой замысел – приведет армию в Вильно. Заметим, что эту мысль с полной уверенностью он высказал до начала сражений. Возможно, император, изначально убеждая Удино и Виктора в необходимости атаковать русскую армию, хотел с помощью этих корпусов прикрыть движение основных сил. Когда цель была достигнута – армия после переправы оказалась в безопасности, Наполеон открыто заявил, что его единственным желанием было привести армию в Вильно. Таким образом, французскому императору удалось в ходе русской кампании осуществить свой замысел – спасти армию, дать врагу последнее сражение и уйти с честью из России.

A.A. Postnikova

Postnikova Alyona Aleksandrovna – the graduate student of chair of general history of the Ural state pedagogical university.

---

¹⁹⁹ Correspondance de Napoléon. P. 321.

²⁰⁰ Ibid. P. 325.

NAPOLEON ON APPROACHES TO BEREZINA: SEARCH OF WAYS TO RESCUE

On November 28, 1812 at the same time there were two battles on coast of the river of Berezina between the Russian army and Napoleon's army. Further this event received an ambiguous assessment in memoirs of contemporaries and caused a set of questions in foreign and domestic historical literature. Having made impression that the Great army goes to Minsk, Napoleon declared on November 27 that will carry out the plan – will bring army into Vilno. We will notice that with full confidence he introduced this idea prior to battles. Probably, the emperor, initially convincing Oudinot and Victor of need to attack the Russian army, I wanted to cover movement of the main forces by means of these cases. When the objectives were achieved – the army after a crossing appeared in safety, Napoleon openly declared that his only desire was to bring army into Vilno. Thus, the French emperor managed to carry out the plan during the Russian campaign – to rescue army, to give to the enemy the last battle and to leave with honor Russia.

Key words: war of 1812, retreat, Great army, battle on Berezina

Е.Ю. Рукосуев

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. (на примере Каменского казённого завода)*

Начало XIX в. ознаменовалось для России целой серией войн с Францией, Швецией, Турцией и Персией. Однако задуманный Петром I как арсенал империи, Урал к началу XIX в. уже не выполнял в полной мере своего предназначения, осуществляя, главным образом, выпуск сугубо мирной продукции. В XVIII в. участие казённых горных заводов в военной промышленности ограничивалось, как правило, поставками металла. К началу XIX в. казённые горные заводы Урала «устроены были почти только для одного обыкновенного полосового железа». Накануне и в период Отечественной войны 1812 года вновь увеличилось производство артиллерийских орудий. В 1810–1817 гг. заводчане отлили 1527 орудий. Эта цифра была на 200 орудий меньше требуемой, да и качество продукции оставляло желать лучшего. В армию завод поставил 1415 годных орудий, не считая бракованных, оставшихся на предпри-

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-Урал № 12-11-66006 У/а

ятии. Однако, несмотря на нововведения, завод регулярно не справлялся с данными ему государственными заказами и, начиная с 1819 г., отливка орудий на нем была прекращена. Объективности ради следует отметить, что в период войн с наполеоновской Францией отлитые на Каменском заводе артиллерийские орудия непосредственного участия в боевых действиях не принимали. Однако чугунные пушки, сработанные уральскими мастерами, в значительной мере способствовали усилению огневой мощи русских крепостей и береговых батарей.

Ключевые слова: военное производство, Урал, Каменский казенный завод, война 1812 г.

Начало XIX в. ознаменовалось для России целой серией войн с Францией, Швецией, Турцией и Персией. Однако задуманный Петром I как арсенал империи, Урал к началу XIX в. уже не выполнял в полной мере своего предназначения, осуществляя, главным образом, выпуск сугубо мирной продукции. В XVIII в. участие казённых горных заводов в военной промышленности ограничивалось, как правило, поставками металла. К началу XIX в. казённые горные заводы Урала «устроены были почти только для одного обыкновенного полосового железа»²⁰¹. В небольшом объёме производились чугунные снаряды и пушки (Каменским заводом), якоря и сортовое железо. В основном в XVIII в. металл заводов реализовывался на рынке. Из 8 млн пудов чугуна, выплавлявшегося в уральских домнах, более 5 млн переделывалось в железо различных сортов и отправлялось на продажу в различные районы страны и за границу. В 1802–1804 гг. экспорт уральского железа составлял 2210 тыс. пудов. Из оставшихся 3 млн пудов чугуна большая часть тоже экспортировалась из России в слитках («штыках»), и только небольшое количество этого металла использовалось для производства «припасов» – колёс, шестерён, валков, сковород, чанов и т.п. Например, в 1763 г. доходы Гороблагодатских заводов, возвращённых Шуваловым в казну, от экспорта железа шли на содержание семи новых полков, сформированных для охраны границы в Сибири²⁰². Казённые горные заводы играли совершенно особую роль в экономике страны, так как учреждались и поддерживались, по словам крупного русского статистика К.А. Арсеньева, «не для прибыли, а для безопасности государства»²⁰³.

Военное производство к началу XIX в. осуществлялось лишь на некоторых из 28 казённых заводов, работавших на Урале. В 1801 г. бы-

---

²⁰¹ Полное собрание законов Российской империи, собрание первое (далее – ПСЗ-1). Т. 29. № 22208.

²⁰² ПСЗ-1. Т. 16. № 12001, 12002, 12085.

²⁰³ Арсеньев К.И. Начертание статистики Российского государства. СПб., 1819. Ч. 2. С. 252.

ли пересмотрены цены за продукцию горных заводов для военного и морского ведомств, которые оставались неизменными с 1728 г.²⁰⁴ С 1804 г. большинство уральских казённых горных заводов находились в стадии реконструкции и в силу этого обстоятельства не выполняли военных заказов. Этот процесс планировалось завершить к 1806 г., но жизнь вносила свои коррективы, и выполнить в срок задуманное не удавалось.

В 1806 г. под руководством министра финансов А.И. Васильева был разработан «Проект горного положения об управлении горными заводами»²⁰⁵, получивший статус закона. По этому проекту в течение нескольких лет была проведена реконструкция казённых заводов в соответствии с требованиями армии и флота.

Одним из заводов, на котором сохранилось производство металлов по заказам Военного и Морского ведомств, был Каменский чугунолитейный и железоделательный завод, являвшийся первенцем уральской металлургии, построенный в 1701 г.

По описанию берг-инспектора П.Е. Томилова²⁰⁶, в 1807 г. при Каменском заводе имелась плотина, выложенная с нижней стороны бутовым камнем, имевшая в длину 55 саженей (117,3 м), в ширину снизу 26 саженей (55,5 м) и сверху 16 саженей (34,1 м), высоту 10 аршин (7,1 м). При полном скопе воды в пруду было до шести аршин (4,3 м). В доменной фабрике было две доменных печи, каждая высотой по 15,5 аршин (11 м), сложенные из горнового беловатого камня, а доменные корпуса, в которых стояли печи, были сделаны из крупного кирпича. При одной домне были чугунные четырёхцилиндровые меха, при другой – клинчатые деревянные. Корпуса плющильной, резной, сверлильной (с пятью сверлильными станками), фурменной фабрик и кузницы находились в полуразрушенном состоянии, часть оборудования простаивала. Из-за износа оборудования продукция выпускалась с большим количеством брака. Пушечное производство страдало от образования газовых раковин на поверхности канала ствола.

За заводом числилось пять рудников, в которых руды находились гнёздами, уходящими на глубину от двух до восьми сажен. Разрабатывались рудники в летнее время открытым способом – разносом, зимой же небольшими штольнями.

Леса, отведённые к заводу, большею частью состояли из сосны, перемешанные с берёзами, а местами и с осинами, «которых по указу прежде бывшей канцелярии Главного заводов правления 1754 г. огра-

---

²⁰⁴ ПСЗ-1. Т. 26. № 19986.

²⁰⁵ ПСЗ-1. Т. 29. № 22208.

²⁰⁶ Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв. Сб. документальных материалов. Свердловск, 1956. С. 200–201.

ничено было на 100 лет, но, на сколько оных ныне стать может неизвестно». Курени (места производства древесного угля) находились от завода на расстоянии от 50 до 55 вёрст.

Из технологического оборудования на заводе было четыре водяных колеса, восемь горнов, один молот. На заводской территории были построены: мукомольная мельница об одном поставе; кладовая, в которой хранилась денежная казна; слесарная, инструментальная и меховая мастерские; амбар для хранения чугунных и железных припасов; конюшня деревянная, в которой содержалось 13 лошадей; два хлебных магазина, вмещавших до 60 тыс. пудов различных продовольственных припасов; сараи для хранения леса и руды. Были также госпиталь и заводское училище, размещавшиеся в деревянных зданиях, вместе с полицией. Мастерские и их семьи могли получать бесплатно медицинскую помощь в заводском госпитале. За счёт завода содержалось также окружное училище, где обучались дети мастеровых, на момент составления описания в училище «познанию букв и чтению» занимались 34 ученика.

В заводском посёлке имелось две церкви, одна деревянная, другая каменная, заводу принадлежала контора и два казённых дома. Все 387 домов в посёлке были деревянные, в них проживало мужского пола 952 и женского пола 1159 душ. Гостиного двора не было, но были небольшие деревянные лавочки, в которых торговали заводские жители и приезжающие разными шёлковыми азиатскими товарами. Базарные дни бывали каждое воскресенье, привозили хлеб и разные «харчевые» припасы, кожи сырые деланные, сыромятные и юфтевые, мыло и масло. За сто лет существования посёлок Каменского завода превратился фактически в маленький городок, в котором проживали представители практически всех сословий того времени.

Приписных государственных крестьян при заводе в это время числилось 11546 душ, «жительствоющих от сего завода в 17, 42, 90 и 110 верстах». В 1807 г. институт приписки крестьян к заводам был ликвидирован²⁰⁷. Крестьяне должны были выделить из своей среды так называемых «непрерывных работников», которые переселялись на заводы или в расположенные рядом с ними деревни и должны были исполнять вспомогательные заводские работы. Крестьяне, приписанные к частным заводам, должны были выделить из своего состава по 58 человек из каждой тысячи приписных, а приписанные к казённым (государственным) заводам – «соразмерно их действию»²⁰⁸.

Жители Каменского завода относились к сословию мастеровых,

---

²⁰⁷ ПСЗ-1. Т. 29. № 22498.

²⁰⁸ Исторический очерк Уральских горных заводов. СПб., 1896. С. 54.

вся их деятельность была направлена только на выполнение работ по горному производству. По своему социальному положению они были ближе к солдатам, каждый мужчина был обязан отработать (прослужить) на заводе 20–25 лет, после чего выходил в отставку. Сироты, слепые, старые и немощные жители получали денежное или продуктовое пособие через заводскую богадельню, либо постоянно проживали в ней на казённом содержании. На учёте в заводской богадельне состояло до 250 человек, около 30 проживали в ней постоянно. Из заводского бюджета на эти цели ежегодно выделялась определённая сумма²⁰⁹.

Кроме того, в заводских посёлках временно проживали крестьяне и разного звания люди, занимавшиеся выполнением вспомогательных работ при заводах и рудниках. Вольные же люди получали доходы от выполнения работ, предоставляемых казной: рубки дров, перевозки угля, руд, флюсов и других заводских материалов. Администрация завода должна была обеспечивать мастеровых продовольствием и всеми необходимыми вещами²¹⁰. Хлеб закупался в ближайших уездах Пермской и Тобольской губерний, а все необходимое из одежды и обуви привозилось поставщиками с Нижегородской и Ирбитской ярмарок на условиях свободного торга и отпускалось мастеровым или за наличные деньги, или в долг в счёт жалованья. Закупка товара и проверка его качества проводились заводской администрацией обязательно в присутствии выборных представителей от рабочих, которые имели право запретить покупку некачественных товаров и сообщить о нарушениях вышестоящему начальству²¹¹. Охрану завода, денежных кладовых, магазинов и караулы на гауптвахте осуществляли солдаты Оренбургских линейных батальонов.

В начале XIX в. международная обстановка накалялась. Россия вступила в войну с Ираном и Турцией, нарастала угроза серьёзного военного столкновения с наполеоновской Францией. Это обуславливало увеличение потребности армии в вооружении и боеприпасах. Определённые надежды в решении этой проблемы правительство возлагало на Урал и высказывало серьёзную тревогу по поводу медленных темпов реконструкции его заводов, непосредственно влиявших на оперативность и качество выполнения военных заказов. В частности, в 1809 г. Горный департамент Министерства финансов, в ведении которого находилась уральская горнозаводская промышленность, требовал от Пермского горного правления донести «окончено ли предположенное для отливки снарядов устройство», поскольку «о том донесения нет, а меж-

---

²⁰⁹ Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. (далее – ГАСО). Оп. 33. Д. 992. Л. 50–60.

²¹⁰ ГАСО. Оп. 2. Д. 263. Л. 31 об.–32 об.

²¹¹ ГАСО. Оп. 33. Д. 992. Л. 233.

ду тем исчисленные на устройство означенных заводов суммы ежегодно ассигнуются и отпускаются»²¹².

В 1811 г. законодательно был очерчен круг задач казённых горных заводов. Во-первых, «главное начало, на коем горные заводы казённые должны быть устрояемы, состоит в том, чтоб они содействовали и поощряли частную промышленность, а не были бы ей преградою». Во-вторых, «казённые заводы должны быть постепенно доводимы до того, чтобы доходы их по крайней мере равнялись тем, кои можно было бы получить от капитала, на них употреблённого, когда бы капитал сей обращён был бы на другое полезное употреблён». В третьих, «к особенному наблюдению и попечению Министра относится распространение и приведение заводов, нужных для снабжения флота, артиллерии и оружейных заводов металлами и изделиями, в такое устройство, чтоб они: 1) снабжали означенные места надлежащим количеством потребных металлов и изделий, и в тех видах, какие им нужны; 2) металлы и изделия были бы возможно лучшей доброты по свойству и качеству руд; 3) доставление их к местам назначения было бы облегчено»²¹³.

В 1811 г. на Каменском, Златоустовском, Верхне-Туринском заводах была начата отливка чугунных орудий для крепостной артиллерии. На Каменском заводе осуществлялось производство чугунных крепостных и береговых орудий, артиллерийских боеприпасов²¹⁴. В 1810–1817 гг. на заводе смогли отлить 1527 орудий, на 200 меньше, чем требовалось. Причина крылась в слабости энергетической базы, в плохом состоянии оборудования. В 1819 г. отливка орудий здесь была прекращена из-за низкого качества выпускаемой продукции. Её возобновили только в 1834 г. на Каменском и Верхне-Туринском заводах, когда был получен высококачественный чугун²¹⁵.

Дальнейшее обострение военно-политической обстановки окончательно утвердило в правящих кругах России мнение о том, что в восточных районах страны необходимо строительство новых военных за-

---

²¹² Российский Государственный исторический архив. Ф. 37. Оп. 11. Д. 124. Л. 181.

²¹³ ПСЗ-1. Т. 31. № 24688.

²¹⁴ Шилов А.В. К вопросу о влиянии войн начала XIX века на положение горнозаводской промышленности Урала // Учёные записки Пермского университета. 1966. № 158. С. 86.

²¹⁵ Гаврилов Д.В., Антошенко А.В., Романов В.В. Верхнетуринский (Туринский) чугуноплавильный и железоделательный завод // Металлургические заводы Урала. XVII–XX вв. Энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 135; Микитюк В.П., Дьячков С.В. Каменский чугуноплавильный и железоделательный завод // Там же. С. 242; Ляпин В.А. Военное производство на Урале в XIX в. // Третьи Татищевские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2000. С. 196; Его же. Техничко-экономическое состояние военного производства казённых заводов Урала в первой половине XIX века // Промышленность Урала в период зарождения и развития капитализма. Свердловск, 1989. С. 14.

водов, способных значительно увеличить поставки вооружения в действующую армию и, в первую очередь, ручного огнестрельного и холодного оружия. Удобнее всего эти заводы было создавать на Урале, уже располагавшем системой управления казёнными металлургическими предприятиями, производившими качественное сырьё и имевшими квалифицированные кадры, способные в короткий срок наладить производство оружия.

В начале XIX в. внедряется способ производства орудий, разработанный французским учёным Г. Монжем, труд которого был переведён на русский язык в 1804 г. Процесс изготовления орудия включал в себя формовку, отливку, сверление канала ствола, наружную обточку и окончательную ручную отделку. С 1804 г. орудия стали изготавливаться по чертежам, выгравированным в натуральную величину на медных досках. По этим чертежам изготавливали модели орудий. В XVIII в. модели делали из глины или из дерева. При отливке по способу Монжа модель была из бронзы или чугуна и состояла из двух продольных частей, разделявших орудие как бы на две половины. Каждая половина поперечно делилась на 6 отдельных, плотно пригнанных одна к другой частей. Модель давала очертания ствола пушки и литейной прибыли. По причине усадки чугуна при остывании, она была немного длиннее настоящего размера орудия, её диаметр так же превышал настоящий, так как излишек металла снимался при обточке орудия. Формовка производилась в чугунных опоках, тоже сборных, общее число частей, из которых состояла опока, было равно двенадцати. Они соединялись между собой посредством болтов. В качестве формовочного материала употреблялся обычно речной песок, смешанный с шерстью. Формовка производилась вертикально снизу вверх, модель и опока постепенно наращивались. После набивки опок модель вынимали, давали формам просохнуть и смазывали их специальными чернилами, состоявшими из сажи, огнестойкой глины и воды. Затем специальным шилом протыкали в форме отверстия для выхода газов, образующихся при литье, чтобы в орудии не образовывались раковины. На формовке орудия в зависимости от его величины было занято от 5 до 9 человек. Процесс продолжался 12 часов. Готовые формы отправляли в сушилку на 1,5 суток, затем снова смазывали чернилами. Собранный опоку с помощью крана опускали в литейный чан, где с помощью отвеса и распорок её приводили в строго вертикальное положение, на что уходило от 6 часов. От печи проводилась бороздка к резервуару, сложенному из кирпича и обмазанному внутри глиной. От резервуара к литейному чану проводился жёлоб из листового железа, в конце которого имелась воронка, установленная перпендикулярно середине орудия. В местах соединения борозды с резервуаром и резервуара с жёлобом и воронкой

устанавливались железные заслонки для регулирования притока чугуна. Для отливки 3-пудовой пушки требовалось 750–780 пудов чугуна, 36-фунтовой – 500–540 пудов, 24-фунтовой пушки и однопудового единорога – 350–380 пудов, полупудового единорога – 220–250 пудов. Во время заполнения формы рабочие наблюдали, чтобы металл лился тихо и непрерывной струёй, не касаясь стен формы. После наполнения формы чугуном её оставляли остывать 12–20 часов, в зависимости от величины орудия. Затем разнимали части опоки и, обмотав орудие канатом, поднимали его наверх, очищали от формовочного песка и отвозили на заводскую площадь, где давали окончательно остыть.

Остывшее орудие поступало в сверлильный цех, где на специальном станке сначала отрезали литник (литейную прибыль), а затем сверлили канал ствола и производили его наружную обточку. На станке в движении находился сам ствол, а сверло, закреплённое на специальной тележке, наезжало на него. Сверление пушек и единорогов производилось тремя свёрлами: сначала проходным и калибровочным, делавшими 4–6 оборотов в минуту, затем гладильным, делавшим два оборота в минуту. В мортирах, кроме того, ещё несколькими свёрлами высверливалась камера для порохового заряда, так называемый «котёл». Со второго сверления начиналась одновременная обточка ствола снаружи. Цапфы (выступы, которыми ствол орудия крепился к лафету) обрабатывались на особом станке, где ствол закреплялся уже неподвижно, а во вращении находился рабочий инструмент. Поверхность орудия между цапфами обрабатывалась вручную. После этого несколькими свёрлами сверлилось запальное отверстие. Все эти операции занимали 34 дня.

Затем орудия испытывались. Каждая пушка и единорог проверялись двумя усиленными и одним боевым выстрелами, мортира – двумя боевыми. Если хотя бы одно из них разрывалось, то вся партия шла в брак. Выдержавшие пороховую пробу орудия подвергались водяной пробе, для чего их ставили вертикально жерлом вверх, и, налив воду, оставляли её под грузом на шесть часов. Если после этого наружная поверхность орудия становилась влажной, это означало, что в нем имелись микроскопические трещинки и его браковали. Принятые орудия клеймились и отправлялись на склад.

Так как мощность Каменского завода не удовлетворяла возросшие потребности в артиллерии, в 1810 г. было решено провести опыты по отливке орудий на Верхне-Туринском заводе Гороблагодатского горного округа. Все работы проводились специально присланными мастерами Каменского завода. Первая партия орудий, отлитая на Верхне-Туринском заводе в мае 1812 г., оказалась крайне некачественной. Из 36 отлитых и обработанных орудий, только два более или менее соответ-

вовали необходимым стандартам и были приняты на вооружение армии «по крайней нужде». Всего за 1812–1816 гг. здесь было отлито 586 орудий, 212 из которых, то есть 36%, были отбракованы при приёмке. Причина брака заключалась в невозможности получения из тугоплавкого гороблагодатского магнитного железняка чугуна с необходимыми свойствами, в первую очередь высокой текучестью, на имеющемся на заводе доменном оборудовании. В результате металл получался крупнозернистым, что приводило к разрыву орудийных стволов при стрельбе. Низкое качество выпускаемой продукции не удовлетворяло военное руководство, и в 1817 г. отливка орудий на Верхне-Туринском заводе была остановлена.

Каменский завод тоже получал правительственные заказы на производство пушек. Однако слабая энергетическая база завода и устаревшее оборудование не позволяли выполнить их в полном размере. В начале XIX в. заводское начальство предприняло ряд мер для устранения причин производства некачественной продукции и внедрению новых технологий. К 1810 г. на заводе успешно применялся новый способ сверления стволов орудий и труб при помощи закалённых чугунных свёрл и резаков. В 1811 г. на Екатеринбургской механической фабрике были изготовлены железные винты, которые на Каменском заводе применялись для заделывания раковин в стволах орудий.

Уральские горные инженеры и мастеровые много сделали для совершенствования производства чугунных орудий. Сложной была обточка цапф. Она велась вручную, на что требовалось одному рабочему 5–6 дней. В 1811 г. управитель Нижне-Исетского завода И.П. Подоксёнов построил на этом заводе машину для обточки цапф, приводимую в движение водяным колесом. Машина в сутки обрабатывала три пушки. В 1812 г. мастеровой-сверлильщик Нижне-Исетского завода Я. Зотин отлил 3-фунтовую пушку «из железа наподобие стали». Пушка была дешевле аналогичной чугунной. За своё изобретение Зотин был награждён золотой медалью, но его пушка, прообраз стальной артиллерии, не была принята на вооружение. Производство орудий с гладкой поверхностью ствола, не нуждавшихся в обточке было налажено под руководством горного инженера А.А. Грамматчикова, бывшего управителем Каменского завода.

Накануне и в период Отечественной войны 1812 года вновь увеличилось производство артиллерийских орудий. В 1810–1817 гг. заводчане отлили 1527 орудий. Эта цифра была на 200 орудий меньше требуемой, да и качество продукции оставляло желать лучшего. В армию завод поставил 1415 годных орудий, не считая бракованных, оставшихся на предприятии. Однако, несмотря на нововведения, завод регулярно

не справлялся с данными ему государственными заказами и, начиная с 1819 г., отливка орудий на нем была прекращена.

Объективности ради следует отметить, что в период войн с наполеоновской Францией отлитые на Каменском заводе артиллерийские орудия непосредственного участия в боевых действиях не принимали. Однако чугунные пушки, сработанные уральскими мастерами, в значительной мере способствовали усилению огневой мощи русских крепостей и береговых батарей.

E.Y. Rukosuyev

Rukosuyev Evgeny Yuryevich – the senior research associate of Institute of history and archeology of the Ural office of the Russian Academy of Sciences, the candidate of historical sciences, the associate professor.

**NEW TECHNOLOGIES OF MILITARY PRODUCTION
IN the URALS IN the FIRST QUARTER of the XIX century.
(on the example of Kamensk state plant)**

The beginning of the XIX century was marked for Russia by the whole series of wars with France, Sweden, Turkey and Persia. However conceived by Peter I as the empire arsenal, Ural by the beginning of the XIX century any more didn't carry out fully the mission, carrying out, mainly, release of especially peace production. In the XVIII century participation of state mountain plants in war industry was limited, as a rule, to supply of metal. By the beginning of the XIX century state mountain plants of Ural "were arranged almost only for one ordinary strip iron". On the eve of and in the period of Patriotic war of 1812 production of artillery pieces increased again. In 1810-1817 factory workers cast 1527 tools. This figure was 200 tools less demanded and quality of production left much to be desired. In army the plant put 1415 suitable tools, apart from rejected, remained at the enterprise. However, despite innovations, plant regularly I didn't cope with the state orders given to it and, since 1819, casting of tools on it was stopped.

Objectivity for the sake of should note that during wars with Napoleonic France cast on Kamensk plant artillery pieces of direct part in operations didn't take. However the pig-iron guns worked by the Ural masters, considerably promoted strengthening of fire power of the Russian fortresses and coastal batteries.

Key words: military production, Urals, Kamensk state plant, war of 1812.

Б.А. Сутырин

В.И. ТЮТЧЕВ И НАПОЛЕОНОВСКАЯ ТЕМА В ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ

Творчество великого русского поэта и мыслителя Федора Ивановича Тютчева (1803–1873) неразрывно связано с важнейшими политическими событиями XIX в. в Европе и в России. По своему мировоззрению поэт близко стоял к славянофилам. Так же, как и они, Тютчев утверждал, что Запад никогда не простит России ее величия, ее первенствующего места в многомиллионной славянской семье, права ее решающего слова в судьбах западного мира. Творчество поэта и его историософские мысли достаточно широко отражены в отечественной литературе. И в наши дни, в год 200-летия Отечественной войны 1812 г., полезно и не без интереса вспомнить, что и наполеоновская тема была близка поэту. Стихотворения Тютчева, посвященные данной теме, отражают не только глубокие знания в области истории, но и пронизаны пафосом патриотизма. Он верил в высокое предназначение своего Отечества.

Ключевые слова: поэзия, война 1812 г., творчество, история

Творчество великого русского поэта и мыслителя Федора Ивановича Тютчева (1803–1873) неразрывно связано с важнейшими политическими событиями XIX в. в Европе и в России. По своему мировоззрению поэт близко стоял к славянофилам. Так же, как и они, Тютчев утверждал, что Запад никогда не простит России ее величия, ее первенствующего места в многомиллионной славянской семье, права ее решающего слова в судьбах западного мира. Творчество поэта и его историософские мысли достаточно широко отражены в отечественной литературе²¹⁶.

И в наши дни, в год 200-летия Отечественной войны 1812 г., полезно и не без интереса вспомнить, что и наполеоновская тема была близка поэту. Имя Наполеона он узнал еще в раннем детстве. В год назначения Федору было десять лет. Война 1812 г. осталась в памяти, сознании и душе Тютчева и его сверстников навсегда. Известно, что он

---

²¹⁶ Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1981. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л., 1957. Пигарев К.В. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962. Петров А. Личность и судьба Федора Тютчева. М., 1982. Кожин В. Тютчев. М., 1988. Петрова И.В. Мир, общество, человек в лирике Тютчева // Литературное наследство. Ф.И. Тютчев. Кн. 1. М., 1988. Карев В.М. Ф.И. Тютчев: Наполеон и Революция (из истории русской литературной наполеонады) // Россия и Европа. Дипломатия и культура. Сб. ст. М., 1995. Тютчев Ф. Россия и Запад. М., 2011.

написал 390 стихотворений и примерно четвертую часть этого поэтического наследия составляют стихотворения на общественно-политические темы. Среди этих творений особое место занимает цикл о Наполеоне, который создавался на протяжении ряда лет.

Интерес представляет хроника написания этого цикла. Первое стихотворение о Наполеоне появилось в 1828 г. – «Могила Наполеона»²¹⁷:

*Душой весны природа ожила,
И блещет все в торжественном покое:
Лазурь небес, и море голубое,
И дивная гробница, и скала!*

*Древа кругом покрылись новым цветом,
И тени их, средь общей тишины,
Чуть зыблются дыханием весны
На мраморе, весною разогретом...*

*Еще гремит твоих побед
Отзывный гул в колеблющемся мире...*
.....

*И ум людей твоею тенью полн,
И тень твоя, скитаясь в крае диком,
Чуда всему, внимая шуму волн,
И тешится морских пернатых криком.*

Продолжение изучения этой темы было навеяно характеристикой Наполеона в публицистике великого немецкого поэта Г. Гейне «Французские дела». Он писал о Наполеоне под впечатлением от посещения Франции в 1832 г. Гейне, обращаясь к образу Наполеона, писал, что в голове императора «... гнездились орлы вдохновения, меж тем в сердце вились змеи расчета»²¹⁸.

Тютчев, прочитав эти строки, тут же написал стихи о Наполеоне, в которых развил образы Гейне:

*Два демона ему служили,
Две силы чудно в нем слились:
В его главе – орлы парили,*

---

²¹⁷ Петров А. Указ. соч. С. 51.

²¹⁸ Гейне Г. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1958. С. 263.

*В его груди – змеем вились...
Ширококрылых вдохновений
Орлиный, дерзостный полет.
И в самом буйстве дерзновений
Змеиный мудрости расчет.*

*Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Души его не озарила
И не приблизилась к нему...
Он был земной, не божий пламень.
Он гордо плыл – презритель волн, -
Но подводный веры камень
В щепы разбился утлый челн²¹⁹.*

В 1848–1849 гг. у Тютчева созревает замысел большого философского и политического трактата «Россия и Запад». Трактат должен был состоять из девяти глав. VII глава была названа «Россия и Наполеон». В этой главе он и поместил стихотворный отрывок, являющийся первоначальным наброском будущего цикла о Наполеоне:

*Он сам на рубеже России –
Проникнут весь предчувствием борьбы –
Слова промолвил роковые:
"Да сбудутся ее судьбы..."
И не напрасно было заклинанье:
Судьбы откликнулись на голос твой –
И сам же ты, в твоём изгнание,
Ты пояснил ответ их роковой...²²⁰*

Фраза «Да сбудутся ее судьбы...» – это слова из приказа Наполеона по армии 22 июня 1812 г. Это была его первая загадка, а вторая будет произнесена на о. Св. Елены: «Через пятьдесят лет Европа будет либо под властью революции, либо под властью казаков»²²¹.

Наполеоновская тема еще долго интересовала Тютчева. В последний раз он вернулся к ней в 1853 г., когда проездом побывал в г. Ковно, на берегах р. Неман. Берега реки напомнили ему события, связанные с началом Отечественной войны 1812 г.

---

²¹⁹ Тютчев Ф.И. Полн. собр. стихотв. Л., 1957. С. 356.

²²⁰ Тютчев Ф.И. Россия и Запад. М., 2011. С. 119.

²²¹ Петров А. Указ. соч. С. 356.

*Ты ль это, Неман величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты, столько лет, с такою славой,
России верный часовой?
Один лишь раз, по воле бога,
Ты супостата к ней впустил –
И целость русского порога
Ты тем навеки утвердил...*

*Ты помнишь ли былое, Неман?
Тот день години роковой,
Когда стоял он над тобой,
Он сам – могучий южный демон,
И ты, как ныне, протекал,
Шумя под вражьими мостами,
И он струю твою ласкал
Своими чудными очами?*

*Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели –
И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними,
И двигал всем, и всё стерег
Очами чудными своими...*

*Лишь одного он не видал...
Не видел он, воитель дивный,
Что там, на стороне противной,
Стоял Другой – стоял и ждал...
И мимо проходила рать –
Всё грозно-боевые лица,
И неизбежная Десница
Клала на них свою печать...*

*А так победно шли полки –
Знамена гордо развевались,
Струились молнией штыки,
И барабаны заливались...
Несметно было их число –*

*И в этом бесконечном строе
Едва ль десятое число
Клеймо минуло роковое...*²²²

Стихотворения Тютчева отражают не только глубокие знания в области истории, но и пронизаны пафосом патриотизма. Он верил в высокое предназначение своего Отечества. Истинным и глубоким патриотизмом продиктованы строки поэта, написанные им в 1866 г.:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить*²²³.

B. A. Sutyryn

Sutyryn Boris Alekseevich – professor of chair of general history of the Ural state pedagogical university, the candidate of historical sciences, professor.

V. I. TYUTCHEV AND NAPOLEONIC SUBJECT IN HIS CREATIVITY

Creativity of the great Russian poet and the thinker Fedor Ivanovich Tyutchev (1803–1873) is inseparably linked with the most important political events of the XIX century in Europe and in Russia. On the outlook the poet close stood to Slavophiles. As well as they, Tyutchev claimed that the West never will forgive to Russia of its greatness, its taking priority place in a multimillion Slavic family, the rights of her decisive word in destinies of the Western world. Creativity of the poet and his historiosophical keep rather an open mind are reflected in domestic literature. And today, in a year of the 200 anniversary of Patriotic war of 1812, it is useful and not without interest to remember, as the Napoleonic subject was close to the poet. Tyutchev's devoted to this subject the poems, reflect not only profound knowledge in the field of history, but also are penetrated by pathos of patriotism. He believed in high mission of the Fatherland.

Key words: poetry, war of 1812, creativity, history

---

²²² Тютчев Ф.И. Россия и Запад. С. 203.

²²³ Тютчев Ф. Люблю глаза твои, мой друг. СПб., 2012. С. 227.

2. Память о войне – война за память

Н.Ф. Шестакова

«ЖЕЛЕЗНОЕ КОЛЬЦО» ЭДУАРДА I

Память, укорененная в конкретном пространстве, жесте, образе или объекте является переживаемой связью прошлого с вечным настоящим. Память стремится определиться в пространстве, она локализует воспоминания о событиях прошлого и их значении. Ключевым моментом в валлийской истории, кардинально изменившим ее дальнейшую судьбу, является завоевание Уэльса английским королем Эдуардом I. Память о завоевании Уэльса оживает в стенах величественных замков, которые были воздвигнуты Эдуардом I в Северном Уэльсе с целью закрепить завоеванные земли за Английской короной и обеспечить военное присутствие англичан в случае, если валлийцы поднимут восстание. Замки представляют собой памятники всемирного культурного наследия, управление которыми осуществляется организацией Cadw (служба сохранения исторического наследия Уэльса), являющейся отделением по исторической среде правительственной ассамблеи Уэльса. Для валлийцев же эти памятники средневекового архитектурного искусства, несмотря на напоминание о некогда утраченной независимости, стали неотъемлемой частичкой их родной страны и ее богатой истории.

Ключевые слова: завоевание, память, история, Уэльс, замки, культурное наследие

Память, укорененная в конкретном пространстве, жесте, образе или объекте является переживаемой связью прошлого с вечным настоящим. Память стремится определиться в пространстве, она локализует воспоминания о событиях прошлого и их значении²²⁴. Ключевым моментом в валлийской истории, кардинально изменившим ее дальнейшую судьбу, является завоевание Уэльса английским королем Эдуардом I. Результатом завоевания стала потеря валлийцами своей независимости, начало процесса интеграции княжества в английское королевство, распространение английских законов, правовых обычаев на его территории и т.д. Минуло уже несколько сотен лет, а это событие не утратило своего исторического значения для валлийцев. Оно породило

---

²²⁴ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 39.

такое явление, как «валлийский национализм», сторонники которого борются за расширение автономии Уэльса, проповедают идею своеобразия валлийского языка, культуры и истории.

Память о завоевании Уэльса оживает в стенах величественных замков, которые были воздвигнуты Эдуардом I в Северном Уэльсе с целью закрепить завоеванные земли за Английской короной и обеспечить военное присутствие англичан в случае, если валлийцы поднимут восстание. Строительство замков началось в четырех стратегически важных пунктах после окончания первой военной кампании Эдуарда I в Уэльсе 1277 г. Результатом кампании явилось признание Лливелином, последним принцем Уэльса, вассальной зависимости от английского короля. В 1280 г. был построен замок Флинт, ранее в 1277 г. – замок Руддлан, в этом же году началось строительство нового замка в Аберистуите братом короля Эдмундом Ланкастерским²²⁵. После смерти Лливелина и Дэвида, принцев Гвинедда, и окончательного завоевания Уэльса в 1282 г.²²⁶, начались широкомасштабные работы по возведению ряда замков, получивших название «Железное кольцо» Эдуарда I. К 1287 г. были построены Конвей и Карнарвон на северных мысах, которые имели важное стратегическое значение, к 1289 г. – Крисиет и Харлех, расположившиеся на холмах, доминирующих над западным прибрежным проходом вдоль Кардиганского залива. После мятежа Мадога появилась пятая крепость в Бомарисе, чтобы контролировать пролив Менай.

На проведение строительных работ ушли огромные ресурсы, которые поставлялись из разных частей Английского королевства: камень, свинец, железо, сталь, веревки и древесина. Трудовые ресурсы были собраны на удивление быстро и в значительном масштабе. Были наняты лучшие мастера, которые контролировали и координировали работу. К 1301 г. расходы на строительство восьми крупнейших новых замков в Уэльсе составили приблизительно 80000 фунтов²²⁷. Замки были созданы Мастером Джеймсом из монастыря Св. Георга, военным архитектурным гением, квалифицированным администратором и королевским строителем замков, имеющим большой строительный опыт в Савойе. Он руководил возведением базовых конструкций всех больших замков Эдуарда в Уэльсе.

К 1282 г., в течение почти столетнего правления валлийских принцев, вся территория Уэльса уже была усеяна замками, некоторые из

---

²²⁵ Davies R.R. *Conquest, coexistence, and change Wales 1063–1415*. Oxford, 1987. P. 333.

²²⁶ Brut y Tywysogion // Сайт Национальной библиотеки Уэльса. URL: <http://digidol.llgc.org.uk/METS/BYT00001/frames?div=0&subdiv=0&locale=en&mode=thumb> (дата обращения: 14.03.2012).

²²⁷ Jones J.G. *The history of Wales*. Cardiff, 1990. P. 35.

которых были теперь разрушены, восстановлены и дополнительно укреплены Эдуардом I. Его новые замки, такие как Флинт и Руддлан, заменили более ранние валлийские крепости. Другие были воздвигнуты на неукрепленной территории в Харлехе, Карнарвоне, в пределах береговой полосы Конви и пролива Менай в Бомарисе²²⁸.

Замки «Железного кольца» являются выдающимися памятниками военного архитектурного искусства всей Западной Европы. Все они выполнены в новом концентрическом стиле, усвоенном крестоносцами у греков и сарацин во время сирийских войн, с искусно размещенными фланговыми башнями, одни из которых были полукруглыми и прочными, другие полыми, обеспечивавшими дополнительную защищенность, с тайными ходами и барбаканами, следующими один за другим ярусами стен. Благодаря тому, что лучники располагались на разных уровнях за бойницами и зубцами, они могли обстреливать продольным огнем атакующих в любом направлении²²⁹.

Каждый замок таит в себе воспоминания о событиях давно миновавшего прошлого. Все они имеют богатую и интересную историю, наполненную различными легендами и мифами. Их величественный и грозный облик веками творчески вдохновлял писателей и художников на создание своих произведений.

Великая цитадель Руддлан располагается на территории, которая исконно считается валлийской. Валлийцы первыми воспользовались преимуществом данной местности – искусственно созданной горой под названием Тифилл, на которой в начале IX в. Лливелином ап Ситсилтом, Принцем Уэльса, была воздвигнута пограничная крепость. Но во времена правления Гриффида ап Лливелина в 1063 г. она была сожжена саксами во главе с королем Гарольдом. Крепость была вновь восстановлена и вскоре захвачена Робертом, племянником Люпуса, Графа Честера. Роберт начал новые работы по укреплению замка. В последующие годы она неоднократно являлась «яблоком раздора» между валлийцами и англичанами. Архиепископ Кентерберийский Болдуин, во время своего путешествия по Уэльсу, почтил своим присутствием замок, где был гостеприимно принят. В период своего вторжения в Уэльс английский король Эдуард I сделал его своим плацдармом и складом для провизии. В 1281 г. крепость подверглась нападению Лливелина, последнего Принца Уэльса, и его брата Дэвида. Дэвид до отправления в Шрусбери, где его казнили (повесили, четвертовали), как предателя, был заключен в замке Руддлан.

---

²²⁸ Ross D. Wales. History of a nation. New Lanark, 2006. P. 103.

²²⁹ Брайнт А. Эпоха рыцарства в истории Англии. СПб., 2001. С. 101.

Благоразумный монарх сделал Руддлан свободным городом, предоставил ему различные привилегии, направленные на примирение с валлийцами и для поддержания дружественных отношений между коренным населением и завоевателями. Король в 1283 г. собрал здесь Парламент, в ходе заседания которого было принято решение разделить Уэльс на графства и упразднить древние валлийские законы, казавшиеся англичанам ненужными. Был принят известный Руддланский статут, который включал Уэльс в зону английской юрисдикции²³⁰. В этом же замке, как гласит легенда, Королем было дано обещание предоставить валлийцам Принца, уроженца их княжества, никогда не произносившего ни одного слова на английском языке. Он выполнил свое обещание, даровав им в качестве принца своего грудного ребенка, родившегося в Карнарвоне. Замок Руддлан во времена Великой гражданской войны находился в руках роялистов, но в 1646 г. вынужден был капитулировать, а в 1648 г., чтобы прекратить его дальнейшее использование, был взорван.

Не менее большой интерес представляет собой замок Карнарвон, который знаменит своей «Орлиной башней», получившей такое название благодаря наличию фигуры орла на ее стене. В небольшой темной комнате этой башни, как гласит легенда, размер которой равен 12 футам в длину и 8 футам в ширину, родился наследник английского престола Эдуард II и первый Принц Уэльский. Издав Руддланский статут, Эдуард присоединил княжество Уэльс к Английскому королевству и включил его в английскую гражданско-правовую систему. Но валлийцы не смирились со статусом своего княжества, как захваченного доминиона, а вожди, находящиеся в недоступной горной местности, наконец, дали понять английскому монарху то, что они никогда не признают его своим сувереном²³¹. После жестоких притеснений со стороны английских чиновников, валлийцы, наконец, пошли на уступки и заявили, что признают и будут повиноваться принцу, родившемуся и проживающему на территории их княжества и говорящему на валлийском языке. Король Эдуард чувствуя решительность и несгибаемость валлийцев в требовании предоставить им принца, который был бы их соотечественником, принял весьма благоразумное, но опасное решение. Королева Элианора была отправлена в Карнарвон, где были подготовлены все условия для ее родов. Когда время родов подошло, Король Эдуард, созвал к себе баронов и знатных людей со всего Уэльса в Руддлан, чтобы прокон-

---

²³⁰ Bowen I. The statutes of Wales. L., 1908. URL: <http://www.archive.org/details/statuteswales00bowegoog> (дата обращения: 14.03.2012).

²³¹ Timbs J. Abbeys, castles, ancient halls of England and Wales; their legendary lore and popular history. URL: <http://archive.org/stream/abbeycastlelesan03timb#page/n7/mode/2up> (дата обращения: 14.03.2012).

сультуроваться по вопросам общественного блага и безопасности их страны. Будучи проинформированным о том, что Королева родила ему сына, он обратился к валлийской знати с речью о том, что может исполнить их требование и предоставить им принца, но при условии, если они подчинятся избраннику короля. Валлийцы с готовностью согласились с этим условием. Эдуард I объявил принцем своего сына Эдуарда, родившегося в Замке Карнарвон. В 1301 г. Эдуард, Принц Уэльский прибыл в Честер, где ему была принесена присяга всех фригольдеров Уэльса. Его инвестировали с атрибутами королевского достоинства: с золотым венком на голове, с золотым кольцом на пальце и серебряным скипетром в руке. Примечательно то, что Черный Принц и другие старшие сыновья последующих английских королей получали этот титул по патентной грамоте, и только во времена правления Генриха VII титул стал наследственным. Однако он присуждался при проведении специальной церемонии – инвеституры, и не всегда присуждался вскоре после рождения прямого наследника. Эдуард II получил титул Принца Уэльского, когда ему было 17 лет, а его сын Эдуард III – в 10 лет. Вскоре эта популярная традиция, гласившая, что первый Принц Уэльский родился в Орлиной башне, была опровергнута историком-антикваром Альбертом Хартшорном. Как сообщают хроники, Эдуард II родился 25 апреля 1284 г., спустя год после начала строительства Замка, который и был им самим достроен. Возведение Замка продвигалось медленными темпами. Поэтому вряд ли разумно считать, что Королева родила наследника в недостроенном Замке. Но нет сомнений, что первый Принц Уэльский родился в городе Карнарвон. Замок Карнарвон до сих пор считается местом рождения принца, несмотря на явное искажение исторических фактов²³².

Во время правления Якова I в одной из темниц замка был заключен пуританин, памфлетист Уильям Принн. Во время своего заключения в тюремной башне он издал памфлет «Новости из Ипсвича», в котором высмеял епископов, за что и поплатился ушами. Замок Карнарвон был использован последний раз в целях защиты роялистов во времена Гражданской войны. В 1646 г. он был сдан войскам Парламента.

Замок Флинт, известный как «Печальный замок», получил это название после того, как в нем был свергнут с престола по возвращению из Ирландии английский король Ричард II своим двоюродным братом Генрихом Болингброком, ставшим в результате этого королем Генрихом IV. Этот сюжет лег в основу знаменитой пьесы У. Шекспира «Ричард II».

---

²³² Ibid.

Одной из самых красивых крепостей Британии является Замок Конви, живописно расположенный в устье реки Конвей в северной окрестности графства Карнарвон. Сэр Ричард Колт Хоар говорил относительно него: «Я не видел города, где бы произведение военного искусства так прекрасно сочеталось с живописностью природы; это местечко у художников вызывает большой восторг и нежелание расставаться с ним». Причудливая форма города напоминает валлийскую арфу. В Уэльсе существует легенда, согласно которой Эдуард I после его завоевания, приказал казнить всех валлийских бардов. Сюжет этой легенды Томас Грэй положил в основу своей известной и прекрасной пиндарической оды «Бард». Стихотворение как раз повествует о последнем барде, который, измученный, взбирается на высокую скалу и прыгает с нее в пенящиеся воды Конвея. Валлийский художник XVIII в. Томас Джонс и английский художник начала XIX в. Джон Мартин посвятили этому стихотворению свои одноименные картины. В эпоху Романтизма замки «Железного кольца» Эдуарда I стали излюбленными объектами картин британского живописца Уильяма Тёрнера, ставшего предтечей французских импрессионистов.

Последний раз замки использовались в военных целях во времена Английской революции XVII в. Многие из них подверглись разрушению. С тех пор они утратили военную значимость и начали приходить в упадок. В настоящее время Уэльс по праву называют «Страной замков». Он привлекает туристов со всего мира. Замки «Железного кольца» Эдуарда I являются венцом великого искусства средневековых военных инженеров, расцветшего в Британии прежде, чем оно было окончательно забыто. Замки представляют собой памятники всемирного культурного наследия, управление которыми осуществляется организацией Cadw (служба сохранения исторического наследия Уэльса), являющейся отделением по исторической среде правительственной ассамблеи Уэльса. Для валлийцев же эти памятники средневекового архитектурного искусства, несмотря на напоминание о некогда утраченной независимости, стали неотъемлемой частичкой их родной страны и ее богатой истории.

N. F. Shestakova

Shestakova Nadezhda Fiodorovna – the student of department of history of the Ural state pedagogical university.

"IRON RING" EDUARDA I

The memory implanted in concrete space, gesture, image or object is endured communication of the past with the eternal present. Memory seeks to be defined in space, it localizes memories of events of the past and their value. The key moment in the Welsh history, cardinally changed its further destiny, is the gain of Wales the English king Eduard I. Memory of a gain of Wales comes to life within the walls of majestic castles which were erected by Eduard I in Northern Wales with the purpose to assign the won lands to the English crown and to provide military presence of British in case Welshmen lift revolt. Locks represent monuments of the world cultural heritage, control with which is exercised the Cadw organization (service of preservation of historical heritage of Wales), being office on historical Wednesday of governmental assembly of Wales. For Welshmen these monuments of medieval architectural art, despite a reminder on once lost independence, became the integral part of their native land and its rich history.

Key words: gain, memory, history, Wales, locks, cultural heritage

Е.С. Соколова

**РОЛЬ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ
НАДСОСЛОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ
ПЕТРА I ПЕРИОДА ВОЕННЫХ СВЕРШЕНИЙ
(90-е гг. XVII – перв. десятилетие XVIII вв.)**

Эпоха петровских преобразований традиционно оценивается в историографии как период окончательной централизации властных структур российской монархии, которая приобретает черты абсолютизма и превращается в государство-империю. Общеизвестна приверженность Петра I к идее законности, воспринятой им из протестантских политико-правовых концепций германского Просвещения, основанных на тезисе о непреодолимой противоположности между нравственным и юридическим предписанием.

Избрав идею законности в качестве теоретической основы своих многочисленных законодательных инициатив, Петр I на протяжении многих десятилетий использовал ее для легитимации действующих норм Соборного уложения, пронизанных принципом сословности. К тому же законность рассматривалась им как единственное юридическое средство, позволяющее сконцентрировать всю полноту верховной власти в руках монарха, что неизбежно вело в условиях господства традиционалистской социальной парадигмы к закреплению надсословного статуса самодержавия. Поставив судьбу своих преобразований и стабильность

императорского статуса в зависимости от степени практического воплощения доктрины «законной монархии» в повседневный юридический быт России, Петр I создал, таким образом, прецедент для своих ближайших преемников и подготовил почву к превращению принципа законности в основополагающий фактор правовой политики российской самодержавия.

Ключевые слова: принцип законности, централизация, российское самодержавие, правовая политика

Эпоха петровских преобразований традиционно оценивается в историографии как период окончательной централизации властных структур российской монархии, которая приобретает черты абсолютизма и превращается в государство-империю. Общеизвестна приверженность Петра I к идее законности, воспринятой им из протестантских политико-правовых концепций германского Просвещения, основанных на тезисе о непреодолимой противоположности между нравственным и юридическим предписанием. Ее официальное обоснование было дано в первой четверти XVIII в. под воздействием представления западных ученых-государствоведов раннего Нового времени об опосредованности суверенной власти монарха наличием подзаконной системы центрального и местного управления.

К началу XVIII столетия правосознание российских законодателей обогатилось реминисценциями из наследия Г. Лейбница, С. Пуффендорфа и Х. Вольфа, для которых естественное право личности на жизнь, свободу и собственность являлось краеугольным камнем стабильного правогосударственного уклада. Вся система власти и управления, созданная в ходе реформ Петра I, была ориентирована на закрепление юридически гарантированного принципа законности, необходимого для защиты «общего блага» от произвола и лихоимства чиновников. С 1722 г. ведущая роль в обеспечении правопорядка отводилась системе прокурорского надзора, «повинного ... крепко смотреть», чтобы каждый чиновник Сената «свою должность хранил и ... порядочно ... по указам и регламентам отправлял, разве какая законная причина к отпращиванию ему помешает»²³³.

---

²³³ Процитирован текст именного указа Петра I от 27 января 1722 г., опубликованный в 1804 г. Л. Максимовичем в четвертом томе «Указателя российских законов, временных учреждений, суда и расправы, по Высочайшему соизволению изданного ...». Цит. по: Законодательство Петра I / Отв. ред. Преображенский А. А., Новицкая Т. Е. М., 1997. С. 133. См. более подробно: Латкин В. Н. Учебник русского права периода Империи (XVIII и XIX вв.). М., 2004. С. 3–4; Градовский А. Д. Высшая администрация России XVIII в. и генерал-прокуроры. СПб., 1866. С. 64–68; Соколова Е. С. Институт сословных прав в официальной политической доктрине и законодательстве России середины XVII – первой половины XIX века (дворянство, духовенство, купечество). Екатеринбург, 2011. С. 89–98.

Вопреки распространенному в историко-правовой литературе мнению об отсутствии планомерности реформаторских начинаний Петра I, в основном, спровоцированных началом Северной войны, можно констатировать наличие тенденции к преемственности отдельных элементов его законодательной политики от первых Романовых. Приверженность самодержцев второй половины XVII в. к модели законной монархии сыграла роль своеобразного катализатора в процессе централизации государственно-правовых структур Московской Руси. Успех этого начинания в значительной степени зависел от уровня систематизации законодательства, созданного после принятия «Соборного Уложения». Претендуя на роль гаранта правовой справедливости по отношению ко всем сословиям Московского государства, царская власть видела свою задачу в максимальном преодолении коллизий действующего законодательства. С этой целью еще Федор Алексеевич задумал проведение кодификационных работ, санкционировав их начало именным указом от 16 декабря 1681 г. Начальники московских приказов получили предписание выявить все судебные решения, вынесенные на основе совместных приговоров прежних государей и Боярской думы «сверх Уложения 157 году и сверх новых статей». Сделав соответствующие выписки из дел прошлых лет, приказные люди должны были приступить к следующему этапу систематизации. Он заключался в составлении новых законодательных норм, «какия в которых приказах к вершенью всяких дел пристойны» и сопоставлении их с нормативными актами, утвержденными после 1649 г. Затем «новоприбылые статьи» следовало внести в специальные тетради, заверить их подписями приказных дьяков и выслать царю для ознакомления в Разряд²³⁴.

Скоропостижная кончина Федора Алексеевича без прямого наследника и вызванная этим обстоятельством борьба за власть между Милославскими и Нарышкиными помешала реализации этого полезного начинания. Тем не менее, идея законности оказалась востребованной и при дворе царевны Софьи Алексеевны, которая хорошо сознавала шаткость своих притязаний на роль правительницы государства и стремилась компенсировать отсутствие в православной России традиций женского правления отдельными законодательскими инициативами сословного характера. Например, в законодательстве 1680-х гг. отчетливо прослеживается стремление расположить в пользу нового правительства широкие слои служилых людей Москвы и подмосковных уездов. Их социальная поддержка могла стать серьезным противовесом дальней-

---

²³⁴ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830–1917 (далее – ПСЗ). Собр. I. Т. 2. № 900. С. 366–367.

шему усилению стрельцов, которые уже продемонстрировали свою ненадежность в ходе «хованщины»²³⁵. Кроме того, притязания России последней четверти XVII столетия на активное участие в большой европейской политике могли быть успешными только на фоне постепенного реформирования боярско-дворянского ополчения и военной организации служилых людей «по прибору». Хорошо известно, что подобная перспектива вызывала негативную реакцию стрелецкого войска, так как оно не отличалось мобильностью и не могло составить основу регулярной армии.

Изучая внешнюю историю законодательства Российской империи, известный правовед второй половины XIX в. В.Н. Латкин, методологически близкий к государственно-юридической школе, справедливо отмечал «реформаторский характер» большинства нормативных актов петровского и послепетровского периода. Причину этого феномена он искал в почти полной оторванности законотворческих инициатив императорской власти от обычаев старомосковского периода. По мнению ученого, новаторские тенденции, наметившиеся в российском законодательстве после Смуты, были обусловлены необходимостью закрепления механизма функционирования новых государственно-правовых структур неограниченной монархии. Исследователь выделил два основных признака правовой системы Российской империи, сформированных под влиянием петровских преобразований первой четверти XVIII в.: начиная с эпохи правления Петра I законодательство являлось плодом... чисто теоретических соображений отдельных лиц, или же... сколком с²³⁶ иностранных образцов». Можно не соглашаться с приведенной в этой цитате характеристикой рецепции русским законом западноевропейских правовых инноваций и степени ее глубины. Но сам факт выявленной Латкиным коллизии между «старинной» и «новизной» весьма примечателен, отражая стремление российских законодателей формально включить новую империю в политическое пространство Западной Европы, сохранив при этом элементы традиционализма в качестве своеобразных несущих конструкций.

Молодой Петр I хорошо осознал несовершенство российской правовой системы уже в ходе ожесточенной борьбы за власть с царевной Софьей, исход которой зависел лишь от благоприятной расстановки социально-политических сил в поддержку каждого претендента. Оба обладали преимущественным законным происхождением от «природных государей», но единственным основанием для властных притязаний юного Петра Алексеевича была сила старомосковского обычая, пре-

²³⁵ Там же. Т. 2. № 1175. С. 749–751; № 1192. С. 798–800.

²³⁶ Латкин В.Н. Указ. соч. С. 3.

пятствующего мирской активности православных царевен. Тот же обычай отдавал предпочтение царю Иоанну Алексеевичу как старшему из двух братьев умершего Федора. Хорошо понимая это, Петр I в 1689 г. ограничился отстранением Софьи от регентства, но сохранил царский титул своего брата-соправителя, несмотря на то, что его пребывание у власти вселяло несбыточные политические надежды в Милославских.

Обстоятельства фактического воцарения Петра I способствовали сохранению в законодательстве 1690-х гг. тенденции к укреплению принципа законности, доставшейся молодому царю в наследство от первых Романовых. Его первая законотворческая инициатива в этой области была продиктована стремлением упорядочить правоприменительную практику, пришедшую в упадок за годы правительственной деятельности царевны Софьи. 18 октября 1689 г. молодой Петр при поддержке Иоанна Алексеевича подтвердил незыблемость всех именных указов, утвержденных «при державе Отца их ... и при Брате их, ... и при Них». Был наложен строгий запрет на пересмотр уже «вершенных» судебных дел, рассмотренных в соответствии с нормами «Соборного Уложения» и последующего законодательства²³⁷.

Желая продемонстрировать подданным российской короны наличие стабильности верховной власти, Петр I запретил принимать в московских приказах челобитные частных лиц с просьбами о пересмотре уже вынесенных судебных решений. Юридическим основанием для отказа в осуществлении «пересуда» было объявлено наличие в бумагах судебного делопроизводства выписки из соответствующего именованного указа за подписью думного дьяка. Таким образом, сохраняя традицию московского процессуального законодательства, в котором судебные инстанции соответствовали иерархии традиционного общества и существовали, прежде всего, для централизации правоприменительной деятельности местной администрации, Петр I существенно видоизменил ее. Одновременно он повел мощное наступление на нигилизм массового правосознания. За утайку судебного решения, вынесенного на основании законотворчества «природных государей» прошлых лет, законодатель грозил челобитчикам смертной казнью²³⁸.

Выбор Петра I в пользу строгого формализма для обеспечения принципа законности в судебной практике объяснялся политическими обстоятельствами, властно диктовавшими необходимость нормативного закрепления общеобязательности именных указов. В ходе соперничества за доступ к верховной власти с царевной Софьей молодой царь планомерно устранял с политической арены наиболее активных сторонни-

---

²³⁷ ПСЗ I. Т. 3. № 1355. С. 43–43.

²³⁸ Там же.

ков усиления Милославских из элитарных слоев служилого сословия. Заключив бывшую правительницу в Новодевичий монастырь, Петр I санкционировал проведение розыскных процессов против ее ближайших сторонников из среды столичной служилой элиты. Судебные приговоры по делам В. Шакловитого, Циклера и князей Голицыных, содержали развернутое обоснование причин царской опалы, постигшей посягнувших ради несправедливого достижения власти на неизбежность «государского порядка»²³⁹.

Представления молодого Петра о законности отличались поверхностностью. Прагматическое осмысление достижений и просчетов западноевропейской правовой культуры началось для него под влиянием личного ознакомления с государственностью ряда европейских держав во время Великого посольства 1697–1698 гг. В более раннем законодательстве юного царя есть примеры произвольного внесения изменений в нормативные акты из конъюнктурных соображений. «Дух» и «буква» подобных инициатив вполне соответствуют политико-правовому идеалу «вольного самодержавия» времен Ивана Грозного. Например, накануне своей первой поездки в Европу царь подписал именной указ от 20 января 1697 г., об отмене земельных раздач служилым людям, принимавшим участие в Крымских походах под предводительством князя В. В. Голицина²⁴⁰.

Массовые пожалования поместий боярам, воеводам и прочим ратным людям, осуществленные в 1687 и 1689 гг. должны были, по мнению правительства царевны Софьи, хотя бы в какой-то мере компенсировать служилому сословию тяжелейшие условия Крымской военной кампании, возникшие в результате военно-стратегических просчетов российского командования. Сознывая себя законным государем, Петр, который после смерти брата Ивана правил единолично, не собирался начинать дипломатические игры с боярско-дворянской верхушкой. Окрыленный победами над турецким противником под Азовом, он уже видел себя в мечтах во главе Русской державы, обретшей весомый международный статус. Собираясь инкогнито в ознакомительное путешествие по Европе, царь продумывал возможную внешнеполитическую тактику по обретению долговременных союзников для продолжения дальнейшей борьбы за выход к незамерзающим морям. Быстрое достижение этих амбициозных целей было возможно лишь при максимальном напряжении сил и средств, что, несомненно, повышало актуальность старомосковских представлений о государе-вогочиннике, управляющем подданными-холопами. В глазах Петра I служилые люди, по-

---

²³⁹ ПСЗ I. Т. 3. № 1349. С. 33–36; № 1395. С. 89–91.

²⁴⁰ Там же. № 1565. С. 272.

страдавшие в Крыму, были строительным материалом для возведения обращенного на Запад нового фасада Московского государства. Готовясь к новой войне, он решительно санкционировал обратную силу указов, изданных при царевне Софье от его имени.

Тяга молодого Петра к буквальной трактовке исключительного права монарха-самодержца на законодательные инициативы проявилась и в практиковавшихся им способах воздействия на правосознание тех представителей боярской элиты, которые не торопились признавать законную силу царских указов казуистического содержания. Например, в 1691 г. за «ослушание Государям» было отнято боярство у князя Г.А. Козловского, который сказался больным, чтобы не присутствовать на официальной трапезе у патриарха Адриана.

Отношения царя с этим преемником патриарха Иоакима, обеспечившего в 1689 г. Петру поддержку не только духовенства, но и московских служилых людей, складывались непросто. По мере увлечения молодого государя протестантской моделью взаимодействия церкви и государства Адриан все больше отдалялся от двора, вызывая у Петра неприязненное чувство своей приверженностью к религиозно-политической доктрине ортодоксального православия. Тем не менее, в 1691 году царь еще предпочитал соблюдать по отношению к новому патриарху внешний церемониал, принятый его предшественниками, и требовал того же от Боярской Думы.

15 апреля 1691 г. князь Г.И. Козловский вместе с другими боярами и окольными получил «указ Великих Государей быть в тот же день «у стола» «всей России и всех северных стран Патриарха». В число лиц, обязанных присутствовать на церемонии у Адриана, вошел и думный дьяк «Емельян Игнатьев сын Украинцов», с именем которого связано заключение Константинопольского мира с Турцией накануне вступления России в Северную войну. Вероятно, князь Козловский по каким-то причинам частного характера медлил с отъездом в государев «верх», хотя первоначально и дал согласие. В течение дня к нему на двор дважды были «посыланы из Розряда» подъячие «Василий Мясников да Василий Буслаев ... (да – Е.С.) Василий же Мясников с товарищи с 3 человека, ... и он тем подъячим сказал, что де за болезнью ему ... ехать немочно». Потеряв терпение, Петр распорядился отправить к Козловскому разрядного дьяка Ивана Уланова «с подъячими ж, чтоб он в верх ехал без мотчания». В случае неповиновения царскому указу Уланов должен был забрать у стропитивого князя карету или верховую лошадь, и «его в город привезть неволею»²⁴¹.

---

²⁴¹ ПСЗ I. Т. 3. № 1381. С. 70–80; № 1401. С. 100–102.

Когда посланцы из Разрядного приказа попытались выполнить предписание царя, данное от имени Петра и Ивана Алексеевичей, князь вновь сослался на болезнь, категорически отказавшись от поездки. Он встретил Уланова и его людей «в черном платье», а все княжеские экипажи и лошади оказались где-то «прихоронены». Узнав о случившемся, Петр вновь отправил дьяка в дом Козловского с новым именным указом. Фарс обернулся драмой. За «непослушание» Государям боярин был насильно привезен в Кремль «к Красному крыльцу на простой телеге». Козловский, вероятно, решив, что ему уже нечего терять, «из телеги не вышел и в верх не пошел и учинился непослушен же». Петр снова отправил к нему Ивана Уланова и думного дьяка В.Г. Семенова, еще раз объявивших указ «Великих Государей», чтоб «он черное платье с себя сложил» и вместе с боярином Л.К. Нарышкиным, поднялся бы в патриаршую Крестовую палату. На все уговоры и угрозы, Козловский упрямо отвечал, «что за болезнь свою в верх идтить и у стола быть он не сможет, и черного платья с себя не сложил»²⁴².

За драмой последовала трагикомедия. По новому именному указу боярина вытащили из телеги и отнесли в Крестовую палату. Идти сам он уже не хотел, да, вероятно, и не мог. Некоторое время князь пролежал на полу «и у стола не сидел». По приказу Петра разрядный дьяк Перфилий Оловеников силой заставил Козловского занять отведенное ему место рядом с дядей молодого царя Нарышкиным – родным братом царицы Натальи Кирилловны. Трудно сказать по какой причине, но в диспозитивной части именного указа от 15 апреля 1691 г. о перечислении князя Козловского в городовые дворяне сообщается, что «Боярин за столом о себе не сидел; а держали его Розрядные подьячие». Реакция Петра на случившееся была немедленной и очень жесткой. В тот же день последовал именной указ, составленный в письменной форме, по которому Козловский за ослушание «Государскому» предписанию был переведен на дворянскую службу в город Серпейск. Воля обоих «Великих Государей Царей и Великих Князей ... Самодержцев» была объявлена публично на площади у Красного крыльца, «чтоб на то смотря и иным впредь так делать было неповадно»²⁴³.

Указ от 15 апреля 1691 г., разрушивший по прихоти молодого монарха судьбу Козловского, содержит в себе знаковые черты, свойственные и последующему правотворчеству Петра I. Изложенные в нем обстоятельства, приведшие к понижению опального князя в сословном чине, свидетельствуют о наличии ярко выраженной вотчинной тенденции в правосознании царя. Его стремление к нормативному закрепле-

---

²⁴² Там же.

²⁴³ Там же. С. 102.

нию общеобязательности любых предписаний верховной власти изначально отличалось деспотическими чертами. В частности, дьяки Разрядного приказа не предъявили Козловскому ни одного письменного указа за подписью самодержцев. Более позднее законодательство петровского царствования разрабатывалось под уже влиянием западноевропейского опыта формализации права. Тем не менее, придя к выводу о приоритетном значении положительного закона для реализации своих реформаторских замыслов, Петр I, в целом, отдавал предпочтение принудительным средствам воздействия на умонстроения своих подданных. Его западничество имело строго очерченные границы, пределы которых определялись потребностью российской монархии в укреплении самодержавной модели верховной власти. Этим объясняется убежденность Петра в возможности полной нивелировки личности рядового большинства людей в целях скорейшего достижения государственного блага.

В.О. Ключевский справедливо отметил двойственность нравственно-политического облика этого государя, который «был грубым и жестоким как царь», отличаясь исключительной добротой и личным обаянием в частной жизни²⁴⁴. Стоит добавить, что цена в своем ближайшем окружении проявление инициативности, Петр I из прагматических соображений не был склонен к преодолению старомосковской инертности служилого населения. Указ от 15 апреля 1691 г. свидетельствует о том, что даже боярская верхушка воспринимала государеву службу как тяглую повинность. В свою очередь законодатель намеренно не торопился возвести казус, спровоцировавший «дело Козловского», в ранг общеобязательной правовой нормы, сделав выбор в пользу публичного оповещения служилых людей о происшедшем. Стремясь к сохранению социально-политического равновесия между боярством и верховной властью в условиях быстрого роста внешнеполитической активности России на южном и западном направлениях, Петр I ограничился констатацией прецедентного значения избранной им санкции за нарушение именных указов.

Формирование тенденции правотворчества 1690-х гг. к абсолютизации воли монарха происходило на фоне попытки систематизации законодательства, появившегося после принятия «Соборного Уложения». В именной указе от 17 марта 1694 г. был разработан правовой механизм переноса судебных дел из московских приказов в Боярскую Думу и в суд Великих Государей. Речь шла, прежде всего, о тех случаях, когда обращение в вышестоящую судебную инстанцию осуществлялось не по

---

²⁴⁴ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 2. М., 1997. С. 482.

инициативе сторон, а приказными людьми, обнаружившими в ходе судебного разбирательства отсутствие в нормативной базе Московского государства подходящую к обстоятельствам дела законодательную норму.

В случае, когда самим судьям указу «...учинит будет немочно», Великие государи предписали слушать такие дела «у себя ... в верху в Передней Бояром и Думным людем всем ...». Для понимания последующей законодательной политики Петра I показательно, что в нормативном акте 1694 г. были закреплены юридические границы правотворчества верховной власти при вынесении судебного решения в «спорных случаях». «Великие Государи» обязывались «свой указ чинить ... по Уложению и по новоуказным статьям». В законную силу объявленное от их имени судебное решение вступало после письменной регистрации с указанием года, месяца и числа, которая осуществлялась думными дьяками. Важно отметить, что очерчивая правовые рамки своей законотворческой деятельности, Петр I частично отказался от декларированного им в 1689 г. запрета на «пересуд» в случае недовольства сторон вынесенным судебным решением. Он разрешил подачу челобитных на высочайшее имя с просьбой о пересмотре приговора, вынесенного приказными судьями, но распространил это право только на лиц, недовольных «вершением дел», по которым трудно было найти подходящий именной указ²⁴⁵.

Понимая необходимость преодоления хаотичности нормативных актов, накопившихся в результате интенсивной законотворческой деятельности верховной власти во второй половине XVII столетия, Петр I решил возродить нереализованный замысел своего брата Федора Алексеевича о пополнении Соборного Уложения новыми статьями. Согласно именному указу от 6 июня 1695 г., приказные дьяки должны были сопоставить текущее законодательство с нормами Уложенной книги и новоуказными статьями с целью выяснить, что «в тех статьях к вершению ... пристойно неполнено». Далее они должны были приступить к выполнению задачи приведения в должный порядок устаревших статей «Соборного Уложения», так и не завершённой в предшествующее царствование. Наивно полагая, что «косметический ремонт» действующего законодательства не займет много времени, молодой Петр предполагал сосредоточить свои усилия на подготовке и проведении Азовских походов. До окончательного прояснения военно-политической обстановки на южных границах он собирался заниматься вопросами систематизации права от случая к случаю, по мере укрепления международного статуса Российского государства. Повторив предписание Федора Алексе-

---

²⁴⁵ ПСЗ I. Т. 3. № 1491. С. 177–178.

вича о необходимости составления в каждом московском приказе «докладных выписок» о работе по усовершенствованию нормативной базы, Петр I распорядился приложить к ним соответствующие законодательные статьи и оставить весь подготовленный дьяками делопроизводственный материал «до Их Великих Государей указа»²⁴⁶.

Убедившись в трудоемкости масштабных работ по исправлению норм «Соборного Уложения», молодой царь предпочел обратиться к традиционной практике своих предшественников и закрепил на законодательном уровне поощрение доносов с целью укрепления принципа законности в системе местного управления. Этот шаг был продиктован быстро растущей независимостью воевод от Москвы в период кризиса верховной власти 1680-х гг. Осуществляя военную кампанию на южном направлении, требовавшую больших финансовых затрат на строительство и содержание флота, Петр обратил внимание на эту проблему. Особенно его беспокоила ситуация в городах Урала и Сибири, которые являлись перевалочными пунктами сбора и доставки в Москву ценных видов пушнины. Поступления в казну постепенно становились настолько мизерными, что в 1696 году царь приказал начать розыск по делу о притеснениях торговых людей и финансовых злоупотреблений князей Гагариных, длительное время исправлявших воеводские должности в ряде сибирских городов.

23 января 1696 г. Петр подписал именной указ о взятии показаний с «Гостей и Гостинных сотни и разных поморских городов всяких чинов торговых людей, которые в Сибири торгуют и ныне на Москве в приезде есть». Все они были вызваны в Сибирский приказ и оповещены о воле государя, который предписал провести их «расспрос» по законодательно закрепленным пунктам. Проведение розыска с применением традиционного для московского процессуального законодательства «повального обыска», было санкционировано Петром I с целью доказать виновность воевод в нарушении интересов «государева дела». В «Соборном Уложении» отсутствовали статьи, устанавливающие границы должностных правомочий местной администрации. Князья Гагарины явно ориентировались на бытовавшую до них практику воеводского управления. Учитывая это, Петр разработал в именном указе от 23 января 1696 г. своеобразную шкалу финансово-экономических правонарушений, влекущих за собой юридическую ответственность воевод, но предпочел оставить в неприкосновенности принцип неопределенности уголовного наказания²⁴⁷.

---

²⁴⁶ ПСЗ I. Т. 3. № 1513. С. 204.

²⁴⁷ ПСЗ I. Т. 3. № 1535. С. 218–220.

Прежде всего, служилые люди Сибирского приказа были обязаны установить степень разорительности произвольно установленных местной администрацией таможенных пошлин с Сибирских и китайских товаров, которые взимались в Якутском остроге и Иркутске с русских торговых караванов. Интересовали Петра I и факты беспошлинного провоза восточных шелковых тканей и сибирской пушнины через Нерчинск воеводскими «родственниками и знакомцами». По материалам предшествующего розыска было известно о торгово-промышленной деятельности самих воевод Гагариных, осуществленной в обход существующей практики. Стараясь установить размеры утаенных ими от казны финансовых средств, Петр приказал выяснить в ходе «повального обыска», «кто у воевод сколько соборей ... и лисиц и всякаго разнаго зверья купили...». Розыск по делу князей Гагариных проводился по нормам «Соборного Уложения», которые предусматривали приведение его участников к присяге «... по Евангельской заповеди». Не особенно доверяя в данном случае религиозно-нравственным убеждениям торговых людей, которые явно опасались за дальнейшую судьбу своих доходов от сибирской торговли, Петр I решил, что законодательное принуждение будет более действенным средством воздействия на уровень правосознания немногочисленной посадской элиты. В указе от 23 января 1696 г. он традиционно пригрозил ослушникам царской воли «государевой опалой», ближайшим следствием которой должна была стать отписка их «животов» в государственную казну²⁴⁸.

Вера верховной власти второй половины XVII в превентивную силу устрашения и доносов на ослушников царских законов базировалась на законодательных нормах «Соборного Уложения», которые первоначально предназначались для разработки правового механизма розыскного процесса по делам о злоумышлении против государя и членов его семьи. Распространяя их действие на процедуру установления вины по менее тяжким уголовным преступлениям, Петр I, очевидно руководствовался не столько личными убеждениями, сколько хаотичным состоянием законодательства. Ежегодно оно пополнялось сотнями новых именных указов и обрастало коллизиями, провоцируя при этом большее количество пробелов, не позволявших установить факты его нарушения правовыми способами.

Интерес Петра I к поиску правовых средств внедрения принципа законности в юридический быт России сохранился и в начале Северной войны. Этому в немалой степени способствовали политические события 1690-гг., сделавшие очевидной для царя шаткость его власти, что ставило под угрозу и судьбу намеченных им преобразований. Мо-

---

²⁴⁸ Там же. С. 220.

дель «законной монархии» понадобилась Петру для укрепления правового статуса самодержавия, что, в свою очередь, должно было повысить доверие подданных к его стратегическим замыслам в области внутренней и внешней политики. Не склонный открыто прислушиваться к мнению ревнителей «старинны», царь, вероятно, все же извлек определенные уроки из громких следственных дел конца XVII в. В частности, материалы розыска о деятельности кружка старца Авраамия свидетельствовали о том, что недовольство политическими просчетами Петра I охватило не только духовенство, но и широкие слои горожан. Помимо зажиточного посадского населения втянутыми в него оказались приказные люди. Все они сетовали по поводу произвола администрации, усиления взяточничества, необоснованной раздутости штатов, отсутствия четких должностных инструкций и судебную волокиту²⁴⁹. В первое десятилетие XVIII в. нормотворчество царя в сфере укрепления закона и законности было направлено на частичное преодоление указанных недостатков управленческой практики самодержавного государства.

Петр справедливо полагал, что решение этой задачи было невозможно без упорядочивания нормативной базы, доставшейся ему в наследство от предшественников и дополненной именными указами 1690-х гг. Накануне Северной войны он вновь вернулся к вопросу о систематизации законодательства, на основе дополнения «Соборного Уложения» более поздними нормативными актами. Хорошо сознавая, что наличие большого количества коллизий в правовой системе противоречит принципу законности, царь подошел к вопросу о создании нового свода законов, более основательно, чем это было сделано в период Азовских походов.

18 февраля 1700 г. Петр I подписал именной указ об открытии законодательной комиссии для составления Новоуложенной книги. Главная инновация царя заключалась в принципе введения личной ответственности членов Палаты о Уложении, назначенных им для исправления прежнего законодательства. Он сам определил состав законодательной Палаты, куда вошел 71 человек. Три четверти ее присутственных лиц имело чин стольников, т. е. принадлежало к влиятельным служилым фамилиям Москвы, не игравшим, однако, заметной роли в Боярской Думе. Новый указ Петра I был объявлен всем приказным судьям, которые должны были организовать в своих ведомствах работу по выявлению новелл действующего законодательства. Согласно приговору Боярской Думы его текст был записан в специальную тетрадь для сведения всех членов законодательной комиссии. Их список Петр I распорядился

---

²⁴⁹ См. более подробно: Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С. 62–64.

отправить в Разряд, чтобы там было «ведомо», «кому указал Великий Царь быть... у той новоуложенной книги»²⁵⁰.

Начиная с 13 августа 1700 г., работа комиссии постепенно приобрела спонтанный характер, что в значительной степени, можно объяснить серьезными неудачами России в начальный период Северной войны. Есть сведения и о том, что отдельные участники законотворческого начинания верховной власти вообще не задумывались о государственном-правовом значении возложенного на них дела, оценивая свою работу в комиссии как обременительное тягло государевой службы. Так, например, поступил стольник князь Я.С. Львов, который осенью 1700 г. вообще не посещал заседания Уложенной Палаты, предпочитая проводить неожиданно выпавшие ему дни досуга в своих «загородных дворах». Петр I находился в это время под Нарвой и уже в полной мере испытал горечь первых поражений. Его возмущение вольным поведением князя, назначенного вместо ратной службы к выполнению правительственного поручения не меньшей важности, отражено в собственноручной грамоте царя, адресованной провинившемуся стольнику. В ней Петр I гневно упрекал князя Львова в пренебрежении царским указом, так как «по сказке» княжеского человека стало известно, что тот отсиживается в своей костромской деревне. «И как к тебе ся наша грамота придет, – требовал царь, – и ты бы ехал к Москве, не мочав и явился к Ответной Палате к боярам князю Ивану Борисовичу Троекурову с товарищи»²⁵¹.

В целом, московская приказная администрация медлила с исполнением именного указа от 18 февраля 1700 г., не имея в своем распоряжении требуемых законодательной комиссией сведений. Тем не менее, к концу весны 1700 г. законодательная комиссия все же получила материалы для составления Новоуложенной книги и распределила их между подъячими, которые должны были разместить новые указы по главам и статьям «Соборного Уложения». В значительной мере этому способствовал строгий порядок делопроизводства, введенный в законодательной комиссии. Все результаты переговоров с приказными дьяками заносились в специальную «записную тетрадь» с указанием точных дат, а также имен и фамилий участвовавших в этих переговорах лиц. Выписки из новоуказных статей предоставлялись в законодательную комиссию за подписью дьяков и тоже регистрировались.

Несмотря на сложную внешнеполитическую обстановку первых лет Северной войны, повлекшую за собой проведение масштабной военной реформы и преобразования финансово-экономического характе-

²⁵⁰ ПСЗ I. Т. 3. № 1765. С. 14; Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России XVIII в. Историко-юридическое исследование. Т. 1. СПб., 1887. Паг. II. С. 1–2.

²⁵¹ Цит. по: Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России. Паг. II. С. 3–4.

ра, Петр I окончательно потерял интерес к законодательной комиссии только поздней осенью 1703 г. Ее последнее заседание состоялось 14 ноября. За время своей деятельности она успела подготовить обновленный проект «Уложения» и рассмотреть доставленные позже указы о поместьях, вотчинах, принципах налогообложения, сбора таможенных пошлин и правилах торговли. Как известно, царь не утвердил представленных ему проектов Новоуложенной книги и сопроводительного манифеста²⁵².

Оценивая итоги работы первой законодательной комиссии XVIII в., не следует забывать, что в 1718 г., когда в ходе Северной войны окончательно обозначился перелом в пользу России, Петр I вернулся к идее дополнения Уложения новыми указами. Вероятно, его неприятие результатов деятельности Уложенной палаты 1700–1703 гг., было продиктовано вполне обоснованными сомнениями в степени соответствия разработанного ею законопроекта потребностям военного времени и явно обозначенной во внутренней политике царя тенденции к быстрой европеизации страны. Вряд ли мог понравиться Петру, который явно проявлял склонность к самодержавной модели верховной власти, и вынесенный на его утверждение проект манифеста об обнаружении Новоуложенной книги. Составители этого документа ориентировались на преамбулу «Соборного Уложения», которая принималась в иной социально-политической обстановке, когда первые Романовы еще были вынуждены считаться с мнением патриарха, Боярской Думы и сословных представителей от всех земель Московского государства.

Несмотря на явную разочарованность Петра I общим итогом затеянной им реформы законодательства, он использовал ее опыт для организации делопроизводительной деятельности новых государственных учреждений, пришедших на смену Боярской Думе. В условиях отсутствия систематизированной нормативной базы, закреплявшей основные результаты во многом спонтанной преобразовательной деятельности первых десятилетий XVIII столетия, царь видел результативный способ установления контроля за действиями чиновников в усложнении делопроизводства. Надеясь добиться от управленческого аппарата строгого следования «букве» именных указов, Петр I стремился к максимальной формализации повседневной практики администрирования. С этой целью проведение широкомасштабных реформ 1705–1722 г., направленных на усиление централизации государственного аппарата,

---

²⁵² Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России XVIII в. Паг. II. С. 15–17.

сопровождалось тщательной разработкой и законодательным закреплением сложных форм административного делопроизводства²⁵³.

Временный отказ Петра I от корректировки норм «Соборного Уложения» спровоцировал укрепление тенденции его царствования к усилению личной роли монарха в решении вопросов общегосударственного значения. Многие правотворческие начинания Петра I в сфере моделирования «законной монархии» несли в себе отпечаток чрезвычайности и торопливости, постулированный затянувшейся Северной войной, и по этой причине не всегда отличались последовательностью. Та же генетическая особенность оказалась присуща и петровским инициативам в области систематизации законодательства, при осуществлении которых петровскому правительству пришлось столкнуться с труднопреодолимыми противоречиями между рациональным духом новых учреждений и старомосковской привычкой к субъективизму и приказной волоките.

Кроме того, поверхностное западничество Петра I служило прикрытием его непоколебимой веры в непререкаемость своего авторитета и справедливость суждений, которая прежде была неотъемлемой чертой социокультурного облика самодержцев русского средневековья. Данное обстоятельство приучило царя к вольному обхождению с принципом законности, который рассматривался им лишь в качестве необходимого правового инструментария для реализации политики «общего блага». Ставя приоритет «государственного интереса» выше любых партикулярных соображений, царь нередко отождествлял законность и справедливость, придавая формальному выражению своей воли значение нравственного закона, переданного людям от Бога через посредничество земного монарха.

Несмотря на явное наличие волюнтаристских тенденций в моделировании государственно-правовых институтов «законной монархии» законодательные инициативы Петра I в области укрепления принципа законности и его внедрения в правосознание подданных отличались последовательностью. Осуществляя их в условиях военного времени, царь настолько заботился об успешной реализации «государственного интереса», что нередко сознательно приносил ему в жертву не только «партикулярное» благо, но и саму идею законности. Придание обратной силы закону и нарушение порядка утверждения законопроекта, необходимого для придания ему юридической силы практиковались по воле царя даже после окончания Северной войны с различной социально-политической мотивировкой.

---

²⁵³ См., например: ПСЗ I. Т. 4. № 2022. С. 285; № 2331. С. 643–644; № 2342. С. 652–654; № 2576. С. 859–860; Т. 5. № 2791. С. 89–90; № 3068. С. 489; № 3096. С. 499–500; Т. 6. № 3498. С. 122–123; № 3801. С. 404–405; Т. 7. № 4482. С. 267–268.

Избрав идею законности в качестве теоретической основы своих многочисленных законодательных инициатив, Петр I на протяжении многих десятилетий использовал ее для легитимации действующих норм Соборного уложения, пронизанных принципом сословности. К тому же законность рассматривалась им как единственное юридическое средство, позволяющее сконцентрировать всю полноту верховной власти в руках монарха, что неизбежно вело в условиях господства традиционалистской социальной парадигмы к закреплению надсословного статуса самодержавия. Поставив судьбу своих преобразований и стабильность императорского статуса в зависимость от степени практического воплощения доктрины «законной монархии» в повседневный юридический быт России, Петр I создал, таким образом, прецедент для своих ближайших преемников и подготовил почву к превращению принципа законности в основополагающий фактор правовой политики российского самодержавия.

E.S. Sokolova

Sokolova Elena Stanislavovna – the associate professor of history of state and law of the Ural state legal academy, the candidate of jurisprudence, the associate professor.

**ROLE OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN FORMATION
NADSOSLOVNY TENDENCIES OF LEGAL POLICY
PETER I PERIOD OF MILITARY FULFILMENTS
(The 90th of XVII – perv. decade of the XVIII centuries)**

The era of Petrovsky transformations is traditionally estimated at historiographies as the period of final centralization of power structures of the Russian monarchy which gains lines of an absolutism and turns into the state empire. Peter I commitment to idea of the legality apprehended by it from Protestant political and legal concepts of the German Education, based on the thesis about irresistible contrast between the moral and legal instruction is well-known.

Having chosen idea of legality as a theoretical basis of the numerous legislative initiatives, Peter I for many decades used it for legitimation of existing rules of the Cathedral code penetrated by the principle of a soslovnost. Besides legality was considered by it as the only legal means, allowing to concentrate all completeness of the Supreme power in hands of the monarch that inevitably conducted in the conditions of domination of a traditionalist social paradigm to fixing of the nadsoslovny status of autocracy. Having delivered

destiny of the transformations and stability of the imperial status in dependence on degree of a practical embodiment of the doctrine to "a lawful monarchy" in a daily legal life of Russia, Peter I created, thus, precedent and paved the way for the next successors to transformation of the principle of legality into a fundamental factor of legal policy of the Russian autocracy.

Key words: principle of legality, centralization, Russian autocracy, legal policy

С.И. Ворошилин

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ – НАСИЛЬСТВЕННАЯ СМЕНА ТОПОНИМОВ ВСЛЕДСТВИЕ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ (Часть 2)

Войны и революции всегда приносили ущерб культуре. Разрушались памятники архитектуры, гибли учителя и ученые, горели книги, но самым тяжелым последствием была утрата памяти о прошлом народа. Часто это происходило стихийно, когда население постепенно усваивало культуру победителя и забывало собственную. В других случаях победитель сознательно уничтожал культуру побежденного. Во второй части нашего обзора мы пытаемся осветить вопрос о смене топонимов в XX в. на территории бывшей Российской империи. Следует признать нецелесообразным изменять первоначально данное или традиционно используемое название, в угоду временным политическим или идеологическим требованиям. При необходимости новые названия должны даваться только вновь основанным населенным пунктам, что одновременно превращает такое название в исторический памятник своего времени. Нам представляется, что массовые насильственные переименования исторических и национальных названий следует считать проявлением этноцида и преступлением против человеческой культуры.

Ключевые слова: топонимические войны, топонимы, культура, памятники, архитектура

Войны и революции всегда приносили ущерб культуре. Разрушались памятники архитектуры, гибли учителя и ученые, горели книги, но самым тяжелым последствием была утрата памяти о прошлом народа. Часто это происходило стихийно, когда население постепенно усваивало культуру победителя и забывало собственную. В других случаях победитель сознательно уничтожал культуру побежденного. Во второй

части нашего обзора мы пытаемся осветить вопрос о смене топонимов в XX в. на территории бывшей Российской империи.

В России в результате Февральской и Октябрьской революций в Прибалтике, на месте Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний возникли новые, почти мононациональные государства – Латвия, Литва и Эстония. В этих новых государствах были переименованы ВСЕ населенные пункты, а в них были изменены названия ВСЕХ улиц. В Эстонии Ревель стал называться Таллинн, Дерпт – Тарту. В Латвии Либава стала Лиепайе, Виндава – Вентспилсом, Двинск – Даугавпилсом. Вроде бы осталась неизменной Рига. Но фактически это не так, так как по нормам латышского языка в названии Риги над буквой *i* помещена черточка, вследствие чего название города произносится не Рига, а Риига (Rīga). В Литве Вильна стала Вильнюсом, а Ковна (Ковно) – Каунасом.

Переименованные города Курляндской и Лифляндской губерний на территории Латвии:

Рига – Риига (Rīga)

Пыталово – Яун Латгале – Абрене – Пыталово (после 1945 г. возвращено в состав России)

Мариенбург – Алуксне

Валк – Валга

Вольмер – Валмиера

Виттенштейн (Вейсенштейн) – Пайде

Венден – Цесис

Виндава – Вентспилс

Вилькомир – Укмерге

Феллин – Вильянди

Шваненбург - Гулбене

Динамюнде – Усть-Двинск (1893) – Даугавгрива

Динабург – Двинск (1893) – Даугавпилс

Якобштадт – Екабпилс

Митау – Митава – Елгава

Зегевольд – Сигулда

Либау – Либава – Лиепая

Пельген – Пилтене

Фридрихштадт – Яунелгава

Розиттен – Режица – Резекне,

Сасмаккен – Сасмака – Валдемарпилс

Салисбург – Мазсалаца

Совсем по другому звучали до 1918 г. названия станций и поселков Рижского Взморья, которое в настоящее время на латышском языке звучит как Jūrmala (Юрмала), но ранее по-немецки именовалось Rigastrand:

Булдури – Билдерлингсхоф,
 Дзинтари – Эдинбург,
 Майори – Майоренхоф,
 Дубулты – Дуббельн,
 Яун Дубулты – Ной Дуббельн (Neu Dubbeln)?
 Пумпури – Карлсбад,
 Асари – Ассерн,
 Кемери – Кеммерн,
 Слока – Шлок (Schlock)

Улицы Риги носили до революции по два названия (русское и немецкое). После получения независимости часть улиц была переименована, и все названия писались по-латышски. После вхождения Латвии в состав СССР снова часть названий были изменены (в рамках советизации) и писались на двух языках – русском и латышском. После 1991 г. снова часть улиц была переименована (десоветизирована).

Таблица 1.

<i>Название до 1918 г.</i>	<i>1918–1940</i>	<i>1940–1991</i>	<i>После 1940</i>
Александровская/Alexahderstrasse Елизаветинская/Elizabetenstrasse Мариинская/Marienstrasse	Brivibas iela (Свободы) Elizabetas iela Krisjanas Baronas iela	Ленина/Leninas iela Кирова/Kirovas iela Суворова/Suvor ovas i.	Brivibas iela Elizabetas iela Kr Baronas iela

Переименованные города Эстляндской губернии на территории Эстонии:

Аренсбург – Куресааре – Кингисепп – Куресааре,
 Рогервик – Балтийский порт – Палдиски
 Валк – Валга
 Валдермарпилс – Сасмаккен
 Везенберг – Ракваре
 Вере – Выру,
 Гапсаль – Хаапсалу,
 Юрьев – Дерпт – Юрьев – Тарту,
 Колывань – Ревель – Таллин,
 Пернау – Пернов – Пярну,

Феллин – Вильянди,
Гунгенбург – Усть-Нарва – Нарва-Йыэсуу.

Переименованные города Виленской и Ковенской губерний на территории Литвы:

Вильно (Вильна) – Вильнюс,
Ковно (Ковна) – Каунас,
Друскеники – Друскиникай,
Езаросы – Новоалександровск – Езароскай – Зарасай,
Мариямполе – Капсукас,
Владиславов – Кудиркос-Науместис,
Вержболово – Вирбалис,
Мемельбург (1252) – Мемель (1253) – Клайпеда (1923) –
Мемель (1939) – Клайпеда (1945).

Мемель был передан в состав Литвы в 1923 г. по решению Конференции Лиги Наций после захвата его литовцами, инсценировавших восстание литовского населения. В 1939 г. был занят немецкими войсками, а в 1945 г. снова передан в состав Литвы.

Во время Второй мировой войны в оккупированных Германской армией странах Европы массово осуществлялись переименования улиц на немецкий лад. Во многих городах появлялись улицы Адольфа Гитлера. Интересно, что в самой Германии в период фашизма НИ ОДИН город не был переименован, хотя некоторые улицы получили новые названия. После окончания войны фашистские названия улиц исчезли, но во многих странах Европы много улиц было названо в честь героев войны, национальных героев или лидеров стран победителей или в память событий войны. В Париже появилась площадь Сталинград, улицы Черчилля, Рузвельта, авеню де Голля, генерала Леклерка.

Но наиболее масштабные топонимические войны разыгрались в странах Восточной Европы. Прежде всего, несколько стран Европы получили по решениям Ялтинской и Потсдамской конференций обширные территории за счет Германии. В состав Франции вернулись Эльзас и Лотарингия, в состав Чехословакии – Судетская область.

Особенно большие территории получила Польша. В ее состав была включена южная часть Восточной Пруссии – провинция [Ermland-Masuren](#).

Таблица 2.

<i>Список крупных переименованных городов Восточной Пруссии, переданных Польше</i>	
<i>Немецкое название</i>	<i>Польское название</i>
Allenstein	Olsztyn

Angerburg	Węgorzewo
Arys	Orzysz
Bartenstein	Bartoszyce
Bischofsburg	Biskupiec
Bischofstein	Bisztynek
Braunsberg	Braniewo
Elbing	Elbląg
Frauenburg (Ostpreußen)	Frombork
Gehlenburg	Biała Piska
Gilgenburg	Dąbrówno
Goldap	Gołdap
Guttstadt	Dobre Miasto
Heilsberg	Lidzbark Warmiński
Heydekrug	Śilutė
Hohenstein	Olsztynek
Johannisburg	Pisz
Landsberg in Ostpreußen	Górowo Iławeckie
Liebemühl	Miłomłyn
Liebstadt	Miłakowo
Lötzen	Giżycko
Lyck	Elk (Łęg)
Marggrabowa/Treuburg	Olecko
Marienburg in Westpreußen	Malbork
Mehlsack	Pieniężno (Melzak)
Memel	Klaipėda
Mohrungen	Morąg
Mühlhausen	Młynary
Neidenburg	Nidzica
Nikolaiken	Mikołajki
Nordenburg	Krylovo
Ortelsburg	Szczytno
Osterode (Ostpreußen)	Ostróda
Passenheim	Pasym
Preußisch Holland	Paść
Rastenburg	Ketrzyn (Rastembork)
Rhein (Ostpreußen)	Ryn
Röbel	Reszel
Saalfeld	Zalewo
Schippenbeil	Sepopół
Seeburg	Jeziorany
Sensburg	Mrągowo (Żądzbork)
Soldau	Działdowo
Wartenburg (Ostpreußen)	Barczewo
Willenberg	Wielbark

Российское государство, как правило, не изменяло существующие названия, но новым поселениям присваивались или русские названия, или иные, которые считались более целесообразными. Так, на территории Новороссии, отвоеванной в XVIII в. во времена Екатерины II у вассала Турции Крымского ханства, появилось множество новых поселений получивших псевдогреческие названия – что отражало мечту Екатерины Второй о восстановлении христианской Византии. И появились на территории современной южной Украины (первоначально Новороссии) такие названия, как Севастополь, Симферополь, Ольвиополь, Херсон, а также на территории собственно России – Ставрополь на Волге и Ставрополь на Северном Кавказе.

С древних времен на Руси была традиция именовать города в честь князей или их святых. Так, появились среди славянских названий такие города, как Владимир, Ярославль, Юрьев, а позднее Санкт-Петербург, Петергоф, Екатеринбург, Екатеринодар, Екатеринославль, Елизаветполь, Николаев, Николаевск, Александровск, Александров. Следует иметь в виду, что и на Руси, и позднее в России такие имена почти до конца XVIII в. давались не в честь самого монарха, а в честь святого его имени, его ангела хранителя. Это прямо видно в названии Санкт-Петербург. Откровенно в честь самого монарха имена стали даваться с времени правления Екатерины Второй.

Кроме названий, которые носили ярко выраженный идеологический монархический характер, было много названий, имевших идеологический религиозный православный характер – Святой Крест, Благовещенск, Троицк, Богословск, Богородск. В части случаев название скорее просто было связано с заметным ориентиром – храмом, в других - с датой основания города, совпавшей с праздником святого. Такая практика была характерна и для других христианских стран, особенно католических. Таково происхождение названий таких городов, как Рио-де-Жанейро,

Но большинство новых названий были просто названиями на языке русских поселенцев, которые чуждо звучали в заселенной новыми людьми стране. Так среди кавказских названий появились Новороссийск, Грозный, Кисловодск, на Кавказе, или Верный, в предгорьях Алатау.

В Российской империи обычно не практиковалось переименования с целью «руссификации», в отличие от аналогичной политики «германизации», практиковавшейся в германоязычных государствах. Возможно, отчасти это было связано с относительной слабостью имперской

администрации на недавно присоединенных территориях, малой численности на них русского населения, с широким использованием национальной администрации для управления. Однако, тенденция к использованию топонимики в идеологических целях обозначилась в конце XIX в., особенно в царствование императоров Александра III и Николая II. В это время практикуется то, что в советский период получило название монументальной пропаганды – массовое строительство Александровских и Николаевских церквей, массовое открытие памятников, посвященных русским императорам, победам русской армии. В этот период город Дерпт (теперь Тарту) в Эстляндской губернии был переименован в Юрьев, г. Каракол на Иссык-Куле был переименован в Пржевальск. Но наиболее бурный всплеск переименований произошел в 1914 г., когда в связи с началом войны с Германией руководством страны было предложено осуществить переименование на русский манер городов, имевших название, сделанное по немецкому образцу. Тогда Петербург был переименован в Петроград, Екатериненштадт в Поволжье стал Екатериноградом, но отказались от переименования Кронштадт, Оренбург и Екатеринбург.

Вопрос о переименовании города по предложению МВД и губернатора был обсужден на заседании Екатеринбургской городской думы 3 мая 1915 г. Были рассмотрены предложения о новом названии, включая такие как Екатериногорск, Екатерино-Уральск, Екатериноуральск, Екатериносвет, Екатеринозаводск, Екатериноград, Екатеринбург, Екатериноград-на-Исети, Екатерино-Исетск, Екатеринополь, Владиурал и др. Многие депутаты («гласные») высказывались за Екатериноград, но после обсуждения Комиссия высказалась, что «Следует вообще отвергнуть переименование, уважая память Петра Великого, давшего имя нашему городу».

В феврале 1917 г. в России состоялась либерально-демократическая, кадетско-эсеровская февральская революция, которую поддержали все революционные, националистические и иные оппозиционные партии. Ее последствием стало образование на территории страны нескольких автономных государств – Украины, Белоруссии, а затем большевистский Октябрьский переворот, поддержанный левыми эсерами, переросший в Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Последствием переворота, который сразу открыто не поддержали все казачьи войска и все вновь созданные национальные государства, началась многолетняя гражданская война, после которой на территории бывшей Российской империи началось массовое переименование населенных пунктов, поившее по различным идеологическим мотивам. По окончании гражданской войны независимость сохранили Фин-

ляндия и прибалтийские государства-лимитрофы – Латвия, Литва и Эстония.

Наиболее последовательно были произведены переименования во вновь возникших националистических государствах, особенно в Прибалтике. Там были переименованы ВСЕ населенные пункты, а в населенных пунктах были переименованы ВСЕ улицы. Кроме того, там были снесены ВСЕ памятники русских царей. Однако были сохранены православные храмы. Кроме того, в период до воссоединения этих государств с СССР и превращения их в Союзные республики там не притеснялось остававшееся там русское население, а также русские эмигранты, оказавшиеся на их территории. Очевидно, это было обусловлено тем, что эмигранты находились в оппозиции к СССР, как и правительства самих этих государств.

Интересно, что в Финляндии населенные пункты имели по 2 названия: финскому и шведскому – Хельсинки/Хельсингфорс. Но до получения независимости на картах мира указывались только шведские названия, которые были заменены на финские только после получения независимости. Но в самой Финляндии шведские названия формально сохраняются наряду с финскими (также, как шведский язык остается вторым государственным языком страны).

На территории самого СССР развернулась несколько меньшая, но все же крупнейшая за всю историю России топонимическая война. Прежде всего, во всех городах страны были снесены почти все монархические памятники. Исключением стали только несколько особо ценных в художественном или историческом отношении памятников в Ленинграде и в пригородных дворцовых парках (Медный всадник, памятники Екатерине II и Николаю I в Петрограде, памятник Павлу I в Гатчине). Вторым всеобщим бедствием стало поголовное переименование улиц во всех населенных пунктах страны. Были переименованы все улицы с именами царей и тех, кого считали царскими сановниками, и почти везде были переименованы улицы в центральной части города, чтобы они могли получить имена выдающихся революционеров или деятелей советской власти. Ну, и, наконец, было переименовано много городов. В первую очередь переименовывались города, имена которых связывались с именами царей и цариц. Кроме того, характерным было переименование городов в национальных союзных и автономных республиках, где названия русского характера заменялись названиями на национальных языках (Царево-Кокшайск – сначала в Красно-Кокшайск, а затем в Йошкар-Ола, Порт-Петровск в Махач-Кала, Верхнеудинск в Улан-Уде, Усть-Сысольск в Сыктывкар, Обдорск в Салехард). Третью группу составили случайно выбранные города, которым выпала судьба получить имя кого-нибудь из выдающихся деятелей советской власти. В

некоторых случаях города и улицы переименовывались повторно, если первоначально городу присваивалось имя деятеля, который потом оказывался осужденным или даже репрессированным. Так недолго Гатчина и Иващенко назывались Троек, или Пермь – Молотов, Баталпашинск – Ежово-Черкесск. После смерти крупного деятеля советского государства сразу поднимался вопрос о том, какой город должен быть избран на увековечивание его имени. Так, в последние годы ненадолго появились города Андропов (Рыбинск), Черненко (Шарыпово) и Брежнев (Набережные Челны).

Следует заметить, что процесс переименования сначала носил стихийный характер, и изменения названий осуществлялись местными Советами, ревкомами или партийными комитетами. Лишь к концу 1930-х годов этот процесс был окончательно подчинен воле центральных органов и в дальнейшем, до конца советской власти в 1991 г. осуществлялся под контролем Общесоюзных органов власти. До 1991 г. был вероятно лишь один случай, когда вновь данное название было отменено под давлением протестов со стороны населения города (отмена названия Устинов и возвращение первоначального названия Ижевск в Удмуртии), но это был уже период перестройки и гласности.

Некоторые названия многократно повторялись. Возникло по несколько населенных пунктов с такими названиями, как Кировск, Красноармейск, Красногвардейск, Советск, Советский, Первомайск, Пионерский, Ленинск, Свердловск, Куйбышев, Дзержинск и т.д. Были переименования малооправданные. Например, город Керенск в Пензенской области, основанный в 1658 г., был переименован в Вадинск только из-за созвучия названия с фамилией Керенского, хотя его название никакого отношения к последнему не имело. Из-за наличия в названии слов религиозного характера г. Кристинополь на Украине был переименован в Червоноград, г. Игумен в Белоруссии – в Червень, Святой Крест – в Буденновск, Софиевка в Донецкой области стала Карло-Марксово, а Софиевка в Запорожской обл. была сначала переименована в Красноармейское (1935), затем в более «украинское» – Червоноармейское (1939), а в 1966 г. почему-то была наречена Вольнянском. Переименовали почти все города, в названии которых входили имена царей или великих князей, в память которых они были названы:

Александровск (Амурской обл.) – Белогорск,
Александровск (Украина) – Запорожье,
Александровск-на-Мурмане – Полярный,
Александрополь (Армения) – Гюмри,
Екатеринбург – Свердловск,
Екатеринодар – Краснодар,
Екатеринослав (Украина) – Днепропетровск,

Екатеринодон (Луганская обл.) – Краснодар,
Екатериненштадт (Саратовская обл.) – Маркс,
Екатериненфельд (Грузия) – Болниси,
Елизаветград (Украина) – Кировоград,
Елизаветполь (Азербайджан) – Гянджа,
Константиноград (Харьковская обл.) – Красноград,
Новониколаевск – Новосибирск.

При этом интересно, что были переименованы ВСЕ города, носившие имена Петра Первого, обеих Екатерин и Елизаветы Петровны. А города с именами Павла Первого и императоров XIX в. (Александров и Николаев) были переименованы не все. Остались Александров (Владимирской обл.), 4 Александровска, Николаев, Николаевск-на-Амуре, Павлодар, Павлоград, Павловск и ряд других.

Были переименованы населенные пункты, получившие имена царских генералов или иных государственных деятелей Империи:

Перовск – Кзыл-Орда,
Скобелев – Фергана,
Кауфманская – Янгиюль,
Хилково – Бекабад,
Пржевальск – Каракол,
Ермоловск – Леселидзе,
Драгомирово – Пролетарск.

Но наибольший вред принес сложившийся обычай присваивать городам новые наименования в честь выдающихся деятелей советского государства и коммунистической партии, или иных выдающихся деятелей страны – военачальников, летчиков, ученых. В настоящее время большинство таких названий было отменено, и городам, которые они временно носили, были возвращены их исторические названия. Надо сказать, что и в годы советской власти центральная власть часто отказывала в предложениях присвоить то или иное имя населенному пункту. Сталин не принял предложение присвоить имя Лазаря Кагановича городу Челябинску, имя Сталин городу Златоусту. Быстро было возвращено историческое название городу Ставрополю, который с 1935 по 1943 г. назывался Ворошиловск. Были возвращены еще при советской власти прежние названия городам, названным в честь осужденных руководителей Троцкого, Молотова, Ежова. После 1991 г. были возвращены почти все названия. Однако на карте все еще остаются населенные пункты, названные в честь Дзержинского, Тольятти, Ульянова, Калинина, Куйбышева, Димитрова, Кирова и иных.

К сожалению, в рамках кампании присвоения населенным пунктам имен их выдающихся земляков потеряли свои исторические названия существующий с 1776 г. город Гжатск, переименованный в 1968 г. в Гагарин, в память первого космонавта, и существующий с 1779 г. город Раненбург, переименованный в 1948 г. в Чаплыгин, в честь выдающегося русского ученого. Из глупых соображений («неблагозвучности») г. Дрисса в Белоруссии был переименован в 1962 г. в Верхнедвинск. А название Дрисса вошло в историю в связи с событиями войны 1812 г. (Дрисский лагерь).

В предвоенные годы в состав СССР вошли Латвия, Литва, Эстония, небольшая часть Финляндии (Выборгская область), Бессарабия, Западная Белоруссия и Западная Украина (единственная из этих территорий, которая никогда не входила в состав России). С приходом Красной Армии на эти территории там сразу начиналась их «советизация», т.е. национализация промышленности, коллективизация сельского хозяйства, репрессирование потенциально опасной части лиц из числа принадлежащих к буржуазии. Наиболее успешно советизация была проведена в топонимике. Было переименовано большое число улиц в центрах городов, которым были присвоены имена классиков марксизма, руководства коммунистической партии и советской власти. Кроме того были изменены названия улиц, носивших имена врагов советской власти. Одновременно были уничтожены ВСЕ памятники, поставленным тем, кто участвовал в гражданской войне на стороне белых или национальных армий. Лишь в Риге был сохранен величественный мемориал Братское кладбище, на котором были похоронены латышские белогвардейцы, но на которое после 1940 г. подхоронили некоторое число красногвардейцев и красноармейцев. Может быть, опасались, что снос его мог бы вызвать обиду населения и беспорядки. В отличие от первых советских республик в Прибалтике не проводилось массового закрытия церквей. Однако позднее в советские годы власти Риги снесли находившееся рядом великолепное русское кладбище, на котором были похоронены еще участники Отечественной войны 1812 г.

После того, как после начала Великой Отечественной войны была оккупирована значительная часть территории СССР, включая все прибалтийские республики, Украину, Белоруссию, Молдавию, а также ряд областей РСФСР, на этих территориях оккупационными властями был начат новый антисоветский виток топонимической войны. Были переименованы многие улицы городов и населенных пунктов. При этом в части случаев восстанавливались дореволюционные названия, а части улиц присваивались названия, данные в честь вождей Третьего рейха или просто немецкие названия. При этом названия как правило давались на немецком языке. Появились многочисленные Гитлерштрассе, или

более скромные Гауптштрассе. Короткий период владычества гитлеровцев в Крыму также отличался многочисленными переименованиями, которые касались не только населенных пунктов, но и улиц. За период оккупации немецкая администрация издала восемь указов, которыми только в Симферополе было переименовано 69 улиц. Немцы, однако, не всегда возвращали им старые дореволюционные имена, а давали свои. Известен случай, когда крымский штаб партизанского движения, находившийся в Краснодаре, выдал подпольщику фальшивый паспорт, в котором было указано, что его владелец прописан по улице Дворянской, 12. Однако оказалось, что улице Горького, а до этого Советской немцы не вернули наименование Дворянской, как до революции, а назвали ее Гаупт-штрассе, т. е. Главной улицей. Имеются сведения, что гитлеровцами планировалось переименование Винницы в Гитлерштадт. Еще в первую неделю войны Гитлер заявил: «Мы не освобождаем! Мы завоевываем!»

Повсеместно сносились советские памятники, но при этом было проведено массовое открытие закрытых при советской власти церквей.

После освобождения оккупированных территорий Красной армией и восстановления органов Советской власти, естественно были восстановлены все довоенные советские названия.

В послевоенные годы было проведено массовое изменение названий городов и улиц в них в вошедших в состав СССР территориях бывшей Германии – в восточной части Восточной Пруссии, ставшей Кенигсбергской, а затем Калининградской областью. При этом исчезло множество исторических названий, значимых для Российской и мировой истории – Тильзит, Куннерсдорф, Гумбиннен, Прейсиш-Эйлау и иные. Кроме того, в Кенигсберге было проведен масштабный снос обгоревших и полуразрушенных зданий исторического центра города, что привело к уничтожению его, как памятника истории и культуры. Западная (точнее южная часть Восточной Пруссии была передана Польше).

Приводим список более крупных городов Восточной Пруссии, переименованных в Калининградской области и Польше:

Таблица 3.

<i>Список переименованных городов Восточной Пруссии, переданных СССР и вошедших в состав Калининградской области РСФСР (РФ)</i>		
<i>Немецкое название</i>	<i>Немецкое написание</i>	<i>Советское (русское) название</i>
Кёнигсберг	Königsberg	Калининград (1946)
Тильзит	Tilsit	Советск (1946)
Гумбиннен	Gumbinnen	Гусев (1946)
Даркемен/Ангерапп	Darkehmen/Angerapp	Озёрск 1946)
	(1938)	

Инстербург	Insterburg	Черняховск (1946)
Гранц	Cranz	Зеленоградск (1947)
Лабиау	Labiau	Полесск (1946)
Лазденен/Хазельберг	Lazdenen/Hazelberg (1938)	Краснознаменск (1945)
Людвигсорт	Ludwigsort	Ладушкин (1947)
Нёйкурен	Neukuhren	Пионерский (1947)
Нёйхаузен	Neuhausen	Гурьевск (1946)
Пиллау	Pillau	Балтийск (1946)
Прейсиш-Эйлау	Preußisch Eylau	Багратионовск (1946)
Рагнит	Ragnit	Неман (1946)
Раушен	Rauschen	Светлогорск (1947)
Тапиау	Tapiau	Гвардейск (1946)
Фридланд	Friedland	Правдинск (1946)
Хайлигенбайль	Heiligenbeil	Мамоново (1947)
Хайнрихсвальде	Heinrichswalde	Славск (1946)
Циммербуде	Zimmerbude	Светлый (1946)
Шталлюпёнен/Эбенроде	Stallupönen/Ebenrode (1938)	Нестеров (1946)
Шкайсгирен	Skaisgirren	Большаково
Эйдкунен/Эйдкау	Eydtkuhnen/Eydtkau	Чернышевское
Пиллкален/Шлёсберг	Pillkallen/Schloßberg	Добровольск
Домнау	Domnau	Домново
Гросс-Диршкайм	Groß-Dirschkeim	Донское
Алленбург	Allenburg	Дружба
Штайнайтштен/Цвайлинден	Stannaitschen/Zweilinden	Фурманово
Нойсхацзен	Neuhausen	Гурьевск
Повунден	Powunden	Храброво
Цинтен	Zinten	Корнево
Гросс Роминтен	Gross Rominten	Краснолесье
Норденбург	Nordenburg	Крылово
Саркау	Sarckau	Лесное
Зеераппен	Seerappen	Люблино
Гильге	Gilge	Матросово
Георгенбург	Georgenburg	Маёвка
Пиллькоппен	Pillkoppen	
Герталаукен	Gertlauken	Новая Деревня
Пёршкен	Pörschken	
Гросс-Линденау	Groß-Lindenau	Озерки
Шилленен	Schillehnen	Победино
Бутткунен	Buttkuhnen	
Фишхаузен	Fischhausen	Приморск
Каллингкен	Kallningken	Прохладное
Розиттен	Rossitten	Рыбачий

Арнау	Arnau	Родники
Хайнрихсвальде	Heinrichswalde	Славск
Крёйцбург	Kreuzburg	Славское
Аугштагиррен	Augstagirren	Сосновка
Нойкирх	Neukirch	Тимирязево
Краупишкен	Kraupischken	Ульяново
Бранденбург ин Остпрройс-сен (Бранденбург Восточно-Прусский)	Brandenburg in Ostpreußen	Ушаково
Гроссхайделькруг	Großheidekrug	Взморье
Пальмникен	Palmnicken	Янтарный
Тракенен	Trakehnen	Ясная Поляна
Каукмен	Kaukehmen	Ясное
Мелькауен	Mehlauken	Залесье
Гердауен	Gerdauen	Железнодорожный
Веелау	Wehlau	Знаменск
Всего 60 населенных пунктов		

Кроме того, в это же время было произведено массовое переименование городов и поселков Южного Сахалина, который с 1905 г. входил в состав Японии. Здесь небольшая часть поселков имела до их японской оккупации русские названия, но большинство были названы по имевшейся ранее топонимике коренного населения Сахалина – айнов. На Курильских островах, которые еще с середины XIX в. находились под японским управлением, названия населенных пунктов были заменены на японские. Некоторые из русских и айнских названий не заменялись на японские, но при передаче их названий японскими иероглифами или слоговыми алфавитами их произношение изменялось до неузнаваемости.

Наиболее крупные населенные пункты Сахалина и Курильских островов, переименованные в 1946–1947 гг.

Список переименованных городов южного Сахалина и Курильских островов.

Сахалин:

Южный Сахалин – Карафуто (1905) – Сахалин,
 Муравьевский пост (1853) – Корсаковский пост (1867) – Отомару (1905) – Корсаков (1946),
 Владимировка (1882) – Тойохара (1905) – Южно-Сахалинск (1946),

Этуутуру – Эсутуру – Углегорск,
 Маука (1870) – Маока (1905) – Холмск (1947),
 Хонто (1855) – Невельск (1946),
 Галкино-Врасское (1884) – Отиай (1905) – Долинск (1946),

Нода (1905) – Чехов (1947),
Найхоро (1905) – Горнозаводск (1947),
Торо (1905) – Шахтерск (1947),
Чиннай (1905) – Красногорск (1947),
Томариори (1870) – Томари (1946),
Селютора (1972) – Сиритору (1905) – Макаров (1946),
Лютога (1886) – Рудака (1905) – Анива (1946),
Тихменевский порт (1869) – Сикука (1905) – Поронайск (1946).

Курилы:

Касивобора/Парамушир – Северо-Курильск (1946),
Шана/Итуруп (18 в) – 1855 (Сяна) – Курильск (1947),
Фурукумаппу/Кунашир – Южно-Курильск (1946).

Массовое переименование географических объектов Крыма по Указу состоялось после депортации крымских татар, армян и греков, болгар и немцев. Президиум Верховного Совета РСФСР 14 декабря 1944 г. Указом № 621/8 (О переименовании районов и районных центров Крымской АССР) переименовал 11 районов и 11 населенных пунктов из 26 райцентров, а указом № 619/3 от 21 августа 1945 г. – еще 327 сел, указом № 745/3 от 18 мая 1948 г. (О переименовании населенных пунктов Крымской области) – к четвертой годовщине выселения крымских татар – переименовано еще 1062 селения. С карты Крыма были стерты 1400 исконных исторических названий городов и сел. К ним надо также присоединить более 1000 измененных гидронимов, названий гор, ландшафтных памятников, объектов.

Перечень переименованных районных центров Крыма по Указу от 14.12.1944:

1. село Ак-Мечеть в село Черноморское.
2. село Ак-Шейх в село Раздольное.
3. село Биюк-Онлар в село Октябрьское.
4. поселок Ички в рабочий поселок Советский.
5. город Карасубазар в город Белогорск.
6. село Колай в село Азовское.
7. село Джурчи в село Первомайское.
8. село МаякСальнь в село Приморское.
9. рабочий поселок Сейтлер в рабочий поселок Нижнегорский.
10. село Курман-Кемельчи в село Красногвардейское.
11. село Фрайдорф в село Новоселовское.

Пример переименования населенных пунктов Ялтинского района по Указу от 18.05.1948:

Ялтинский район

1. Айвазовская (быв. Чукурлар).
2. Бекетово (быв. Кучук-Кой).
3. Даниловка (быв. Ай-Даниль).
4. Пионерское (быв. Суук-Су).
5. Пушкино (быв. Кучук-Кой).
6. Снитовское (быв. Мухалатка).

В настоящее время на Украине начаты работы по восстановлению естественно-исторических географических названий на полуострове. Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины подготовило проект закона "О восстановлении топонимики Крыма, измененной Указами Президиума Верховного Совета РСФСР в 1944–1948 гг.". Готовится специальное постановление Верховного Совета Крыма по этому вопросу.

В послевоенные годы были также переименованы населенные пункты Ленинградской области, имевшие финские названия. Некоторые названия сохранялись с дореволюционных времен, некоторые были присвоены в период вхождения территорий в состав Финляндии. В числе таких переименованных населенных пунктов были следующие:

Териоки – Зеленогорск,
Келломяки – Комарово,
Куоккала – Репино,
Энсо – Светогорск,
Райвола – Рошино,
Яски – Лесогорский,
Корела – Кексгольм – Якисалми – Приозерск,
Березовое – Койвисто – Приморск,
Выборг – Вииппури – Выборг,
Тронгзунд – Уурас – Высоцк.

В бывшей Республике немцев Поволжья после выселения оттуда немецкого населения в 1941 г. также было произведено переименование населенных пунктов с «немецкими» названиями на названия «русские»:

Урбах – Пушкино – ст. Урбах,
Зельман – Ровная (1941) – Ровное (1972),
Баронск (1767) – Екатериненштадт (1796) – Екатериноград (1914)
– Маркштадт (1927) – Маркс (1941).

Екатериненштадт сменил окончание в 1914 г. вместе с Петербургом в ходе кампании по замене немецких названий. А в 1948 г. название сократили до Маркса по той же причине, чтобы сделать его «менее немецким».

Еще в период перестройки и гласности во многих городах, которые подверглись переименованию, стали возникать комитеты и группы представителей общественности, в основном из числа научной и творческой интеллигенции, которые стали поднимать вопрос о возвращении исторических названий. Наиболее мощными были комитеты в городах Москва и Ленинград. Там в каждом комитете были десятки докторов наук и даже академики, в том числе много историков, которые возглавляли это движение. Возможности периферийных городов в этом отношении были слабее. Реально возвращения исторических названий стали возможны только после провала путча ГКЧП и смены в связи с этим руководства страны. Однако новое руководство страны не поддерживало активно этот процесс, как это было в государствах Прибалтики. Борьба за возвращение названий проходила в официально предписанном порядке. Еще в 1990 г. были возвращены названия Самаре и Нижнему Новгороду. В нескольких городах (Ленинграде, Свердловске и Загорске) Городские советы поддержали вопрос о возвращении исторических названий непосредственно после событий августа 1991 г., с последующим утверждением их Верховным Советом СССР. Быстро прошли переименования с заменой официозных советских названий на исторически национальные названия в некоторых бывших союзных республиках, ставших независимыми государствами.

Но в дальнейшем руководство городов РФ в основном проводили и проводят консервативную политику на препятствие процессу возвращения исторических названий улицам городов.

Урал и Екатеринбург не остались не затронутыми этими процессами. В 1924 г. Екатеринбург переименовали в честь выдающегося деятеля Советского государства и партии – Я.М. Свердлова, который, несомненно, сыграл очень важную роль в сохранении Советского государства в годы гражданской войны. В 1918–1919 гг. он практически был диктатором страны, который беспощадным, беспрецедентным по жестокости (для того времени, в 1930-е гг. бывало и хуже) террором подавил внутри страны сопротивление со стороны всех, кто мог представлять опасность для советской власти. Встречаются утверждения, что именно он организовал покушение на В.И. Ленина, а также утверждения, что умер он после побоев, нанесенных ему рабочими на митинге. Он остается достаточно загадочной личностью, происхождение и биография которого остаются неизученными и неизвестными. Во всяком случае, интересно, что в годы Советской власти Екатеринбург вновь получил имя ВТОРОГО ЛИЦА в государстве, как это было и в Петровские времена, когда он был назван Генниным практически тоже в честь ВТОРОГО ЛИЦА в Империи после самого Императора. Но сразу же

после провала путча ГКЧП городу было возвращено его историческое название.

Кроме того, на Урале в 1940 г. город Пермь был переименован в Молотов, но еще в 1957 г. после смещения Молотова за то, что он вошел в состав «антипартийной группы», городу было возвращено его историческое название Пермь.

В Свердловской области были переименованы следующие города:

Васильевско-Шайтанск – Первоуральск (1920 г.),
Калата – Кировград (1936),
Богословск – Карпинск (1941),
Егоршино – Артемовский (1939),
Петропавловский – Североуральск (1944),
Турьинские Рудники – Краснотурьинск,
Никито-Ивдель – Ивдель,
Куделька – Асбест,
Гробоно Поле – ?
Надеждинск (1894) – Кабаковск (1934) – Серов (1937).

В 1920 г. в Екатеринбурге одновременно были переименованы несколько десятков улиц. В 1937 г. уже в Свердловске число переименованных улиц также одновременно возросло еще на 120.

Однако далее этого восстановление исторической топонимики не продвинулось. Не восстановлены исторические названия улиц (возвращено несколько названий на окраине города, но не в старейшей исторической части, где это важно). Область остается «Свердловской». После долгих колебаний руководство железных дорог вынесло постановление о замене названия станций Свердловск на Екатеринбург, но физической замены названий под предлогом будущего ремонта вокзала так и не было проведено. Такое положение, очевидно, отражает то противоречивое состояние, в котором находится наше общество. При этом постсоветские руководители страны и ее регионов остались теми же, что в СССР. Как французские эмигранты они «ничему не научились». Противясь десоветизации названий и восстановлению исторических названий, они после смерти Ельцина с готовностью стали обсуждать вопрос, изменением каких названий отметить имя этого политика, к которому в обществе имеется весьма неоднозначное отношение. И начались обсуждения – какую улицу или площадь переименовать во имя его, вплоть до предложений присвоить его имя все тому же Свердловску – Екатеринбургу. В конце концов, улица 9 января в центре Екатеринбурга, на которой стоял обком КПСС, в котором Ельцин работал, была переименована в «улицу Бориса Ельцина».

Во времена Ельцина руководство Российской Федерации бездумно согласилось с требованиями Эстонии заменить наименование Таллин на Таллинн. Но при этом никто не обратил внимание на то, что сами эстонцы продолжают именовать Россию Венемаа (Venemaа), также как латыши называют Россию Криевия (Krievija), а Москву – Маскава (Maskava). Вероятно, традиционные названия других стран и городов, принятые в стране, следует так же охранять, как и исторические.

Следует признать нецелесообразным изменять первоначально данное или традиционно используемое название, в угоду временным политическим или идеологическим требованиям. При необходимости новые названия должны даваться только вновь основанным населенным пунктам, что одновременно превращает такое название в исторический памятник своего времени.

Нам представляется, что массовые насильственные переименования исторических и национальных названий следует считать проявлением этноцида и преступлением против человеческой культуры.

Литература

Анимица Е. Города Среднего Урала. Прошлое, настоящее, будущее. Свердловск, 1983. – 288 с.

Беддекер Гюнтер. Горе побежденным! Беженцы III Рейха. 1944–1945 гг. / Пер. с нем. М., 2006. – 480 с.

Поспелов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992): Топонимический словарь. М., 1993. – 250 с.

Интернет-ресурсы

David Smith's Mapping.com // URL: <http://www.mapping.com/changes.shtml> (дата обращения: 23.05.2009).

S. I. Voroshilin

Voroshilin Sergey Ivanovich – the associate professor of psychology of the Ural state pedagogical university, the candidate of medical sciences, the associate professor.

TOPONYMIC WARS – VIOLENT CHANGE OF TOPONYMS OWING TO WARS AND REVOLUTIONS (Part 2)

Wars and revolutions always brought damage to culture. Architecture monuments collapsed, teachers and scientists perished, books burned, but loss of

memory of the people past was the most serious consequence. Often it occurred spontaneously when the population gradually acquired culture of the winner and forgot the own. In other cases the winner consciously destroyed culture of the won. In the second part of our review we try to take up a question of change of toponyms in the XX century in the territory of the former Russian Empire.

It is necessary to recognize inexpedient to change originally given or traditionally used name, to please to temporary political or ideological requirements. If necessary new names have to be given only again based occupied points that at the same time turns such name into a historical monument of the time.

It is represented to us that mass violent renamings of historical and national names should be considered as manifestation of an ethnocide and a crime against human culture.

Key words: toponymic wars, toponyms, culture, monuments, architecture

3. Власть и общество в условиях гражданской войны: теоретические и историографические подходы

О.С. Поршнева

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И РАБОЧИХ УРАЛА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*

Осмысление проблем развития Урала в конце XIX – первой четверти XX в. может быть реализовано на основе использования концептуального инструментария теории модернизации. Интерпретация на его основе социально-экономических, политических и социокультурных трансформаций, происходивших в России и уральском регионе в период раннебуржуазной модернизации, позволяет выявить направленность и характер изменений, обусловленных процессами индустриализации, урбанизации, распространения образования, роста социальной мобильности и других; их влияние на отношения власти и различных общественных сил. Кризисные явления и тенденции, порожденные мировой войной и революцией, приобретя особую остроту и масштабы, во многом определяли антропологическое измерение российской гражданской войны. В то же время утвердившиеся в результате победы большевиков ценности, военно-коммунистическая идеология и психология правящей верхушки и части общества, в том числе рабочих, порожденные гражданской войной, оказали определяющее влияние на развитие советского общества в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: гражданская война, власть, Урал, общество, военно-коммунистическая идеология

Осмысление проблем развития Урала в конце XIX – первой четверти XX в. может быть реализовано на основе использования концептуального инструментария теории модернизации. Интерпретация на его основе социально-экономических, политических и социокультурных трансформаций, происходивших в России и уральском регионе в период раннебуржуазной модернизации, позволяет выявить направленность и характер изменений, обусловленных процессами индустриализации, урбанизации, распространения образования, роста социальной мобиль-

ности и других; их влияние на отношения власти и различных общественных сил. Во многом эти изменения определяли формирование нового конкретно-исторического контекста, в котором разворачивались события Первой мировой войны, революции и гражданской войны. Модернизационные сдвиги в отношениях власти и общества проявлялись, в том числе на Урале, в формировании элементов гражданского общества и вовлечении различных категорий населения в гражданскую деятельность и политические процессы²⁵⁴. Эти тенденции затронули и рабочих, которые участвовали в выборах в Государственную Думу, деятельности политических партий (прежде всего РСДРП и ПСР), профсоюзов, кооперативов, культурно-просветительных, благотворительных обществ.

В условиях буржуазной модернизации происходило постепенное повышение уровня жизни рабочих, несмотря на сохранение в целом низкого уровня жизни большинства из них. Особенно существенными сдвиги в социально-экономическом положении рабочих были в предвоенный период промышленного подъема. Под влиянием развития капитализма в промышленности, улучшения социально-экономического положения и прогресса в культурном развитии рабочих происходил рост их потребностей, запросов и ожиданий, являвшийся, в свою очередь, стимулом их борьбы за политическое и правовое равноправие, достойный уровень жизни. Еще в конце XIX в. в России, по мнению Л. Хеймсона, становятся заметными признаки того, что начался процесс, который западные общественные науки называют «*revolution of rising expectations*» – резкое повышение уровня социальных ожиданий и требований, а также общее недовольство своим положением среди населения больших городов и крупных промышленных и торговых центров²⁵⁵. Влияние данных процессов на сознание и поведение рабочих в период, непосредственно предшествовавший революции и гражданской войне, нельзя недооценивать²⁵⁶.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11-11-6601а/У).

²⁵⁴ См.: Формирование сферы гражданской деятельности на Урале второй пол. XIX – начала XX в.: социальный аспект. Екатеринбург, 2011.

²⁵⁵ Хеймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 6.

²⁵⁶ Кирьянов Ю.И., Бородкин Л.И. Влияние различных факторов социального, экономического и политического характера на рабочее движение в России в конце XIX – нач. XX вв. // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. М., 1992. С. 40–78; Хаймсон Л., Петруша Р. Опыт математико-статистического исследования данных «Сводов отчетов фабричных инспекторов» о стачках рабочих в России в 1912–1914 гг. // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985. С. 115–147; Хеймсон Л., Бриан Э. Стачное движение в России во время первой мировой войны: количественный анализ и интерпретация // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. С. 79–113; Леконцев М.Г. Формы борьбы рабочих в Центральном промышленном районе России и факторы экономического и политического развития в годы первой мировой войны (июль 1914 –

Одним из проявлений модернизационных сдвигов в рабочей среде была эволюция форм рабочего протеста. И.М. Пушкарева на основе нового подхода к анализу источников показала, что в оценке рабочего движения важно учитывать не только содержание, но и формы выражения рабочими своего недовольства, так как последние отражают специфику восприятия ими хозяев – предпринимателей и своего социального положения в целом. Факторами, обусловившими тенденцию нарастания количества активных, стачечных форм борьбы, их удельного веса в общей численности социальных выступлений, по данным Пушкаревой, были «рабочее законодательство вкупе с социал-демократической агитацией», которые «размывали устойчивое представление у рабочих о запрещенном и дозволенном, десятилетиями существовавшее во взаимоотношениях между хозяином и рабочим», а также опыт революции 1905–1907 гг.²⁵⁷

Модернизационные процессы, однако, проявлялись в России своеобразно, имели особую социокультурную почву. Социокультурные особенности российского общества и его отдельных регионов могут быть выявлены и осмыслены на основе использования концептуального аппарата современных цивилизационных теорий²⁵⁸. Синтез модернизационного и цивилизационного подходов и, соответственно, мультипликация их познавательных возможностей является одним из путей совершенствования теоретического инструментария исторических исследований²⁵⁹. Цивилизационные особенности оказывали воздействие на характер и динамику модернизационных процессов, определяя фундаментальные, наиболее устойчивые структуры и ценности социума. Выявление факторов и форм цивилизационного своеобразия, исторической преемственности и инерции, проявившихся в том числе на уровне региона, позволяют исследовать «структуры большой протяженности» (менталитет, традиционные властные, трудовые, семейные отношения и т.д.) применительно к России и Уралу рассматриваемого периода.

К числу цивилизационных особенностей России, влиявших на отношения власти и общества в период раннебуржуазной модернизации, можно отнести сохранение определяющей роли государства в общественном развитии, авторитарно-патриархальной политической культуры

февраль 1917 г.) // Там же. С. 142–154; Пушкарева И.М. Новый подход к анализу источников по социальной истории (жалобы, прошения, требования рабочих на рубеже XIX–XX вв. в ракурсе дискурсивных методов исследования) // Доклады Вторых Морозовских чтений. Ногинск–Богородск, 1996. С. 157–161.

²⁵⁷ Пушкарева И.М. Указ. соч. С. 161.

²⁵⁸ См.: Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, Е. Т. Артёмов и др. Екатеринбург, 2011. С. 35–38.

²⁵⁹ Там же. С. 38.

большинства населения, представленного крестьянством, его общинного менталитета. Так, одной из черт менталитета российских рабочих был коллективизм, имевший крестьянские корни. Несмотря на то, что само крупное производство порождало у пролетариев особый тип психологии, склонность к солидарным действиям, в России на формы и характер рабочего коллективизма в наибольшей степени оказывали влияние традиции общины. Общинная психология, модели поведения внешне были подобны «высшим» формам пролетарского сознания, что особенно отчетливо проявлялось в социокультурной ситуации «завод-рабочий поселок»²⁶⁰. При анализе сознания и поведения рабочих в переходный период модернизационной трансформации следует учитывать также крайнюю неоднородность рабочего социума, проявлявшуюся на всероссийском и региональном уровнях²⁶¹, особенности социокультурного облика российского рабочего, отличавшие его и от крестьянина и от западных пролетариев²⁶².

Изучение рассматриваемой проблемы предполагает учет региональных особенностей уральского исторического пространства, определявших специфику социальных основ властных отношений, социокультурных характеристик уральского населения, в том числе рабочих, их взаимоотношений с властью, поведения в военное и мирное время и т.д. Определение своеобразия исторического развития, специфики модернизационных трансформаций на уровне региона может быть более эффективным на основе использования идей регионально-ориентированной модели теории модернизации, предложенной И.В. Побережниковым. Обосновывая ее, автор пишет о важности исследования пространственных измерений модернизации, учета территориальной неоднородности модернизационных процессов, вариативности «поведения» территориальных единиц в контексте модернизации, своеобразия регионального проявления национальных традиций²⁶³. Пространственно-ориентированная модель модернизационного анализа предусматривает, в частности, признание вариативного, неоднозначного характера взаимодействия традиции и модер-

---

²⁶⁰ См.: Булдаков В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 20–21; Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX–XX вв. // Отечественная история. 1997. № 4. С. 48.

²⁶¹ См.: Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX–XX вв. С. 51; Полищук Н.С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX – нач. XX в.)// Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. СПб., 1997. С. 115; Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009.

²⁶² Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX–XX вв. С. 51; Пушкарева И.М. Указ. соч. С. 161; Булдаков В.П. Указ. соч. С. 81–102.

²⁶³ Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 227–235.

низации, акцентирование внимания на роли социальных акторов (коллективов и индивидов) и другие важные положения²⁶⁴, позволяющие более глубоко осмыслить процессы регионального развития. На основе учета региональных особенностей можно определить специфику социальных взаимодействий, культуры и менталитета горнозаводского населения Урала, в том числе уральских рабочих, определявшую глубинные основания взаимоотношений власти и рабочих в условиях революции и гражданской войны. Речь идет о таких характеристиках социально-исторического контекста как сохранение вплоть до революции 1917 г. окружающей системы организации горнозаводского производства, многочисленных феодальных пережитков в системе землевладения и землепользования, тесной связи рабочих с землей, незавершенность превращения горнозаводских рабочих в класс, преобладание сословных характеристик в их статусе, положении, самосознании и культуре²⁶⁵.

Как показывают уральские исследователи, несмотря на воздействие модернизационных процессов, на рубеже XIX–XX вв. сохранялась особая, имевшая доиндустриальную основу, культура горнозаводского населения, поддерживавшаяся горнозаводской системой, формировавшая у ее носителей черты сословного сознания, складывавшегося в противоречивом сочетании старых и новых стереотипов²⁶⁶. Менталитет горнозаводских рабочих характеризовался этатизмом и приверженностью патерналистской политике государства, стремлением к сословным привилегиям, традиционным отношением к земле и отрицанием буржуазной собственности на землю, настороженным отношением к «чужим», в том числе «образованным» слоям общества²⁶⁷. Наряду с этим большинство рабочих Урала в начале XX в. не имело сложившихся политических представлений; преобладающим социокультурным типом оставался рабочий, характеризующийся доминированием традиционалистских установок и моделей поведения²⁶⁸.

Признавая изменения в общественной жизни и экономическом развитии региона во второй половине XIX – начале XX в., Побережников верно отмечает, что «несвобода» во всех ее проявлениях выкорчевывалась медленно, в том числе и в общественной жизни, а инерция

---

²⁶⁴ Там же. С. 233–234.

²⁶⁵ Алеврас Н.Н. «Заперты мы на заводе»: локальный мир горнозаводской культуры дореволюционного Урала // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. Сб. ст. Челябинск, 2003. С. 59–69; Голикова С.В. «Люди при заводах»: Обыденная культура горнозаводского населения Урала XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2006; Постников С.П., Фельдман М.А. Указ. соч. С. 294–300.

²⁶⁶ Алеврас Н.Н. Указ. соч. С. 61; Голикова С.В. Указ. соч.

²⁶⁷ Алеврас Н.Н. Указ. соч. С. 61–67.

²⁶⁸ Постников С.П., Фельдман М.А. Указ. соч. С. 294.

истории в определенной степени обеспечивала континуитет исторических процессов вне зависимости от “великих” преобразований”²⁶⁹.

Анализ взаимоотношений власти и рабочих Урала в условиях гражданской войны предполагает обращение к подходам социальной и социокультурной истории. Это обусловлено необходимостью рассмотрения целого спектра явлений социальной жизни и проблем социальных трансформаций, происходивших в регионе в исследуемый период. К ним относятся формирование и эволюция властных структур, существенные черты этих структур как социальных институтов, преобразования социально-исторического контекста, социальные характеристики рабочих, взаимоотношение властных институтов и рабочих в повседневной жизни и др. Данная проблематика находится на стыке политической, социальной и культурной истории, что соответствует современному облику социальной истории и ориентации новейших дисциплинарных исследований на исторический синтез. По оценке Л.П. Репиной, взаимопроницаемость разделов и специализаций историографии в современных условиях подходит к самой высокой отметке, и социальные историки, анализируя сложные переплетения экономических, политических, культурных процессов, все чаще ставят перед собой стратегические задачи всеобщей истории²⁷⁰. На смену старой «новой социальной истории» приходит новейшая, ориентированная на комплексный анализ субъективного и объективного, микро- и макроструктур в человеческой истории, превращаясь в своей основе в социокультурную в той мере, в какой реализуется ее синтетический потенциал²⁷¹.

Комплексное изучение темы, в силу этого, невозможно без учета достижений и использования инструментария новой социальной и новой социокультурной истории. Новая социальная история, сложившаяся в последние десятилетия XX в. на основе трансформации традиционной социальной истории, характеризуется анализом не только и не столько социальных структур и процессов, сколько социальных практик действующих индивидов. Использование познавательного потенциала категории «социальные практики» предполагает обогащение исследования «субъективной перспективой» действующих исторических лиц – последовательным анализом их ментальных актов, интерпретационных схем,

---

²⁶⁹ Побережников И.В. Урал в контексте российских модернизаций XVIII – начала XX вв.: теория и история // Урал в контексте российской модернизации. Сб. ст. Челябинск, 2005. С. 19.

²⁷⁰ Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории (Часть II) // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 38.

²⁷¹ См.: Там же.

акцентирующем расхождения между культурно заданными значениями и индивидуальным, исторически обусловленным их употреблением²⁷².

В отличие от традиционной социальной истории для ее новейшей модели характерно понимание социального контекста деятельности как ситуации, задающей не только условия, но вызовы и проблемы, требующие своего разрешения, а также установка на то, что субъективность исторического актора (индивида или группы) во многом определяет результаты его деятельности, которая, в конечном счете, преобразует собственный контекст²⁷³.

Обоснование значения категории «практики» для анализа социально-исторической реальности дано в «теории структуриации» Э. Гидденса, объясняющей соотношение социальных структур, процессов и человеческой деятельности²⁷⁴. Согласно ей, структурные свойства социальных систем являются одновременно и средством, и результатом практики, которую они организуют, поскольку структура предстает как совокупность «правил», «ресурсов» и «процедур» и реализуется только в процессе их применения – в повседневной социальной практике исторических акторов²⁷⁵.

В рамках структуриационного подхода историческая (социальная) реальность рассматривается как следствие структурирования социальных отношений во времени и пространстве в процессе постоянной интеракции предшествующей структуры и индивидуальной воли²⁷⁶. Структуриационный подход, представляющий собой интеграцию структуралистской и деятельностной перспектив в изучении социальных процессов предлагает и Г. Тёрборн. По мнению Тёрборна, на социальный мир можно глядеть с двух выгодных позиций, высвечивающих свойственные человеку как актору составляющие – культуру и структуру. Человеческие общества, поясняет свой подход исследователь, состоят из индивидуальных и коллективных акторов, действующих в контексте (и воздействующих на) культуры и структуры. Под *культурой* автор понимает то, что усваивается и разделяется людьми, что относится к универсуму значений и символов, что обеспечивает внутреннее руководство к действию в рамках общества. Структура же рассматривается Тёрборном как способ типизации (структурирования) ресурсов и ограничений, доступных (или присущих) людям как социальным акторам. Люди действуют определенным образом именно потому, что они

---

²⁷² Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011. С. 146.

²⁷³ Там же. С. 159.

²⁷⁴ Гидденс Э. Элементы теории структуриации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 40–71.

²⁷⁵ Гидденс Э. Указ. соч.; Репина Л.П. Историческая наука... С. 158.

²⁷⁶ Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв... С. 48.

принадлежат к специфической культуре и/или потому, что они располагаются в специфическом месте в структуре ресурсов и ограничений²⁷⁷.

Использование идей структурационного подхода позволяет, таким образом, соединить анализ социальных структур и человеческой деятельности, без чего невозможно осуществить исследование взаимоотношений власти и рабочих в условиях гражданской войны.

Новая социальная история, характеризующаяся интересом к человеку «как элементарной клеточке живого и развивающегося общественного организма»²⁷⁸, меняет ракурс рассмотрения общественных процессов: история изучается не «сверху», через восприятие «сильных мира сего» и не через официальный дискурс, воплощающий «язык власти», а как бы «снизу» и «изнутри»²⁷⁹. По оценке А.К. Соколова, в последние десятилетия существенно изменилась и проблематика социальной истории: на первый план вышли социально-культурная практика и социальная мотивация человеческого поведения²⁸⁰. В теоретическом отношении новая социальная история опирается на принципы современной философской герменевтики, лингвистики, теории языка и дискурса, т.е. подходы, создающие возможность осуществления методологического синтеза, реализации задач междисциплинарного исследования. Большая роль отводится микроанализу, историческому синтезу на микроуровне общества.

Значительное влияние на современные исследования гражданской войны оказали подходы «новой культурной истории» и «новой политической истории», позволившие создать новаторские интерпретации войны. В сферу рассмотрения приверженцев данных направлений включаются менталитет и массовые представления, идеологии, символы и ритуалы, язык и массовые действия, которые рассматриваются как исторический текст, подлежащий смысловой расшифровке. В центре внимания оказываются не идеологии, как было ранее, а политические практики, причем не столько «верхов», сколько представителей среднего и низших политических звеньев, а гражданская война изучается как часть общего военно-революционного кризиса, начавшегося с Первой мировой войной²⁸¹.

---

²⁷⁷ Там же. С. 49–50.

²⁷⁸ Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Теоретические проблемы исторических исследований. М., 1998. Вып. 1. С. 108.

²⁷⁹ Он же. Социальная история: проблемы методологии и источниковедения // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. С. 79.

²⁸⁰ Там же. С. 78–79.

²⁸¹ Новикова Л.Г. Гражданская война в России в современной западной историографии // Отечественная история. 2005. № 6. С. 152–153.

Использование подходов новой политической и новой культурной истории ориентирует на изучение политической культуры и политических практик как представителей и носителей власти, так и рабочих. Это позволяет учесть, что формирование новой советской политической системы происходило на особой почве российской политической культуры, прежде всего традиционной политической культуры массовых слоев населения, и сопровождалось оформлением и укреплением новой, по сравнению с дореволюционной, политической культуры. Согласно Г. Алмонду²⁸², каждой политической системе свойственна определенная политическая культура, образец ориентаций на политическое действие. В качестве элементов политической культуры Алмонд выделяет восприятие различных аспектов политической жизни на уровне знаний и представлений, эмоциональный настрой (политические симпатии и антипатии) и оценочное (нормативное) отношение к политическим явлениям и структурам²⁸³. Как отмечает Б.И. Колоницкий, изучение политических культур особенно важно для историков революций: в нестабильные периоды политические институты порой почти растворяются в политической культуре, и в то же время создаются условия для «застывания», «кристаллизации» политических культур, создания на их основе новых политических институтов²⁸⁴. В полной мере данное замечание справедливо для периода гражданской войны, ставшего продолжением и частью российского революционного процесса 1917–1922 гг. При этом необходимо учитывать фактор архаизации общественных и, в частности, властных отношений в периоды глубоких социальных кризисов, гражданских войн, актуализирующих архаические модели социальности и пласты человеческого сознания²⁸⁵. В этих условиях происходит поиск новых форм социальных связей, обеспечения социального единства на иной основе, что обуславливает тягу сознания к семиотичности, возрастание роли политических символов²⁸⁶.

Актуализированная социальная архаика проявлялась в период революции и гражданской войны во властных отношениях, моделях

---

²⁸² Almond G.A., Verba S. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton (N.Y.), 1963.

²⁸³ Колоницкий Б.И. Политические символы и борьба за власть в 1917 году. Автореф. дисс. докт. ист. наук. СПб., 2002. С. 6.

²⁸⁴ Там же. С. 6–7.

²⁸⁵ Булдаков В.П. Указ. соч.; Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 9; Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 42; Коробков Ю.Д. Формирование стереотипов массового сознания (на примере «образа врага») как одна из социально-психологических предпосылок Гражданской войны // *Гражданская война на Востоке России. Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток. Материалы Всероссийской научной конференции*. г. Пермь, 25–26 ноября 2008. Пермь, 2008. С. 158.

²⁸⁶ Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 9.

управления и подчинения, способах и масштабах применения насилия и т.д. В поведении российских рабочих она находила выражение в архаических «коллективных автоматизмах» в деятельности членов фабрично-заводских комитетов, Советов, отношениях с администрацией предприятий, властями, в стачечном движении, бунтарских акциях и т.д. Особенно отчетливо социальная архаика в действиях рабочих проявилась в их участии в различных формах погромных выступлений, показавших всю силу исторических традиций российского бунтарства и не выходявших за рамки поведенческой альтернативы традиционного типа: смирения и бунта. В то же время важную роль в борьбе с погромным движением в этот период сыграли наиболее организованные группы рабочего класса²⁸⁷. В целом же, по меткому выражению В.П. Булдакова, общинная психология, характерная для российских рабочих, не знавшая переходных форм между бунтом и смирением, создавала общую предрасположенность к постепенной трансформации стихийного революционаризма в психологию «винтика»²⁸⁸. На Урале, как показал И.В. Нарский, в период гражданской войны архаизация форм борьбы проявлялась не только в бесчисленных и безнаказанных актах насилия в отношении гражданского населения – погромах, поджогах, грабежах, но и в широком применении, особенно на Южном Урале, тактики ведения боевых действий, известной со времен пугачевщины: налетов, быстрых передвижений, неожиданных атак, осады и обороны городов. Эти характеристики в равной мере относились как к «белым», так и к «красным»²⁸⁹.

Изучение влияния гражданской войны на эволюцию властных структур, социальные практики, взаимоотношения различных слоев населения и власти невозможно без учета особой природы войны как специфического общественного явления. Война характеризуется экстремальным состоянием социума, что предполагает использование специфических подходов и методов его изучения, выработанных военно-исторической антропологией²⁹⁰. Лидер этого направления Е.С. Сенявская ставит перед исследователями задачу изучения того общего и особенного в войнах, что влияет на психологию социума в целом (а не только армии), анализ ценностей, представлений, верований, традиций

---

²⁸⁷ Канищев В.В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1995; Его же. Можно ли измерить параметры «русского бунта»? // Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе. Труды VII конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 2001. С. 134–159.

²⁸⁸ Булдаков В.П. Указ. соч. С. 90.

²⁸⁹ Нарский И.В. Указ. соч. С. 42.

²⁹⁰ Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 13.

и обычаев всех социальных категорий в контексте назревания войны, ее хода, завершения и последствий на основе междисциплинарной кооперации истории и военной науки, психологии, социологии²⁹¹. Военно-историческая антропология ориентирует на рассмотрение гражданской войны как продолжения и особого этапа в развитии «воюющего» российского общества, погруженного в состояние чрезвычайных условий военного времени с начала Первой мировой войны.

В годы Первой мировой войны произошли изменения в ценностных ориентациях и психологии россиян, затронувшие широкие слои населения и оказавшие влияние на их поведенческие практики в условиях революции и гражданской войны. Беспрецедентная по числу жертв мировая война привела к притуплению восприятия смерти значительной частью населения, ожесточению огромной многомиллионной массы людей, выработки у них милитаризованного сознания, склонности к крайним силовым действиям, девальвации ценности человеческой жизни. Когнитивный диссонанс из-за причастности к насилию порождал процесс изменения психологических установок по отношению к нравственным нормам, запретам и ограничениям мирного времени, религиозным заповедям. Одновременно была создана почва для возрождения архаических мыслительных стереотипов, причудливо сочетавшихся с порожденными модернизацией и техническим прогрессом рационалистическими установками²⁹².

Изменения в социальном составе рабочего класса в условиях мировой войны, кризис доверия рабочих по отношению к власти и имущим верхам, приобретение рабочими опыта насильственного перераспределения ценностей, расширяющаяся практика государственного регулирования военного производства и потребительского рынка – все это подготовило существенные сдвиги в умонастроениях рабочих. Это выразилось в более широком перенесении в рабочую среду общинных традиций трудовой демократии и коллективизма, крестьянских ценностей уравнительной справедливости, распространении настроений в пользу государственного регулирования производства и распределения продукции в интересах трудящихся.

В годы мировой войны и революции произошел перенос негативного эмоционального комплекса с внешнего противника на внутреннего в восприятии значительных слоев населения, формирование под влиянием ряда факторов образа внутреннего врага в разных, сменяющих друг друга модификациях («внутреннего немца», «темных сил», «буржуазии»), что способствовало не только аккумуляции в обществе взры-

---

²⁹¹ Там же. С. 5, 13–14.

²⁹² См.: Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М, 2004.

воопасной энергии гражданского противостояния, углублению раскола российского социума, но и стало одной из социально-психологических предпосылок гражданской войны. В то же время в условиях «тотальной» войны, действия системы чрезвычайного управления получила благодатную почву российская традиция властного произвола и насилия, приобретшего новые формы и масштабы.

Кризисные явления и тенденции, порожденные мировой войной и революцией, приобрели особую остроту и масштабы, во многом определяли антропологическое измерение российской гражданской войны. В то же время утвердившиеся в результате победы большевиков ценности, военно-коммунистическая идеология и психология правящей верхушки и части общества, в том числе рабочих, порожденные гражданской войной, оказали определяющее влияние на развитие советского общества в 1920–1930-е гг.

O. S. Porshneva

Porshneva Olga Sergeevna – professor of chair of history of Russia of Institute of fundamental formation of the Ural federal university, the doctor of historical sciences, professor.

CONCEPTUAL AND THEORETICAL APPROACHES TO STUDYING OF PROBLEMS OF RELATIONSHIP THE POWER AND WORKERS OF URAL IN THE YEARS OF CIVIL WAR

The judgment of problems of development of Ural at the end of XIX □ of the first quarter of the XX century can be realized on the basis of use of conceptual tools of the theory of modernization. Interpretation on its basis of the social and economic, political and sociocultural transformations happening in Russia and the Ural region in the period of early bourgeois modernization, allows to reveal an orientation and nature of the changes caused by processes of industrialization, an urbanization, distribution of education, growth of social mobility and others; their influence on отношения the power and various public forces.

The crisis phenomena and the tendencies generated by world war and revolution, having gained special sharpness and scales, in many respects defined anthropological measurement of the Russian civil war. At the same time approved as a result of a victory of Bolsheviks of value, the military and communistic ideology and psychology of a ruling clique and part of society, in-

cluding the workers, generated by civil war, had defining impact on development of the Soviet society in the 1920-1930th.

Key words: civil war, power, Urals, society, military and communistic ideology

М.А. Фельдман

**ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА УРАЛЕ
В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И РАБОЧИХ
(проблемы историографии)**

Трудно найти историка, занимавшегося историей Гражданской войны, который бы не обращался к проблеме причин поражения Белого движения. Закономерность поражения Белого движения в советской историографии не вызывала сомнений и вытекала из «исторически более прогрессивного строя», возникшего в октябре 1917 г. При этом региональная специфика чаще всего служила только фоном проявлений общероссийских тенденций. Опыт государственной политики уходящего строя (в данном случае, феодального) оказался малоподходящим для формирующегося нового общества. Победа досталось той стороне, которая смогла более полно использовать новейший мировой опыт: практику милитаризации экономики и общества в годы Первой мировой войны. Однако и консервация этого опыта на долгие десятилетия в конечном итоге обернулась крахом советского государства.

Ключевые слова: гражданская война, Белое движение, государственная политика, Первая мировая война

Трудно найти историка, занимавшегося историей Гражданской войны, который бы не обращался к проблеме причин поражения Белого движения. Закономерность поражения Белого движения в советской историографии не вызывала сомнений и вытекала из «исторически более прогрессивного строя», возникшего в октябре 1917 г. При этом региональная специфика чаще всего служила только фоном проявлений общероссийских тенденций.

Уральская тематика занимала весомое место в историографии Гражданской войны в России в силу важного значения военной промышленности края в оборонном потенциале страны, а также из-за уникального состава белого движения, в составе которого участвовали тысячи рабочих казенных горнозаводских округов Урала. Замолчать такое

очевидное явление – «неклассическое» поведение рабочих – по крайней мере, в отношении восстания ижевско-воткинских рабочих – было невозможно, и советские историки вынуждены были писать о сохранении качественных отличий кадровых рабочих Урала от схематичной и псевдоуниверсальной марксистской модели пролетариев. Характерным можно считать вывод авторов коллективной монографии «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале», вышедшей в Свердловске в 1969 г., об огромной роли поземельных отношений в хозяйственной жизни значительной части промышленных рабочих Урала. Так в 1912 г. на 107 408 ревизских душ уральских казенных заводов приходилось 924 723 десятины земельных наделов. В Екатеринбургском уезде, *типичном для горнозаводского Урала*, до революции около половины хозяйств мастеровых имели лошадей, две трети хозяйств – коров, почти три четверти хозяйств – мелкий скот²⁹³.

Из трудов советских историков, сумевших выдержать испытание временем, следует выделить работу Г.З. Иоффе²⁹⁴, указавшего причины перемены позиции крестьянства Урала и Сибири в 1919 г. Колебания (если не сказать – метания) белой власти – от издания в июле 1918 г. Временным Сибирским правительством закона о возвращении владельцам их имений до отмены этого закона Советом министров А.В. Колчака в апреле 1919 г. – не меняли главного: фактически антибольшевистские правительства оставляли крестьян на положении арендаторов земель, которые жители сел и деревень считали своими²⁹⁵, тем самым подталкивая крестьянство к сопротивлению антибольшевистскому режиму.

В монографии Иоффе содержалось тонкое наблюдение, недооцененное исследователями в 90-е гг. XX – начале XXI в.²⁹⁶, в отношении того, что при активной социальной политике в сфере труда белых правительств на Востоке страны в 1918–1919 гг. (создании министерства труда, лояльном сотрудничестве большинства профсоюзов с органами министерства труда на местах²⁹⁷), определяющим фактором выступал не законотворческий процесс, воссоздававший социальные завоевания Временного правительства, а систематическое невыполнение нормативных документов, регламентирующих трудовые отношения, со стороны

---

²⁹³ Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969. С. 66–67.

²⁹⁴ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.

²⁹⁵ Там же. С. 181, 184.

²⁹⁶ См.: Никонова О.Н. Социально-экономическая политика правительств «демократической контрреволюции» и диктатуры Колчака на Урале (1918–1919). Челябинск, 1996; Коробкин А.А. Отечественная историография «демократической контрреволюции» (лето–осень 1918 г.) в России. Екатеринбург, 2003; Ожиганов А.Л. Отечественная историография колчаковского режима (ноябрь 1918 г. – январь 1920 г.). Екатеринбург, 2003.

²⁹⁷ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 193.

предпринимателей²⁹⁸. Неслучайно, подводя определенный итог деятельности белого Сибирского правительства в 1918–1919 гг., докладная записка Иркутского комиссариата труда отмечала: большинство предпринимателей не выполняют законы о труде; для них характерно пренебрежение охраной труда (законы о женском и детском труде находятся «в полном забвении»); в отношении между «нанимателем и нанимаемыми господствует полнейший произвол»²⁹⁹.

Из работ постсоветского периода, посвященных истории Гражданской войны на Востоке страны, следует отметить статью А.В. Иванова «Воля случая или историческая закономерность? Размышления о причинах поражения белого движения в Гражданской войне»³⁰⁰, сделавшего попытку систематизировать причины поражения белых войск на Урале и в Сибири. В том порядке, в котором эти причины были названы в статье, их можно распределить следующим образом: *неравенство экономических потенциалов красного и белого лагерей*, поскольку Петроград и ЦПР, давшие в годы Первой мировой войны основную часть военной продукции, постоянно находился под советским контролем³⁰¹; *большая гибкость аграрной политики большевиков, чем политики белых правительств*, так как она в большей степени учитывала сиюминутные интересы крестьянства, решившись на уравнительный передел земли. Хотя советская власть и душила крестьян продразверсткой, но все же вложила в руки крестьян вожделенную землю. Белые же не дали ничего, кроме отмены хлебной монополии, что принесло осязаемую выгоду лишь сравнительно немногочисленному слою наиболее зажиточных крестьян, производивших большое количество товарного хлеба³⁰².

Своеобразная *трудовая повинность была установлена и для городских кустарей* с принудительным трудом при низкой его оплате, что не способствовало росту симпатий к белым властям со стороны средних городских слоев³⁰³.

Одной из весомых причин поражения белых стала *узкая (на протяжении относительно длительного времени) социальная база призыва в армию*. В частности, Постановление совета министров колчаковского правительства от 4 марта 1919 г. предусматривало поголовный призыв в ряды Белой армии мужского городского населения в возрасте от 18 до 35 лет,

---

²⁹⁸ Там же. С. 189–192.

²⁹⁹ Там же. С. 188.

³⁰⁰ Иванов А.В. Воля случая или историческая закономерность? Размышления о причинах поражения белого движения в Гражданской войне // Белая армия. Белое дело. 2003. № 12. С. 5–27.

³⁰¹ Там же. С. 7.

³⁰² Там же. С. 12.

³⁰³ Там же.

имеющего образование в объеме не ниже 4 классов школы³⁰⁴. Мера, практически отсекающая рабочих Урала и Сибири (в своей массе не имевших такого образования³⁰⁵) от воинской повинности.

На отношении казачества к белым негативно сказались проводившиеся в казачьих районах поголовные мобилизации, «выкачивавшие» почти все трудоспособное мужское население. Так, например, в Оренбургском и Уральском казачьих войсках мобилизации подлежали все казаки в возрасте от 17 до 55 лет; были отменены льготы по имущественному и семейному положению, состоянию здоровья. Поголовная мобилизация имела и оборотную сторону. Ее результатом был упадок казачьего хозяйства. В первую очередь удар пришелся по бедным и средним хозяйствам, не имевшим возможности найма рабочей силы. В результате *в среде казачества стал нарастать и усиливаться протест*, вылившийся осенью 1919 г. в отказ основной массы казаков от военных действий на стороне белых³⁰⁶.

В то время как большевики прилагали усилия для привлечения на свою сторону национальных движений, белые правительства сделали все, чтобы их от себя оттолкнуть. *Курс на ограничение автономистских устремлений националистов* наглядно проявился во взаимоотношениях Российского правительства Колчака с валидовцами. Уже через три дня после прихода к власти Верховным правителем была издана директива, в соответствии с которой упразднялись башкирское войсковое управление и штаб Отдельного башкирского корпуса. Все башкирские части включались в русские соединения, а формирование новых национальных частей не допускалось. Это подтолкнуло башкир к поиску компромисса с Советской властью. Их переговоры с делегацией СНК завершились подписанием 8 февраля 1919 г. соглашения, в соответствии с которым башкирское правительство обязалось повернуть оружие против белых и установить на подконтрольной территории советскую форму правления³⁰⁷.

Еще одной причиной поражения стало фактическое *предательство союзников*: после капитуляции Германии и ее союзников командование чехословацкого корпуса заявило, что сражаться за власть Колчака оно не станет и потребовало отвода своих частей в тыл под угрозой немедленного оставления фронта. В середине января 1919 г. корпус был снят с передовых позиций и приступил к охране Сибирской железной дороги. Необоснованными оказались и надежды на всестороннюю по-

---

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ См.: Фельдман М.А. Мир грамоты и образования промышленных рабочих России и СССР (1900–1941 гг.) // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 13–30.

³⁰⁶ Иванов А.В. Указ. соч. С. 12–13.

³⁰⁷ Там же. С. 14.

мощь антигерманской коалиции. Поражение Германии и заключение с ней мира означали исчезновение главного фактора союзнической интервенции. К тому же союзники не хотели сильной единой России. Характерными стали поставки некомплектного оружия и оборудования: английских пушек без прицелов, французских разукomплектованных пулеметов³⁰⁸.

Ноябрьский переворот Колчака в ноябре 1918 г. по замыслу его организаторов должен был спасти Белое движение на Востоке страны от развала и усобиц. Однако результат оказался противоположным планируемому. *Переворот внес еще больший раскол в антисоветский лагерь.* Исход эсеров – наиболее влиятельной социалистической партии – из лагеря антибольшевистского движения имел роковые последствия для белых. Не имея опыта государственного правления, социалисты были слабы в качестве администраторов. Но в качестве политических агитаторов и организаторов они были чрезвычайно сильны³⁰⁹. Между тем, как подчеркивает В.И. Голдин, умеренные социалисты были способны привлечь на сторону антибольшевистского движения значительные слои населения³¹⁰. Следствием этого стало исчезновение, «растворение» социальной базы у тех политических сил, которые пытались найти «третий путь», исключавший крайности как «левого», так и «правого» толка.

Анализ политического поведения промышленных рабочих – социального слоя, от которого во многом зависел исход Гражданской войны в России – не входил в круг задач публикации Иванова. Тем не менее, статья Иванова своим комплексным подходом выгодно отличается от многочисленных работ последних двух десятилетий, затрагивающих, главным образом, отдельные аспекты названной проблематики.

Так монография Д.Г. Симонова «Сибирская белая армия в 1918 г.» обращает внимание на постоянное численное превосходство красных на всем протяжении военных действий в 1918 г. Например, общая численность активных борцов с советской властью весной 1918 г. на территории Урала и Сибири не превышала 20–25 тыс. человек. Это был высокобоевой контингент, состоящий в основном из офицеров и казаков. В рядах Красной армии и Красной гвардии к этому времени насчитывалось около 100 тыс. бойцов³¹¹.

---

³⁰⁸ Там же. С. 14–15.

³⁰⁹ Там же. С. 16–17.

³¹⁰ Голдин В.И. Среди «замазанных» фигур. Белое движение: перспективы исследования // Родина. 2008. № 3. С. 6.

³¹¹ Симонов Д.Г. Сибирская белая армия в 1918 г. Новосибирск, 2010. С. 94.

В период с мая по декабрь 1918 г., в условиях слабой организации воинских формирований красного и белого лагерей, решающим моментом (с точки зрения оперативно-тактической) стало выступление на стороне белых частей чехословацкого корпуса. П.Н. Зырянов – автор наиболее глубоко исследования о деятельности адмирала Колчака и его армии – указывает на то, что среди действующих на Восточном фронте белогвардейских частей на долю войск чехословацкого корпуса (сентябрь 1918 г.) приходилось до 40 % сил антисоветской коалиции³¹². Выход подразделений чехословацкого корпуса из зоны боевых действий, означавший, по сути, предательство интересов белого движения, привел к еще большему численному превосходству красных. Более того, покинув фронт, эшелоны чехов, действуя исключительно в своих интересах, фактически как оккупанты, блокировали, либо, по меньшей мере, затруднили передвижение по Транссибирской железной дороге³¹³.

В целом, даже с учетом того, что Зырянов не ставил специальной задачи объяснения причин поражения Колчака, цепь отдельных фактов приведенных в его монографии, не использовавшихся или использовавшихся крайне редко (двойное превосходство в людских ресурсах территории красных; опора режима Колчака на промышленно неразвитую Сибирь; картина раздора белых и казачьих командиров; масштаб противоборства с эсерами; отказ от милитаризации промышленности (до сентября 1919 г.); нищенское жалование в белой армии при наличии золотого запаса; разрозненность территорий Белого движения; картина эгоистического предательства чехов), свидетельствует о многом.

Промедление с милитаризацией промышленности обернулось для колчаковской армии постоянной нехваткой вооружений и боеприпасов. Разительной картиной стали процессы в экономике Советской России. В 1918 г. большевиками был проведен целый комплекс важнейших мероприятий: осуществлена национализация и мобилизация военной и других отраслей промышленности, централизовано управление ею, взяты на учет квалифицированные кадры, проведена в жизнь милитаризация труда (перевод рабочих и служащих на положение мобилизованных с прикреплением к предприятиям, самовольное оставление которых приравнивалось к дезертирству). На советской территории к сентябрю

---

³¹² К сентябрю 1918 г. на Восточном фронте находились около 70 тыс. красных и 55 тыс. белых бойцов: 20 тыс. – чехословаки; 15 тыс. – Народная армия; 15 тыс. – оренбургские и уральские казаки; 5 тыс. – ижевцы и воткинцы. См.: Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2006. С. 389.

³¹³ Там же. С. 536–537.

1919 г. действовало 59 военных заводов, 330 предприятий обеспечивали интендантское снабжение армии³¹⁴.

В еще одном исследовании, посвященном деятельности Колчака, И.Ф. Плотников, в целом симпатизируя адмиралу, отметил, что кровавая расправа над эсерами и меньшевиками – членами Учредительного собрания осталась пятном на правительстве Колчака и на нем лично, а главное – она внесла глубокий раскол в ряды антибольшевистского фронта на Востоке страны, сузив социальную опору белой власти³¹⁵.

Убедительной представляется и оценка Плотниковым эффективности деятельности аппарата управления колчаковского режима. Правительство Колчака, претендовавшее на роль общероссийского, а затем признанное таковым, увлеклось государственным строительством, формированием штатов министерств, других учреждений без всякой меры. Штаты оказались чрезмерно раздутыми. Многочисленные учреждения заполнили зачастую малоквалифицированные люди. *Громоздкий аппарат становился малоэффективным*³¹⁶. Отмеченная особенность не являлась характерной только для колчаковского режима: неэффективность и коррупция; соперничество военных и политических лидеров были характерны практически для всего государственного аппарата белогвардейской России³¹⁷. Однако неэффективность аппарата управления не дает еще основания для утверждений (например, у английского историка Д. Смита) о том, что корнем многих военных и политических неудач Белого движения в Сибири был сам адмирал Колчак³¹⁸.

Весомой причиной поражения белых стало то, что социальная политика в сфере труда в Советской республике выгодно отличалась от аналогичной в белом лагере. Главный недостаток рабочей политики белых правительств, по обоснованному мнению В.М. Рынкова³¹⁹, состоял в том, что она была направлена на решение проблем второго плана, в то время как первоочередные, связанные со своевременной оплатой труда и снабжением рабочих, никак не регулировались государством³²⁰.

---

³¹⁴ Ганин А.В. «Помнят псы-атаманы, помнят польские паны...». Почему побеждала Красная армия // Родина. 2011. № 2. С. 19.

³¹⁵ Плотников. И.Ф. А.В. Колчак: исследователь, администратор, верховный правитель России. М., 2003. С. 123.

³¹⁶ Там же. С. 128.

³¹⁷ См.: Голдин В.И. Среди «замазанных» фигур. С. 6, 7.

³¹⁸ См.: Новикова Л.Г. Гражданская война в России в современной историографии // Отечественная история. 2005. № 6. С. 144.

³¹⁹ Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на Востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск, 2008.

³²⁰ Там же. С. 98, 112.

За недолгий период правительств «демократической контрреволюции» им удалось разработать и утвердить примерно одинаковый пакет законов и законопроектов об охране труда: о 8-часовом рабочем дне, о найме и увольнении рабочих, о страховании на случай болезни и производственной травмы, о примирительных камерах и биржах труда и др. Часть законодательных актов была взята за основу при подготовке постановлений колчаковского правительства и вступила в силу уже в период военной диктатуры³²¹.

При реализации принятых документов, правительствам «демократической контрреволюции», а с конца ноября 1918 г. – и Колчака, приходилось учитывать позицию предпринимательских слоев. С учетом того, что съезд предпринимателей-владельцев торговых и промышленных предприятий Урала и Сибири (июль 1918 г.) и Уральский торгово-промышленный съезд (октябрь 1918 г.) высказались *против* использования социальной практики Временного правительства³²², создавался глубокий зазор между действием законов «на бумаге» и в реальной жизни.

Знаменательно, что уже в июле 1918 г. в резолюции по организации общегосударственной власти съезд предпринимателей-владельцев торговых и промышленных предприятий Урала и Сибири решительно высказался за «твердый государственный порядок» и управление в форме *диктатуры*³²³. Такое ***расхождение законодательных правительственных актов и позиции буржуазии*** создавало дополнительное напряжение в сфере трудовых отношений. Поскольку позиция предпринимателей воплощалась в практические действия вполне определенной направленности, как до колчаковского переворота³²⁴, так и в период правления Колчака³²⁵, подобные шаги усиливали нестабильность антибольшевистской власти, обуславливая скоротечность существования не только правительств «демократической контрреволюции», но и Белого движения на Востоке страны в целом.

В научной литературе отражены два показательных выступления министра труда колчаковского правительства Л.И. Шумилова. Выступая в конце ноября 1918 г. на Чрезвычайном государственном экономическом совещании, созванном по поручению Колчака, министр

---

³²¹ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика правительств «демократической контрреволюции»... С. 16.

³²² Танияев А.П. Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.). Свердловск, 1930. С. 20, 43–44.

³²³ Там же. С. 20.

³²⁴ См.: Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 188.

³²⁵ Весной 1919 г. исполком Совета профсоюзов Сибири сообщал в министерство труда о бесчинствах, насилии и преследовании в отношении профсоюзов и их руководителей на местах. Губернские, областные и уездные инспекторы труда оказывались бессильными // Там же. С. 193.

обратил внимание на «негативное отношение в обществе к рабочим, как к врагам государственности и демократии»³²⁶, подразумевая под термином «общество», прежде всего, предпринимательские круги и офицерство. Спустя практически год, осенью 1919 г., Шумиловский в докладной записке премьеру правительства признал «полный крах рабочей политики», а существование своего министерства в госаппарате сравнил с положением «инородного тела»³²⁷. Даже с учетом эмоционального влияния тяжелых поражений армии Колчака на Восточном фронте на автора докладной записки, приведенный документ свидетельствует: самое прогрессивное социальное законодательство может мало что значить в реальной жизни.

По верному наблюдению О.Ю. Никоновой, курс военной диктатуры Колчака в области промышленного производства формировался правительством в условиях ожесточенной дискуссии двух групп буржуазии, где одна продолжала защищать идею государственного регулирования, а другая настаивала на принципах свободного рынка³²⁸. По мнению Никоновой, несмотря на то, что победа осталась за «рыночниками», денационализацию промышленности так и не удалось провести в полном объеме³²⁹. Приведенный выше материал позволяет скорректировать такой вывод применительно к сфере труда: если в сфере законодательной политики белых правительств налицо было торжество государственного регулирования, то в реальности социальную практику в рабочей среде определяли действия «рыночников»-предпринимателей, игнорировавших законы о труде.

Гражданская война наложила свою специфику на указанное противоречие. Сколько ни значимы были переход значительной части рабочих на сдельную оплату труда (в уральском регионе такой переход реально произошел с осени 1918 г.); действие механизмов индексации заработной платы; восстановление института больничных касс; толерантность профсоюзов и гибкость поведения промышленников; другие меры социальной политики, позволившие отдельным группам рабочих, «несмотря на тяжелейшие условия жизни, оставаться твердой опорой режиму»³³⁰, в условиях войны это были действительно «проблемы второго плана». Поскольку инфляция «пожирала» ставки социальных

---

³²⁶ Дмитриев Н.И. Чрезвычайное экономическое совещание: как это было // Белая армия. Белое дело. 1996. № 1. С. 86.

³²⁷ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 188, 194.

³²⁸ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика колчаковщины глазами современных исследователей // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. 1994. № 1. С. 95.

³²⁹ Там же. С.95.

³³⁰ Рынков В.М. Указ. соч. С. 164–173, 211–215.

трансфертов намного быстрее, чем они индексировались³³¹, на первый план выходила система натурального снабжения работников по найму. Качество социальной политики правительства Колчака существенно ухудшила и непродуманная денежная реформа – устранение «керенок» достоинством в 20 и 40 рублей: Сибирь была наводнена «керенками» из Советской России, где их печатали произвольно³³².

В целом, можно отметить, что оценка социальной политики в сфере труда в белом лагере в последние два десятилетия стала более взвешенной. Тезис об однозначном ухудшении положения рабочих, доминировавший в советской историографии, по крайней мере, до выхода новаторской для того времени монографии Иоффе «Колчаковская авантюра и ее крах» в 1983 г.³³³, сменился на признание демократичности содержания рассматриваемых *правовых документов*. Однако это не противоречит утверждению В.Д. Камынина о том, что «современные историки весьма негативно оценивают реальные достижения социальной политики и правительств “демократической контрреволюции” и диктатуры Колчака»³³⁴.

Там, где лидеры белого лагеря (особенно, правительства «демократической контрреволюции») делали ставку на соблюдение законодательства о труде и – важного для мирного времени – повышения денежной части оплаты труда, на биржи труда, основная функция которых сводилась к учету непрерывно возраставшего числа безработных и содействию в найме рабочей силы³³⁵, советские структуры власти занимались централизованным распределением продовольствия и производственной одежды³³⁶, без сомнения, на основе невиданной в истории первых десятилетий XX в. конфискации. Именно «очевидное недопонимание белыми значения натурального снабжения отдельных групп рабочих и служащих» в условиях дефицитной экономики привело к тому, что государственные чиновники не считали продовольственное обеспечение занятых на предприятиях первостепенной задачей. Результатом такой политики стал не только срыв планов подвоза продовольствия на уральские заводы³³⁷, но и поддержка большинством рабочих той

---

³³¹ Там же. С. 220.

³³² Дмитриев Н.И. Указ. соч. С. 78.

³³³ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика колчаковщины глазами современных исследователей. С. 91–92.

³³⁴ Камынин В.Д. Альтернативы гражданской войны в отечественной историографии // Урал в событиях 1917–1921 гг.: актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 8.

³³⁵ См.: Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 190.

³³⁶ См.: Шиловцев А.В. Социальная политика советской власти на Урале в годы Гражданской войны. Екатеринбург, 1994.

³³⁷ Рынков В.М. Указ. соч. С. 174, 175.

власти, которая смогла решить указанную проблему, не считаясь с социальной ценой и чудовищными «издержками».

В документах Белого движения зафиксирована и негативная реакция рабочих Урала и Сибири (поверивших за время пребывания у власти большевиков, что только рабочие есть основа жизни и им одним должна принадлежать власть) на идею (даже нереализованную) денационализации промышленных предприятий³³⁸. Как видно, реформистские сдвиги в трудовом законодательстве в годы войны ценятся и принимаются населением только в тесной связи с величиной продовольственного пайка.

Все названные причины поражения Белого движения анализировались на примере Восточных районов России, однако, сравнение с работами, посвященными событиям на Севере³³⁹, Северо-Западе³⁴⁰ и Юге России³⁴¹, в целом истории белой государственности как в отечественной историографии³⁴², так и в зарубежной³⁴³ – позволяет говорить об универсальности названных факторов. Территориальная разобщенность Белого движения, отсутствие единой военной стратегии и четкого взаимодействия белых армий, наряду с неспособностью белых правительств решить аграрно-крестьянский вопрос и обеспечить поддержку сельской России рассматриваются как стратегические причины краха белогвардейцев в Гражданской войне³⁴⁴.

Общепринятым стало признание важнейшим преимуществом Советской России опоры на промышленно и культурно развитый густонаселенный центр страны; густую сеть железных дорог. За спиной у белых была слаборазвитая сеть железных дорог (особенно на Севере и Востоке), упиравшаяся в море. Большевики получили в свое распоряжение фактически все органы высшего управления старой армии, что позволило опираться на готовый аппарат³⁴⁵. Аналогичные меры были предприняты и в экономике: не фабзавкомы, а органы управления, созданные в годы Первой мировой войны в центре и на местах, составили основу

---

³³⁸ См.: Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика правительств «демократической контрреволюции»... С. 155.

³³⁹ См.: Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920 гг. М., 1993; Его же. Россия в Гражданской войне: очерки новейшей историографии (вторая половина 1980–90-е годы. Архангельск, 2000.

³⁴⁰ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. 1918–1920 гг. СПб., 1999.

³⁴¹ Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на Юге страны (1917–1920 гг.). М., 2003.

³⁴² Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М., 2004.

³⁴³ См.: Новикова Л.Г. Гражданская война в России в современной историографии // Отечественная история. 2005. № 6. С.142–158.

³⁴⁴ См., напр.: Голдин В.И. Среди «замазанных» фигур... С. 6.

³⁴⁵ См.: Ганин А.В. Указ. соч. С. 18.

ВСНХ и совнархозов³⁴⁶. В одном и том же тексте историк советского времени, произнеся ритуальные слова «в промышленных центрах профсоюзы и фабзавкомы принимали *решающее* участие в создании местных губернских и уездных совнархозов»³⁴⁷, указывал (на примере Урала), что Заводское совещание Уральского района в октябре 1917 г. было реорганизовано и превращено в экономический отдел окружного Совета рабочих и солдатских депутатов³⁴⁸.

Наконец, фактически за полгода активных военных действий (с мая по ноябрь 1918 г.) в Советской республике была создана централизованная система единого военного, политического и экономического руководства, возглавляемая Советом Рабочей и Крестьянской обороны³⁴⁹.

Среди слабоизученных причин поражения белых следует назвать принципиально разный *масштаб поддержки рабочими* советского режима и антисоветских правительств. Даже там, как например, в Ижевско-Воткинском районе, где рабочие с оружием в руках поддержали Белое движение, отношение белого командования к рабочим антисоветским формированиям было, в конечном итоге, достаточно прохладным³⁵⁰. Советские лидеры же сделали очевидную ставку на укрепление социальной базы своего режима за счет «орбочивания» правящей партии, сумев нарастить рабочую прослойку в ней за 1918–1920 гг., с 65,4 до 240 тыс. человек; смогли увеличить долю рабочих до 30–50 % среди управленческого корпуса ответственных работников, депутатов Советов всех уровней, руководителей в промышленности³⁵¹. Рабочие не являлись большинством аппаратных работников, как это утверждала советская литература, но были существенной его частью. Рабочие, в силу общей малограмотности, без сомнения, не усиливали состав управленцев, но укрепляли психологическую уверенность, по крайней мере, части своих собратьев по классу в том, что советская власть – «своя».

Характерны данные об участии рабочих в составе Красной и Белой армии. По приблизительным подсчетам, в Красную армию в 1918–1920 гг.

---

³⁴⁶ См.: Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности (очерки истории ВСНХ. 1917–1932 гг.). С. 74, 77–79.

³⁴⁷ Баевский Д.А. Роль совнархозов и профсоюзов в организации социалистического промышленного производства в 1917–1920 гг. С. 7.

³⁴⁸ Там же. С. 4.

³⁴⁹ См. подр.: Голдин В.И. Паутина из легенд: Красная армия Гражданской войны: историографические размышления // Родина. 2011. № 2. С. 2–11.

³⁵⁰ См., напр.: Каревский А.А. К истории антибольшевистского восстания в Ижевске и Воткинске: вооруженные формирования Прикамья летом–осенью 1918 г. // Ижевско-Воткинское восстание. / Под ред. В.Ж. Цветкова. М., 2000. С. 5–12.

³⁵¹ Гимпельсон Е.Г. Рабочий класс в управлении Советским государством (ноябрь 1917–1920 гг.). М., 1982. С. 90, 92, 287, 289.

было направлено около 940 тыс. рабочих, из них половина промышленных (т.е. 470 тыс. человек). Согласно переписи 1920 г. в Красной Армии было 14, 9 % рабочих (и 77, 7 % крестьян). При этом в войсках на фронте доля рабочих в Красной Армии достигала 16–21 %, а среди курсантов военно-учебных заведений 42 %³⁵². Сам факт участия примерно 13 % рабочих промышленности (1917 г.) в боевых действиях на стороне красных говорит о способности большевиков налаживать связи с пролетарскими слоями населения.

При весьма высокой степени допущения (в силу специфичности источника), интерес представляет социальный анализ анкет белых эмигрантов (1922 г.), проведенный в 1996 г. Ю.Н. Цыпкиным. Из числа бывших военнослужащих белой армии рабочих насчитывалось 7 %, крестьян – 45 %, казаков – 19 %; на мещан, купцов, лиц духовного звания приходилось 17 %, на дворян – 2 %³⁵³. Как видно, на самые многочисленные социальные слои (крестьяне, рабочие) в армии красных приходилось почти 83 %, у белых – 52 %.

Подведем итог. За последние два десятилетия историками сделан существенный шаг вперед в познании истории Белого движения, включая комплекс причин поражения антибольшевистских сил. Уточнены и получили объективную оценку: качество состава и вооружений белой армии; степень эффективности социальной политики в сфере труда; проанализированы причины, приведшие к узости социальной базы белых. В меньшей степени этот вывод может быть отнесен к анализу реальной поддержки белого и красного лагерей со стороны рабочих. До сих пор нет ответа на вопрос, что из себя представляло вхождение рабочих в советские госструктуры: чисто формальный акт, или нечто другое? Можно ли говорить о формировании к 1921 г. социального слоя рабочих, прочно связавшего свою судьбу с советским режимом? Многие мог бы дать конкретный анализ судеб рабочих, ставших управленцами.

Сама незавершенность формирования буржуазного общества в России требует оперирования инструментарием сословного общества и только в меньшей степени – классового. В этом случае, причины и содержание Гражданской войны предстанут, как связанные с борьбой представителей сословий за сохранение правовых и имущественных привилегий. Однако представители привелигированных сословий составляли в России заведомое меньшинство. Идея ликвидации сословных прав (в различных социалистических и квазисоциалистических вариантах) активно использовалась леворадикалами и находила широкую социальную поддержку. В этом плане, реализуя задачи буржуазной революции, Гражданская война в России,

---

³⁵² Там же. С. 220–222.

³⁵³ Цыпкин Ю.Н. Белое движение в Сибири: люди, идеи, реальность // Белая армия, Белое дело. 1996. № 1. С. 45.

«проскакивая» возможные цивилизационные варианты развития (включая и возможность длительного периода эволюционного сближения правового статуса сословий), привела страну к военному режиму, но, в отличие от Наполеоновского государства, острей агрессии советского строя было направлено против собственного народа.

Институт, способный сохранить сословный строй – монархическое государство – оказался скомпрометированным за годы мировой войны и рухнул в феврале 1917 г., не получив какой-либо массовой поддержки. Помимо этого, весомой причиной поражения антибольшевистского движения стало то, что, целенаправленно обращаясь за поддержкой к дворянству, купечеству, казачеству, духовенству, лидеры белых игнорировали факторы, заметные, скорее политикам и ученым, чем генералам и адмиралам, а именно: *раскол и социальную дифференциацию внутри сословий*³⁵⁴. Россия оставалась преимущественно аграрной страной, но победа в войне зависела от действенного и эффективного контроля за промышленностью и привлечения на свою сторону индустриальных рабочих, инженерно-технического персонала, предпринимателей. Последнее требовало рассмотрения социальных действий на рынке труда в качестве важнейшего направления государственной политики. Не сумев решить указанную задачу, превратить рабочих России (и Урала в частности) в прочных союзников белого лагеря (напомним, предпосылки к этому в уральском регионе имелись), лидеры антисоветской коалиции на Востоке страны не смогли удержать Урал, важнейший промышленный район России в 1919–1920 гг. Потеря Урала, отсутствие иных индустриальных центров в Сибири и на Дальнем Востоке, означали неизбежное поражение белых войск.

Не менее важным фактором стало неумение и нежелание руководителей Белого движения заручиться поддержкой интеллигенции, что не позволило выработать единую идеологию и стратегию движения, мобилизовать общественное мнение в свою пользу³⁵⁵; привлечь на свою сторону большинство технических специалистов, работников культуры и образования – те слои, без которых немислимы модернизационные процессы, даже в варварской, сверхмилитаризированной форме и фрагментарном исполнении.

Опыт государственной политики уходящего строя (в данном случае, феодального) оказался малоподходящим для формирующегося нового общества. Победа досталась той стороне, которая смогла более полно использовать новейший мировой опыт: практику милитаризации экономики и общества в годы Первой мировой войны. Однако и консервация этого опы-

---

³⁵⁴ Наиболее ярким примером является значительное присутствие дворян в составе управленцев Советской республики, включая командный состав Красной армии.

³⁵⁵ Голдин В.И. Среди «замазанных» фигур... С. 7.

та на долгие десятилетия в конечном итоге обернулось крахом советского государства.

M. A. Feldman

Feldman Mihail Arkadevich – professor of chair of the public and municipal administration of the Ural institute of presidential academy, the doctor of historical sciences, professor.

**REASONS OF DEFEAT OF WHITE MOVEMENT
IN CIVIL WAR IN THE URALS
IN THE CONTEXT OF RELATIONSHIP OF THE POWER AND
WORKERS
(historiography problems)**

It is difficult to find the historian who was going in for history of Civil war who wouldn't address to a problem of the reasons of defeat of White movement. Regularity of defeat of White movement in the Soviet historiography didn't raise doubts and followed from "historically more progressive system", arisen in October, 1917. Thus regional specifics most often served only as a background of manifestations of the all-Russian tendencies. Experience of a state policy of a leaving system (in this case, feudal) was low-suitable for being formed new society. Victory got to that party which could make use of the latest world experience more fully: to the practician of militarization of economy and society in the years of World War I. However and preservation of this experience for long decades finally turned back crash of the Soviet state.

Key words: civil war, White movement, state policy, World War I

---

4. Международные отношения в эпоху мировых войн: вопросы истории и историографии

И.В. Грибан

ТЕМА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1939–1941 гг. В ИСТОРИОГРАФИИ ГДР

7 октября 1949 г. в ответ на создание на территории трех западных оккупационных зон ФРГ, в советской зоне состоялось провозглашение Германской Демократической Республики. Раскол Германии, ставший символом Холодной войны, предопределил развитие исторической науки ГДР на всем протяжении ее существования. Новое социалистическое государство нуждалось в обосновании своей легитимности. Ключевой идеей для формирования национальной идентичности в Восточной Германии стали признание вины милитаристских и империалистских кругов перед мировым сообществом и отстранение от нацистского прошлого. После крушения социализма восточногерманские историки оказались перед выбором: либо обрести новую идентичность в условиях ФРГ, либо исчезнуть с интеллектуальной карты современной Германии. Вместе с тем, стоит отметить, что восточногерманская историографическая традиция, после коллапса начала 1990-х гг. претерпев серьезные изменения, все же оставила свой след в культурно-историческом облике современной Германии. Так, «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*» стал одним из ведущих исторических журналов ФРГ. В первой половине 1990-х гг. появилось значительное количество объединений, в которых представители бывшей исторической науки ГДР продолжили заниматься научной и учебной работой, что позволяет современным исследователям говорить об «альтернативной исторической культуре ФРГ» или о «второй немецкой научной культуре».

Ключевые слова: историография, ГДР, советско-германские отношения, Холодная война

7 октября 1949 г. в ответ на создание на территории трех западных оккупационных зон ФРГ, в советской зоне состоялось провозглашение Германской Демократической Республики. Раскол Германии, ставший символом Холодной войны, предопределил развитие исторической науки ГДР на всем протяжении ее существования. Новое социалистическое государство нуждалось в обосновании своей легитимности.

Ключевой идеей для формирования национальной идентичности в Восточной Германии стали признание вины милитаристских и империалистских кругов перед мировым сообществом и отстранение от нацистского прошлого. Германская Демократическая Республика была провозглашена оплотом «строительства общего будущего для всей Европы»³⁵⁶. Позиционирование молодого социалистического государства основывалось на противопоставлении ФРГ, ставшей «пристанищем неонацизма, возрождающегося милитаризма и империализма» в послевоенной Европе³⁵⁷. Идеологической основой нового государства и центральным моментом самосознания населения ГДР стал антифашизм³⁵⁸.

Изучение предыстории Второй мировой войны и советско-германских отношений 1939–1941 гг. в ГДР было подвержено влиянию историков СССР и контролировалось со стороны Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Если во второй половине 1940-х гг. восточногерманские историки были открыты для дискуссии, то в начале 1950-х гг. их деятельность в целом и «Журнала исторической науки» («*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*») – центрального печатного органа историков Восточной Германии – в частности, оказались под несусыпным партийным контролем³⁵⁹.

---

³⁵⁶ Максимычев И. Немцы и 9 мая 1945 года // Материалы российско-германской конференции «Победа, освобождение или поражение? 9 мая 1945 года в судьбах русских и немцев». Москва, 21 апреля 2005 г. // Фонд Розы Люксембург. URL: <http://www.rosalux.ru/main/modules/sections/index.php?op=viewarticle&artid=16&page=2> (дата обращения: 01.05.2012).

³⁵⁷ Подробнее о ГДР в немецко-немецком дискурсе см.: Кирчанов М.В. Германская Демократическая Республика: исторические нарративы в дискурсах написания национальной истории // Германия: история и современность. Сборник статей памяти профессора В.А. Артемова. Воронеж, 2006. Часть 2. Германия и мир: образы, взаимоотношения и идентичности. С. 229–239.

³⁵⁸ Интересно в связи с этим мнение одного из самых известных восточногерманских историков, высказанное уже после крушения ГДР: «Это стало привычным, критиковать антифашизм ГДР. И для такой критики есть основания. Антифашистский нимб, которым украшала себя официальная ГДР, нуждалась в существенной корректуре. Но при всем этом, я убежден, что значимым компонентом всей основы советской оккупационной зоны и затем ГДР являлся честный, сильный антифашистский пыл. И он был предписан не Политбюро, а горьким опытом собственной жизни людей, к которым относился и я» (Klein F. Rückblick auf die ZfG – Geschichtspolitik in der DDR // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* (далее – ZfG). 2003. Н. 1. S. 262).

³⁵⁹ Ф. Кляйн приводит в своих воспоминаниях один любопытный эпизод: в 1953 г. готовился к выходу первый выпуск журнала „*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*“. Номер был уже напечатан, когда пришло известие о смерти И. Сталина. Ведущий печатный орган исторической науки ГДР не мог не отреагировать на это событие. «С быстротой молнии» был распечатан четырехстраничный разворот на глянцевого бумажке с портретом Сталина на первой странице, сообщением ЦК КПСС, Совета министров и президиума Верховного Совета СССР и соболезнованиями президента ГДР В. Пика на следующих страницах. Этот разворот был вручную подклеен во все экземпляры журнала.

В целом концепция событий 1939–1941 гг. в восточногерманской историографии оформилась к началу 1950-х гг. и практически не отличалась от официальной советской версии событий. Ключевыми тезисами этой концепции были следующие: мировой империализм во главе с Францией и Великобританией стремился стравить фашистскую Германию и миролюбивое Советское государство, в результате чего в 1939 г. мир оказался перед прямой угрозой новой мировой войны; СССР пытался сохранить мир и инициировал англо-франко-советские переговоры, которые потерпели неудачу из-за приверженности англичан и французов «мюнхенской политике», Советский Союз вынужден был принять предложение Германии о заключении договора о ненападении, который был мудрым и единственно верным шагом³⁶⁰.

XX съезд КПСС и разоблачение культа личности И. Сталина побудили восточногерманских исследователей вновь обратиться к предыстории Второй мировой войны. Эта тема нашла отражение в исследованиях таких историков, как В. Баслер, А. Шрайнер, Г. Фёрстер, Г. Шниттер³⁶¹. Интересно, что в ГДР внешняя политика Советского Союза конца 1930-х гг. в итоге подверглась еще менее значительной переоценке, чем в СССР. Советские историки попытались возложить всю ответственность за события 1939–1941 гг. на Сталина и объяснить его просчетами трагичное начало Великой Отечественной войны. В этой связи восточногерманский исследователь Баслер в 1957 г. отмечал: «В последнее время возникли сомнения относительно оценки советской внешней политики перед Второй мировой войной, после того как на XX съезде КПСС речь шла о серьезных ошибках во внешней политике Советского Союза. Я считаю, что, несмотря на сказанное, нет оснований подвергать ревизии наше мнение о внешней политике СССР»³⁶².

Баслер подробно изучил ход англо-франко-советских переговоров августа 1939 г. и сделал традиционный для советской и восточногерманской историографии вывод: «Британо-франко-советские военные переговоры состоялись по инициативе СССР, но правительства Франции и, прежде всего, Британии, предпочли компромисс западных держав с гитлеровской Германией правильному и эффективному союзу с СССР»³⁶³. Баслер отмечал, что «...главная цель Великобритании со-

---

³⁶⁰ Zentren historiographischer Forschung in der UdSSR. Zur Bedeutung der sowjetischen Historiographie für die Erforschung der Geschichte und der Geschichtsschreibung der DDR und Westdeutschlands // ZfG. 1967. H.3. S. 478–485.

³⁶¹ Basler W. Die britisch-französisch-sowjetischen Militärbesprechungen im August 1939 // ZfG. 1957. H. 1. S. 18–56; Schreiner A. Zur Vorgeschichte des Zweiten Weltkrieges und zur Frage des „Dranges nach Osten“ // ZfG. 1957. H.1. S. 57–60; Der Barbarossaplan in Politik und Kriegführung Hitlerdeutschlands 1940/41 // ZfG. 1959. H. 3. S. 529–552; usw.

³⁶² Basler W. Op. cit. S. 18.

³⁶³ Ebenda. S. 21.

стояла не только в том, чтобы затягивать переговоры, но и в том, чтобы прийти в конечном счете к такому соглашению, которое бы ни при каких обстоятельствах ни к чему не обязывало бы Великобританию»³⁶⁴. С Баслером был солидарен Шрайнер, занимавшийся дипломатическими аспектами предыстории Второй мировой войны и подчеркивающий, что позиция Франции практически не отличалась от позиции Великобритании: «Хотя французское правительство из-за оправданного страха перед немецкой агрессией в ряде вопросов демонстрировало стремление к заключению трехстороннего пакта, в ключевых вопросах (стратегии войны против агрессора, международного положения СССР и др.) имело такую же позицию, как и Великобритания, и подчинялось британской политике»³⁶⁵.

В таких условиях СССР был вынужден пойти на сближение с Германией, инициатива которого, согласно концепции восточногерманских историков, исходила от немецких дипломатов: «Было бессмысленно продолжать с Англией и Францией переговоры, которые все равно не могли привести к эффективному сотрудничеству. Только 17 августа, когда стало очевидно, что по всем основным пунктам англо-франко-советские переговоры зашли в тупик, советское правительство *пошло на уступки* немецким дипломатам и заявило о готовности заключить договор между Германией и СССР»³⁶⁶. Шрайнер отмечал, что «даже в этот момент СССР еще не терял надежды на подписание англо-франко-советского договора»³⁶⁷.

В вопросе об *оценке* советско-германского пакта о ненападении историки ГДР также были единодушны: «Пакт с Германией был единственно верным и вынужденным шагом: не причиной, а следствием провала тройственных переговоров»³⁶⁸. Правильность этого внешнеполитического шага показало время: «Договор обеспечил СССР мир более, чем на 1,5 года, и позволил подготовиться к будущей войне»³⁶⁹.

Советско-германский договор «О дружбе и границе», равно как и секретные договоренности СССР и Германии, в трудах восточногерманских историков не упоминались. Зато большое внимание исследователями уделялось подготовке Германией плана «Барбаросса». Они отмечали, что пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. вовсе не означал для Гитлера отказа от антисоветской политики: «Непосредственное технико-военное планирование агрессии против СССР немецкий Генштаб

---

³⁶⁴ Ebenda. S. 22.

³⁶⁵ Schreiner A. Op. cit. S. 58.

³⁶⁶ Basler W. Op. cit. S. 30.

³⁶⁷ Schreiner A. Op. cit. S. 59.

³⁶⁸ Der Barbarossaplan in Politik und Kriegführung Hitlerdeutschlands 1940/41. S. 531.

³⁶⁹ Ebenda. S. 532.

начал уже летом 1940 г., когда Франция была побеждена, большая часть Европы была завоёвана и разграблена фашистами, когда гитлеровская армия получила относительную стратегическую и оперативную свободу на континенте, а промышленность почти всей Европы обслуживала потребности немецкого милитаризма»³⁷⁰. В этом контексте вскользь упоминалось о визите В. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. и подчеркивалось, что он не мог принести положительного результата, поскольку к этому времени было уже принято окончательное решение о войне против Советского Союза³⁷¹. Подробно анализировались этапы обсуждения плана «Барбаросса», но не затрагивался вопрос о причинах внезапности нападения Германии на СССР.

Стоит отметить, что как реакция на события в СССР в 1956 г. на страницах журнала «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*» возникла дискуссия о партийности и объективности в исторической науке. Дискуссию начал видный немецкий историк Юрген Кучинский, заявив, что «партийность истории в ГДР должна означать ее объективность, приближенность к реальности. Партийность историков должна выражаться не в стремлении следовать постановлениям СЕПГ или интересам идеологии рабочего класса, а интересам объективности»³⁷². Эти «крамольные» идеи вскоре подверглись детальной критике со стороны таких исследователей, как И. Хёппнер и В. Бертольд³⁷³.

Для координации исторических исследований в 1957 г. была создана комиссия историков СССР и ГДР, которая функционировала до 1989 г. Её деятельность была крайне идеологизирована. Некоторые советские ученые (П.А. Жилин, Д. Мельников, Е.А. Болтин) регулярно публиковали в «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*» свои статьи, посвященные истории Второй мировой войны и задававшие общий тон исследованиям³⁷⁴. Одним из приоритетных направлений историографии

---

³⁷⁰ Ebenda. S. 534.

³⁷¹ Ebenda. S. 538.

³⁷² Kuczynski J. Parteilichkeit und Objektivität in Geschichte und Geschichtsschreibung // *ZfG*. 1956. H. 5. S. 873–888. Интересно, что на некоторых русскоязычных сайтах упоминается об активном сотрудничестве Ю. Кучинского с советской разведкой под псевдонимами «Каро» и «Пит». Подтверждений этих сведений в немецкоязычных источниках выявить пока не удалось.

³⁷³ Höppner I. Zur Kritik der Geschichtsauffassung von Jurgen Kuczynski in den Fragen des Klassenkampfes und der Parteilichkeit // *ZfG*. 1958. H. 3. S. 562–577; Berthold W. Bemerkungen zu den von J. Kuczynski und anderen Historikern aufgeworfenen Problemen des Geschichtstschens // *ZfG*. 1958. H. 2. S. 304–310.

³⁷⁴ См., например: Shilin P.A. Die Rolle der Sowjetunion im Zweiten Weltkrieg in der bürgerlichen Geschichtsschreibung // *ZfG*. H. 1. S. 100–115; Melnikow D. Die Ursachen für die Niederlage Hitlerdeutschlands im Zweiten Weltkrieg in der westdeutschen Geschichtsliteratur // *ZfG*. 1958. H. 1. S. 116–133; Ders. Die welthistorische Bilanz des Sieges der freiheitsliebenden Völker über den deutschen Imperialismus im Zweiten Weltkrieg // *ZfG*. 1960. H. 3. S. 501–530;

ГДР и ведущей темой главного исторического журнала страны стала борьба с «буржуазными фальсификаторами истории», в том числе и по вопросу о советско-германских отношениях 1939–1941 гг.³⁷⁵ Противостояние историков двух немецких государств было обоюдным. Ф. Кляйн отмечал, что публикации западногерманских историков были зеркальным отражением трудов историков ГДР³⁷⁶. Так, один из историков ФРГ Р. Виттрам на страницах «Исторического журнала» (ведущее историческое периодическое издание ФРГ) заявил, что даже сам разговор с историками-марксистами немислим³⁷⁷.

На рубеже 1950-х – 1960-х гг. изучение советско-германских отношений 1939–1941 гг. было продолжено К.-Д. Хофтом, Х. Гёпфертом, Р. Кзоллеком, Д. Айхольцем, Г. Хассом и др.³⁷⁸ В целом к середине 1960-х гг. труды историков ГДР, посвященные советско-германским отношениям 1939–1941 гг., были практически идентичны исследованиям советских ученых. Сблизились и оценки роли Сталина во внешней политике СССР конца 1930-х гг. Так, Гёпферт, анализируя начальный этап Великой Отечественной войны, отмечал: «Временные преимущества вермахта перед Красной Армией в 1941 г. были обусловлены внезапностью нападения. Подготовка Красной Армии в начале войны позволила бы успешно противостоять нападению, если бы не ряд субъективных факторов: неверные оценки военно-политического положения

Boltin E.A. Über den Stand und einige Probleme der Erforschung der Geschichte des Zweiten Weltkrieges in der Sowjetunion // ZfG. 1958. H. 5. S. 990–998.

³⁷⁵ Korfes O. Die westdeutsche Geschichtsschreibung zur militärischen Planung und politischen Wirkung der Schlacht um Stalingrad // ZfG. 1958. H. 3. S. 496–507; Stern L. Der deutsche Revanchismus nach dem Zweiten Weltkrieg und die bürgerliche Geschichtsschreibung // ZfG. 1960. H. 3. S. 557–582; Ders. Die Haupttendenzen der reaktionären Geschichtsschreibung über den Zweiten Weltkrieg // ZfG. 1958. H. 1. S. 66–99; Hass G. Zur Methode der Polemik gegen Shirers „Aufstieg und Fall des Dritten Reiches“ von Seiten der offiziellen westdeutschen Geschichtsschreibung und Publizistik // ZfG. 1962. H. 7. S. 1626–1642; Über unsere Stellung zu den westdeutschen bürgerlichen Historikern // ZfG. 1958. H. 4. S. 870–873 usw.

³⁷⁶ Klein F. Rückblick auf die ZfG – Geschichtspolitik in der DDR. S. 263.

³⁷⁷ Райнхард Виттрам (Reinhard Wittram, 1902–1973) – историк ФРГ, происходил из немецко-балтийской семьи. Образование получил в университетах Риги, Йены и Тюбингена. В 1941 г. вступил в НСДАП. До 1945 г. его публикации были подчинены «духу национал-социализма». После поражения Германии в войне он постепенно дистанцировался от нацистского прошлого, называя свое поведение в период господства нацизма «Ошибочным путем консерватора». В послевоенных публикациях он ставит вопрос о персональной ответственности за прошлое. Тем, что он поднимал вопрос и о личной ответственности, Виттрам отличается от многих западногерманских историков, которые предпочитали молчать о своей поддержке нацистского режима.

³⁷⁸ Wissenschaftliche Tagung der deutsch-sowjetischen Historikerkommission über die Rolle des deutschen Imperialismus im Zweiten Weltkrieg // ZfG. 1959. H. 1. S. 147–150; Wissenschaftliche Konferenz zum Jahrestag des faschistischen Überfalls auf die Sowjetunion // ZfG. 1966. H. 7. S. 960–964.

И.В. Сталиным и его ближайшим окружением, деятельность клики Берии и расчёты военных»³⁷⁹.

Как и в СССР, в историографии советско-германских отношений 1939–1941 гг. приоритетными были военно-политические и экономические аспекты: Хофт изучал аграрную политику фашизма как средство подготовки Второй мировой войны³⁸⁰, Кзоллек, Хасс и Айхольц – роль германских монополистов и генералитета в подготовке нападения на СССР³⁸¹.

Г. Линдер детально изучил роль Франции в развязывании Второй мировой войны. Внешняя политика Франции, которая после Мюнхенского соглашения пошла на подписание германо-французской декларации 1938 г.³⁸², оценивалась критически: «В основе сотрудничества господствующих классов в обоих государствах лежал, наряду с антисоветизмом, страх перед революционным движением... Под лозунгом „Лучше Гитлер, чем Народный Фронт“ французские империалисты готовы были не колеблясь променять государственный суверенитет на спасение своего государства»³⁸³. Когда в начале 1939 г. стало очевидно, что Гитлер готовится скорее к нападению на Западе, чем на Востоке, французское правительство всеми силами попыталось предотвратить это: «Для того, чтобы успокоить французское население и мировую общественность, французское правительство предприняло попытку переговоров с правительством СССР, сохраняя при этом тесные контакты с Берлином. Французские политики надеялись при помощи этих переговоров оказать на свой страх и риск давление на немецкое правительство и побудить его к созданию единого антисоветского фронта»³⁸⁴. Мюнхенское соглашение как одна из главных ошибок англо-французской политики стало «прологом к военной катастрофе, которая охватила в 1939 г. весь мир»³⁸⁵.

На рубеже 1950-х – 1960-х гг. конституирование социалистической немецкой исторической науки завершилось: «Были созданы пред-

---

³⁷⁹ Göpfert H. Die militärische Vorbereitung des faschistischen Überfalls auf die Sowjetunion // ZfG. 1966. Н. 7. S. 1092–1116.

³⁸⁰ Hoefl K.-D. Die Agrarpolitik des deutschen Faschismus als Mittel zur Vorbereitung des Zweiten Weltkrieges // ZfG. 1959. Н. 6. S. 1205–1230.

³⁸¹ Czollek R., Eichholz D. Die deutschen Monopole und der 22. Juni 1941. Dokumente zu Kriegszielen und Kriegsplanung führender Konzerne beim Überfall auf die Sowjetunion // ZfG. 1967. Н. 1. S. 61–76; Eichholz D., Hass G. Zu den Ursachen des Zweiten Weltkrieges und der Kriegszielen des deutschen Imperialismus // ZfG. 1967. Н. 7. S. 1148–1170.

³⁸² Декларация провозглашала, что правительства Франции и Германии обязуются приложить все усилия для развития мирных, добрососедских отношений между их странами.

³⁸³ Linder H. Die Deutsch-Französische Erklärung vom 6. Dezember 1938. Zur diplomatischen Vorgeschichte des zweiten Weltkrieges // ZfG. 1968. Н. 3. S. 885–893.

³⁸⁴ Ebenda. S. 893.

³⁸⁵ Zum 30. Jahrestag des Münchener Verrats. Aufruf der Kommission der Historiker der UdSSR und der DDR an die Historiker aller Länder // ZfG. 1968. Н. 5. S. 1411.

посылки для стабильного развития в последующие годы. Четко обозначены границы между идеологическими взглядами историков ГДР и буржуазными учеными, в первую очередь, западногерманскими. Были предприняты попытки доказать существование самостоятельной восточногерманской историографии»³⁸⁶.

В 1970-е гг. в развитии историографии советско-германских отношений 1939–1941 гг. в ГДР сохранялись те же тенденции. Тесным было сотрудничество с советскими историками: регулярно проводились совместные конференции и коллоквиумы, на которых повторялись прежние оценки событий кануна и начального периода Второй мировой войны³⁸⁷.

Несмотря на противостояние с историками ФРГ, ученые ГДР не могли абсолютно дистанцироваться от того, что происходило в соседнем государстве, и вынуждены были периодически реагировать на публикации западногерманских историков (например, на труды Э. Нольте, А. Хильгрубера, Ф. Фабри, А. Росси). В 1970-е – 1980-е гг. в связи с возникновением ревизионистского течения в ФРГ, в Восточной Германии усилилась критика «буржуазной историографии»: ведущие историки ГДР Г. Лоцек, Г. Вальтер, Р. Рихтер, В. Шмидт, К. Петцольд, М. Вайсбекер выступили с критикой западногерманской концепции событий 1939–1941 гг. и, в частности, тезиса о превентивной войне Германии против СССР³⁸⁸.

Таким образом, интерпретация советско-германских отношений 1939–1941 гг. в историографии Германской Демократической Республики с начала 1950-х гг. до середины 1980-х гг. полностью соответствовала версии, сформулированной советскими учеными. Восточногерманские исследователи в ряде случаев были даже консервативнее, чем со-

---

³⁸⁶ Schmidt W. Die Geschichtswissenschaft der DDR in den fünfziger Jahren // ZfG. 1983. Н. 4. S. 291–312.

³⁸⁷ Хюбнер П. Журнал историков Германской демократической республики (Обзор журнала „Zeitschrift für Geschichtswissenschaft“ за 1977–1978 гг.) // НИИ. 1980. № 1. С. 164–172.

³⁸⁸ Lozek G., Walter G. Vom „Dritten Reich“ zur Bundesrepublik. Zur positiven Umwertung des faschistischen Staates in der westdeutschen Historiographie // ZfG. 1968. Н. 4. S. 1233–1244; Deutschland im Zweiten Weltkrieg // ZfG. 1968. Н. 4. S. 1318–1320; Weissbecker M. Zur „Hitler-Renaissance“ in der BRD // ZfG. 1974. Н. 4. S. 1169–1182; Teller H. Ernst Nolte und der kalte Krieg // ZfG. 1974. Н. 5. S. 1287–1292; Schmidt W. Die Entwicklung der DDR-Geschichtswissenschaft im Zerspiegel bürgerlicher Historiographie der BRD // ZfG. 1982. Н. 7. S. 581–589; Lozek G. Das Problem von Objektivität und Parteilichkeit und die Auseinandersetzung mit der bürgerlichen Geschichtsschreibung // ZfG. 1983. Н. 5. S. 387–396; Ders. Der Streit geht weiter. Zum Versuch einer apologetischen Revision des Faschismusbildes durch rechtskonservative Historiker der BRD // ZfG. 1988. Н. 1. S. 5–12; usw. На русском языке были опубликованы статьи Г. Лоцека: Лоцек Г. Основные тенденции и направления историографии ФРГ // НИИ. 1970. № 4. С. 153–161; Его же. О концепциях фашизма в буржуазной историографии ФРГ // Ежегодник германской истории. 1972. С. 373–387; и т. д.

ветские историки. С середины 1980-х гг. в развитии исторической науки ГДР наметились новые тенденции. Потребность руководства страны в поиске убедительных доказательств легитимности режима вызвала необходимость более пристального обращения к истории Германии в 1933–1945 гг. Кроме того, Перестройка в СССР не могла не повлиять и на психологический климат в странах социалистического блока. Вместе с тем, Я. Липинский отмечает, что «историки в ГДР придерживались советских инструкций гораздо дольше, чем их восточноевропейские коллеги. Когда несколько более открытая дискуссия началась в 1988 г., правящая коммунистическая партия даже приняла решение не следовать за сдвигами в советской историографии»³⁸⁹.

Объединение Германии 3 октября 1990 г. стало катастрофой для восточногерманской исторической науки. Историки ГДР оказались в той же ситуации, что и советские ученые: им было необходимо опровергать самих себя и разрушать ту систему исторических взглядов, которую они сами создавали на протяжении десятилетий. Процесс ломки был очень болезненным. Лишь некоторые историки ГДР смогли продолжить достаточно эффективную научную деятельность в ФРГ (среди них – Айхольц, Кляйн³⁹⁰, Петцольд и др.). Так, историк-марксист Айхольц продолжил работать над экономическими аспектами Второй мировой войны. По его мнению, «война Гитлера с Советским Союзом, начатая из-за стремления заполучить жизненное пространство и ресурсы, была в самом начале обречена, поскольку для ведения войны такого масштаба ресурсов Германии не хватало»³⁹¹.

Историческая наука ГДР ненадолго пережила само государство, институциональная структура её была уничтожена в 1991–1993 гг. После крушения социализма восточногерманские историки оказались перед выбором: либо обрести новую идентичность в условиях ФРГ, либо исчезнуть с интеллектуальной карты современной Германии³⁹². Вместе с тем, стоит отметить, что восточногерманская историографическая традиция, после коллапса начала 1990-х гг. претерпев серьезные изменения, все же оставила свой след в культурно-историческом облике современной Германии. Так, «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*» стал

---

³⁸⁹ Липинский Я. Секретные протоколы Сталина и Гитлера – нескончаемая история с 1939 г. // *Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР*. М., 2005. С. 40.

³⁹⁰ Ullrich V. Eine grandiose Täuschung. Der bedeutende DDR-Historiker Fritz Klein seine Erinnerungen geschrieben // *Zeit*. 09.03. 2000.

³⁹¹ Eichholtz D. Öl, Krieg, Politik: Deutscher Ölimperalismus (1933–1942/43) // *ZfG*. 2003. Н. 6. S. 493–510; ders. „General Plan Ost“ zur Versklavung osteuropäischer Völker // *UTOPIEKreativ*. 2004. Н. 167. S. 800–808.

³⁹² Bialas W. Weiße Flecken auf weißen Westen: zu Wissenschaftlichkeit und Parteilichkeit nach dem Ende der DDR-Historiographie // *ZfG*. 1993. Н. 8. S. 675.

одним из ведущих исторических журналов ФРГ. В первой половине 1990-х гг. появилось значительное количество объединений, в которых представители бывшей исторической науки ГДР продолжили заниматься научной и учебной работой, что позволяет современным исследователям говорить об «альтернативной исторической культуре ФРГ» или о «второй немецкой научной культуре»³⁹³.

I.V. Griban

Griban Irina Vladimirovna – the graduate student of chair of general history of the Ural state pedagogical university, the director of the Museum of history of URGPU.

SUBJECT of the SOVIET-GERMAN RELATIONS of 1939-1941. IN THE HISTORIOGRAPHY OF GDR

On October 7, 1949 in response to creation in the territory of three western occupational zones of Germany, in the Soviet zone declaration of the German Democratic Republic took place. The split of Germany which has become a symbol of Cold war, predetermined development of historical science of GDR throughout its existence. The new socialist state needed justification of the legitimacy. Key idea for formation of national identity in East Germany became recognition of fault militaristic and the imperialistskikh of circles before the world community and discharge of the nazi past. After socialism crash the East German historians appeared before a choice: or to find new identity in the conditions of Germany, or to disappear from the intelligent card of modern Germany. At the same time, It should be noted that the East German historiographic tradition, after collapse of the beginning of the 1990th. having undergone serious changes, nevertheless I left the trace in cultural and historical shape of modern Germany. So, "Zeitschrift für Geschichtswissenschaft" became one of leading historical magazines of Germany. In the first half of the 1990th there was a significant amount of associations in which representatives of the former historical science of GDR continued to be engaged scientific and study that allows modern researchers to speak about "alternative historical culture of Germany" or about "the second German scientific culture".

Key words: historiography, GDR, Soviet-German relations, Cold war

---

³⁹³ Berger S. Was bleibt von der Geschichtswissenschaft der DDR? Blick auf eine alternative historische Kultur im Osten Deutschlands // ZfG. 2001. H. 1. S. 1017.

В.А. Кузьмин, Е.С. Думнова

ОСОБЕННОСТИ АНГЛО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ в 1940–1941 гг.

В июне 1940 г. Англия потеряла главного союзника – Францию. Капитуляция французского правительства вызвала серьезную перегруппировку сил воюющих сторон и поставила Англию в трудное положение. Германия расправилась со своим самым сильным в Европе противником. Трудное положение Англии было логическим следствием ее политики, проводившейся в первые месяцы Второй мировой войны. Франция была и союзником Турции в рамках заключенного осенью 1939 г. англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи. Таким образом, с поражением Франции тройственный англо-франко-турецкий договор превратился в двусторонний, англо-турецкий договор. В настоящей статье ставится задача показать особенности англо-турецких, немецко-турецких отношений в период от капитуляции Франции до начала Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, англо-турецкие отношения, Великая Отечественная война

В июне 1940 г. Англия потеряла главного союзника – Францию. Капитуляция французского правительства вызвала серьезную перегруппировку сил воюющих сторон и поставила Англию в трудное положение. Германия расправилась со своим самым сильным в Европе противником. Трудное положение Англии было логическим следствием ее политики, проводившейся в первые месяцы Второй мировой войны. Франция была и союзником Турции в рамках заключенного осенью 1939 г. англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи. Таким образом, с поражением Франции тройственный англо-франко-турецкий договор превратился в двусторонний, англо-турецкий договор. В настоящей статье ставится задача показать особенности англо-турецких отношений в период от капитуляции Франции до начала Великой Отечественной войны.

Германское Информбюро опубликовало документы шестой «Белой книги» 5 июля 1940 г. В них содержалась информация касательно англо-французских планов нападения на СССР. Появились различные мнения по поводу причины опубликования этих документов Берлином. Польский посол в Анкаре считал, что действия Германии направлены либо на улучшение отношений между СССР и Турцией, либо чтобы дискредитировать министра иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу. Греческий посол в Анкаре настаивал лишь на том, что Берлин хочет

избавиться от Сараджоглу. Английский посол Х.М. Нэтчбулл-Хьюджессен в ходе беседы с Нуманом Менеменджиоглу пришел к выводу, что эта немецкая интрига направлена на предотвращение сближения Великобритании и СССР³⁹⁴. Афганский посол в Анкаре считал, что Германия поставила своей целью отвлечь Турцию от Балкан. Она опубликовала эти документы, чтобы создать конфликт между СССР и Турцией³⁹⁵.

Опубликование этих документов в кризисной для Великобритании ситуации, скорее всего, было направлено на то, чтобы добиться расторжения англо-турецкого соглашения. С капитуляцией Франции Германия одержала победу со своим главным врагом в Европе. Так как планы нападения на Советский Союз еще разрабатывались, следующей территорией, которую Берлин планировал захватить и освободить от влияния Англии, были Балканы. Ключевое место в этом регионе играла Турция. Поэтому для Германии было важно заручиться поддержкой этой страны.

Тем не менее, позиции сторонников союзнических отношений с Англией в Турции значительно укрепились, а Советский Союз проявил сдержанность в этой ситуации³⁹⁶.

Период с июля 1940 года по июнь 1941 года можно определить как борьбу Англии, Германии и СССР за влияние в балканских странах. Нэтчбулл-Хьюджессен писал, что хотя ни Германия, ни СССР не желают вступать в войну друг с другом, конфликт интересов между ними становится очевидным. Этот конфликт связан с опасностью все большего германского влияния и с возможной военной угрозой на Балканах, угрозой, которая касается России, Турции и Англии³⁹⁷. Британская дипломатия видела выход в сближении англо-советских и советско-турецких отношений, чтобы сохранить свое влияние в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Эта тема ежедневно затрагивалась в переписке английского посла в Москве С. Криппса и министра иностранных дел Британии лорда Галифакса. Позиция Москвы оставалась неизменной: Сталин выступал против подписания какого-либо соглашения с Турцией. Причиной такой позиции советского руководства было опубликование «Белой книги», которое породило атмосферу недоверия к Турции.

В это время активизировалась немецкая дипломатия. Воспользовавшись территориальными разногласиями между Венгрией и Румыни-

---

³⁹⁴ Public Record office, Foreign office (далее – PRO, FO) 424/285 № 9–10. P. 7–8.

³⁹⁵ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП СССР). Т. 23. Кн.1. М., 1995. С. 426.

³⁹⁶ Корхмазян Р.С. Внешняя политика Турции в годы Второй мировой войны // Проблемы истории Турции. М., 1978. С. 142.

³⁹⁷ PRO, FO. 424/285 № 22. P. 14.

ей, Германия и Италия созвали совещание в Вене 29–30 августа. Благодаря умелой пропаганде о якобы скорой советской угрозе Берлин сумел не только изменить территорию Румынии, но и упрочить свое влияние в этом регионе. В результате в конце ноября 1940 г. к Тройственному Пакту присоединились Румыния, Венгрия и Словакия. Под давлением немцев 20 января 1941 г. Болгария тоже согласилась присоединиться к Тройственному Пакту, что было сделано 1 марта.

Английская дипломатия пыталась создать на Балканах хоть какой-то противовес германской экспансии: Криппс в Москве и британские послы в Белграде и Анкаре стремились спасти то, что еще можно было спасти, и всячески побуждали Москву, если не возглавить, то активно включиться в формирование некоего объединения для противодействия Германии³⁹⁸.

Полномочный представитель СССР в Турции сделал вывод из беседы с Менеменджюглу о том, что турки испытывают большое беспокойство в связи с последними международными событиями и, в особенности, с событиями в Румынии. Этим объясняется стремление турок создать впечатление о наличии исключительно дружественных отношений между СССР и Турцией и намерение добиваться решительного перелома в отношениях с Москвой³⁹⁹.

В то время как Германия продвигалась вглубь Балкан, 28 октября 1940 г. Италия напала на Грецию. Военные действия распространились на территорию Средиземноморья. Турция во второй раз столкнулась необходимостью выполнить договорные обязательства. Министр иностранных дел Турции Сараджоглу проинформировал сэра Нэтчбулла-Хьюджессена о том, что в данной ситуации Турция не вступит в войну. Он также добавил, в каком случае турецкое правительство объявит войну: если Болгария нападет на Турцию, или же если Германия двинется через болгарскую территорию против Греции и Турции. Касательно итальянской атаки на Грецию, турецкое правительство было убеждено, что лучшее, что можно сделать в этой ситуации – это сдерживать Болгарию. Именно этого просила Греция. Турецкое правительство осознавало значимость безопасности Греции для своей страны, поэтому пообещало, что сделает все возможное, чтобы помочь ей поставками запасов. Сараджоглу сказал, что Турция не может вступить в войну в существующих условиях и не может направить в Грецию войска, так как это ослабит турецкий фланг во Фракии против Германии и Болгарии⁴⁰⁰.

Президент Турции И. Иненю в своей речи перед Высшим национальным собранием Турции (далее – ВСНП) от 1 ноября 1940 г. заявил,

---

³⁹⁸ Чубарьян А.О. Канун трагедии. М., 2008. С. 368–369.

³⁹⁹ ДВП СССР. Т. 23. Кн.1. С. 668.

⁴⁰⁰ PRO, FO. 424/285 № 73. P. 86.

что союзнические обязательства надежны и нерушимы, однако турецкое правительство займет нейтральную позицию⁴⁰¹. Нейтралитет не должен препятствовать нормальным отношениям с теми странами, которые благожелательно относятся к Турции⁴⁰². Под страной, которая «благожелательно относится к Турции», могла вполне пониматься и Германия. Иненю хотел вызвать доверие не только у Англии, но и у других стран, показав, что Турция доброжелательно настроена ко всем.

Иненю был готов воевать только в том случае, если бы на Турцию напали, но не считал, что его армия была достаточно оснащена, чтобы первой начать наступательные действия против держав Оси. Его симпатии были на стороне союзников, но он был непреклонен в том, что Турция не вступит в войну до тех пор, пока на нее не нападут державы Оси или СССР⁴⁰³.

Премьер-министр Турции Р. Сайдам 6 января 1941 г., выступая перед ВНСТ, еще раз подтвердил, что Турция полностью связана союзническим соглашением⁴⁰⁴.

Анализируя турецкий внешнеполитический курс 1940 г., видно, что турецкое руководство строго следовало установке на сохранение нейтралитета и безопасность турецкого народа в условиях мировой войны. В начале 1941 г. Турция продолжала ориентироваться на союз с Англией. Постепенно британские военные поражения в Восточном Средиземноморье вынуждают Турцию перейти к активизации отношений с Германией. Поражения в Греции и на островах, в Северной Африке в первой половине 1941 г. и нападение Германии на СССР в июне того же года вызвали кризис англо-турецких отношений.

К январю 1941 г. в связи с успешным наступлением англичан в Северной Африке военно-политическая обстановка в Средиземноморье значительно изменилась. Англия, имея инициативу на театре войны, сохранила и даже укрепила свое влияние в Греции и Турции⁴⁰⁵. У. Черчилль писал, что, несмотря на эти победы, дипломатические и военные проблемы, стоявшие перед Британией на Среднем Востоке, были серьезны и сложны⁴⁰⁶.

В январе 1941 г. в Турцию прибыла английская военная миссия, чьей целью было удостовериться, что Турция будет противостоять лю-

---

⁴⁰¹ Robertson J. Turkey and Allied Strategy. N.Y., 1986. P. 20.

⁴⁰² PRO, FO. 424/285 № 83. P. 93.

⁴⁰³ Tamkoç M. The Warrior Diplomats. Salt Lake City, 1976. P. 205

⁴⁰⁴ Olaylarla Türk Dış Politikası. Ankara, 1982. S. 158.

⁴⁰⁵ Чевтаев А.Г. Миссия Идена на Ближний Восток и Балканы весной 1941 г. // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1982. Вып. 10. С. 80.

⁴⁰⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3. URL: http://militera.lib.ru/memo/english/churchill/4_39.html (дата обращения: 11.05.2012).

бой атаке Германии, Италии, СССР или Болгарии. Военные прибыли также для того, чтобы обсудить отправку войск и обсудить поставку продовольствия в помощь Турции⁴⁰⁷. Переговоры продолжались с 15 по 22 января. В ходе обсуждений турецкая сторона согласилась с тем, что, прежде всего, поставки должна получить Греция, однако, постоянно выражала недовольство в том, что Англия не способна пообещать определенное количество помощи по воздуху⁴⁰⁸. Хотя подписание протокола переговоров было отложено, турецкая сторона подтвердила намерение Турции сражаться за Проливы, что вполне устраивало англичан⁴⁰⁹.

К этому времени Германия продолжала распространять свое влияние на Балканах. Присоединение Болгарии к Тройственному пакту состоялось 1 марта. В тот же день немецкая армия вступила на ее территорию. Вновь нарастающее напряжение на Балканах активизировало англо-турецкие отношения.

Английское правительство хотело, чтобы Турция четко определила, в каких случаях она вступит в войну, а именно:

- 1) если Германия нападет на Грецию;
- 2) если Германия нападет на Турцию или Грецию через территорию Болгарии;
- 3) если Германия нападет на Грецию через территорию Болгарии, но последняя остается нейтральной;
- 4) в случае атаки Италии, Болгарии, Германии или СССР на Турцию;
- 5) в случае угрозы Салоникам⁴¹⁰.

Британские спецслужбы не сомневались в том, как поступит Турция, если один из пяти пунктов будет осуществлен державами Оси. Однако они сомневались, как поступит Турция в том случае, если Германия через Югославию, но в обход Салоник, направится в Монастир. Это сомнение, безусловно, было связано со сдержанностью Югославии. Югославы упорно верили, что Германия не пересечет их территорию, и что ее замыслы направлены против Британии и СССР, но не против Балкан⁴¹¹.

Тем временем, Германия начала предпринимать попытки, чтобы переманить Турцию на свою сторону. Генерал Антонеску, без сомнения, под немецким влиянием, пытался убедить турок в том, что Германия не намеревается атаковать Турцию. А когда Турция заверит Берлин в том, что настроена не враждебно, ей будет нечего бояться. Генерал также

---

⁴⁰⁷ Robertson J. Op. cit. P. 28.

⁴⁰⁸ Ibid. P. 29.

⁴⁰⁹ Чевтаев А.Г. Миссия Идена на Ближний Восток и Балканы весной 1941 г. С. 81.

⁴¹⁰ Robertson J. Op. cit. P. 32.

⁴¹¹ Weekly Political Intelligence Summaries. No. 71. P. 14.

добавил, что Россия является общим врагом Германии, Румынии и Турции⁴¹². Немецкие пропагандисты постоянно также распространяли слухи о том, что Германия не желала волнений на Балканах и более заинтересована в Западном Средиземноморье⁴¹³.

Таким образом, германские методы устрашения, которые ранее одновременно предотвратили объединение северных стран, были успешно применены и на Балканах.

Турецкое руководство на собственный страх и риск проигнорировало проникновение немецких войск в Болгарию. На самом деле Турция опасалась, что Болгария объявит войну Греции, а в этом случае Турция, как член Балканской Антанты была, обязана вступить в войну на стороне Греции. Турки боялись также, что Болгария предъявит свои требования относительно Фракии⁴¹⁴.

Напряженность на болгаро-турецкой границе росла. Так как итальянская армия терпела поражение от англичан, становилось ясно, что приближается вторжение Германии на Балканы. С 19 февраля по 7 апреля 1941 г. британский министр иностранных дел А. Иден отправился на Ближний Восток и Балканы. Это была реакция Англии на сложившуюся кризисную ситуацию в Средиземноморском регионе. Особое значение приобрел вопрос о заключении болгаро-турецкого договора о ненападении. Фактически, переговоры и их результаты стали неофициальным соглашением о распределении сфер военно-политического влияния Лондона и Берлина. За спиной участников этих переговоров – Болгарии и Турции – стояли Германия и Англия⁴¹⁵.

Переговоры между Турцией и Болгарией затягивались, а Болгария настолько возражала определенным пунктам в первоначальном проекте декларации, что турецкое правительство полагало, что Болгария его не подпишет. В то же время Анкара настаивала на том, чтобы текст декларации не должен быть истолкован как ослабляющий договорные обязательства по отношению к Англии⁴¹⁶.

В конце концов, Болгария отказалась от своих претензий. 17 февраля была подписана болгаро-турецкая декларация о дружбе. По ней Турция обязалась не нападать на Болгарию, а Болгария обязалась не нападать на Турцию. В преамбуле указывалось, что декларация не затрагивает обязательств обеих сторон в отношении третьих стран. Из смысла содержания декларации следовало, что Турция будет защищаться только в том случае, если она подвергнется нападению, таким обра-

---

⁴¹² Ibid. P. 14.

⁴¹³ Ibid. P. 15.

⁴¹⁴ Корхмазян Р.С. Указ. соч. С. 143.

⁴¹⁵ Четваев А.Г. Миссия Идена на Ближний Восток и Балканы весной 1941 г. С. 84.

⁴¹⁶ Weekly Political Intelligence Summaries. No. 72. P. 17.

зом, Турция не будет противиться прохождению германских войск через Болгарию⁴¹⁷.

В беседе первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом Великобритании в СССР Р.С. Криппсом 6 марта 1941 года обсуждались визит Идена на Балканы и подписание болгаро-турецкой декларации. В этой беседе Криппс подтвердил, что английское правительство было полностью информировано о переговорах между Турцией и Болгарией. Посол упомянул о первоначальном плане объединения балканских стран – Турции, Югославии, Болгарии и Греции – и указал, что причиной его неосуществления является отсутствие инициативы со стороны СССР. Поэтому английское правительство само пыталось договориться с этими странами. С этой целью Англия и Турция начали переговоры с болгарским правительством. Относительно итогов визита Идена Криппс отмечает, что с точки зрения английского правительства результаты переговоров вполне удовлетворительные, а в англо-турецких переговорах не произошло никаких перемен вследствие болгаро-турецкого соглашения⁴¹⁸.

Таким образом, правительство Великобритании стремилось при помощи болгаро-турецкого соглашения о ненападении достичь негласной договоренности с Германией о сферах влияния: немецкого господства на Балканах и английского влияния на Ближнем Востоке. Гарантом этой договоренности, а также естественным барьером против ее возможного нарушения должна была стать Турция. Поэтому борьба за Турцию была так важна для Лондона.

Борьба за влияние над Турцией между Англией и Германией продолжалась в течение февраля – июня 1941 г. В ходе своей миссии Иден встретился с турецким руководством 27–28 февраля. Из хода переговоров видно, что турки считали, что германские приготовления направлены не столько против Греции, сколько против Турции. Протокол встречи гласил, что Анкара еще не получила официального заверения Берлина, что вступление немцев в Болгарию не будет направлено против турок⁴¹⁹. Поэтому Турция вновь потребовала поставок вооружения от Англии. Иден пообещал такую помощь.

Иден поинтересовался, какова будет политика турок, если немцы нападут только на Грецию, но займут угрожающую позицию вблизи болгаро-турецкой границы как средство нажима на Анкару. Не предпочтет ли Турция в такой ситуации политически быть в состоянии вой-

---

⁴¹⁷ Галиакбарова Н.М. Советско-турецкие отношения в условиях германской экспансии на Балканах (декабрь 1940 – июнь 1941) // Уральское востоковедение. Екатеринбург, 2007. Вып. 2. С. 135.

⁴¹⁸ ДВП СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 2. М., 1998. С. 452–456.

⁴¹⁹ Чевтаев А.Г. Миссия Идена на Ближний Восток и Балканы весной 1941 г. С. 94.

ны, но фактически не участвовать в ней? Это было гарантией того, что Анкара в решающий момент не перейдет под эгиду Германии⁴²⁰. Турецкое руководство отклонило это предложение. Но стороны были едины в главном: защищать Проливы и уклониться от реальной помощи Афинам в случае германской атаки только против Греции⁴²¹.

3 марта Гитлер отправил тайное послание президенту Иненю. Оно содержало обычные «заверения» о том, что Турция вне опасности, что Германия желает мира на Балканах, и что все военные действия Гитлера в Юго-Восточной Европе должны расцениваться лишь как встречный удар британским приготовлениям. В то же время германский посол в Турции фон Папен заявил, что Германия не намеревается воевать с Грецией. Тем самым он ввел в замешательство турецкие официальные круги⁴²².

В апреле-мае 1941 г. фашистская Германия активизирует силы на Балканах. 6 апреля 1941 г. Германия и Венгрия вторгаются в Югославию. К 9 апреля немецкие войска выходят в Грецию и захватывают Салоники, заставив капитулировать греческую Восточно-Македонскую армию. 27 апреля были захвачены Афины. 20 мая немцы высаживают десант на Крите, который тогда находился в руках англичан. Уже 2 июня остров полностью оккупирован немцами.

Оккупация Болгарии и Югославии Германией приблизила войну к турецким границам. Для турецкого правительства было важно остаться вне войны, чтобы защитить свои жизненные интересы. Для Англии же нейтралитет Турции означал недопущение Германии к Суэцкому каналу, на Ближний Восток и в Среднюю Азию. В беседе с Сараджоглу посол Югославии потребовал от Турции вступления в войну по условиям Балканской Антанты. Министр ответил, что двусторонняя турецко-югославская конвенция 1934 г. функционирует лишь на основании Балканской Антанты, которой более не существует, так как Румыния расторгла ее в одностороннем порядке⁴²³.

Поражение Англии на Западе, изменение положения на Балканах, когда Англия была изгнана из Греции, захват гитлеровцами Югославии резко изменили курс турецкой внешней политики. От англофильской ориентации Турция переходит к германофильской⁴²⁴.

Положение Великобритании в Восточном Средиземноморье резко ухудшилось, но англичане надеялись удержать здесь свои позиции пу-

---

⁴²⁰ Там же. С. 94–95.

⁴²¹ Там же. С. 96.

⁴²² Weekly Political Intelligence Summaries. No. 75. P. 14–15.

⁴²³ Ibid. No. 81. P. 14.

⁴²⁴ Волков Ф.Д. За кулисами второй мировой войны. URL: http://militera.lib.ru/research/volkov_fd/index.html (дата обращения: 14.03.2012)

тем сохранения Турцией роли «неповрежденного буфера»⁴²⁵. Поэтому в мае-июне 1941 г. все основные политические и военные проблемы Англии в Средиземноморье сосредоточились на отношениях с Турцией. Об этом упоминает и Нэтчбулл-Хьюджессен в беседе с полпредом СССР С.А. Виноградовым 3 мая 1941 г. Британский посол сказал, что наиболее важным является то, чтобы Турция осталась нетронутой, дабы не быть захваченной. И добавил, что это важно не только для Англии, но и для СССР. Далее он обращает внимание на то, что именно в целях безопасности своей страны более целесообразным является предпринимать определенные действия, чем ничего не делать⁴²⁶.

В обстановке, когда становится понятно, что следующей жертвой Германии будет Советский Союз, правительство Англии начинает строить замыслы, основанные на операции «Барбаросса». В записи дневника первого секретаря полномочного представительства СССР в Турецкой Республике А.К. Жегаловой от 5 мая 1941 года приводится мнение атташе посольства Югославии в Турции Груича, который говорил о том, что его интересует позиция англичан. Это связано с тем, что на тот момент существовало мнение, что англичане сознательно допустили оккупацию немцами греческих островов, расположенных около Проливов, так как считали, что это создаст угрозу против Советского Союза и может вовлечь его в войну против Германии. По мнению дипломата, англичане надеются при этом убить двух зайцев: с одной стороны – поражения СССР, с другой – ослабления Германии. И то, и другое им выгодно⁴²⁷.

В это время между Анкарой и Берлином начались переговоры, на которых обсуждалось подписание договора о дружбе. Лондон занял в отношении Анкары лояльную позицию, убедившись в том, что Германия полностью занята походом на Восток. Эта точка зрения прослеживается и в беседе послов Виноградова и Нэтчбулл-Хьюджессена 22 мая 1941 г. Британский посол отметил, что союзнический договор это не просто бумага, а выражение определенной политики, являющейся базой внешней политики турецкого правительства. Посол также заявил, что Турция не примет никакого условия, которое затрагивает ее независимость и жизненные интересы⁴²⁸.

---

⁴²⁵ Чевтаев А.Г. Политика Англии в Восточном Средиземноморье накануне нападения Германии на Советский Союз (апрель – июнь, 1941) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время: Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1983. Вып. 11. С. 145.

⁴²⁶ ДВП СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 2. С. 643.

⁴²⁷ Там же. С. 647.

⁴²⁸ Там же. С. 696.

Пока турки информировали Лондон о ходе германо-турецких переговоров, Форин-Офис осознавал, что до того, как Англия добьется успехов в Ираке или в Восточном Средиземноморье, будет сложно отговорить их от обсуждений, предложенных Германией. Нэтчбулл-Хьюджессен предлагал, что самым лучшим решением будет убедить Турцию как можно дольше тянуть с ответами фон Папену⁴²⁹.

28 мая Сараджоглу проинформировал Нэтчбулл-Хьюджессена о переговорах с фон Папеном. Германский посол заявил, что Германия планирует «новую войну», в которой Турция будет придерживаться нейтралитета. Сараджоглу не упомянул о том факте, что турецкое правительство уверило немцев в том, что в случае советско-германского конфликта будет придерживаться нейтралитета по отношению к Германии и откроет Проливы для прохода германских войск и вооружения в случае необходимости⁴³⁰.

12 июня фон Папен еще раз предложил соглашение, по которому два государства признают целостность и нерушимость границ друг друга, поддерживают дружеские контакты по всем вопросам, касающихся их общих интересов.

Английское правительство понимало, что потерпело поражение в борьбе за Турцию. Предложенное немцами соглашение далеко выходило за рамки простой гарантии о нейтралитете в советско-германском конфликте. На правительственном заседании 16 июня Иден говорил, что хотя это соглашение было неподходящим, его условия могли бы быть хуже. В нем могла быть статья, которая ограничивала предыдущие обязательства сторон⁴³¹. Из этого следует, что англо-турецкое соглашение оставалось в силе.

Таким образом, 18 июня 1941 года министр иностранных дел Сараджоглу от Турции и посол фон Папен от Германии подписали договор о дружбе и ненападении. Стороны обязались уважать территориальную целостность и неприкосновенность национальных границ и отказаться от прямых или окольных попыток враждебной деятельности друг против друга. Безусловно, это был успех германской дипломатии и Гитлера. Договор от 18 июня не отменял обязательств Турции перед другими странами и, прежде всего, перед Великобританией. По требованию Турции это положение было включено в текст договора. Кроме этого, Турция заключила секретное соглашение, предоставляющее Германии возможность транспортировать через Турцию оружие и военные материалы⁴³².

---

⁴²⁹ Robertson J. Op. cit. P. 52.

⁴³⁰ Ibid. P. 55.

⁴³¹ Ibid. P. 56.

⁴³² Лавров Н.М. Турция в 1918–1956 гг. М., 1956. С. 27.

С одной стороны, договор подтверждал намерение гитлеровцев напасть на СССР, что облегчало положение Великобритании. Это было важное звено в цепи дипломатической подготовки Германии к войне с СССР. Идя на такой шаг, Гитлер обеспечивал себе надежный южный фланг. Характеризуя подписание договора, английская либеральная газета «Манчестер Гардиан» писала: «Одно несомненно – от Финляндии до Черного моря Гитлер сконцентрировал силы, значительно более тех, которые необходимы для любых оборонительных нужд»⁴³³. С другой стороны, секретное соглашение открывало для Германии Проливы, которыми можно было воспользоваться для продвижения далее на Восток, в Индию, Австралию. Германо-турецкий договор вызвал недовольство США, которые немедленно прекратили поставки оружия и снаряжения по ленд-лизу.⁴³⁴ СССР положительно отнесся к подписанию договора. 19 июня 1941 г. Молотов сказал послу Турции в СССР Актаю, что, по его мнению, договор должен быть встречен положительно, поскольку он обеспечивает мир и спокойствие Турции⁴³⁵. Однако уже в последующие годы везде сообщалось, что СССР с тревогой встретил этот рискованный шаг Турции. В секретных документах посольства СССР в Турции говорится, что «заклучение 18 июня 1941 года пакта о дружбе с Германией, как хорошо было известно Сараджоглу, развязывало руки Германии для нападения на Советский Союз»⁴³⁶.

22 июня 1941 года Германия напала на Советский Союз, и мировая война вступила в новую стадию.

V.A. Kuzmin, E.S. Dumnova

Dumnova Ekaterina Sergeevna – the undergraduate of chair of oriental studies of the Ural federal university.

Kuzmin Vadim Aleksandrovich – the head of the department of oriental studies of the Ural federal university, the doctor of historical sciences, professor.

---

⁴³³ Волков Ф.Д. За кулисами второй мировой войны. URL: http://militera.lib.ru/research/volkov_fd/index.html (дата обращения: 14.03.2012).

⁴³⁴ Гасанлы Дж. П. СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008. С. 89.

⁴³⁵ Галиакбарова Н.М. Указ. соч. С. 142.

⁴³⁶ Гасанлы Дж. П. СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне. С. 89.

FEATURES OF THE ANGLO-TURKISH RELATIONS in 1940-1941.

In June, 1940 England lost the main ally – France. Capitulation of the French government caused a serious regrouping of forces of belligerent parties and put England in a difficult situation. Germany finished with the strongest in Europe the opponent. The difficult situation of England was a logical consequence of its policy pursued in the first months of World War II. France was also the ally of Turkey within 1939 of the Anglo-French-Turkish contract signed in the fall about mutual aid. Thus, with defeat of France the triple Anglo-French-Turkish contract turned into the bilateral, Anglo-Turkish contract. In the present article the task to show features of the Anglo-Turkish, German-Turkish relations during the period from capitulation of France prior to the beginning of the Great Patriotic War is set.

Key words: World War II, Anglo-Turkish relations, Great Patriotic War

М.В. Шистеров

**«ГОМЕРОВСКИЙ ВОПРОС» И
ПРОБЛЕМА ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ
(материалы к спецкурсу)
Часть 1**

Гомеровский эпос – поэмы «Илиада» и «Одиссея» – создавался на грани двух больших исторических эпох, отражая события конца ахейского мира, крушения микенской цивилизации бронзового века, сменившейся так называемыми «темными веками», и начавшимся движением общества древних греков по новому пути развития к собственно античной цивилизации. При этом дошедшие до нас сведения о самом Гомере – авторе великих поэм, воспитавших, по выражению философа Платона, всю Грецию – сомнительны, анекдотичны или неоднозначны. Признавая, что гомеровские описания следует относить большей частью к «темным векам» (что находит в последнее время убедительное археологическое подтверждение), современные исследователи расходятся во мнении относительно того, является ли «гомеровское общество» отражением конкретной исторической эпохи или только «поэтической фикцией, не имеющей опоры в исторической реальности». В настоящее время (после длительной и, думается, еще не оконченной дискуссии) считается принятой «широкая» датировка «основных слоев эпоса» XI–VIII вв. до н.э., что, разумеется, существенно затрудняет работу с конкретным эпическим материалом. Избегая крайностей, все же следует, по-видимому, согласиться с выдающимся советским филологом и лингвистом Тронским, что «гомеровской “эпохи” как некоей синхронной реальности, изображаемой в эпосе, не существует; в эпосе отражена не отдельная эпоха, а огромная перспектива исторического развития. Это справедливо и по отношению к содержанию поэм, и в плане их языка».

Ключевые слова: гомеровский эпос, поэзия, история, мифология, Троянская война

План:

1. Гомер и «гомеровский вопрос».
2. Генрих Шлиман – человек, отыскавший гомеровскую Трою?
3. Троя-Гиссарлык: история изучения и проблемы интерпретации.

4. «Вилуса», «Труиса» и «Ахийява»: информация хеттских архивов и проблема нашествия «народов моря».
5. Троянская война – исторический факт или героический миф?
6. Традиция о Троянской войне в Античности и Средневековье: метафоры культуры-исторической памяти.

1. Гомер и «гомеровский вопрос»

Гомеровский эпос – поэмы «Илиада» и «Одиссея»⁴³⁷ – создавался на грани двух больших исторических эпох, отражая события конца ахейского мира, крушения микенской цивилизации бронзового века, сменившейся так называемыми «темными веками»⁴³⁸, и начавшимся движением общества древних греков по новому пути развития к собственно античной цивилизации. При этом дошедшие до нас сведения о самом Гомере – авторе великих поэм, воспитавших, по выражению философа Платона, всю Грецию⁴³⁹ – сомнительны, анекдотичны или неоднозначны. Уже сами античные авторы классического и эллинистического времени не могли сказать практически ничего достоверного о великом аэде⁴⁴⁰ древности. Как минимум семь древнегреческих городов спорили за право называться его родиной⁴⁴¹. Неизвестно не только происхождение⁴⁴², но и время жизни Гомера: античные авторы указывают на обширный период с XII по VII в. до н.э. Всевозможные предположение, которые уже в древности высказывались относительно личности и жиз-

---

⁴³⁷ В «Илиаде» речь идет о великом десятилетнем походе греков-ахейцев против малоазийского города Трои (Илиона). В «Одиссее» повествуется о странствиях царя Итаки Одиссея, одного из героев троянской войны, который после взятия и разрушения Трои еще десять лет был вынужден скитаться на чужбине, прежде чем смог вернуться домой, на родной остров к жене и сыну. Наиболее удачный поэтический перевод «Илиады» на русский язык выполнен Н.И. Гнедичем (впервые опубликован отдельной книгой в 1829 г.). Самым популярным русским переводом «Одиссеи» остается лишенный филологической точности перевод В.А. Жуковского (впервые опубликован в 1849 г.).

⁴³⁸ «Темные века» (XI–IX вв. до н.э.) – бесписьменный период в истории Древней Греции, последовавший за крушением микенской цивилизации.

⁴³⁹ Платон. Государство, IX, 7. Как отметил современный французский исследователь «Одиссеи» Ф. Артог, в Греции «все начинается с эпоса, в нем истоки всего нового, под знаком Гомера проходят века» (Артог Ф. Возвращение Одиссея // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 63). Подр. см.: Hartog F. Mémoire d'Ulysse. Récits sur la frontière en Grèce ancienne. P., 1996.

⁴⁴⁰ Аэды – странствующие сказители-певцы, каковым, возможно, был и Гомер.

⁴⁴¹ В дошедшей до нашего времени небольшой эпиграмме неизвестного античного автора упоминаются Смирна, Хиос, Колофон, Пилос, Аргос, Итака и Афины. Кроме того, некоторые варианты эпиграммы упоминают Родос, Саламин, Иос и Киму. Таким образом, одиннадцать (!) городов Греции претендовали на то, чтобы считаться родиной эпического поэта.

⁴⁴² Анализ языка гомеровского эпоса указывает на преимущественно ионийское происхождение автора/авторов текста.

ни Гомера, также не вызывают доверия⁴⁴³. Неизвестно даже, действительно ли он был слеп: согласно традиции Гомер был слепым старцем (само его имя могло означать «слепец»), однако многие современные ученые считают такую трактовку позднейшей и произвольной. Между тем, гомеровский эпос является единственным письменным источником, способным пролить свет на историю «темных веков». Отсутствие достоверных сведений об авторе поэм и времени их написания (как и целый ряд других сложностей, связанных с внутренней характеристикой источника⁴⁴⁴), породило в новоевропейской науке так называемый «гомеровский вопрос»⁴⁴⁵.

Большое значение в истории этого вопроса имела «Диссертация об «Илиаде»» француза Ф. Эделена, аббата д'Обиньяка⁴⁴⁶, написанная в 1664 г. и опубликованная – спустя полвека – в 1715 г. Автор этого сочинению исходил из того, что «Илиада» не является произведением одного поэта (Гомера), но соединением песен разных аэдов-певцов, собранных в «сборник» задолго до афинского тирана Писистрата, когда, согласно традиции, текст поэмы был впервые письменно зафиксирован. Относительно самого Гомера аббат д'Обиньяк пришел к выводу, что великий аэд как индивидуальная личность никогда не существовал. Слово «гомер» означает просто «слепец», а «Илиада», таким образом, – «собрание песен слепцов»⁴⁴⁷. Критический взгляд французского аббата далеко не сразу получил поддержку в интеллектуальных кругах Европы, лишь в конце XVIII – первой половине XIX в. его точка зрения была

---

⁴⁴³ О его божественном происхождении, личном знакомстве с персонажами эпоса, дальних и долгих странствиях, состязании с другим великим поэтом древности Гесиодом и т. п.

⁴⁴⁴ Приведем авторитетное мнение Ю.В. Андреева: «Для каждого исследователя, изучающего раннегреческое общество и его институты, источником первостепенной важности являются две поэмы Гомера “Илиада” и “Одиссея”. Источник этот в высшей степени сложен, специфичен и требует поэтому сугубой осторожности в обращении» (Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. СПб., 2003. С. 27). Однако, ср.: Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 6–7.

⁴⁴⁵ Известный советский гомеровед Р.В. Гордезиани в предисловии к своей работе, посвященной проблемам гомеровского эпоса, писал: «Для современного читателя “Илиады” и “Одиссеи” стало почти необходимым учитывать в некоторой степени и т. н. “гомеровский вопрос”, органично связанный с изучением и интерпретацией поэм величайшего греческого поэта... Тот, кто окинет взором историю дискуссий вокруг Гомера, может легко заметить, что соотношение сил между сторонниками противоположных теорий нередко менялось, и, следовательно, широкий читатель автором поэм признавал то одного, то нескольких поэтов, принимал данные поэм то за плод поэтической фантазии, то за достоверный исторический источник» (Гордезиани Р.В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978. С. 3).

⁴⁴⁶ Франсуа Эделен д'Обиньяк [d'Aubignac] (1604–1676) – французский писатель и теоретик драмы, установивший каноны трагедии классицизма.

⁴⁴⁷ Цит. по: Радциг С.И. История древнегреческой литературы. М., 1982. С. 79. Подр. см.: Codino F. Einführung in Homer. Berlin, 1970. S. 16 ff.

развита в трудах немецких филологов Ф.А. Вольфа и К. Лахмана⁴⁴⁸. Импульсом к началу большой дискуссии вокруг гомеровского вопроса послужило открытие в 1788 г. французским ученым Ж.-Б. Виллуазоном венецианской рукописи «Илиады», содержащей схолии (комментарии) античных грамматиков. Из этих текстов стало известно о полемике вокруг Гомера, имевшей место уже в Античности. Так, в частности, некоторые античные авторы эллинистической эпохи (Ксенон, Гелланик) сомневались в том, что обе великие поэмы принадлежали Гомеру⁴⁴⁹, в то время как глава Александрийской библиотеки Аристарх Самофракийский (217–145 гг. до н.э.) доказывал обратное⁴⁵⁰.

В 1795 г. немецкий филолог Вольф⁴⁵¹ опубликовал свою работу «Введение к Гомеру» (“*Prolegomena ad Homerum*”), в которой пришел к заключению, что в античное время не было единого текста поэм: «Илиаду» и «Одиссею» Вольф считал собранием отдельных песен (которые не могли быть записаны ранее середины VI в. до н.э.)⁴⁵², хотя и допускал, что большинство из них мог сочинить Гомер. В поддержку аналитического подхода Вольфа выступил позднее выдающийся филолог Лахман⁴⁵³. Проведя текстологический анализ «Илиады», он пришел

---

⁴⁴⁸ Следует, впрочем, отметить, что еще ранее оценку «Илиаде» как совокупности отдельных песен дали английский филолог Р. Бентли и учитель Вольфа, гёттингенский профессор Х.Г. Гейне.

⁴⁴⁹ Этих авторов в древности называли «хоридзонтами» (χορίζοντες), т. е. «разделителями».

⁴⁵⁰ Аристарх доказывал, что имеющиеся различия в текстах поэм – следствие того, что «Илиаду» Гомер написал в юности, а «Одиссею» – в старости. Вместе с тем, он редактировал текст поэм, поставив под сомнение аутентичность отдельных частей «Илиады» и «Одиссеи». Существует мнение, что именно «аристархова редакция» лежит в основе дошедшего до нас рукописного текста поэм Гомера.

⁴⁵¹ *Фридрих Август Вольф* [Wolf] (1759–1824) – немецкий исследователь Античности и филолог-классик, профессор в Галле, член Берлинской Академии Наук (с 1808 г.), состоял на службе министерства народного просвещения Пруссии. Сформулировал понимание филологии как всеобщего антиковедения – самостоятельной науки об Античности с универсальной историко-культурной программой. На основе этой программы Вольф разработал систему классического образования для прусских гимназий, оказавшую в XIX в. значительное влияние на среднюю школу многих стран. Положил начало научным дискуссиям по «гомеровскому вопросу».

⁴⁵² Вольф полагал невозможным создание больших эпических произведений без использования письма, но в эпоху Гомера письменности не было (во времена Вольфа деятельность Гомера относили к периоду не позднее X–IX вв. до н.э., тогда как древнейшие известные надписи на древнегреческом языке датировались временем не ранее VII в. до н.э.), таким образом, речь могла идти лишь о небольших по объему песнях, сочиненных в разное время разными поэтами, а впоследствии искусственно соединенных каким-то редактором.

⁴⁵³ *Карл Конрад Фридрих Вильгельм Лахман* [Lachmann] (1793–1851) – немецкий филолог-классик, антиковед и германист, профессор в Кёнигсберге (с 1818 г.) и Берлине (с 1825 г.), создатель современной текстологии, основывающейся на анализе текста, установлении подлинного авторского варианта и изучении его истории. Один из основателей современной практики критического издания античных текстов. Занимался активным поиском и

к выводу, что первоначально эта поэма представляла собой 16 самостоятельных песен, к которым – для связи – были добавлены впоследствии несколько промежуточных фрагментов. Последние две песни (XXIII и XXIV) прусский профессор вообще признал не относящимися к «Илиаде». Кроме того, Лахман обратил внимание на некоторые противоречия и несоответствия между отдельными частями поэмы, что, по его мнению, свидетельствует в пользу того, что они были сочинены разными поэтами. В историографии аналитическая теория Лахмана получила название «теории малых песен».

Против «аналитиков» (так стали называть сторонников Вольфо-Лахмановой «теории песен») активно выступил другой известный немецкий филолог-классик Г.В. Нич⁴⁵⁴, заложивший основы так называемой унитарной теории, то есть «теории единства» в отношении гомеровского вопроса. В своих работах («Исследования об истории Гомера», 1830–1837; «Поэзия сказаний у греков», 1852; и др.) Нич доказывал, что противоречия между отдельными частями, якобы свидетельствующие в пользу коллективного авторства поэм, присущи любому художественному произведению (такие противоречия встречаются, например, в «Энеиде» Вергилия, в «Фаусте» И.В. Гёте, в «Дон Карлосе» Ф. Шиллера). К тому же у Гомера они настолько незначительны, что не нарушают художественного единства поэм. Далее, Нич обратил внимание, что для создания эпоса подобного гомеровскому использование письменности не является необходимым условием⁴⁵⁵, да и само письмо появляется у греков значительно раньше, чем полагал Вольф. При этом защитник «единого Гомера» допускал, что автор «Илиады» и «Одиссеи», живший не позднее IX в. до н.э., мог воспользоваться материалом более древних народных песен, который переработал в едином ключе, подчинив общему художественному замыслу⁴⁵⁶.

Своеобразным синтезом «унитарной теории» и «теории песен» явилась «теория основного ядра», сформулированная блестящим знатоком древнегреческого языка, лейпцигским профессором Г. Германом⁴⁵⁷

публикацией старинных рукописей. Сформулировал фонетический закон («Закон Лахмана»), актуальный для латинского языка.

⁴⁵⁴ *Грегор Вильгельм Нич* [Nitzsch] (1790–1861) – немецкий филолог-классик, профессор в Киле (с 1827 г.) и Лейпциге (с 1852 г.), исследователь гомеровских поэм. Сформулировал основные постулаты унитарного взгляда на «гомеровский вопрос».

⁴⁵⁵ Например, средневековый поэт В. фон Эшенбах, сочинивший большую рыцарскую поэму «Парцифаль» (24 тыс. стихов), по собственному признанию, был неграмотен.

⁴⁵⁶ Среди отечественных специалистов, поддержавших унитарный подход Нича, следует отметить М.С. Куторгу и Ф.Ф. Соколова.

⁴⁵⁷ *Йоганн Готфрид Якоб Герман* [Herzmann] (1772–1848) – немецкий филолог-классик, профессор в Лейпциге, член многих академий, в том числе во Франции, в Италии, в Норвегии, в России. Разработал научную теорию античной метрики и т. н. «дивинационный метод», с помощью которого считал возможным восстанавливать первоначальный облик

в статьях «Об интерполяциях у Гомера» (1832 г.) и «О повторениях у Гомера» (1840 г.). По его мнению, первоначально Гомером были созданы две небольшие поэмы (так называемые «Пра-Илиада» и «Пра-Одиссея»), которые в дальнейшем постепенно расширялись и дополнялись другими поэтами-певцами, то есть «основное ядро» обросло множеством различных дополнений. Такой подход, по мнению Германа, помогает объяснить имеющиеся в тексте гомеровских поэм отступления и противоречия. «Теория основного ядра» впоследствии была поддержана, развита и популяризирована крупным британским историком Дж. Гротом⁴⁵⁸. В целом, теория Германа, несмотря на учет некоторых аргументов унитариев, все же лежала более в русле аналитического подхода. В этом же направлении работал и выдающийся историк-антиковед рубежа столетий У. Виламовец-Мёллендорф⁴⁵⁹. Он признавал существование великого аэда, который, сочиняя «Пра-Илиаду», должен был использовать разные поэтические произведения и фрагменты, возникшие задолго до самого Гомера: «свое произведение он создал не простым склеиванием и складыванием частей; поэма отлично построена, несмотря на то, что многие места принадлежат другим и чувствуется разница в стиле...»⁴⁶⁰. Попытавшись выделить аутентичные части «Илиады», Виламовец-Мёллендорф пришел к выводу, что уже «после Гомера» поэма претерпела значительные изменения: собственно древняя основа сохранилась в I–VII, XI–XVII, XXI–XXIII песнях современной «Илиады». Известная нам «Одиссея» также, по его мнению, представляет собой результат деформации ранее существовавшей единой поэмы. Резюми-

---

тех или иных мест древнего текста, которые могли быть искажены последующей редакцией. Полагал, что точное знание классических текстов – единственный путь к пониманию интеллектуальной жизни древнего мира и главная цель филологии. Основал «критико-грамматическую школу» противостоящую школе историков-«антикваров» (Ф.А. Бёк, К.О. Мюллер и др.). Работал над изданием текстов античных авторов (Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана и др.).

⁴⁵⁸ *Джордж Грот* [Grote] (1794–1871) – британский банкир, политический деятель и историк, автор монументальной 12-томной «Истории Греции» («History of Greece», 1845–1855 гг.), написанной с либеральных и модернизаторских позиций. Раннюю греческую историю рассматривал с позиций гиперкритицизма, отрицая достоверность событий вплоть до VIII в. до н.э. Почетный член многих академий (в т. ч. Французской АН, куда был приглашен на место великого Т. Маколея), ученых обществ и университетов.

⁴⁵⁹ *Энно Фридрих Вихард Ульрих фон Виламовец-Мёллендорф* [Wilamowitz-Moellendorff] (1848–1931 гг.) – крупнейший немецкий филолог-классик и историк античной культуры, профессор в Грейфсвальде (с 1876 г.), Гёттингене (с 1883 г.) и Берлине (с 1897 г.), член Берлинской Академии Наук. Стремился к комплексному синтезу филологии и истории античной материальной культуры; расширил сферу изучаемого классической филологией материала, включив в число рассматриваемых периодов эпоху эллинизма. Известен как издатель и переводчик на немецкий язык трагедий греческих классиков (Софокла, Еврипида и др.), а также произведений лирических поэтов.

⁴⁶⁰ Цит. по: Гордезиани Р.В. Указ. соч. С. 19.

руя достижения немецкой филологии XIX в., советский исследователь «гомеровского вопроса» Р.В. Гордезиани писал: «В своих исследованиях Виламовиц обобщил все то, что, по его мнению, указывало на участие в формировании поэм разных поэтов, будь то текстологические или языково-стилистические расхождения. Следовательно, он сформулировал свои аналитические принципы и показал все возможности анализа»⁴⁶¹. С некоторыми вариациями аналитический подход (в виде различных модификаций «теории основного ядра»), подкрепленный авторитетом выдающихся филологов-классиков второй половины XIX–начала XX в. и археологическим открытием крито-микенской цивилизации, доминировал в гомероведении вплоть до Второй мировой войны⁴⁶². Вместе с тем, постепенное накопление новых фактов, разработка новых теорий зарождения и бытования эпоса, в том числе на материале эпических сказаний других народов и иных эпох, исподволь подготовили «переоценку ценностей» в «гомеровском вопросе».

В 1938 г. с критикой аналитического взгляда на «Илиаду» Гомера выступил немецкий филолог В. Шадевальдт⁴⁶³, реанимировавший унитарную традицию, идущую от Нича. При этом немецкий исследователь пошел гораздо дальше своих предшественников: ему удалось убедительно показать, что все эпизоды «Илиады» (даже самые отдаленные друг от друга) связаны «принципом взаимной подготовки», то есть органически взаимосвязаны между собой и без учета одного трудно понять другое. Тем самым, Шадевальдт «почти исключил деятельность интерполяторов и различных поэтов в формировании “Илиады”, исключив и возможность участия компилятора, ибо в противном случае была бы необъяснимой столь органичная взаимосвязь между отдельными частями поэмы»⁴⁶⁴. С работ Шадевальдта начинается перелом в гомероведении в пользу унитаризма, причем «новый унитаризм» обрел более прочную методологическую основу, нежели «унитарная теория» Нича и его сторонников: базой нового подхода стала «уверенность в абсолютной необязательности восхождения разветвленной нетривиальной структуры “Илиады” в процессе ее создания к структурам простей-

---

⁴⁶¹ Там же. С. 20. Сторонниками «теории основного ядра» в отечественном антиковедении были Ф.Г. Мищенко, С.П. Шестаков, Ф.Ф. Зелинский.

⁴⁶² Среди тех историков-гомероведов, кто и в эти годы последовательно отстаивал «унитарную теорию», следует отметить прежде всего немецкого исследователя Э. Дрерупа.

⁴⁶³ *Вольфганг Шадевальдт* [Schadewaldt] (1900–1974) – немецкий литературовед, филолог-классик и переводчик; профессор в Кёнигсберге, Фрайбурге, Лейпциге, Берлине и Тюбингене, член Прусской Академии Наук (с 1942 по 1950 гг.). Исследовал все виды древнегреческой поэзии, занимался греческой философией и историографией. Известен как переводчик на немецкий язык «Илиады» и «Одиссеи».

⁴⁶⁴ Гордезиани Р.В. Указ. соч. С. 20–21.

шим»⁴⁶⁵. Следует отметить, что в отношении «Одиссеи» метод Шадевальдта не дает столь же убедительных результатов, почему сам немецкий филолог пришел к выводу, что поэма не является единым произведением.

Почти одновременно с появлением фундаментальных исследований Шадевальдта «гомеровский вопрос» получил новое развитие в трудах американских историков М. Парри⁴⁶⁶ и А. Лорда⁴⁶⁷. Опираясь на результаты полевых фольклористических исследований, проведенных с югославскими певцами-импровизаторами и нашедших в дальнейшем подтверждение в ходе сравнительного анализа с эпическими традициями иных культур⁴⁶⁸, эти авторы пришли к выводу, что механизмом бытования устного эпоса, обеспечивающим его устойчивость в длительной временной перспективе, является передача от певца к певцу не готовых, сложившихся текстов (как полагали «аналитики»), но «запаса средств, используемых при порождении песни: традиционных сюжетов, канонических образов и ситуаций, а также стереотипных словесно-ритмических формул-словосочетаний»⁴⁶⁹. Пользуясь этим «запасом средств» (эпическими приемами и «формулами»), певец-сказитель способен каждый раз заново импровизировать песнь, выступая в глазах слушателей не как «автор устойчивых художественных текстов», а как «боговдохновенный» «сказитель историй» (*singer of tales*, в терминологии Лорда)⁴⁷⁰. Именно таким «Сказителем» с большой буквы, олицетворяющим собой «всех сказителей с незапамятных и бесписьменных вре-

---

⁴⁶⁵ Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. С. 7.

⁴⁶⁶ *Милман Парри/Пэрри* [Parry] (1902–1935) – выдающийся американский филолог-классик, фольклорист, автор «устной теории» происхождения гомеровского эпоса. Занимался полевыми исследованиями «живой» устной эпической традиции в Боснии, результатом которых было эмпирическое доказательство возможности появления произведений подобных поэмам Гомера в бесписьменной культуре.

⁴⁶⁷ *Альберт Бейтс Лорд* [Lord] (1912–1991) – профессор славистики и сравнительного литературоведения в Гарвардском университете, ученик Парри, внесший большой вклад в изучение гомеровского эпоса. В своих работах изложил последовательную теорию сложения и бытования эпического текста в бесписьменной культуре.

⁴⁶⁸ Успешный антрополого-лингвистический анализ типологических и конкретно-исторических особенностей гомеровского эпоса в сопоставлении с эпическими традициями других индоевропейских народов представлен в работах ученика Лорда, гарвардского профессора и директора Центра греческих исследований в Вашингтоне Г. Нады, см.: Nage G. *Greek mythology and poetics*. 1990. Рус. пер.: Надь Г. *Греческая мифология и поэтика* / Пер. с англ. М., 2002.

⁴⁶⁹ Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Указ. соч. С. 5.

⁴⁷⁰ Lord A. B. *The Singer of Tales*. Cambridge (Mass.), 1960; Idem. *Epic Singers and Oral Tradition*. Ithaca–London, 1990; Idem. *Singer Resumes the Tale*. Ithaca–London, 1995. Рус. пер. «The Singer of Tales»: Лорд А. Сказитель / Пер. с англ. М., 1994.

мен до наших дней»⁴⁷¹, стал для сторонников «теории устного эпоса» Гомер. Последователи «формульного стиля» Парри—Лорда радикально переосмыслили целый ряд традиционных гомероведческих вопросов, ибо «устный эпос не знает ни автора в обычном понимании этого слова, ни твердо установленного текста, ни точной даты создания, ни отделенных непроницаемыми барьерами редакций»⁴⁷². Таким образом, многие явления у Гомера, которые ранее рассматривались «аналитиками» как «интерполяции», в рамках нового подхода нашли убедительное объяснение и параллели из иных эпических традиций. В то же время, попытка авторов «теории устного эпоса» свести художественное своеобразие гомеровских поэм к стереотипному продукту «устного народного творчества» (И. Нотопулос, Дж. Кирк, Т. Кришер, Г. Надь; более острожно – М. Уэст, Р. Дженко; и др.) встретила критику и неприятие со стороны «новых унитариев», сохранивших, благодаря исследованиям Шадевальдта, филологический взгляд на генезис «Илиады» (в меньшей степени – «Одиссеи») как «авторского фиксированного текста» (Г. Лоример, А. Лески, В. Кульман, А. Хойбек, Дж. Холок, И. Латач, У. Хельшер; в отечественной науке – И.М. Тронский, Гордезиани, А.И. Зайцев; и др.). Вместе с тем, отрицать роль устной традиции для формирования поэм Гомера в настоящее время уже невозможно.

По мнению Л.А. Гиндина и В.Л. Цымбурского состояние «гомеровского вопроса» в конце XX в. можно охарактеризовать через выделение трех основных исследовательских парадигм: «Для одной текст Гомера – реализация эпического канона [«линия Парри—Лорда» – *М.Ш.*]. Для другой – выражение творческого сознания, во многом не укладывающегося в канон и активно переосмысляющего его, творя новые сюжетно-повествовательные формы для выражения своих установок [«новый унитаризм», т. е. «линия Шадевальдта» – *М.Ш.*]. И наконец, для третьей, сейчас переживающей кризис, в этом тексте слышится столкновение и борьба многих творческих актов, разных традиций, независимых, суверенных сознаний различных поэтов [«аналитики»⁴⁷³ – *М.Ш.*.]»⁴⁷⁴. Кроме того, следует учитывать, что былой накал борьбы между «аналитиками» и «унитариями» в значительной мере остался в прошлом; в настоящее время в гомероведении получила преобладание «промежуточная позиция», стремление к конструк-

⁴⁷¹ Лорд А. Указ. соч. С. 10.

⁴⁷² Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974. С. 14.

⁴⁷³ Несмотря на отмеченную специалистами «непопулярность» аналитического подхода к «гомеровскому вопросу» во второй половине XX в., в работах этого направления по-прежнему не ощущается недостатка: см. исследования В. Тайлера, Т. Яхмана, П. фон дер Мюлля, Р. Меркельбаха, Б. Марцуполло, Д. Пейджа, К. Шефольда, Ф. Гшницера; в отечественной науке – Л.С. Клейна; и др.

⁴⁷⁴ Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Указ. соч. С. 8.

тивному диалогу, учету позиций различных школ, научному синтезу (К.М. Баура, Холук, Э.Р. Швинге, Гиндин и Цымбурский, В.Н. Ярхо; и др.). Также существенно изменилось само содержание «гомеровского вопроса»: ключевой для историографии XIX – первой половины XX в. вопрос о том, когда были написаны поэмы Гомера и являются ли они произведениями одного автора, сменился более пристальным вниманием к проблеме историзма гомеровского эпоса, то есть вопросом о том, «какую историческую реальность он отражает и к какой эпохе следует относить описываемые Гомером общественные явления»⁴⁷⁵. Датируя создание гомеровского эпоса второй половиной VIII – началом VII в. до н.э. (большинство современных гомероведов полагает, что «Илиада» оформилась ок. 730 г. до н.э., «Одиссея» – «примерно на поколение позже»⁴⁷⁶), исследователи «гомеровского вопроса» не проявляют ныне заметного интереса к личности великого аэда (в силу состояния источниковой базы эта проблема, по-видимому, не имеет перспективного решения). Более того, существенная разница в датировке поэм, очевидно, делает проблематичным их отнесение к творчеству одного автора. Что касается второго вопроса, то с ним дело обстоит гораздо сложнее. О взаимоотношениях гомеровских поэм и микенского прошлого в настоящее время принято рассуждать очень осторожно. Несмотря на то, что в ряде случаев обнаруживается «удивительное сходство» между эпическими реалиями и археологическим материалом микенской эпохи⁴⁷⁷, в целом данные археологических раскопок ахейских дворцов плохо коррелируют с описаниями Гомера, что было блестяще показано в работах М. Финли и его учеников⁴⁷⁸. В результате от идеи «микенского Гомера» (восходящей еще к «научным поискам» Г. Шлимана) пришлось отказаться⁴⁷⁹. Но если микенские реминисценции в эпосе остаются лишь

---

⁴⁷⁵ Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.). СПб., 2002. С. 36–37.

⁴⁷⁶ Ярхо В.Н. Рец.: *Zweihundert Jahre Homer-Forschung. Rückblick und Ausblick* / Hrsg. von J. Latacz. Colloquium Rauricum. Band 2. Stuttgart; Leipzig, 1991. 552 s. // *Вестник древней истории*. 1993. № 4. С. 228.

⁴⁷⁷ Это отмечал, например, Андреев: «Так, знаменитый в рост человека щит Аякса оказался изображенным на клинке бронзового кинжала из IV шахтовой могилы в Микенах, украшенном сценой охоты на львов. Остатки шлема из клыков вепря, обнаруженные в той же могиле, живо напомнили описание такого же шлема в X песни “Илиады”, а найденный здесь же золотой кубок с двумя ручками, украшенными фигурками голубей, невольно ассоциировался с воспетым поэтом “двоедонным” кубком Нестора» (Андреев Ю.В. Указ. соч. С. 28).

⁴⁷⁸ Новаторский подход Финли к гомеровской эпохе наиболее полно отражен в его ставшей классикой антиковедения работе «Мир Одиссея», см.: Finley M. *The World of Odysseus*. N. Y., 1954.

⁴⁷⁹ Наибольшую преемственность между микенским прошлым и гомеровским эпосом демонстрирует лингвистический аспект, наименьшую – исторический.

«поэтическими окаменелостями», чудом уцелевшими в неомогенной культурной среде, тем не менее, всяческие «эксперименты по расчленению гомеровского текста на разновременные культурно-исторические слои наталкиваются на упорное сопротивление самого языка поэм, в котором старые (ахейско-эолийские) и новые (ионийские) формы слов тесно связаны между собой, образуя, по определению английского филолога Кёрка, своего рода лингвистическую амальгаму», которая есть не что иное, как языковое отражение культурной многослойности эпоса, то есть «культурной амальгамы», по определению того же Дж. Кёрка⁴⁸⁰. Признавая, что гомеровские описания следует относить большей частью к «темным векам» (что находит в последнее время убедительное археологическое подтверждение⁴⁸¹), современные исследователи расходятся во мнении относительно того, является ли «гомеровское общество» отражением конкретной исторической эпохи или только «поэтической фикцией, не имеющей опоры в исторической реальности»⁴⁸². В настоящее время (после длительной и, думается, еще не оконченной дискуссии) считается принятой «широкая» датировка «основных слоев эпоса» XI–VIII вв. до н.э., что, разумеется, существенно затрудняет работу с конкретным эпическим материалом. Избегая крайностей, все же следует, по-видимому, согласиться с выдающимся советским филологом и лингвистом Тронским, что «гомеровской “эпохи” как некоей синхронной реальности, изображаемой в эпосе, не существует; в эпосе отражена не отдельная эпоха, а огромная перспектива исторического развития. Это справедливо и по отношению к содержанию поэм, и в плане их языка»⁴⁸³.

M. V. Shisterov

Shisterov Maxim Valeryevich – the senior teacher of chair of general history of the Ural state pedagogical university, the candidate of historical sciences.

"HOMERIC QUESTION" AND

---

⁴⁸⁰ Андреев Ю.В. Указ. соч. С. 33. Подр. см.: Kirk G.S. The Songs of Homer. Cambridge, 1962. P. 179 ff.

⁴⁸¹ Наиболее показательны данные раскопок в Лефканди (о. Евбея), где был обнаружен «героон» с богатым женским погребением, датируемым первой половиной X в. до н.э., а также образец поселения раннего железного века в Нихори (Мессения), представляющие немало интересных параллелей с гомеровским эпосом.

⁴⁸² Туманс Х. Указ. соч. С. 38–39.

⁴⁸³ Тронский И.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 150.

PROBLEM OF TROJAN WAR (materials to a special course)

The homeric epos – poems "Iliada" and "Odyssey" – was created on the verge of two big historical eras, reflecting events of the end of the Achae-an world, crash of a Mycenaean civilization of the bronze age replaced so-called "dark for eyelids", and begun movement of society of ancient Greeks on a new way of development to actually antique civilization. Thus come to us the notice on Homer – the author of the great poems which have brought up, according to the philosopher Platon, all Greece – are doubtful, improbable or ambiguous. Recognizing that homeric descriptions should be carried mostly to "dark centuries" (that finds recently convincing archaeological confirmation), modern researchers disagree concerning, whether is "homeric society" reflection of a concrete historical era or only "the poetic fiction which doesn't have support in historical reality". Now (after long and, it appears, yet not ended discussion) "broad" dating of "the main layers of the epos" the XI-VIII centuries bc is considered accepted that, certainly, significantly complicates work with a concrete epic material. Avoiding extremes, nevertheless it is necessary to agree, apparently, with the outstanding Soviet philologist and the linguist Tronsky that "homeric "era" as the certain synchronous reality represented in the epos, doesn't exist; the separate era, and huge prospect of historical development is reflected in the epos not. It is fair and in relation to contents of poems, and in respect of their language".

Key words: homeric epos, poetry, history, mythology, Trojan war

Г.Н. Шумкин, Т.Г. Шумкина

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг. (материалы к лекции)

Историографическая ситуация периода Великой Отечественной войны характеризуется определенным свертыванием научно-исследовательской работы и реорганизацией системы исторической науки в связи с условиями военного времени. В годы войны определенные изменения произошли в тематике исследований советских историков. В ней были выделены акценты, связанные с борьбой России с иноземными захватчиками. В этой связи внимание историков стали привлекать страницы военной истории. В годы Великой Отечественной

войны в отечественной исторической науке сложилась ситуация, обусловленная военным временем и политикой партии и правительства, направленной на сплочение советского народа, подъём патриотизма и боевого духа. В результате эвакуации ведущие научно-исторические центры оказались в различных регионах страны, где их деятельность способствовала развитию организационной, научной, информационно-методической базы исторической науки. В работе историков одним из главных направлений работы в годы войны стала агитационно-пропагандистская деятельность. Те историки, которые не ушли на фронт, активно принимали участие в военно-патриотической работе. Отсюда и изменение тематики исторических исследований, обращение к военно-политической проблематике, отход от изучения вопросов классовой борьбы.

Ключевые слова: историческая наука, Великая Отечественная война, политика памяти

План:

1. Перестройка системы исторической науки в условиях военного времени.
2. Научно-пропагандистская деятельность историков.
3. Тематика исследований советских историков в годы войны.
4. «Исторический журнал» в период Великой Отечественной войны.

1.

23 июня 1941 г., на следующий день после нападения Германии на Советский Союз, состоялось расширенное заседание Президиума Академии наук СССР (далее – АН СССР), на котором рассматривался вопрос о перестройке работы АН в соответствии с требованиями фронта и тыла. Собрание постановило: «1) обязать все отделения и научно-исследовательские учреждения Академии наук пересмотреть тематику и методы исследовательских работ, направив всю творческую инициативу и энергию научных работников на выполнение задач по укреплению военной мощи СССР; 2) обеспечить научными силами и средствами научно-исследовательские работы по оборонной тематике; 3) закончить научно-исследовательские работы, могущие получить применение в обороне и в народном хозяйстве». Кроме того, было принято обращение «К ученым всех стран», в котором, в частности, говорилось: «В этот час решительного боя советские ученые идут со своим народом, отдавая все силы борьбе с фашистскими поджигателями войны, – во имя защиты

своей Родины и во имя защиты свободы мировой науки и спасения культуры, служащей всему человечеству»⁴⁸⁴.

Многие академические учреждения были эвакуированы из Москвы и Ленинграда в глубокий тыл: в Свердловск, Казань, Ташкент, Алма-Ату, Фрунзе, Самарканд, Ашхабад, Тбилиси и др. города. В результате во время войны были организованы новые филиалы и базы Академии. В 1941 г. была основана АН Грузинской ССР, в 1943 г. – Армянской ССР и Узбекской ССР, в 1945 г. – Азербайджанской ССР. Росла сеть научных учреждений в восточных районах страны. В 1943 г. были организованы Западно-Сибирский и Киргизский, а в 1945 г. – Казанский филиалы АН СССР. В 1944 г. в Коми АССР была создана база Академии наук. Увеличилось число научных учреждений Академии. В 1942 г. в систему АН был включен Тихоокеанский институт. В 1944 г. Президиум АН СССР были организованы Институт истории искусств и Институт русского языка⁴⁸⁵.

С началом войны стала осуществляться перестройка и системы исторической науки, составной частью которой явилась эвакуация исторических учреждений, архивов, музеев. Институт истории АН СССР был перебазирован в Ташкент и Алма-Ату, Московский университет – в Ашхабад, а позднее в Свердловск.

Влияние работы эвакуированных учреждений на развитие исторической науки в регионах, их принявших, трудно переоценить. Они заложили основы и дали новый импульс для развития региональной историографии, способствовали процессу становления и развития академической науки в регионах, формированию и организационному оформлению научно-исторических учреждений, коллективов и школ, созданию основ материальной базы академической исторической науки на местах.

В Ташкенте С.В. Бахрушин, С.Б. Веселовский, Ю.В. Готье занялись разработкой истории Узбекистана, в Алма-Ате коллектив под руководством А.М. Панкратовой обратился к истории казахского народа и т.д. В результате этой работы вышли в свет исследования соответствующей тематики. Так, например, в 1943 г. вышла «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», в которой впервые в историографии рассматривались проблемы этногенеза казахов, вопросы национально-освободительных движений, взаимоотношений русского и казахского народов⁴⁸⁶.

Система исторической науки в годы войны претерпела существенные изменения, связанные с расширением и специализацией сети

---

⁴⁸⁴ Цит. по: Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 3-е изд. М.; Л., 1964. С. 126.

⁴⁸⁵ Там же. С. 126–127.

⁴⁸⁶ История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). Алма-Ата, 1943.

исторических учреждений. В трудной обстановке первого года войны были созданы структуры, занимавшиеся сбором материалов по истории борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. В декабре 1941 г. по инициативе секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова при Московском комитете партии была создана Комиссия по истории обороны Москвы, которая в январе 1942 г. была переименована в Комиссию по истории Великой Отечественной войны, во главе которой встали начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) профессор Г.Ф. Александров и член-корреспондент АН СССР (позднее академик) И.И. Минц. Сотрудниками Комиссии были Г.А. Богуславский, Э.Б. Генкина, А.Л. Сидоров и др. историки. Комиссии по сбору материалов по истории войны были созданы также при ЦК ВЛКСМ, наркоматах, в армии и на флоте, в областях, краях и республиках. В 1943–1944 гг. такие комиссии были созданы и в освобожденных районах. Комиссиями был собран огромный комплекс документов, отражавших различные стороны жизни страны в военное время. Некоторые материалы были использованы в публикациях и исследованиях историков уже во время войны⁴⁸⁷.

В первые годы войны произошло сокращение изданий исторической периодики. Прекратился выпуск журналов «Красный архив», «Пролетарская революция», а «Историк-марксист» был слит с «Историческим журналом». Однако при первой же возможности издание исторических журналов возобновлялось на новой основе. Так, в 1944 г. стали выходить «Известия АН СССР. Серия истории и философии». В 1945 г. на смену «Историческому журналу» пришел журнал «Вопросы истории»⁴⁸⁸.

Таким образом, трудности военного времени не смогли приостановить деятельность научно-исторических учреждений, напротив, она приобрела новый размах. В годы войны активно работал Институт истории АН СССР, были созданы новые комиссии и секторы, разрабатывавшие вопросы военной истории, в результате эвакуации научных центров активизировалось развитие исторической науки в отдельных регионах страны.

---

⁴⁸⁷ Тихонов В.В. «Колесо истории работает в нашу пользу»: историк как пропагандист в годы Великой Отечественной войны // Былые годы. 2012. № 3 (25). С. 60.

⁴⁸⁸ Журнал «Вопросы истории» стал преемником «Историка-марксиста», «Борьбы классов» и «Исторического журнала», издававшихся в разное время в период 1926–1945 гг. Журнал «Историк-марксист» выходил в свет с 1926 г. по 1941 г. Журнал «Борьба классов» издавался с 1931 г., а в 1937 г. был переименован в «Исторический журнал». В 1941 г. журнал «Историк-марксист» (после № 6) слился с «Историческим журналом», который выходил в свет до 1945 г. В 1945 г. «Исторический журнал» (после № 5–6) был переименован в «Вопросы истории».

Историографическая ситуация периода Великой Отечественной войны характеризуется определенным свертыванием научно-исследовательской работы и реорганизацией системы исторической науки в связи с условиями военного времени. Традиционно в истории исторической науки СССР периода войны выделяют два этапа: 1941 – середина 1943 гг., когда в деятельности историков основное место заняла военно-патриотическая работа; вторая половина 1943–1945 гг., когда возобновилась научно-исследовательская деятельность⁴⁸⁹.

Данная периодизация носит условный характер, так как в годы войны научно-исследовательская работа, несмотря на определенные трудности, шла параллельно с военно-патриотической. Они составили своеобразный симбиоз, стороны которого оказывали воздействие друг на друга. Военно-патриотическая деятельность строилась на прочной научной базе, а научно-исследовательская работа, прежде всего, её проблематика, определялась патриотическими задачами. А.М. Панкратова⁴⁹⁰ охарактеризовала их конкретное содержание: «Знание боевых традиций и героического прошлого народов нашей страны чрезвычайно важно и необходимо в настоящих условиях. Воспитание новых поколений в духе этих боевых традиций – одно из оружий, способных ускорить победу над врагом»⁴⁹¹.

С началом войны многие историки ушли на фронт. Например, И.Д. Ковальченко – в будущем известный историк, источниковед, методолог, основоположник научной школы по применению количественных методов в исторических исследованиях – служил в артиллерии, награжден орденом Красного Знамени, медалями [«За отвагу»](#), [«За боевые заслуги»](#), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За взятие Вены»⁴⁹². Другой пример связан с биографией Л.Н. Пушкарева, который прошел всю войну в званиях от рядового до старшего сержанта, награжден Орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу». Впоследствии Лев Никитич стал известным историком, источниковедом, его работа «Классификация русских письменных источников по отечест-

⁴⁸⁹ Историография истории СССР (эпоха социализма). М., 1982. С. 120.

⁴⁹⁰ Анна Михайловна Панкратова (1897–1957) – советский историк, партийный и общественный деятель. Академик АН СССР (1953). Автор около 200 научных работ по истории рабочего класса и революционного движения. Известна своим учебником по истории СССР для средней школы.

⁴⁹¹ Панкратова А.М. Преподавание истории СССР в средней школе в дни отечественной войны против германского фашизма // Исторический журнал. 1942. № 5. С. 145.

⁴⁹² Ковальченко Иван Дмитриевич // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 02.06.2012); Милов Л.В. Иван Дмитриевич Ковальченко // Историки России XVIII–XX веков. Архивно-информационный бюллетень. Вып. 3. М., 1996. С. 155–165.

венной истории» (1975) считается классикой отечественной историографии источниковедения⁴⁹³. Те же историки, кто не вступил в ряды Советской армии, включились в решение задач военно-патриотической работы.

В 1941 г. было создано Бюро научной пропаганды АН СССР, в состав которого вошли историки. Главной задачей являлось разоблачение фашизма, агитационная работа по формированию образа непобедимой Советской армии.

Многие историки отправлялись на фронт для чтения лекций по исторической тематике, вели занятия в тылу, писали историко-патриотические книги и статьи. По словам М.В. Нечкиной⁴⁹⁴, «в годы войны огромный интерес вызывала военно-патриотическая тематика. Читались лекции и о знаменитых битвах в давние эпохи – Ледовом побоище, Куликовской битве, Бородинском сражении, и о великих полководцах – Суворове, Кутузове, и на обобщающие темы, например, «Мужественный образ наших великих предков». Привлекала большое внимание и лекция «Крах замыслов мирового господства в истории человечества»⁴⁹⁵.

В пропаганде особое значение приобрели лекции и работы по истории славянства. Они были направлены на опровержение инсинуаций нацистских историков и философов, заявлявших о неполноценности славянских народов. Идеология славянской солидарности оказалась востребованной в условиях военного времени. Особенно активно выступал историк-славист В.И. Пичета⁴⁹⁶. Им были опубликованы статьи «Гитлеру не покорить свободлюбивые славянские народы», «Исторические судьбы славянства» и др.⁴⁹⁷. Славяноведение станет одним из магистральных направлений советской историографии. В 1947 г. был открыт Институт славяноведения АН СССР.

---

⁴⁹³ Пушкарев Л.Н. Мой первый бой в рядах 3-й Московской Коммунистической дивизии // В годы войны. Статьи и очерки. М., 1985. С. 42; Пушкарев Лев Никитич // URL: http://library.by/portalus/modules/warcraft/special/remember.ru/others/pushkarev/pushkarev_r.htm (дата обращения: 02.06.2012).

⁴⁹⁴ Милица Васильевна Нечкина (1901–1985) – советский историк, академик АН СССР (1958). Специализировалась на истории декабристов, революционных движений в России XIX в. Являлась автором многих учебников по истории для средней и высшей школы. Лауреат Гос. премии СССР (1948).

⁴⁹⁵ Нечкина М.В. Лекции в дни войны // В годы войны. Статьи и очерки. М., 1985. С. 32.

⁴⁹⁶ Владимир Иванович Пичета (1878–1947) – советский историк, академик АН СССР (1946) и АН БССР (1928). Основные труды по социально-экономической и культурной истории России, Белоруссии, Литвы, Украины и Польши.

⁴⁹⁷ Тихонов В.В. Указ. соч. С. 61.

В агитации активное участие принимали и другие известные историки. А.И. Яковлев⁴⁹⁸ несколько раз читал по радио циклы исторических передач, посвящённых героическим страницам отечественной истории. С.В. Бахрушин⁴⁹⁹ опубликовал ряд работ историко-патриотического характера: «Дмитрий Донской», «Минин и Пожарский», «Москва в 1812 и 1941 годах», «Героическое прошлое русского народа»⁵⁰⁰.

В годы войны партийно-идеологическое давление на историческую науку несколько ослабло, но идеологические споры не утихали. Примером может служить совещание историков при ЦК ВКП(б) 1944 г., в ходе которого обсуждались случаи апологетики царской России, неправильной трактовки отдельных событий русской истории, попытки пересмотра марксистско-ленинской концепции истории. В резолюции отмечалось, что в работах советских историков не должно быть ни унижения русской истории, ни излишней её героизации. Акцентировалось внимание на необходимости усиления идеологической и массово-политической работы⁵⁰¹. Вследствие этого появились постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» и др.

Таким образом, военное время поставило перед историками задачи, связанные с военно-патриотической работой. Одно из её направлений – научно-пропагандистская деятельность. Основными формами агитационно-пропагандистской работы историков в годы войны были чтение публичных лекций и публикация брошюр военно-патриотической тематики. По данным исследователей, только за 16 месяцев с начала войны Институтом истории АН СССР было выпущено более 50 книг военно-исторической тематики⁵⁰².

3.

---

⁴⁹⁸ Алексей Иванович Яковлев (1878–1951) – советский историк, чл.-корр. АН СССР (1929). Труды и публикации документов по социально-экономической, военно-политической истории России. Лауреат Гос. премии СССР (1943).

⁴⁹⁹ Сергей Владимирович Бахрушин (1882–1950) – [русский](#) и [советский историк, чл.-корр. АН СССР \(1939\)](#). Круг научных интересов достаточно широк: история Киевской Руси, история Русского государства XV–XVII вв., история [Сибири](#).

⁵⁰⁰ Тихонов В.В. Указ. соч. С. 61.

⁵⁰¹ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 48.

⁵⁰² Корзун В.П. Историческая наука СССР в период Великой Отечественной войны // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 503.

В годы войны определенные изменения произошли в тематике исследований советских историков.

В ней были выделены акценты, связанные с борьбой России с иноземными захватчиками. В этой связи внимание историков стали привлекать страницы военной истории, в частности, Древней Руси. В 1941–1942 гг. Б.Д. Греков⁵⁰³ подготовил новое издание монографии «Киевская Русь», дополнив ее главой «Военный строй Киевской Руси». В 1942 г. им же была опубликована работа «Борьба Руси за создание своего государства», в которой доказывалась мысль о начале процесса образования государственности у восточных славян в VI в., когда сложился большой военный союз восточнославянских племен во главе с дулебами.

В 1942 г. исполнилось 700 лет со дня Ледового побоища. Этому событию были посвящены научные сессии, выставки, многочисленные публикации историков. Достаточно активно выступали Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров⁵⁰⁴ и др. историки. Ими была показана картина немецкой агрессии против русских земель и Прибалтики в XII – XIII вв., раскрыто значение разгрома крестоносцев. Особое внимание при этом было уделено жизни и деятельности Александра Невского.

Усилился интерес историков к личности и политике Ивана IV Грозного, особенно в связи с разработкой проблемы образования Русского централизованного государства. Деятельность Ивана IV анализировалась многими историками, например, Р.Ю. Виппером, С.В. Бахрушиным, И.И. Смирновым. Особенно И.В. Сталину понравилась книга Р.Ю. Виппера⁵⁰⁵, трижды переиздававшаяся в годы войны (1942, 1944, 1945 гг.). Автор рассматривал Ивана IV как гениального организатора и вождя, который смог понять необходимость радикальных действий по отношению к княжеско-боярской оппозиции. Определенная идеализация царя отмечается и в исследованиях С.В. Бахрушина, который основной целью внутренней политики Ивана IV считал ликвидацию пе-

---

⁵⁰³ Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) – советский историк и общественный деятель, академик АН СССР (1935). Специализировался на истории Древней Руси (проблема образования государства у восточных славян, проблема генезиса феодализма, культура Киевской Руси, история русского крестьянства с X до XVII вв., история Золотой Орды).

⁵⁰⁴ Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965) – [советский историк](#), академик [АН СССР](#) (1953). Область научных интересов: история России и народов СССР с древнейших времен до XIX в., история славянских стран и Византии, [историческая география](#), [источниковедение](#), [палеография](#), [дипломатика](#). В 1941 г. вышла его работа «Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII–XV вв.».

⁵⁰⁵ Роберт Юрьевич Виппер (1859–1954) – русский и советский историк, академик АН СССР (1943). Известен как антиковед и медиевист. В годы ВОВ большой популярностью пользовалась его работа «Иван Грозный» (М.; Л., 1942, 1944, 1945).

режитков феодальной раздробленности, а реформы Избранной Рады и опричнину оценивал как неизбежный этап борьбы за централизацию⁵⁰⁶.

В истории России XVII в. внимание исследователей привлекал сюжет, связанный с рассмотрением истории нижегородского ополчения 1612 г. и его роли в изгнании польско-шведских интервентов из Москвы (С.В. Бахрушин, А.И. Порусов).

В годы войны был сделан существенный вклад в изучение петровской эпохи (Б.Б. Кафенгауз⁵⁰⁷, В.В. Мавродин и др.). Авторами было раскрыто значение реформ Петра I в деле укрепления России, показана его роль как организатора регулярной армии. Достаточно подробно была описана история Северной войны 1700–1721 гг.

Особое внимание было уделено историками военной истории XVIII в. В исследованиях К.В. Базилевича, Н.М. Коробкова, И.И. Полосина нашла отражение история Семилетней войны 1756–1763 гг. Обращает внимание изучение Н.М. Коробковым деятельности фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского, с именем которого историк связывал оформление русского военного искусства. Многочисленные работы были посвящены полководческому искусству А.В. Суворова (Л.Г. Бескровный, А.Н. Боголюбов, Б.В. Златоустовский, Г.П. Мещеряков и др.).

В 1942 г. прошли научные сессии, посвященные Отечественной войне 1812 г. и Бородинскому сражению, вышли в свет многочисленные исследования, посвященные войне 1812 г. (Л.Н. Бычков, М.Г. Брагин, Н.А. Левицкий и др.). Среди них центральное место занимает труд академика Е.В. Тарле⁵⁰⁸ «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год» (М., 1943; 2-е изд.). Автор воссоздал широкую панораму боевых действий, образы русских полководцев и военачальников, руководителей партизанского движения и героев войны 1812 г. В это же время вышла в свет и другая работа Е.В. Тарле – «Крымская война» (в 2-х т.), в которой была убедительно показана дипломатическая и военная борьба середины XIX в. Автор обстоятельно описал действия Черноморского флота, борьбу на театрах военных действий, героическую оборону Севастополя. Он попытался оспорить некоторые высказывания Ф. Энгельса относительно внешней политики России и русской армии. Накануне и в годы Великой отечественной войны Е.В. Тарле написал ряд очерков о вы-

---

⁵⁰⁶ См.: Бахрушин С.В. Иван Грозный. М., 1942; Он же. Избранная рада Ивана Грозного. М., 1945.

⁵⁰⁷ Бернгард (Борис) Борисович Кафенгауз (1894–1969) – советский историк, в 1940–1965 гг. – старший научный сотрудник Института истории АН СССР. Автор ряда работ, в частности, по истории петровского времени: «Внешняя политика России при Петре I». (М., 1942); «Северная война и Ништадтский мир (1700–1721)» (М.; Л., 1944).

⁵⁰⁸ Евгений Викторович Тарле (1874–1955) – русский и советский историк, академик АН СССР (1927). Автор ряда работ, в частности, «Наполеон», «Нашествие Наполеона на Россию», «Талейран», «Крымская война». Лауреат Гос. премий СССР (1942, 1943, 1946).

дающихся русских полководцах и флотоводцах: М.И. Кутузове, П.С. Нахимове, Ф.Ф. Ушакове. В 1942 г. вышла его историко-публицистическая работа «Гитлеровщина и наполеоновская эпоха», в которой Наполеон как великий преобразователь противопоставлялся А. Гитлеру.

При разработке проблем послеоктябрьской истории основное внимание исследователей было уделено Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войне. В 1942 г. вышел второй том «Истории гражданской войны в СССР», авторы которого (И.И. Минц, П.Н. Поспелов, Е.М. Ярославский, Э.Б. Генкина, Е.Н. Городецкий, И.М. Разгон, И.П. Товстуха) были удостоены Сталинской премии.

Таким образом, вместе с перестройкой системы исторической науки в соответствии с требованиями военного времени менялась и тематика исторических исследований. Эти изменения были связаны с новыми задачами, поставленными перед историками: способствовать подъему патриотических чувств, боевого духа, единению народа перед лицом врага, осознанию готовности к самопожертвованию во имя Победы. Это делало необходимым разработку военной истории страны, освещение боевой славы русской армии и флота, партизанского движения, примеров личного героизма и народного подвига.

4.

«Исторический журнал» был ведущим в системе исторической периодики в годы Великой Отечественной войны. В начале войны изменилась рубрикация журнала. Исчезли рубрики «История в школе» и «Консультации», появилась новая рубрика – «Исторические заметки». Трудности военного времени заставили редакцию журнала выпускать вдвоенные номера, сокращать количество публикаций. В таблице 1 представлена динамика выхода в свет «Исторического журнала» в годы войны и среднее число статей, приходившихся на один номер:

Таблица 1
Динамика издания «Исторического журнала» в годы Великой Отечественной войны*

Год	Кол-во статей	Кол-во номеров	Среднее число статей на номер
1941 (с № 7)	45	4	11,25
1942	95	10	9,5
1943	69	8	8,6
1944	70	8	8,75

* Составлено и подсчитано по: Исторический журнал // http://annales.info/sbo/contens/ist_zhur.htm

Анализ тематики «Исторического журнала» показывает, что в годы войны более 70% статей приходилось на освещение проблем военной и политической истории (см. табл. 2). Подавляющее количество статей (более 45%) было посвящено военной истории, заметное место в тематике публикаций занимали история революционного движения (11,5%), история международных отношений (10,8%) и различные аспекты политической истории (4,3%). Следует отметить, что если в первые годы Великой отечественной войны наблюдается рост числа публикаций по военной тематике (в 1941 г. – 32 статьи; в 1942 г. – 47), то по мере приближения к Победе количество статей по вопросам военной истории постепенно сокращается (до 29 в 1943 г. и 18 в 1944 г.), а по другим темам (история культуры, социально-экономическая история) – возрастает.

Таблица 2

Тематика статей «Исторического журнала» в годы Великой Отечественной войны*

Тематика статей	Кол-во статей					%				
	41	42	43	44	Всего	41	42	43	44	Всего
Военная история	32	47	29	18	126	71	49	42	26	45,2
Революционное движение	1	12	8	11	32	2,2	13	12	16	11,5
Международные отношения	7	7	9	7	30	16	7,4	13	10	10,8
Политическая история		4	4	4	12		4,2	5,8	5,7	4,3
Историческая портретистка		3	5	9	17		3,2	7,2	13	6,1
Источники	1	6	2	2	11	2,2	6,3	2,9	2,9	3,9
Страноведение	1	5	2	2	10	2,2	5,3	2,9	2,9	3,6
Социально-экономическое развитие	2		2	5	9	4,4		2,9	7,1	3,2
История идей и учений	1	3	3		7	2,2	3,2	4,3		2,5
История культуры			3	2	5			4,3	2,9	1,8

История науки		1	1	2	4		1,1	1,4	2,9	1,4
Музееведение				3	3				4,3	1,1
Этнография		1	1	1	3		1,1	1,4	1,4	1,1
Методика преподавания истории		2			2		2,1			0,7
История городов				2	2				2,9	0,7
Без определенной темы		2			2		2,1			0,7
Археология				1	1				1,4	0,4
Воспоминания		1			1		1,1			0,4
География				1	1				1,4	0,4
Методология истории		1			1		1,1			0,4
Итого:	45	95	69	70	279	100	100	100	100	100

* Составлено и подсчитано по: Исторический журнал // http://annales.info/sbo/contens/ist_zhur.htm

Специфика времени отразилась на географии изучаемых проблем. 126 статей затрагивают проблемы отечественной истории, 74 – истории зарубежных стран, а 71 статья затрагивала проблематику отношений между СССР или государствами и народами, ранее существовавшими на его территории, и зарубежными странами (дипломатика, культурные связи, военная история и т.д.). Всего сюжеты, связанные с историей СССР, затрагивались в 72% публикаций, а по зарубежной истории – в 53%.

В годы Великой отечественной войны сохранился европоцентристский подход в освещении всемирной истории. Анализ статей «Исторического журнала» показывает, что в годы войны от 84 до 77% публикаций было связано с историей европейских стран. Основное внимание уделялось истории Германии (более 1/3 всех публикаций по зарубежной истории), но интерес к ней по мере приближения Победы постепенно ослабевал (см. табл. 3). Следует отметить, что внимание историков к Германии было обусловлено как интересом к истории современности – начавшимся изучением Великой Отечественной войны, так и изучением истории сопротивления германской оккупации 1918 г.

Таблица 3

Отражение истории отдельных частей света в публикациях «Исторического журнала» периода Великой Отечественной войны*

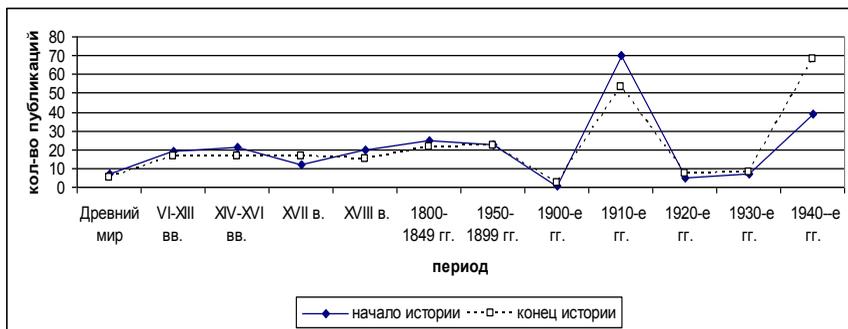
	Кол-во					%				
	1941	1942	1943	1944	Итого	1941	1942	1943	1944	Итого
Европа в т.ч. Германия	33	44	31	27	135	84,6	74,6	77,5	77,1	78,5
Азия	15	21	14	9	59	38,5	35,6	35,0	25,7	34,3
Африка	4	8	2	5	19	10,3	13,6	5	14,3	11,0
Америка			1		1			2,5		0,6
Мир в целом	1	2	4	1	8	2,6	3,4	10	2,9	4,7
	1	5	2	2	10	2,6	8,5	5	5,7	5,8
Всего	39	59	40	35	172	100	100	100	100	100

* Составлено и подсчитано по: Исторический журнал // http://annales.info/sbo/contens/ist_zhur.htm

Фокус внимания на проблемах современности и второго десятилетия XX в. хорошо иллюстрирует график 1. Он представляет распределение публикаций «Исторического журнала» по историческим эпохам. График показывает, что периоду 1910–1920 гг. посвящена большая часть публикаций. Кульминационным событием данного периода являлись Октябрьская революция 1917 г. и гражданская война, которые стали важнейшим рубежом и отечественной истории, и её историографии.

График 1

Распределение публикаций «Исторического журнала» периода Великой Отечественной войны по историческим эпохам и периодам*

* Составлено и подсчитано по: Исторический журнал // http://Annales.info/sbo/contens/ist_zhur.htm

Анализ хронологии публикаций «Исторического журнала» свидетельствует о том, что советских историков больше интересовала история событий, явлений и процессов протяжённостью в пределах одного века. Темы, связанные с событиями, хронологически «укладывавшимися» в один год (это, как правило, сюжеты военной и политической истории) составляли 38% публикаций, из них 2/3 относились к эпохе Новейшего времени. На долю явлений и процессов, длившихся в течение 2-100 лет, приходилось около 47% статей, причем, главным образом, речь шла о Новом и Новейшем времени. 15% публикаций приходилось на долю истории структур (века и тысячелетия), при этом основная масса подобного рода статей хронологически укладывалась в эпоху Средневековья и Новое время. Именно в эти исторические эпохи шли процессы государствообразования, формирования наций, экономических систем, общественных структур (см. табл. 4). В целом же, прослеживается общая закономерность: «великое видится на расстоянии» – чем древнее изучаемые события, тем, как правило, больше изучаемый временной отрезок. На долю проблем Древнего мира пришлось 4% публикаций, Средних веков – 14,9%, Нового времени – 32,5%, Новейшего времени – 48,6%.

Таблица 4
Распределение публикаций «Исторического журнала»

периода Великой Отечественной войны по историческим эпохам*

Временные отрезки изучаемых событий	Древний мир	Средние века	Новое время	Новейшее время	Всего
1 год	-	5	24	66	95
2-5 лет	-	1	9	28	38
6-19 лет	-	1	10	9	20
20-100 (начало)	-	9	31	18	
20-100 (конец)	-	7	23	28	58
101-1000 (начало)	6	20	7	-	
101-1000 (конец)	3	11	15	4	33
Св. 1000 (начало)	4	1	-	-	
Св. 1000 (конец)	2	-	3	-	5

* Составлено и подсчитано по: Исторический журнал // http://annales.info/sbo/contens/ist_zhur.htm

В публикациях «Исторического журнала» периода войны представлены деятели разных исторических эпох (всего выявлено 44 имени).

Таблица 5
Персоналии на страницах «Исторического журнала» в годы Великой Отечественной войны*

Кол-во упоминаний	Персоналии
9	Ленин В.И.
6	Маркс К.
5	Петр I
4	Гитлер А.
2	Готье Ю.В., Кромвель О., Кутузов М.И., Наполеон, Сталин И.В., Энгельс Ф.
1	Валиханов Ч., Александр Невский, Апраксин Ф.М., Банзаров Д., Батый, Белобородов И., Васильевский В.Г., Воронцов С.Р., Врангель П.Н., Герцен А.И., Даниил Галицкий, Дмитрий Донской, Драгомиров М.И., Жан Жорес, Жебелев С.А., Забелин И.Е., Иван Грозный, Клаузевиц К., Коперник, Крижанич Ю., Муссолини Б., Прудон П.-Ж., Румянцев П.А., Савин А.Н., Само, Скотт В., Срезневский И.И., Суворов А.В., Уинстэнли Дж., Успенский Ф.И., Ушаков Ф.Ф., Фредерик IV, Фрунзе М.В., Ярослав Мудрый

* Составлено и подсчитано по: Исторический журнал // http://annales.info/sbo/contens/ist_zhur.htm

Из таблицы 5 видно, что в центре внимания историков находились основоположники марксизма-ленинизма, их идейно-теоретическое наследие (В.И. Ленин, К. Маркс, Ф. Энгельс, И.В. Сталин). Устойчивым был интерес к эпохе Петра I (разрабатывались вопросы внешней политики, международных и дипломатических отношений, развитие уральской горнозаводской промышленности, историографические сюжеты). Большое внимание уделялось личности А. Гитлера и его завоевательной политике. Неоднократно на страницах «Исторического журнала» историки обращались к военно-политической деятельности О. Кромвеля, Наполеона, М.И. Кутузова. Из этого ряда выдающихся государственных, политических и военных деятелей несколько выбивается имя советского историка, академика Ю.В. Готье. Интерес к нему был связан с его кончиной в декабре 1943 г. В 1944 г. в № 2-3 были опубликованы статьи С.В. Бахрушина и Н. Савицкой, посвященные научной биографии Ю.В. Готье и обзору его важнейших трудов. Данные таблицы 5 показывают, что среди персоналий единичных публикаций также преобладают государственные и политические деятели, военачальники и полководцы, военные теоретики и историки.

Таким образом, содержание «Исторического журнала» в годы ВОВ, с одной стороны, отражало общие тенденции развития советской историографии – акцент на разработке проблематики Нового и Новейшего времени (особенно XIX – первой трети XX вв.), истории революционного движения, с другой стороны, очевиден поворот от социально-экономической истории к истории военно-политической, обусловленный текущими событиями.

В годы Великой Отечественной войны в отечественной исторической науке сложилась ситуация, обусловленная военным временем и политикой партии и правительства, направленной на сплочение советского народа, подъём патриотизма и боевого духа. В результате эвакуации ведущие научно-исторические центры оказались в различных регионах страны, где их деятельность способствовала развитию организационной, научной, информационно-методической базы исторической науки. В работе историков одним из главных направлений работы в годы войны стала агитационно-пропагандистская деятельность. Те историки, которые не ушли на фронт, активно принимали участие в военно-патриотической работе. Отсюда и изменение тематики исторических исследований, обращение к военно-политической проблематике, отход от изучения вопросов классовой борьбы.

G. N. Shumkin, T.G. Shumkina

Shumkin Georgy Nikolaevich – the research associate of Institute of history and archeology of the Ural office of the Russian Academy of Sciences, the candidate of historical sciences.

Shumkina Tatyana Gennadyevna – the associate professor of general history of the Ural state pedagogical university, the candidate of historical sciences, the associate professor.

The SOVIET HISTORICAL SCIENCE in days of the GREAT PATRIOTIC WAR of 1941-1945. (materials to lecture)

The historiographic situation of the period of the Great Patriotic War is characterized by a certain curtailment of research work and reorganization of system of historical science in connection with wartime conditions. In the years of war certain changes happened in scope of researches of the Soviet historians. In it the accents connected with fight of Russia with overseas aggressors were allocated. In this regard pages of military history began to draw attention of historians. In days of the Great Patriotic War in domestic historical science there was the situation caused by a wartime and a policy of the party and the government, directed on unity of the Soviet people, lifting of patriotism and fighting spirit. As a result of evacuation the leading scientific and historical centers appeared in various regions of the country where their activity promoted development of organizational, scientific, information and methodical base of historical science. In work of historians as one of the main directions of work in the years of war there was an agitation and propaganda activity. Those historians who didn't leave on the front, actively took part in military patriotic work. From here and change of scope of historical researches, the appeal to a military-political perspective, withdrawal from studying of questions of class fight.

Key words: historical science, Great Patriotic War, policy of memory

IV. Историко-литературные опыты

А.В. Гладышев

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ РУИН*

Обработав карандашные пометы на полях трамвайных билетов, путеводителей, рекламных проспектов и прочих бумажек, часто скапливающихся в карманах туристов, систематизировав эти клочки в хронологическом порядке, я получил более или менее связанное, хотя и фрагментарное повествование о пребывании в Израиле двух саратовских историков – А.В. Гладышева и В.В. Хасина. Учитывая, что сегодня писателей в России становится едва ли не больше, чем читателей, а все большую популярность приобретает жанр путешествий, данные заметки рекомендуются всем любителям историко-культурного туризма и бескультурного отдыха.

Ключевые слова: повседневность, Израиль, историческая память, культурный туризм

«Частью своего существа ты думаешь, что территория твоей памяти принадлежит тебе; надо бы закрепить это законодательно – чтобы все сохранялось точно в таком виде, как было раньше».
(*Кэрролл Джонатан. «Поцеловать осиное гнездо»*)

От автора

Обработав карандашные пометы на полях трамвайных билетов, путеводителей, рекламных проспектов и прочих бумажек, часто скапливающихся в карманах туристов, систематизировав эти клочки в хронологическом порядке, я получил более или менее связанное, хотя и фрагментарное повествование о пребывании в Израиле двух саратовских историков – А.В. Гладышева и В.В. Хасина. Должен предупредить читателя, что все фамилии в тексте изменены до полной неузнаваемости физиономий. Чисто научная и образовательная составляющие поездки сознательно опущены, а внимание сосредоточено на повседневных мелочах жизни, проходящей на фоне исторических руин.

---

* Печатается в сокращении.

Привычка к строгому научному анализу не позволила автору прямо фальсифицировать записи, сделанные непосредственно в ходе поездки; автор настаивает, что никакого вранья он в повествовании не допустил, но при этом подчеркивает, что как и любой мемуарист он имеет право не только на долю самоиронии, но и на долю фантазии.

Учитывая, что сегодня писателей в России становится едва ли не больше, чем читателей, а все большую популярность приобретает жанр путешествий, данные заметки рекомендуются всем любителям историко-культурного туризма и бескультурного отдыха.

Итак, декабрь 2011 года...

Иерусалим. Новый город

Сначала об отеле. «Букинг ком.», через который мы бронировали этот отель, уже через два дня после нашего возвращения нетерпеливо требовал отзывать... Так они есть у меня.

Отель «Цион». Расположен на улице Ришоним, к которой на такси не подъедешь, пешком сначала никак не найдешь (на ней всего-то не более 10 домов), но потом все время на нее натыкаешься. Секрет в том, что коротышка Ришоним визуально выходит одновременно на две центральные улицы – Бен Йеуда и Яффо... Яффо – дорога для нас и к Старому городу, и к центральному автовокзалу, пешеходная Бен Йеуда – и к банкоматам, и к русским магазинчикам на соседней Бен Гилель. Из них не могу не упомянуть продуктовый «Пять братьев» с родными кильками, балтийскими шпротами, свинными краями, советским шампанским и даже для нас экзотичными газированной водкой и 96% спиртом в литровых бутылках для ностальгирующих граждан Израиля.

Расположение отеля имеет свои как преимущества, так и недостатки. С одной стороны – самый центр, все рядом, с другой, близлежащие улицы – место вечерних тусовок тинэйджеров, заполняющих с наступлением темноты уличные кафе, чтобы выпить чашку кофе, или просто праздношатающихся и орущих от полноты чувств до двух часов ночи. Это место выступлений уличных музыкантов, неустанно лупящих в барабаны под ободряющий визг толпы. На затерянной Ришоним так же есть кафе, в котором, кстати, одно время завтракали постояльцы «Циона», и в котором работают посменно то евреи, то арабы, так что и шабат (естественно, в арабскую смену) проходит по «сокращенной программе». Слышимость в номерах хорошая, так что скучать не будете...

Да, в некоторых номерах отеля («улучшенных», как значится на его сайте) есть такой прикол: дверь на балкон имеет только *внутреннюю* ручку и английский замок. Так, что если вы, выйдя не балкон, нечаянно захлопните за собой дверь, то вам придется, *как это пришлось мне*, на забаву собирающей внизу поглазеть толпы, срочно вспоминать английский язык и кричать «Хелп ми!»... Надо сказать, что дежурный на ресепшене к разочарованию зевак быстро отреагировал и отпер меня: видно дело это было для него уже привычное. Свобода передвижения была возвращена, но осадок, согласитесь, остался.

Разобравшись с койко-местами, наутро отправились на поиски источника бесперебойного питания в виде какого-нибудь супермаркета. В округе (то, что на наш взгляд можно считать «округой») такового не оказалось. Зато помимо вышеуказанных русскоязычных подобию гастрономов «Фортуна» и «Пять братьев», возглавляемым Шмуликом, чьим рыжим бровям позавидовал бы и Леонид Брежнев, в четырех квар-

талах (по Бен Гиллель и Агрипас – пешком, по Яффо – на трамвае) от Ришоним расположен самый большой открытый рынок в Иерусалиме «Махане Иегуда». Мешки пряностей, горки известных и малоизвестных (типа «глаза дракона» или «сахарного яблока») фруктов, ящики орехов, цукатов, сыры, рыба, сладости, пита и хала, сувенирные лотки и небольшие ресторанчики, - и над всем этим непрекращающиеся вопли продавцов, старающихся как на олимпийских играх перекричать друг друга, нахваливая свой товар. А, финики?! Огромные, сочные и совершенно не похожие на тех расплющенных и подвяленных таракановпруссаков, которых под видом египетских фиников по удачному случаю можно было купить в магазинах бывшего СССР. Покупайте на здоровье! На ихнее «бэвэкоша» (пожалуйста) у нас есть ихнее же «тода» (спасибо)... А, сыр?! А, вот, с сыром у нас вышла небольшая накладка. Выбирали, выбирали и выбрали самый «аутентичный»: хоть и называется «Махаби», и надписи на иврите, но при ближайшем рассмотрении оказался обыкновенным французским камамбером, причем не самым хорошим... В.В. Хасина это мое «открытие» немного огорчило: то ли неловко как-то стало за единокорцев, то ли просто камамбер не любит... Потом уже мы выяснили, что лучше было попробовать козьего сыра «Сатаф» – с фермы, расположенной в одноименном национальном парке.

Из продуктов «первой необходимости» (на взгляд В.В.) купили хумусу и его верной спутницы тхины. Наши хумус и тхина были внешне похожи на оконную замазку, хотя бывают и пожиже...

Блюдо хумус – фактически салат из одноименного бобового растения, доведенный до консистенции пюре или пасты. Другое название растения – турецкий горох или нут. Хумус советуют приправлять оливковым маслом, посыпать красной паприкой и кедровыми орешками... Некоторые добавляют в него рубленые яйца и петрушку... Но мы к этому еще не были морально готовы. Гороховое пюре с кедровыми орехами? Нам не надо было, как в свое время Нерону, лечиться таким способом от чесотки, но зато это оказалось дешево и вкуче с непременной питой калорийно. Есть в Израиле и специальные ресторанчики – хумусии или хумусийоты – специализирующиеся на хумусе.

Что касается тхины, то это паста из семян сезама (восточного кунжута). Ее широко используют в качестве соуса, добавляя лимонный сок, чеснок, петрушку и специи. Как уверяют кулинарные книги, тхина обладает «приятным кислотавым вкусом с легкой горчинкой». Но рекламировать ее бесполезно – будете в Израиле, все рано придется попробовать: израильтяне ее как русские сметану или американцы кетчуп добавляют куда угодно. Эта удивительная пища оказалась единственным продуктом, который не замерз в нашем гостиничном холодильнике

включенным по недосмотру на полную мощность... Вечером мы пробовали ей закусывать араку... Кстати, к концу недели мы уже научились отличать арабскую араку за 32 шекеля от еврейской за 35 шекелей: голосование в пользу последней и решающий голос (я воздержался) – В. Хасина.

После посещения базара немного побродили без особой цели...

Из дневника натуралиста: «В полудреме в подсознании всплывали образы мира: мир как часовой механизм, мир как самоорганизующаяся и стремящаяся к равновесию система и мир как система, развивающаяся по законам нелинейного хаоса...»

Если идти по ул. Яффо к Старому городу, то с левой стороны увидите мозаичное керамическое панно, изображающую карту 1585 «Мир-трилистник» из путеводителя по святой земле Генриха Батинга, на которой Иерусалим представлен как центр мира, как цветоложе, соединяющие лепестки континентов Азии, Африки и Европы. Бантингу, имевшему более адекватные знания о географии, но не пожелавшему сопротивляться уже привычной картографии, трилистник напоминал герб родного Ганновера, а иерусалимцам, бережно хранящим эту карту в своей картографической коллекции Еран Лаор, – приятно быть «пупом» (пусть и символическим) вселенной.

Везде, где мы видели зеленые насаждения – будь-то парк в ста мерах от берега Средиземного моря в Ашкелоне или скверик подле Верховного суда в Иерусалиме – везде мы находили следы пребывания человека Питающего и Отдыхающего. То там, то сям натыкаешься на мангалы с остатками угля. Все чисто, без мусора. Но и без того ясно, что гуляли.

...Мне запало словечко, брошенное как-то мадам Роль-Танги (дочь Анри Танги – одного из руководителей французского движения Сопротивления), когда мы несколько лет назад небольшой, но дружной компанией собирались на выходной в Фонтенбло: «Мы там будем *пикниковать!*»... Так вот, обозрев улики в израильских парках, мы пришли к заключению о популярности среди местного населения *пикникования*. В израильской кулинарной культуре есть даже специальное понятие – «Аль ха-эш» – «на огне». У кого есть дом с лужайкой – вообще нет проблем, остальные любители жареного пользуются общественными мангалами в парках. Кто-то назвал «мангализм» национальным израильским видом спорта, в котором есть несколько дисциплин: стейки, кебабы, шашлыки, куриные крылья, колбаски, овощи и т.д. У каждого «спортсмена» или «команды» свои рецепты маринада и соуса. Проигравших, наверное, не бывает.

Я было предложил В.В. закупить свинины в «русском магазине» у Шмулика и... Но он отказался: «Неудобно как-то»... Мне почему-то

показалось, что из Хасина аутентичный еврей уже не получится... Это все равно, что в настоящий сацебели добавить петрушки... – получится «российский вариант» сацебели.

Еда Иерусалима

Детей раньше пугали рыбьим жиром. Помню пузырек с жидкостью трудно передаваемого тёмно-желтого оттенка, из которого в столовую ложку наливают тягучую жидкость с запахом, который я и сейчас ни с чем не перепутаю. И за всем этим нетерпеливые, строгие и выражающее непреклонное намерение глаза мамы или бабушки, – глаза, внимательно следящие, чтобы все до капельки попало по предназначению: так понималась одна из составляющих родительского долга. При этом было принято приговаривать, что рыбий жир необычайно полезен и просто необходим для молодого растущего организма. Выражение глаз, фальшивая интонация, – все напоминало уже усвоенный урок лжи во благо – урок с уколами: «Раз, и все! Как будто комарик укусил». Тревогу и недоверие вызывали как раз сама напряженность ритуала и интуитивно угадываемая решимость родителей сломить возможное сопротивление дитяти. Так пугали детей, но я не помню испуга. Нет, мне подносили ко рту ложку, советуя пить, не нюхая (аналогичный совет, но уже от других людей я получу позже относительно водки), и я глотал, а испуга не было. Правда моя опытная во врачевании бабушка немного присаливала это чудодейственное средство, что несколько улучшало его вкусовые качества, а на закуску давала кусочек горбушки черного хлеба. Поскольку я не плакал и, стараясь угодить любимым мною людям, почти безропотно принимал это снадобье, скорее обозначая, нежели оказывая сопротивление, то считался «хорошим мальчиком». Что касается необыкновенной полезности рыбьего жира... Не уверен во взаимосвязи, но с годами у меня проявилась страсть к вобле...

Такие ностальгические воспоминания нахлынули на меня при посещении в Иерусалиме уже упоминаемого выше «русского» магазина *а ля* советский гастроном. Зашли мы сюда вовсе не для того, чтобы закупить свиных краев и наконец-то испортить свои фигуры, засорить холестеринowymi бляшками свои сосуды и изломать пару зубочисток (хотя всего этого уже хотелось). Нет. Нет плиты в гостинице... Мы зашли сюда в поисках отдохновения, в поисках разнообразия. Так усталый от долгой и однообразной супружеской жизни муж вздыхает, глядя из окна проезжающего мимо пляжа автомобиля на молодые тела... А на заднем сиденье о своем вздыхает супруга: «Гляди на дорогу!». То есть это за моей спиной тихонько вздохнул Хасин: плиты-то у нас не было...

Как уже, наверное, понял дорогой читатель, настало время поговорить о еде. Не о каких-то изысканных блюдах или деликатесах, а о повседневной пище, встречающейся на улицах вечного города. О пище туристов и студентов, солдат и торговцев, арабов и евреев, хасидов и атеистов.

Тут необходимо сделать небольшое теоретического плана отступление и разобраться с понятийным аппаратом: что такое «еда», а что такое – также встречающаяся на страницах этих заметок – «закуска».

Еда – это проза, а закуска – поэзия. Разве «еда» может быть романтической? Разве какой-нибудь поэт осмелится срифмовать «еда» и «езда»? На официальном языке больничного распорядка дня или армейского устава «еда» превращается в «прием пищи». Много ли романтики и поэзии в окрике, от которого во сне вздрагивают казарменные «салаги»: «Прием пищи окончен!» Это даже не вопрос. Это прямой путь к энурезу.

Есть понятия раскрывающие, уточняющие, о какой именно «еде» идет речь. Например, – «завтрак». Он не имеет ничего общего с завтрашним днем, ибо ешь-то ты его именно сегодня! И уже в этом – его противоречивость. Завтрак – как супружеский долг: хочешь, не хочешь, а надо. К тому же завтрак пять раз в неделю напоминает о предстоящем рабочем дне. Поскольку о поэзии трудовых будней мы писать не станем, то вычеркнем «еда на завтрак» из графы «романтика» (если, конечно речь не идет о завтраке, подаваемом молодой стройной мулаткой в постель). «Обед»... Обед, сука, нейтрален. Он, как правило, деловой. Подразумевается, что он невинен, как благословение пастора при свете дня. Хотя я, признаюсь честно, принимал участие в обедах, плавно переходящих в ужин... «Ужин» – другое дело. Ужин интимен, ужин многообещающ. Это не только символ окончания рабочего дня, это прелюдия ночи. И никакой уважающий себя Ужин не может обойтись без закусок...

Если «еда» звучит как выстрел, как окрик командира, то «закуска» – это идеология, это уже, если хотите, из лексикона политрука. Это подразумевает. «Закусска»... смакуйте, растягивайте букву «с»... будите воображение и заставляйте выделяться желудочный сок. Можно любовно – «закусь». Но помните, почти все производные от «закуски» – «перекус», «перекусить» и т.д. – лишь обедняют звучание, напоминают нам жаргон электромонтера и изжогу, не говоря уже о том, что они абсолютно не аппетитны и не поэтичны. Некоторые хозяйки, рассчитывая сразить гостей «основным блюдом» (дурацкое выражение из телепередачи), не уделяют должного внимания закускам. А напрасно. Как театр начинается с вешалки, так застолье – с закусок. Первое впечатление очень важно. Да и не исключено, что к «горячему» уже не все пой-

мут, где рыба, а где мясо. Прав был булгаковский профессор Преображенский – оперирование закусками – искусство.

Продолжая ссылки на авторитеты, замечу, что это Эфраим Кишон как никто близко подошел к простой и величественной в своей простоте истине, хотя так и не дал ей четкой формулировки: еда обеспечивает лишь насыщение, а закуска – обязательная составляющая оргии. Конечно, закуска может обойтись и без оргии (тут все дело в количестве ингредиентов и составе участников), но настоящая оргия без закуски – никогда.

Вооружившись такими теоретическими знаниями, перейдем непосредственно к описанию нашего «рациона повседневности» («повседневного рациона») – точнее, но менее поэтично).

В Иерусалиме едят постоянно: в кафе, на скамейке в сквере, за прилавком, на ходу. Забегаловки, где можно быстро перекусить, – практически в каждом квартале (не считая многочисленных кафе и ресторанов)... Два продукта фаст-фуда царствуют в Иерусалиме – шварма и фаллафель. Конечно, есть и Макдональдсы, и пиццерии, но... Зачем вам это в Израиле?

«Шварма» (в быстром произношении) или «шуАрма» в Иерусалиме – это то, что в Питере «шаверма», в Москве (да и большинстве других городов РФ) – шаурма, в Турции – донер-кебаб, а в Мексике – фахито или буррито. Вообще-то это слово означает и мясо птицы (индейка или курица), не содержащее костей и сухожилий, и способ его приготовления. В Иерусалиме преобладают две разновидности – арабская и еврейская. В арабской – больше от барана, в еврейской – от индюка. Говорят, что где-то в Иордании ее готовят из верблюжьего мяса... Но в любом случае, если хотите ее попробовать, нужно пойти не куда-нибудь, а в швармочную. Просто по идее ее только там и готовят.

Конечно, если вам нужна просто еда, то можете считать шварму жареным мясом с салатом в пресной хлебной лепешке, но, если вам как романтику интереснее закуска, то не оскорбляйте швармочников и читайте далее!... Мясо 12 часов маринуется в смеси уксуса, оливкового масла и разнообразных специй. Пласты мяса нанизывают на вертикальный вертел, иногда (если того требует рецептура и позволяет религия) сверху закрывают бараньим жиром. Лафу или питу (что вы сами выберете) смазывают (если вы на вопросительный взгляд продавца кивнете головой) изнутри соусом, приготовленным на основе тхины с добавлением сока лимона, мелконарезанной зелени и зубчика чеснока. Если вы любите острые ощущения или ваша прабабушка когда-то вышла замуж за огнееда, то попросите еще «харифа» (острого). Это может быть «схуг» – йеменское изобретение любителей ядерного зеленого перца или «амба» – продукт индо-иракского транзита желто-оранжевой

приправы на основе манго, уксуса и горчицы. Для полноты ощущений не забудьте тогда перед началом трапезы поставить рядом с собой бутылку араки.

К шварме полагаются на выбор (это демократичная страна) салаты и приправы. Десятки разновидностей. Салат из мелконарезанных свежих помидоров с огурчиками (по арабскому рецепту) или маринованный лук, отдельно полукружия уже соленых огурчиков. Салат из свежей капусты, оливки, маслины, болгарский перец, остренькие баклажаны жареные во фритюре, картофельная соломка фри... Никакого кетчупа и майонеза! Это подчеркивает «самость» культуры органолептически...

Подают ее на вынос либо в пите (лепешке), либо в лафе (лаваше), а в отдельных кафе и на тарелке. В последнем случае салаты вы накладываете себе сами – сколько и какие хотите. Но мало ли что и как могут приготовить и подать в кафе или ресторане! Ресторанная шварма по отношению к шварме из угловой швармочной – как домашний маменькин ботан – к уличному мальчишке.

Два таких искушенных в хитростях отечественного общепита путешественника как я и Хасин быстро сообразили, что размер «уличной» швармы всегда практически один и тот же, ибо больше чем можно в лафу просто не завернешь и швармовщик на глазок определяет количество ингредиентов, чтобы в прямом смысле затем свести концы лафы с концами. Полагая, что чем меньше будет в шварме салатов и картошки, тем больше – собственно мяса, можно конечно проигнорировать большинство предложений по добавкам, но порции и без того достаточно большие и, умоляю, не лишайте себя удовольствия от обжаренных в специях баклажанчиков!

Теперь о фалафеле. Он еще более демократичен, чем даже шварма, и стоит в среднем в два раза дешевле (около 10 шекелей). Едят его все и бедные студенты, и состоятельные менеджеры в дорогих костюмах. Когда-то в Израиле шутили, что ни один израильтянин еще не полетел в космос, потому что не удалось поместить фалафель в тубик. В космосе израильтянин уже побывал, а фалафель так и остался визитной карточкой израильского общепита. Его иногда называют «израильским гамбургером». Но, то главным образом сами американские снобы. Фалафель в Иерусалиме также органичен как жареные каштаны на парижских улицах... Он больше, чем просто еда.

Во фритюре перекальваются коричневые небольшие (с мелкую картошку или крупную фрикадельку) шарики. Из чего?

...Ни одна самая завязтая модница не поинтересуется, каков состав того дубильного раствора, в котором вымачивались шкурки зверьков, пошедших на пошив ее шубы. В случае с едой человек более щепе-

тилен, едва ли кто-то скажет: мне безразлично и неинтересно, из чего приготовили это блюдо, которое я ем первый раз в жизни. Как бы первый раз не стал и последним...

Фалафель – радость вегетарианцев. Основной ингредиент – нут или турецкий горох (он же «горох шиш» или «бараний горох»). Измельченный в блендере горох заливается водой и смешивается с булгуром – крупой из пшеницы, придающей блюду ореховый привкус. Сюда же добавляют лук, чеснок, зелень (кинза, петрушка) и специи (кумин, кориандр, кардамон, различные сорта перца и т.п.). Вылепленные из этого теста шарики и обжаривают в кипящем масле. По три-четыре шарика помещают через боковой разрез в теплую питу, в которую же добавляют опять на выбор овощные салаты и тхину. Содержащиеся в продуктах белки и минералы полезны, снижают вероятность раковых и сердечных заболеваний. Местная реклама так и гласит: «Когда отличный фалафель – отлично все!». Популярность фалафеля на Ближнем Востоке подчеркивают усилия Ассоциации производителей Ливана, которая одно время даже хотела оспорить право Израиля производить и экспортировать это «чисто ливанское блюдо»...

...Если хочешь понять с кем ты вчера, наевшись фалафеля, едва не согласился связать свою судьбу, то посмотри утром на свою еще спящую подругу и еще раз крепко подумай... Так и путешественник, выбирая бюджетный отель, обращает внимание на отзывы своих предшественников о подаваемых там завтраках. В конце концов, что-то съеденное утром может вызвать изумление вашего желудка и тем самым определить дальность маршрута днем. Как правило, в отелях Израиля завтрак входит в стоимость номера, и, как правило, проходят они в самом отеле. В отеле «Сион» и на этот случай была (да, да, именно «была») своя фишка. Завтраки подавались в соседнем кафе на той же самой, забытой богами всех религий и указателями на всех языках, Ришоним. Здесь предлагалось на выбор несколько видов завтраков во главе с «израильским». Если кому доведется здесь завтракать, то и выберите себе его и не верьте тем писакам-блогерам, что уверяют будто и остальные тоже «вполне съедобны». Обильны – да, но съедобны – только условно и не все. Все остальные виды завтраков как будто включены в меню специально только для того, чтобы оттенить именно «израильский завтрак», и пробуждать у путешественника уважение к этой богатой стране и ее трудолюбивому и щедрому народонаселению. Мы с В.В., будучи обречены, по крайней мере, почти три недели завтракать в этом заведении, решили поэкспериментировать. Вызывая снисходительную усмешку у официантов, попробовали было пристраститься к некоему подобию «американского завтрака» с «сэндвичами». Но каждый раз вставали в тупик от вопроса, задаваемого каждый раз разными официантами на

разных английских диалектах: «Вам сэндвич с болгарским сыром или с желтым?» Устав от подобной альтернативы и устав удивлять желудки результатами своего выбора, мы обратились к «израильским завтракам», вызвав у обслуживающего персонала кафе философско-родительское удовлетворение как от возвращения заблудшего дитяти к родным пенатам.

Официанты в Израиле живут на чаевые. В ресторане чаевые обычно составляют около 10% от суммы счета. Но поскольку счет на завтрак нам не выписывался, являясь коммерческой тайной администрации «Циона», мы попали в несколько затруднительное (с психологической точки зрения) положение. Сообразив на третий день, что от нас ожидается по завершении трапезы, мы оставили на столике 10 шекелей и потом вяло спорили, достанутся ли они официантке или же проходящему мимо маргиналу и вообще, какова примерная стоимость завтраков в отеле «Цион».

Мы стали свидетелями исторического события местного масштаба. Администрация «Циона» отказалась от услуг уличного кафе (или же те отказались обсуживать непьющих по утрам постояльцев отеля). Тем, кто когда-то здесь останавливался или планирует это сделать, спешим сообщить: теперь завтракать будете в холле. Завтрак «по-ционовски» – неизменная яичница. По умолчанию – омлет, хотя можно попросить (например, невербально – изображая пальцами два кружка под глазами) глазунью.

...Мы поискали, где бы отведать «иерусалимское рагу» – национальное блюдо, которое, как уверял один путеводитель, готовят «в каждой семье». «Рагу» – четыре вида куриного тельца: мясо, селезенка, сердце, печень... Не то, что семья В.В. ничего об этом не слышала, но и нам самим найти едальню, где бы удовлетворили наше любопытство, не удалось. Хотя, надо признать, поиски были не очень настойчивыми и ограничивались бермудским треугольником, где бесследно пропадали наши шекели – пространством между рынком, винными магазинами и гастрономами подле отеля.

Нам еще рекомендовали отведать здесь так называемой «иерусалимской смеси», родиной которой считается облюбованный нами рынок Махане Иегуда. Действительно, на улице Агрипус есть небольшое кафе (стейкиёт), где в пите с неизменными хумусом и тхиной или острыми соусами («схуг» и «амба») подают это самое «меурав ерушальми» из куриных или индюшачьих субпродуктов, обжаренных в большом количестве лука и специй (кумин, шафран, паприка и др.). Впрочем, думаю, хозяева всех «уличных» забегаловок в округе хоть под присягой подтвердят, что именно в их заведении в свое время и было изобретено это

блюдо. Так мы сделали вывод, что «иерусалимская смесь» – те же потроха, что и «иерусалимское рагу», только сбоку...

Иерусалим. Шабат

...В.В. как-то сам о себе сказал: «Я просто такой человек – никому не могу отказать. Если бы я родился женщиной, я бы, наверное, был постоянно беременным». Вообще-то фраза не хасинская, а из нашего шоубизнеса... В.В. от себя добавил только окончание: «...и не знал от кого». Ну, это он на себя наговаривает...

Хасин всячески заманивал меня посмотреть музей катастрофы европейского еврейства «Яд ва-Шем» (наверное, он, чья семья потеряла почти всех родственников в годы Второй мировой, так представлял себе свой «долг памяти»), я же стоял за национальный парк (одновременно – сельскохозяйственный музей) Сатаф в Иерусалимских горах (на восточном склоне г. Эйтан) или же Библейский зоопарк – одно из самых популярных мест в Иерусалиме, в котором собраны все животные согласно библейской истории о Ковчеге... Кстати, почему в «списке спасения», как и вообще в *канонических* библейских текстах, не упомянута кошка? Не оттого ли, что соседние египтяне ценили ее едва ли ни выше человека, бальзамировали и поклонялись «твари» как божеству? В результате этих грустных размышлений над судьбами человечества не попали ни туда, ни сюда...

На территории еврейского национального университета осмотрели ботанический сад и могилы древних иудеев периода Второго храма. Но это попутно. Поверьте мне, специально ради этих могил и полдюжины золотых рыбок в малюсеньком прудике сюда приезжать не стоит.

...Посещение Музея истории Израиля – 48 шекелей. Посещение центрального Ботанического сада (это не тот, что мы видели в Ар а-Цофим, а тот, вход в который находится у торгового центра на пересечении Йеуда Бурла и Бецалель Безак – да, вы запомните! Ведь не найдете потом ни парк, ни торговый центр! – 30 шекелей. А, вот, посещение общественных туалетов в парке рядом с Верховным судом – бесплатно! Вывод: Иерусалим – город высокой культуры.

Видели Кнессет, напротив которого расположился пикет в поддержку бывшего президента Израиля Моше Кацава, получившего семь лет тюрьмы по обвинению в сексуальных домогательствах и изнасиловании: 7 декабря официально началось его заключение. 5-6 человек неопределенного возраста мирно пообедали и смеялись на фоне ватмана с фотографией «узника плоти»...

Проведя неделю в трудах праведных в университете и министерстве абсорбции В.В. отправился на выходные навестить родственников, я же оказался один на один с наступающим шабатом...

Из дневника натуралиста: «У орангутанга, как и у человека, в стрессовых ситуациях выпадают волосы. Но в отличие от людей, у обезьян они потом отрастают»... Как-то там у Хасина пройдет сегодня встреча с его бывшими женой и тещей?...

В ночь с четверга на пятницу, накануне шабата – то ли «набат», то ли «шабаш». С особым остервенением бьют барабаны, наперекор одинокой электрогитаре, выводящей серенаду солнечной долины. Наиболее популярные среди молодежи пешеходные зоны заполнены, как автобус в час пик. И, как кондуктора стремящиеся «обилетить» пассажиропоток, медленно, но упорно среди толпы протискиваются редкие полицейские на мотоциклах. Публика танцует, поет и что-то кричит. В кафешках ни одного свободного места. Русского крестьянина в страду «каждый день год кормит», а здесь у продавца шоколадных вафель каждый час достойный шабат обеспечивает...

К 4 часам пятницы город постепенно затих, словно устав или устывшись от вчерашнего веселья. Хозяева фаллафельниц, сувенирных лавочек, кафе закрыли свои железные занавесы. Помыли забрызганные тестом и маслом тротуары. Прекратилось всякое движение общественного транспорта. Быстро наступили зимние сумерки. Исчезло все. Толпы неугомимых покупателей, бомжи, попрошайки, продавец крепки, хасиды, смело глядящие тебе в глаза еврейские девушки и громогласные арабские подростки. Строительные краны замерли, вытянув на фоне темнеющего неба в одном направлении свои стрелы, шумные разнорабочие «молдаване» выключили отбойные молотки и покинули стройки будущих отелей. Улицы опустели. Тихая звездная декабрьская ночь шабата накрыла великий город Ершалаим.

Утро субботы: за окном ни гула машин, ни гомона толпы, лишь редкое карканье ворон и щебет какой-то пичуги... Вставать не хотелось, но пора идти с детьми в синагогу, а потом откусать вторую трапезу святого шабата... Да, что это я?! Уф... Не проснулся еще. Это же все Хасина проблемы.

Ашкелон

Мы ничего не знали об этом городе, кроме того, что Хасин там не был. Конечно, сам по себе этот факт не такая уж большая достопримечательность (Хасин не был еще во многих других городах), но где-то из подсознания выплыло что в средние века копье Св.Георгия, которым он

убил дракона, называлось Аскалон, и мы решили отправиться в самый Юго-Западный город Израиля (на границе с Газой) – Ашкелон.

Конечно, уже в пути из подсознания стали всплывать и другие исторические факты об этом городе, некогда почерпнутые, но за невозможностью задвинутые в самые дальние уголки памяти... Так мастер «рабочего стола» предлагаем вам удалить «неиспользуемые ярлыки», но вы упорно за них цепляетесь как бы еще надеясь, что вот-вот начнете их «использовать».

Первая ассоциация с городом – здесь разворачивалась ветхозаветная история Самсона и Далилы, вдохновившая в свое время на шедевры и Сен-Санса, и Рубенса, и многих других. Поучительная история о коварстве женщин и значении прически в истории навела на некие размышления о родине... Но прибытие на конечную станцию прервало мрачное течение мыслей.

Город поразил безлюдными улицами и редкими машинами. «Наверное, все на работе», – подумали мы. Двигаясь наугад, без карты в сторону моря, к счастью мы интуитивно набрали на Национальный парк, считающийся самым красивым в Израиле... Хасин по дороге к морю пытался поесть какую-то местную разновидность, по его заверениям, «съедобного кактуса», но после нескольких пробных укусов выяснилось, что кактус «еще не зрел» (вероятно, целью В.В. были плоды кактуса Сабрес).

Вход в Национальный парк оказался платным, хотя, как нам подсказала скужающая в ожидании автобуса на остановке русскоязычная репатриантка преклонных лет: «Можно пройти и бесплатно, но до нужного места обходить далеко...». Стена вокруг парка еще только строится, так что, заходя с севера, готовьте 27 шекелей, а, заходя с юга-востока, – вытрясать песок из обуви.

«Живописные развалины» (ну, а какие же еще?) погребены частично песком, но именно в Национальном парке можно лицезреть большинство сохранившихся древних памятников. Здесь среди развалин колоннад Ирода и древних синагог местные жители по выходным устраивают пикники или слушают выступления артистов на площадке *а ля* римский амфитеатр. По периметру парка то там, то сям просматриваются остатки крепостной стены, в основание которой крестоносцы с присущей им рачительностью заложили остатки античных колонн.

Этот город, пожалуй, можно считать столицей древнего Ханаана: самый старый и самый крупный морской порт. Упоминается в древнегреческих текстах такой давности, что дух захватывает, когда ты там... Тут мы о своих «деяниях» умолчим...

Это перекресток торговых путей. Где-то здесь проходила Дорога Благовоний в Аравию, здесь встречались дороги из Египта, Месопота-

мии, Малой Азии. Остатки интенсивной торговли прошлых тысячелетий мы наблюдали на обрывающихся в море откосах плато из песчаника. Культурный слой мог бы порадовать глаз любого археолога (за исключением разве что самых маститых, таких как В.И. Кац, который, едва выслушав ваши восторги и скептически оценив размах ваших рук, призванный продемонстрировать глубину этого самого «культурного слоя», непременно бросил бы в ваши для убедительности широко распахнутые глаза: «Это еще что, вот у меня в одной из Причерноморских экспедиций был случай!...»). Метровые наслоения (по некоторым оценкам до 16 метров, но мы такого не видели) остатков человеческой жизнедеятельности (в основном керамики) последовательно Ханаанского, Филистимского, Финикийского, Эллинистического, Римского, Византийского, Исламского периодов, и, наконец, крестоносцев. Отсюда некогда вышли гиксосы, потрясшие в свое время египтян и все еще устрашающие современных нерадивых студентов, сдающих тому же В.И. Кацу Древний Восток...

Конечно, данное послание не может служить пособием для сдачи зачета по истории Ашкелона, но постараюсь не слишком напутать.

Город начинается в ворот... Нам повезло – самые древние *арочные* ворота в мире (как гласил сопровождающий их указатель) – первое, на что мы натолкнулись в парке. Это ворота Древнего Ханаана периода его расцвета, сквозь них могла беспрепятственно проехать колесница... И мы прошли под цилиндрическими сводами, как сквозь тоннель: стены города были весьма широкими и высокими. И сегодня их остатки сохранились на высоту до 3,5 – 4 метров. Пройдя через ворота, облазили остатки охранных башен из сырцового кирпича. Охраняться было от кого. Ни один стратег, реализующий свои воинственные планы на Ближнем Востоке, не мог миновать этот город.

После ханаанейян, здесь обосновались филистимляне, но некоторое время спустя после превращения Навуходоносором II города в холм (внезапная гибель землянки, а тем более целого города – всегда подарок для археолога), филистимлян сменили финикийцы. Персов сменили греки. Когда-то шурин Александра Македонского повесил здесь несколько десятков женщин, обвиненных в оккультизме, и хотя живописных следов этого, без сомнения, «деяния», следов достойных для демонстрации туристам, до нашего времени не сохранилось, шурин в истории остался. В средние века этот родной город Ирода Великого принадлежал византийцам, персам, арабам. Естественно, не обошлось без крестоносцев. За него дрались Готфрид Бульонский и Раймунд Тулузский (что вдохновило Г. Доре на очередной шедевр), Балдуин Иерусалимский, Саладин и Ричард Львиное Сердце. Даже передовые отряды монголов Хулагу-хана в XIII в. пасли в окрестностях этого, как утвер-

ждают современные путеводители, «одного из самых зеленых городов Израиля» своих коней.

Древняя история города обрывается на XIII в н.э.: арабский городок Маджал, принадлежавший Османской империи, мог похвастаться разве что присутствием здесь в 1799 г. Наполеона...

Столь славная история местности и вдохновляющая безлюдность побережья подтолкнули нас на спонтанные археологические изыскания... Понятно, что лопаты под рукой не оказалось, и мы ограничились «подъемкой».

На самом краю обрыва я нашел закраину сосуда: валиковая керамика, с глубокими наколками вдоль венчика... Что-то такое еще «ручной лепки», что-то «ханаанское». Даже не специалисту ясно, что дождями нет-нет да и вымоет, что-то ускользнувшее от глаз археологов профессионалов, равно как и любителей. Хасин поцокал языком и удвоил энергию поисков: решил взять массой... Потом в аэропорту при досмотре таможенники с удивлением будут взирать на его кучку битых античных или даже средневековых горшков, которую они было приняли за взрывоопасный (по меньшей мере – подозрительный) материал. «Удачливый» В. Хасин как нарочно для досмотра (чтобы не проморгали) рядом со своими археологическими «находками» умудрился упаковать еще и соль, отбитую им с камней Мертвого моря, и опутать все это проводами от телефонной «зарядки»... Но у таможенников Израиля, видимо не слишком ценящих черепки и соль мертвого моря, ни то, ни другое не вызвало ничего кроме чувства облегчения, смешанного с удивлением: «Это-то им в России зачем»?...

Закатав штаны и побродив воль кромки прибоя, мы, чтобы передохнуть от археологических усилий присели, на камни. Лениво потягивая купленное еще на автовокзале местное израильское пиво, мы не только чувствовали, но почти видели ветер, дующий с каменистого плато Негев на радость дюжине любителей кайт-сёрфинга (или кайт-бординга, или как там его?), прыгающих по волнам напротив набережной Ашкелона.

...Лишь вечером, вернувшись домой, из теленовостей узнали, что в этот день израильские спецслужбы ликвидировали двух террористов в Газе и, из опасений ответного запуска «кассанов», в Ашкелоне было рекомендовано жителям не покидать домов... Было бы иронией судьбы, если бы я – один из членов учредителей Русского Национального Собора пострадал в Израиле от рук палестинских борцов за независимость...

Яффо

Наполеон Бонапарт в свое время, оценивая итоги Сирийского похода, написал: «Было бы непростительно отправиться в Иерусалим, не захватив Яффо». Ну, раз уж Наполеону была «крайняя необходимость»...

Нам с В.В., – имея опорную базу в Иерусалиме, было совершенно невозможно не выйти на оперативный простор и не покорить Яффо. История нам этого просто не простила бы. Да и не только история...

По преданиям, именно на этом месте, где залив на 400 метров вдается вглубь побережья, старик Ной строил ковчег, а уже после потопа один из его сыновей Яфет вернулся в родные места и отстроил город («яфе» и «йюфи» означают на иврите «красивый», «миловидный» или «красота», «очарование»). С той поры этой красотой (как, впрочем, и всеми соседними городами побережья) стремились овладеть многочисленные народы и полководцы. Перечень практически тот же, что и для Сен-Жан д'Арк (см. выше): египтяне, филистимляне, финикийцы, ассирийцы, греки, римляне, арабы, крестоносцы, мамлюк Бейбарс, турки, Наполеон...

13 вантоза VII года по республиканскому календарю авангард французской армии под командованием Жана-Батиста Клебера прибыл под стены Яффо и занял позицию для наблюдения за противником в двух лье от города, на дороге в Сен-Жан д'Арк; дивизии Бона и Ланна встали на линию осады вокруг города... Армия расположилась лагерем под апельсиновыми деревьями; апельсины были зрелые, небольшие, белые, но очень сладкие. Они были очень приятны солдатам...

Сегодня эта дорога погребена под асфальтом Тель-Авива, но можно прогуляться до Яффо по самой кромке воды Средиземного моря, внешний вид вод которого не сильно изменился со времен Сирийского похода Наполеона и, имея определенную долю фантазии, разделить радость пропыленных переходов гренадер при виде лазурных волн нежно ласкающих белый песок.

В марте 1799 года вся пехота Абдаллаха, во главе с ним самим, укрылась в Яффе. Здесь были магрибинцы, албанцы, курды, анатолийцы, караманийцы, дамаскинцы, уроженцы Алеппо, чернокожие из Тэку и в том числе элитные 1 200 константинопольских канониров. Население Яффо насчитывало 7000-8000 душ, включая несколько сот греков. Со стороны суши город защищали очень высокие, но безо рвов стены, построенные в виде полувосьмиугольника с артиллерийскими башинями на углах. Шквальный огонь из тридцати орудий был ответом на попытку 4 марта частей Мюрата провести рекогносцировку местности. В ночь с 4 на 5 марта французы соорудили осадную траншею и выставили три батареи напротив башни, защищавшей южную оконечность города. 6 марта, несмотря на вылазки гарнизона, работы по

подготовке штурма были успешно закончены. Рано утром 7 марта по приказанию Бонапарта Бертье отправил к коменданту крепости Абдаллаху эмиссара с требованием сдачи города, но посланца республиканской Франции зверски убили. Отрезанные и насаженные на пики его голову и голову сопровождавшего его трубача под улюлюканье толпы выставили на самых высоких башнях крепостной стены, а трупы сбросили со стен к подножью осадных батарей...

...Хасин завел свою песню, что командовать авангардом моей армии он де еще может быть и согласился бы, но вот всякие там переговоры о сдаче – это не его, «увольте», он «еще молод» и т.д. В общем весь эффект смазал. А так было все хорошо задумано: *восьмичасовая арт-подготовка, потеря почти половины личного состава саперов, подготавливавших бреши в стенах, пуля, сбившая треуголку с головы будущего императора Франции и поразившая стоявшего позади него полковника, который был ростом всего на семь дюймов выше, послеобеденный штурм силами дивизий Бона с севера и Ланна с юга, уличные бои, рукопашная, отчаянное сопротивление турок и ярость французов, возмущенных убийством парламентаров. Схватки за каждый дом и смерть на штыках и солдат, и мирных жителей. Грабежи и насилия до утра. И всюду - кровь, кровь, стекающая по желтым мостовым узких улочек к соленому морю. Пляска смерти и крики в ночи молящих о пощаде: «Месри, месри!»...*

А-ах, картина какая! Я ему: «Пойдем, скорее, посмотрим, где тут французские пушки того времени выставлены на обозрение туристов». А он: «Мост исполнения желаний, мост исполнения желаний»... Я ему: «Монастырь Св. Николая! Здесь держали несколько тысяч пленных турок, потом приказали расстрелять. Потом здесь организовали чумной лазарет...» Он мне: «Видел я эту картину: Наполеон героически пожимает руку заболевшему чумой французскому солдату. Вранье!... Лучше – на смотровую площадку и фото с видом на Тель-Авив»... Мы успели все. Но сердце как-то дрогнуло, когда на небольшой центральной площади этого памятника людских амбиций и страстей увидел штук пять-шесть полуметровых пластмассовых наполеончиков, радушно протягивающих руку туристам. Такие аляповатые и обшарпанные, что грустно.

Доставшиеся победителям тридцать разнокалиберных пушек крепости, запасы сухарей десятилетней давности, арабские короткие мечи для офицеров и штуцеры для солдат, ворохи награбленного, которые оставшиеся в живых местные жители тут же выкупили за одну десятую его стоимости, кульки с сахаром и кофе, узлы разноцветных шалей и халатов, – все зря.

В местном скверике, где мы присели отдохнуть, наслаждаясь панорамой Средиземного моря и Тель-Авива, убиралась бригада рабочих. Такие все черные, худые, низкорослые, что я принял бы их за бушменов, если бы не синие комбинезоны. Один из них, отколовшись от общей стайки, выскочил на полянку, где мы отдыхали, и наткнулся на такой же синий как его комбинезон пластмассовый поломанный ящик из-под бутылок. Трудно передать выражение округлившихся глаз этого «бушмена»: и предвкушение, и сомнение. Он, как бы не веря в свою удачу, с опаской обвел глазами лужайку и вопросительно посмотрел на нас. «Бери!», – добро махнули мы ему рукой. Он быстро удалился в кусты, спеша показать добычу товарищам. «Молодой еще, – равнодушно и устало сказал Хасин, – Наверное, недавно приехал». А я подумал: «Хорошо, что мы сделали доброе дело. Ну, что в принципе африканским гастробайтерам в Израиле до Наполеона?»

A.V. Gladyshev

Gladyshev Andrey Vladimirovich – professor of chair of history of modern and latest times of the Saratov state university of N. G. Chernyshevsky (Saratov), the doctor of historical sciences, the associate professor.

DAILY OCCURRENCE OF HISTORICAL RUINS

Having processed a pencil dung on fields of tram tickets, guides, fair brochures and the other pieces of paper which are often accumulating in pockets of tourists, having systematized these scraps in a chronological order, I received more or less connected, though a fragmentary narration about stay in Israel two Saratov historians – A.V. Gladyshev and V. V. Hasin. Considering that today writers in Russia becomes almost more, than readers, and the increasing popularity is gained by a genre of travel, these notes are recommended to all fans of historical and cultural tourism and uncouth rest.

Key words: daily occurrence, Israel, historical memory, cultural tourism

Л.С. Слободяник

**ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ БАЛ 1812 ГОДА
(историко-литературная фантазия)**

Статья посвящена повседневной жизни Екатеринбурга в период войны 1812 г. В 1812 году Екатеринбург жил еще спокойной, размеренной жизнью, и ничего не предвещало резких перемен. Уездная повседневность, помноженная на «горный» статус, была непроста, отголоски войны заставляли людей задумываться о будущем и не располагали к жизни на широкоую ногу. Поэтому привычки к бессмысленной трате денег у людей не было. Чаще всего екатеринбуржцы давали обеды или ужины, на которые друзья могли приходиться и без специального приглашения. Это были визиты без церемоний и особых приготовлений. Только очень важное событие могло подвигнуть человека на организацию настоящего бала – с танцами, фейерверком и другими развлечениями. Известие об изгнании Наполеона за пределы России стало таким событием.

Ключевые слова: бал, война, повседневность, историко-литературная фантазия

Наконец наступил и многозначительный
день бала. Весь Узел был поднят на ноги
с самого утра. Бедные модистки не спали всю
ночь,
дошивая бальные платья... Привалов тоже
готовился к балу, испытывая приятное волне-
ние...

*Приваловские миллионы
Д.Н.Мамин-Сибиряк*

Золотистая осень в старом Екатеринбурге поистине очаровательна, кокетлива и капризна, как всякая хорошенькая женщина. То она радуется глаз своим ярким нарядом, усыпанным рубинами, изумрудами и топазами, то вдруг набрасывает на себя серую пелерину дождей и унылого ветра. Как она переменчива, как ветрена...

Такой поздней осенью 1812 года в Екатеринбург пришла радостная весть о том, что после битвы при Бородино и пленения Москвы армия Наполеона начала отступать. Невозможно описать, с каким восторгом была встречена эта новость. Пусть тогда, в век почтовых лошадей и бездорожья, тяжело было следить за развертыванием событий на театре военных действий, однако екатеринбуржцы не могли оставаться безучастными к тому, что волновало всю страну. Ведь у многих из них за тысячи километров от дома воевали с иноземными захватчиками родные и близкие люди. Дело в том, что в 1796 году в Екатеринбурге из 5-го и 6-го Сибирских линейных батальонов начал формироваться Екатеринбургский мушкетерский полк, ставший в 1811 году пехотным. Немало жителей города пополнило его ряды и выступило на запад для соединения с другими частями русской армии. И вот сейчас, когда пришла сча-

стливая весть о переломе войны, жители Екатеринбурга чувствовали в этом и свою заслугу, и от этого на душе у них было еще светлее и радостнее. В Богоявленском соборе и перестраиваемой Вознесенской церкви отслужили панихиды по воинам «на поле брани убиенным». Тогда, конечно, еще никто не мог точно знать, сколько потерял Екатеринбургский пехотный полк (хотя, как выяснилось позже, потери были очень серьезными – более 450 человек), однако жители города молились за упокой душ всех русских солдат, которые бесстрашно отдали жизнь за Отечество.

Да, невзирая на удаленность Екатеринбурга, его жители все время старались следить за ходом кампании через списки с журнала военных действий. По всему городу был организован сбор средств для армии и пострадавших от войны. За лето было собрано более 300 рублей на обмундирование новых полков. Причем деньги вкладывались не только дворянами и зажиточными горожанами, но даже заводскими мастерами.

И, конечно, уральские заводы все последние годы были ориентированы на военное производство. Правда, большая часть артиллерийских орудий и стрелкового оружия производилось под Петербургом, в Туле, Ижевске, на Украине, но для этого использовался именно уральский металл.

Прочные нити связали Екатеринбург со всем тем, что происходило на западных рубежах Российской империи. И когда на смену кокетке-осени пришла строгая, затянутая в белый снежный покров зима, и Пермское горное правление обнародовало известие о полном изгнании врага за пределы России, ликование екатеринбуржцев не было предела.

На следующий день утром из всех церквей города на главную площадь Екатеринбурга направились крестные ходы, затем в Богоявленском соборе началось служение торжественной литургии. Весь народ объединила общая радость! Россия спасена! Неприятель повержен! На улицах слышались песни! Незнакомые люди поздравляли друг друга с победой! Весь день город гудел, как пчелиный улей. И поскольку был канун Рождества, негласно было решено, что традиционные святочные балы будут посвящены великой победе!

При этом не надо забывать, что еще в 1807 году, согласно Проекту горного положения, Екатеринбург стал горным городом. Это придало совершенно новый статус и екатеринбургскому балу. Дело в том, что Екатеринбург, единственный из российских городов, получил статус «горного города», а это давало ему достаточную независимость от администрации Пермской губернии, в состав которой он входил ранее как город уездный. Горный начальник заводов Екатеринбургского горного

округа, наравне с городской думой, стал отвечать за городское хозяйство и правопорядок. Мастеровые и крестьяне казенных заводов были освобождены от местных налогов. И дух екатеринбуржцев тоже изменился, что не могло не отразиться на различных увеселениях и празднествах, принявших теперь совсем другой размах. Несмотря на «военный характер горного дела», как писал Мамин-Сибиряк, в 1812 году военные порядки еще не достигли своего апогея, как это случилось позже, в царствование Николая I. И екатеринбуржцы, особенно состоятельные, чувствовали себя достаточно свободно. Еще известный путешественник по Сибири аббат Шапп д'Отерош в 1761 году писал о Екатеринбурге, как о городе с оживленной «людкостью» – с активной общественной жизнью, не говоря уж о жизни частной. И это невзирая на то, что как минимум треть населения составляли раскольники, чей жизненный уклад не располагал к шумным увеселениям. Тем не менее, в Екатеринбурге – поистине «евразийском» городе – смешалось столько разных людей: мещан, мастеровых, купцов, ремесленников, военных, горных чиновников, промышленников и владельцев заводов, что границы представлений, традиций и нравов незаметно стирались. Правда, размах празднеств и балов еще не подпитывался тогда безграничным богатством местных жителей, так как россыпное золото на Урале было открыто только в 1814 году. Лев Брусницын, «смотритель по золотому производству» Первопавловской фабрики, при осмотре проб из очередной штольни обратил внимание, что крупинки золота имеют какой-то необычный цвет. Увидев, что на золотых крупинках отсутствуют следы деформации от дробления (а золото добывали тогда, только дробя породу в порошок и промывая ее), Брусницын предположил, что они добыты не из шахты, а из россыпного месторождения. Конечно, сначала мастера не верили... До тех пор, пока он собственноручно за месяц не намыл около 1,5 кг золота! Только тогда в Екатеринбурге, как и на всем Урале, началась настоящая золотая лихорадка, и абсолютно новая жизнь для заводчиков и золотопромышленников, о которой мы читаем в «Приваловских миллионах» так: «Обыкновенной роскоши, обыкновенного мотовства ... было мало. Какой-то дикий разгул овладел всеми: на целые десятки верст дорога устилается красным сукном, чтобы только проехать по ней пьяной компании на бешеных тройках; лошадей не только поят, но даже моют шампанским...» Весь образ жизни после 1814 года просто «вывернулся наизнанку», и пропасть между рабочим человеком и заводо-владельцами стала бесконечно огромной.

Но в 1812 году Екатеринбург жил еще спокойной, размеренной жизнью, и ничего не предвещало резких перемен. Уездная повседневность, помноженная на «горный» статус, была непроста, отголоски войны заставляли людей задумываться о будущем и не располагали к жиз-

ни на широкую ногу. Поэтому привычки к бессмысленной трате денег у людей не было. Чаще всего екатеринбуржцы давали обеды или ужины, на которые друзья могли приходиться и без специального приглашения. Это были визиты без церемоний и особых приготовлений. Только очень важное событие могло подвигнуть человека на организацию настоящего бала – с танцами, фейерверком и другими развлечениями. Известие об изгнании Наполеона за пределы России стало таким событием.

К сожалению, осталось очень мало сведений о балльной культуре Екатеринбурга начала XIX века. И все же... попытаемся описать бал того времени.

Итак, представим себе двухэтажный уютный особняк под железной крышей, в котором разместились пятнадцать комнат. На улицу с него глядят восемь окон с оштукатуренными наличниками, парадное крыльцо сложено из старинных гранитных плит, над ним — металлический навес с ажурными боковинами. Крыльцо и маленький внутренний двор дома занесены снегом, на крыше и навесе тоже наметены снежные горы. Оконные стекла в морозных узорах пропускают теплый свет свечей, но не дают рассмотреть с улицы, что происходит в утробе комнат. Утро, а еще темно. Совсем недавно день снова стал прирастать минутами или, как говорится в народе, прибавляться на куриную ножку или воробьиный скок. Однако в доме уже с девяти утра все на ногах. Ведь в восемь часов вечера должен начаться настоящий домашний бал, а сколько всего еще нужно подготовить...

Главное, конечно, балльные платья и ужин. Знакомая модистка последнюю неделю буквально поселилась в доме горного чиновника Евстафия Петровича Рябухина. А кухарка по десять раз на дню призывалась хозяйкой для уточнения списка блюд, которыми предполагалось угощать гостей. Все-таки ожидалось вполне серьезное, хоть и довольно пестрое, общество: обер-офицер Богданов, протоиерей Кустинский, доктор Фолькнер, городской комендант Коверин, купцы Толстов – заседатель уездного суда – и Горбунов, коллежский ассессор Келлер, полковник Марлов, и даже обещался быть его сиятельство князь Козловский, направленный в Екатеринбург Департаментом горных и соляных дел Министерства финансов для усиления контроля за деятельностью частных заводов. И все они собирались быть с супругами и детьми, у кого таковые, конечно, имелись.⁵⁰⁹

Весь день в доме дым стоял коромыслом. Все начищалось, проветривалось, приводилось в порядок. Балльная зала и комнаты украшались цветами, до блеска натирался пол и канделябры. Подсчитывалось

---

⁵⁰⁹ Все герои являются вымышленными, и все совпадения случайны.

количество свечей, необходимое для освещения залы в течение вечера и доброй половины (а то и всей) ночи. В своем кабинете хозяин дома любовно аранжировал целый ряд золотистых горьких настоек. Его гордостью был ерофеич – водка, которую он готовил обычно сам, никого не допуская, как говорится, до процесса. Он полагал, что именно ему удалось найти необыкновенные соотношения мяты, аниса и померанцевых орешков, создающее неповторимый букет. Ерофеич настаивался у него с сентября и только сейчас достиг всей полноты вкуса. Его он приберегал для истинных ценителей. Правда, с весны осталось еще немного отменной листовки на почках и молодых листочках черной смородины, однако ее Евстафий Петрович хотел поберечь до своих именин, отмечавшихся в конце февраля.

Также он любовно протер свою деревянную табакерку, отделанную янтарем. Он очень гордился ею, потому что в ней было несколько отделений для хранения табака разных сортов. Немногие могли похвастаться такой безделушкой. Ему же эту табакерку привез его старинный друг из самой Голландии. Кстати, еще сам царь Пётр научился курить табак именно там, после чего стал ярым пропагандистом этого зелья в России. По его указу 1697 года табачный дым разрешалось вдыхать и выдыхать через курительные трубки – глиняные, деревянные, фарфоровые. Также довольно скоро в моду вошло курение сигар. Например, в качестве подарка Екатерине II присылались сигары, украшенные шелковыми ленточками, чтобы ее царственные пальчики не касались табачных листьев. И хотя в годы правления Александра I трубка и сигара начали вытеснять табакерку из жизни провинциальных городов, вплоть до 1810-х годов курительный табак все же уступал по популярности табаку нюхательному. Тем не менее, у запасливого Евстафия Петровича были припасены и сигары. Когда прошлой зимой он был отправлен по делам в Петербург, ему удалось достать очень неплохой набор, которым он сейчас намеревался поразить воображение его высокоблагородия и, даст Бог, его сиятельства, и заранее потирал руки.

На половине жены Евдокии Васильевны и двух дочерей на выданье – 17-летней Лизаньки и 18-летней Вареньки – было более шумно и весело. Поминутно в глубине комнат вспыхивал залиvistый девичий смех. Девушки вертелись перед зеркалом, подбирая к новеньким, с иголочки, платьям украшения.

Модистка Ляхова, юркая проворная женщина лет сорока, сидела на красшке стула и беспокойными глазами следила за тем, как ее юные клиентки самым легкомысленным образом обходились с ее шедеврами, теребя и дергая друг друга.

Вообще цветовая гамма бальных туалетов начала XIX века была весьма разнообразной и даже, если так можно выразиться, эксцентрич-

ной. В столице можно было видеть самые необычные платья, как например, светло-желтое шелковое с подолом, расшитым зелеными пальмовыми листьями, или голубое атласное с отделкой из вишневого бархата. Но в провинции женщины были все же скромнее, чем в столице. Здесь по-прежнему были популярны белый и пастельные цвета. Вот и у Лизаньки было жемчужно-серое платье из переливчатого шелка с рюшами и бантами, а у Вареньки атласное светло-розовое, украшенное такими же атласными розовыми бутонами. Вопрос упирался в выбор украшений и шалей. Согласно последним модным новостям, прибывшим из Петербурга, скромный туалет следовало оживить чем-то контрастным. Вот этим сейчас и занимались юные девицы, вызывая трепет в модистке своим вольным обращением с ее воздушными творениями. В конце концов Лизанька выбрала себе красно-оранжевую легкую шаль с золотой каймой. В волосы решено было вплести такого же цвета ленты. Варенька же чуть не впала в отчаяние оттого, что никак не могла выбрать между белой и лиловой шальями, но все же приняла решение в пользу белого цвета и розово-белых атласных цветов для украшения прически, поскольку это ее чрезвычайно молодило, делая на вид младше сестры.

В это время мать, чье платье из темно-вишневого тяжелого бархата спокойно ждало свою хозяйку, как впрочем, и давно подобранные золотые украшения, большой вишневый веер и диадема из цветов и лент, наконец, окончательно утвердила список блюд для вечернего стола и отпустила кухарку. Решено было помимо традиционных яств и вин подать кушанья заморские: анчоуса в голландском соусе, немецкий форшмак из сельди и кильки, свинину а-ля бешамель. При этом, конечно, никак нельзя было представить стол без балыка, семги, колбас, стерляжьей ухи с пирогами, буженины, без поросят с хреном, сибирских пельменей, карасей, рябчиков, оленины и прочих исключительно русских лакомств. Каждому блюду по уготовлению хозяйки должны были предшествовать или последовать соответствующие вина и рюмки определенных размеров. Одно вино необходимо было пить большими глотками, другое маленькими, третье долго и медленно смаковать.

Успокоившись на этот счет, Евдокия Васильевна решила навестить в комнаты своих девочек и поглядеть, что там делается – уж больно громкое там шло веселье. Дабы утихомирить раскрасневшихся девиц она напомнила им, что не мешало бы разобрать и приготовить ноты, если они все еще твердо намерены поразить слух гостей своим музицированием и пением. Девушки, весело щебеча, поспешили к фортепиано и начали быстро перебирать ноты. Надо было поторопиться, ведь следовало еще приготовиться к декламации. Читать собирались

последние сочинения Гаврилы Романыча Державина, а также Ивана Иваныча Дмитриева.

Так каждый, занимаясь своими делами, готовился радушно встретить друзей дома и важных гостей. И в доме до вечера продолжались суэта и всяческие приготовления.

Постоянно бывая друг у друга в гостях, члены екатеринбургского высшего общества выражали взаимное уважение, отдавали должное чести и достоинству хозяев. С приятными людьми они виделись часто, с остальными изредка или обменивались церемонными визитами. Этикет требовал от екатеринбуржцев посещать людей своего круга. В данном случае семья Рябухина должна была наносить визиты представителям местной элиты. Само высшее общество старого Екатеринбурга негласно делилось на несколько небольших кружков, которые по-своему объединяли людей схожих интересов и взглядов. Однако к Рябухиным любили ходить самые разные люди – хозяин и хозяйка были всегда очень приветливы, дочери непосредственны и очаровательно милы, стол на удивление богат и разнообразен. И вообще сама атмосфера дома – уютная, благожелательная – располагала к непринужденному общению, интересным, легким разговорам, обмену новостями, веселым спорам, увлекательной карточной игре, пению и танцам.

Вот и в этот вечер никто из приглашенных к Рябухиным на домашний бал в честь избавления России от иноземного ига не уклонился от посещения этого хлебосольного дома: гости прибывали один за другим, внося радостную суматоху и оживление в освещенные ярким светом бесчисленного количества свечей комнаты. Причем некоторые гости пытались подсчитать, сколько же свечей было употреблено для этого вечера, и полученная цифра тоже говорила в пользу хозяев, подтверждая их щедрость.

Гостям поднесли вино. После морозной стужи тепло уютного дома, приветливость хозяев, доброе вино сразу настроило их на нужный лад, и все приготовились получить от вечера как можно больше удовольствия. В отличие от балов петербургских, начинавшихся бесконечными утомительными танцами, многие провинциальные балы начинались с ужина и обмена новостями. И когда через несколько минут лакей провозгласил «Кушать подано!», гости парами потянулись в просторную светлую столовую, где был накрыт большой стол, безупречно сервированный и украшенный цветами. Сначала для возбуждения аппетита подали гордость Евстафия Петровича – горькие настойки. Затем последовали закуски, среди которых больше всего гостей поразил немецкий форшмак, блюдо, доселе мало встречавшееся даже в Екатеринбурге. Далее в столовую внесли стерляжью наваристую уху с горячими пирогами, от которой шел такой вкусный дух, что аппетит мог разыграться и

без настоек. После супа, произведшего большое впечатление, лакеи по знаку Евстафия Петровича подали шампанское. Как хозяин дома он взял бокал и встал, дабы провозгласить, наконец, тост. «За здоровье государя императора, избавителя нашего!» – воскликнул он, прослезившись. Все гости встали со своих мест и присоединились к тосту. Полковник Марлов и обер-офицер Богданов закричали «ура!», к ним присоединились другие мужские и женские голоса. Все были счастливы и объединены мыслью о великой победе! Юный сын городского коменданта Коверина, мечтавший пойти в гусары, чуть не плакал от радости и в то же время от жалости к себе – не успел он принять участие в этой войне и постоять за Отечество. Когда замолкли голоса, все уселись вновь, и тема войны и победы над Наполеоном овладела разговором. Вспоминали своих знакомых и родственников, отличившихся в различных боях. Полковник Марлов, получивший серьезную контузию в начале августа в боях под Смоленском, и вынужденный вернуться в родной город (как говорил он с тяжелым вздохом – «не исполнив до конца свой долг перед Отечеством»), рассказывал про то, как они сдерживали неприятеля у Витебска. Все слушали его – единственного в этом обществе очевидца и участника тех кровопролитных событий – буквально открыв рот. И скупая слеза катилась по его щеке, когда он называл имена своих товарищей, погибших на его глазах, или о гибели которых он узнал только несколько месяцев спустя. Снова зазвучали тосты, снова пили по-торжественному – стоя. Закусывали свиной а-ля бешамель, удивляясь необычному вкусу белого соуса, а также рябчиками и карасями. Смаковали вино, подолгу жевали губами, пытаясь сохранить его вкус во рту. Потом жизнерадостность Евстафия Петровича взяла верх над серьезностью момента, и он перевел разговор в более веселое русло. Заговорили о проделках гусар, причем при описании некоторых краснели не только молодые девушки, но и их почтенные матери. Но все это уже более не казалось непристойными выходками, это были удалые подвиги победителей. Оживленный разговор подкреплялся все новыми и новыми винами, затем внесли сладкие пироги, засахаренные и свежие фрукты, которые зимой были редки и дороги, что вновь подтверждало прочное благосостояние хозяев. Гости раскраснелись, увлеченные общим весельем, и не слышали, как за окном завывает вьюга и бросает в оконные стекла горсти колючего снега.

Так за сытным ужином и восторженными разговорами о победе и беспримерной храбрости солдат русских незаметно прошло почти три часа. После ужина общество разделилось: мужчины постарше удалились в кабинет Евстафия Петровича откусать ерофеича, понюхать табачку или выкурить сигару. Матери и дочери, а также молодые люди перебрались в гостиную, где молодежь начала шушукаться, предвкушая

танцы, а матери принялись обмениваться городскими слухами и сплетничать, обсуждая некоего горного чиновника Нестерова, убежавшего на охоте от медведя. Евдокия Васильевна не принимала пока участия в их болтовне, распоряжаясь подготовкой столов для игры в карты и разговаривая с музыкантами, специально приглашенными по такому случаю из Перми.

Вскоре дверь в кабинет мужа отворилась, господа, сопровождаемые крепким духом табака, присоединились к дамам, и среди гостей вновь произошла некоторая рокировка. Те из них, которые не собирались участвовать в танцах, остались в гостиной играть в вист и бостон. Они заняли места за приготовленными Евдокией Васильевной столами, лакеи подали им вина и пироги, и они погрузились в привычное для провинциального города развлечение. Причем за столами можно было видеть и молодых женщин, и даже барышень-невест. Да, никто в провинции не мог избежать влияния сего азартного действия.

Остальные плавно перетекли в небольшую, но достаточно просторную бальную залу, где музыканты уже настраивали свои инструменты. В начале XIX века танец, наряду с иностранными языками, фехтованием и верховой ездой, был одним из важнейших «телесных упражнений» необходимых всем молодым людям высшего света. Для обучения танцам из Петербурга специально выписывались учителя. Именно по тому, как умел танцевать молодой человек, можно было определить его положение в обществе и, главное, предположить то, как он это положение может со временем улучшить. Именно на балах можно было сделать себе протекцию, показать свои достоинства, зарекомендовать себя человеком ловким, способным далеко пойти. То же касалось и молодой девушки. Бал был местом поиска женихов. И чем изящнее двигалась в танце юная барышня, тем быстрее и легче она могла составить себе подходящую партию. И сейчас Евдокия Васильевна следила за тем, с кем в пару встали ее дочери. Ловкость их партнеров в танце и способность красиво ухаживать должны были помочь ей решить, подходящие они женихи для ее дочерей или же нет.

Бал открылся польским. Многих удивлял этот танец, похожий на торжественную прогулку. Шедшие в первой паре Варенька и молодой Келлер, сын коллежского асессора, выписывали по залу восьмерку, за ними чинно выступали еще одиннадцать пар. Танец длился около получаса, хотя обычно должен был исполняться в течение полутора часов. Но молодым людям не терпелось перейти к более живым танцевальным фигурам. И хотя полонез давал возможность молодым влюбленным беспрепятственно говорить о любви, не боясь быть услышанными мамами, от его монотонности все быстро устали и с явным облегчением вскоре слышали первые звуки кадрили.

Вторым танцем на балу, действительно, довольно часто была кадрили. Этот танец уже допускал вольности и комбинации разнообразных фигур. Их предлагали танцоры, идущие в первой паре. В Петербурге, когда собиралось большое общество, танцующие делали свои фигуры не только в самой зале, но переходили из нее в другие комнаты, некоторые вообще выходили в сад, или забирались на другой этаж дома. Сам танец был живой и требовал некоторой изобретательности от танцоров. В доме Рябухиных была всего дюжина танцующих пар, поэтому места в бальной зале хватило всем. И гости, играющие в карты в соседней гостиной, к их счастью, не были потревожены в самый разгар игры. Пары то весело сходились в четырехугольниках, то расходились, поочередно выделявая разные фигуры. Танцоры подпрыгивали и отдувались, радостно улыбаясь и смеясь, и не замечали, как быстро бегут минуты, и как стрелка часов уже приближается к полуночи, и что скоро на смену кадрили придет новый популярный танец – вальс.

Ранее вальс был народным, очень простым танцем на два такта, а не на три, как сейчас. В моду он вошел в конце XVIII – самом начале XIX века и сразу стал очень популярен. Молодежь чрезвычайно увлеклась этим новым танцем – наперекор старшим, которые твердили о неприличности новой забавы. Еще бы! Представьте себе: молодая девушка бросается в объятия мужчины! Как можно! Однако именно в этом и таилась вся прелесть вальса. Здесь можно было чуточку перейти границу приличий и приблизиться к объекту своего обожания или просто пофлиртовать с интересным партнером. Хотя провинциальные строгие матери все равно не давали танцевать слишком близко друг к другу. Единственной вольностью, заставлявшей втайне вздыхать и краснеть молодых девушек и юношей, было то, что во время танца левая рука дамы ложилась на плечо кавалера, а кавалер обхватывал свою даму за талию правой рукой. Живой, нежный, решительный и романтичный, вальс закружил двенадцать пар в своем стремительном вихре. Сверкали глаза, быстро вздымалась грудь, бешено стучало сердце, и талию Лизаньке чуточку сильнее, чем положено, сжимала рука племянника полковника Марлова. Не от этого ли она так раскраснелась?

Но все же главным танцем бала успела стать мазурка. И это несмотря на то, что она появилась в Петербурге лишь в 1810 году, перекочевав туда из Парижа. Она сразу вошла в большую моду: ее танцевали в четыре пары, и хорошая школа того времени требовала грациозности от дам и удаи — от кавалеров. Лучшей исполнительницей мазурки была известная красавица М. А. Нарышкина, среди кавалеров – это был сам государь император Александр Павлович, а также граф Милорадович. Именно в мазурке во всем блеске проявлялось мастерство бального танцора. Это был танец-балет. Мазурку танцевали с многочисленными

причудливыми фигурами и мужским соло, составляющим кульминацию танца. У мазурки был распорядитель, каждый участник должен был проявить изобретательность и способность к импровизации, при этом общий рисунок танца нарушать было нельзя. Непревзойденным исполнителем мазурки в местном обществе оказался князь Козловский. Он не любил кадрили и вальса, а вот мазурка была его слабостью. Возможно, потому что это был танец его родины – Польши. Как только распорядитель танца, молодой Келлер, объявил о его начале, за его сиятельством было послано в гостиную, где тот увлеченно играл в карты. Явившись, он выбрал себе в партнерши хорошенькую дочь полковника Марлова, по знаку распорядителя заиграла музыка и... Трудно было представить себе более самозабвенного и темпераментного исполнения этого танца, полного грации и огня. Князю удалось придать всему действию столько достоинства и живости, что невозможно было отвести от него глаз. Молодая Наденька Марлова просто светилась от счастья и гордости – ее выбрал в партнерши сам его сиятельство – да к тому же такой ловкий кавалер! Она была легка, прелестно танцевала и почти не отставала от своего партнера. Но не все были способны выдержать бешеный ритм мазурки, да и духоту, сгустившуюся в зале, и через час с небольшим Катюша Толстова, дочка известного купца, одного из лучших друзей Евстафия Петровича, вдруг поскользнулась и упала прямо под ноги своему кавалеру купцу Горбунову. Музыка внезапно оборвалась, все бросились к Катеньке! Горбунов поднял ее и усадил в кресло, маменька обмахивала веером, Лизанька брызгала на нее водой. Прошло несколько времени, прежде чем Катюша пришла в себя и слабо улыбнулась Горбунову, рассыпавшемуся в извинениях и умолявшего простить его за неуклюжесть – не удержал, не успел, готов искупить! Все вздохнули с облегчением! А то на прошлогоднем балу у вице-губернатора дочь Богданова так же упала, подвернув ногу, и почти месяц провела в постели! Здесь, слава Богу, все обошлось! На лицах снова заиграли улыбки, танцоры расслабили уставшие во время энергичного танца ноги и руки, и во внезапно повисшей тишине часы вдруг неожиданно пробили три.

Еще должна была наступить очередь котильона, но падение Катеньки разохотило гостей танцевать, и мужчины напомнили молодым хозяйкам о том, что они обещали усладить их слух своим музицированием и пением. Лизанька и Варенька смущенно переглянулись, но не без удовольствия заняли свои места за фортепьяно. Первая должна была аккомпанировать второй. Им ободряюще захлопали, и они довольно чисто исполнили дуэтом несколько романсов. Исполнение, правда, не было блестящим, но это искупалось их девичьей живостью и непосредственностью. Потом за инструментом их сменила Надя Марлова, спевшая полную любовной грусти песню «Чем больше скрыть стараюсь

мою страсть пред тобой», а потом вперед вышел юный Коверин и, попросив Надю ему подыграть, довольно бойко (сразу видно, готовился в гусары!) исполнил шутивную песенку «Журнал любви»: в понедельник я влюбился, и весь вторник я страдал, в любви в среду открылся...и т.д., чем вызвал большое веселье среди своих слушателей и сорвал горячие аплодисменты. После этого Евдокия Васильевна вспомнила, что дочери еще хотели декламировать стихи, но было уже почти четыре часа утра, и дружно было решено, что пора немного отдохнуть, да и питаться исключительно духовной пищей невозможно. Поэтому творения Державина и Дмитриева заменил чай с ягодными пирогами, ватрушками, беze и пирожными. Вновь гости стеклись в столовую, где на скорую руку был снова накрыт стол. Молодежь радостно поела сладости, подкрепляя силы после энергичных танцев. Не отставали от них и любители карт, изрядно уставшие за несколько часов непрерывной напряженной игры. Между мужчинами зашел спор о дальнейшей судьбе Наполеона и Европы. Одни твердили, что Европа скоро полностью освободится от узурпатора, другие возражали, говоря, что наполеоновская армия все еще достаточно сильна, чтобы оставить все завоеванные позиции. Женщинам спор был явно неинтересен, некоторые шептались между собой, а кто-то откровенно позевывал.

Наступало утро, и хоть за окном еще не рассвело, скоро должен был начаться новый, еще более суматошный для всех день, день подготовки к приему у вице-губернатора князя Волконского – мероприятию официальному, требующему еще больше энергии и сил. Да и привычки засиживаться далеко за полночь у провинциальной публики все-таки не было. Поэтому постепенно гости начали разъезжаться. К уютному двухэтажному особняку под железной крышей одна за другой подкатывали кареты с зажженными фонарями. Гости облачались в шубы. Они благодарили радушных хозяев за прекрасный ужин и прочие блестящие развлечения, просили непременно быть у них на следующей неделе, когда они сами будут давать бал в честь избавления от иноземных захватчиков. Все были довольны хорошо проведенным временем и думали о том, чтобы поскорее собраться снова.

А по возвращении домой, уже лежа в постели, кто с улыбкой вспоминал удивительно вкусную, ароматную стерлядь уху, кто нежное, но отчетливое рукопожатие девичьей руки, а кто удачную комбинацию карт, обеспечившую крупный выигрыш.

И если высший свет города под утро только засыпал, то весь остальной Екатеринбург уже пробуждался, и его увы! ждал день без свинины а-ля бешамель, мазурки и декламации стихов – день самый обычный, будничной. День с наметенными вчерашней выюгой непролазными сугробами, с колючим морозом, щиплющим щеки и нос, и залезаю-

щим в рукава, с ясным зимним небом... Один из январских дней 1813 года.

Литература

1. Захарова О.Ю. Русский бал XVIII – начала XX века. Танцы, костюмы, символика. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010.
2. Земцов В.Н. «Гроза двенадцатого года...» // Веси, № 8 (74), 2011. С. 68–87.
3. Земцов В.Н., Ляпин В.А. Екатеринбург в мундире. Свердловск: Среднеуральское книжное издательство, 1992.
4. Казакова-Апкаримова Е.Ю. Празднование столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года в Екатеринбурге // Веси, № 8 (74), 2011. С. 117–120.
5. Ляпин В.А. Уральская промышленность в 1812 // Веси, № 8 (74), 2011. С. 96–102.
6. Мамин-Сибиряк Д.М. Приваловские миллионы. Свердловск: Среднеуральское книжное издательство, 1980.
7. Мамин-Сибиряк Д.М. Город Екатеринбург. Исторический очерк // Очерки истории Урала под ред. Миненко Н.А., вып.1. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1996.
8. Марченко Н. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. М.: Изограф, Эксмо-Пресс, 2001.
9. Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX вв. М.: Наука, 2006.
10. Парфенов С. Подвиг Ерофея Маркова. // Центр финансовой поддержки по Российской Федерации // URL: <http://helpf.com/Uvlikbez/Zoloto/282.htm> (дата обращения: 01.09.2012).
11. Похлебкин В.В. Поваренное искусство и поварские приклады. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.

L.S. Slobodyanik

Slobodyanik Lada Sergeevna – the doctoral candidate of Higher School of Economics (Prague, the Czech Republic).

EKATERINBURG BALL OF 1812 (historico-literary imagination)

Article is devoted to everyday life of Yekaterinburg during war of 1812. In 1812 Yekaterinburg led still quiet, measured life, and foretold nothing sharp changes. The district daily occurrence multiplied by the "mountain"

status, was difficult, echoes of war forced people to reflect on the future and disposed to a high living. Therefore people had no habit to senseless expenditure of money. Most often residents of Yekaterinburg gave dinners or dinners for which friends could come and without special invitation. It were visits without ceremonies and special preparations. Only very important event could rouse the person to the organization of the real ball – with dances, fireworks and other entertainments. News of Napoleon's exile out of borders of Russia became such event.

Key words: ball, war, daily occurrence, historico-literary imagination

Я.В. Черноусова

ЛЕЙПЯСУ–2012: ПО СЛЕДАМ «ЗАБЫТОЙ» СОВЕТСКО-ФИНСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 ГГ.

Август 2012 года предстает перед мысленным взором чередой перечеркнутых крестиками дней. Теперь можно спокойно вздохнуть – ух! – Вахта Памяти закончилась. За все годы, проведенные на сём поприще, не бывало так сложно, так жутко и страшно, так беспокойно, так интересно, так психованно и истерично, но так захватывающе и притягательно, как во время Вахты–2012. Болота Лейпясую в течение 70 лет скрывали в себе многое и ждали, ждали момента... Момента, когда под морозящим дождем выдвинутся живые тени, с отблесками солнца на острозаточенных фискарях, на поиски теней настоящих, теней, томящихся в ожидании уже в течение 70 лет. И мы пришли, мы были здесь, мы были, как нам казалось в начале, готовы к любым болотным секретам. Сегодня мы становимся героями, хотя настоящими героями были те, кто навсегда остался там и кто навсегда забыт и вычеркнут из памяти...

Ключевые слова: советско-финская война, Вахта Памяти, поисковое движение, память

*Ляпис – в уши,
Лейпясую – в душу,
Волю в кулак,
Лахти – в рюкзак*

Август 2012 года предстает перед мысленным взором чередой перечеркнутых крестиками дней. Теперь можно спокойно вздохнуть – ух! – Вахта Памяти закончилась. За все годы, проведенные на сём поприще,

не бывало так сложно, так жутко и страшно, так беспокойно, так интересно, так психованно и истерично, но так захватывающе и притягательно, как во время Вахты–2012.

Болота Лейпсау в течение 70 лет скрывали в себе многое и ждали, ждали момента... Момента, когда под морозящим дождем выдвигнутся живые тени, с отблесками солнца на острозаточенных фискарях, на поиски теней настоящих, теней, томящихся в ожидании уже в течение 70 лет. И мы пришли, мы были здесь, мы были, как нам казалось в начале, готовы к любым болотным секретам. Продираясь сквозь дремучие заросли, прокладывая тропки сквозь высокий тростник, перешагивая и перепрыгивая через столбы с колючей проволокой, запинаясь, падая, уходя по колено в болотистую тину и мох, по локоть в воде мы искали, искали и находили.

*Из могил и мглы вырываем свет,
Забота такая – куда нам деваться?
Потерим, родная, будем стараться,
Прогнозы точны, хотя я могу ошибаться...*

И, стиснув зубы, терпели, и снова, и снова поднимали тех, кто когда-то погиб за нас. Вырывали из небытия все новые и новые имена, имена, не учтенные ни в каких списках боевых потерь, имена тех, кого не дождалась тогда в теплой Одессе, в суровом Свердловске, без кого умирали от голода в блокадном Ленинграде.

Мы, как у Ремарка, были здесь, наверху, наслаждались ветром, солнцем, его бликами на болотной воде... Радуетмся настоящему, а они – там, в окопах, в недокопанных траншеях. Мы – рядом, мы с ними теперь почти единое целое. Они – дети войны, мы – ее пасынки, никогда не бывавшие в ее объятиях, но посмотревшие в ее суровые бездонные грустные глаза, оценившие ее мощь, силу, ужас и пленённые ее жестокостью и необъяснимой красотой:

«Много наших лежит здесь, но до сих пор мы этого так не чувствовали. Ведь мы были вместе: они в засыпанных, а мы в открытых ямах, разделенные лишь несколькими горстями земли... Но иногда снарядами их снова поднимало к нам; высоко взлетали распадающиеся кости, остатки обмундирования, истлевшие, мокрые, уже землистые головы, ураганным огнем возвращенные из подземных окопов на поле брани. Нам это вовсе не казалось страшным: мы были как бы неотделимы от них. Но теперь мы возвращались обратно в жизнь, а они остаются здесь» (Э.М. Ремарк «Возвращение»).

Антуража добавляли взрывы с соседнего гранитного карьера и военного полигона. Иногда они становились настолько мощными и производились с таким грохотом, что, казалось, должны были рухнуть

все ближайшие поселки и станции. Эти взрывы ощущались почти физически: под ногами содрогалось так, будто глубоко под землей хлопали гигантские двери...

50 человек, 50 бойцов, 50 солдат, собственноручно поднятых из «ожерелья прозрачных озер Суоми-красавицы». Мы оказались последними, кто смотрел в ваши лица. От нас вы получили последнее рукопожатие, последние благодарности, последние девичьи прикосновения к вашим телам. Мы были последними, кто, словно Магдалена перед Иисусом, стояли на коленях у ваших ног. Мы были последними, кто слышал ваши, рвущие барабанные перепонки, немые предсмертные крики. И это навсегда изменило и вас, и нас. Вас, потому что через столько лет вы снова чувствовали солнечный свет и присутствие других живых людей. Нас, потому что в эти моменты мы заглянули за грань и перестали бояться того, что находится там, потому что холод ваших касаний теперь остался на кончиках наших пальцев, потому что война в наших глазах теперь представляется в определенных лицах, а не в сухих цифрах и фактах. И теперь мы готовы сделать многое, чтобы как можно дольше не повторилось ничего подобного. 50 красноармейцев, 50 сломанных жизней, недосказанных слов, несвершившихся судеб. Ровно 100 слезинок, по паре на каждого из вас, пролилось в ночной тишине на просеке у болота Обложной мох...

Но, несмотря на эти приступы нежности, тоски и печали, участники Вахты–2012 часто выглядели весьма непрезентабельно. Тяжелая работа доводила до того, что мы становились похожи на бойцов любой настоящей армии, расположенной в «горячей точке». По локоть в мутной жиже, с полосками грязи на лице, словно у спецназовца на задании, мы ругались, матерились, плевались и от малейшей шутки взрывались утробным звериным хохотом. Словно дети, получившие новую, еще неосвоенную головоломку, мы испытывали лихорадочное возбуждение от опасностей, психологических нагрузок, брожения по болоту и от самой войны. Но как только выдвигались за территорию лагеря, многое из этого возбуждения исчезало, мы шли молча и сосредоточенно, словно перед боем.

Странная это штука – война и память о ней. Ты видишь ужасающие вещи, которые будто скатываются с поверхности твоего мозга, не проникая внутрь, как шарики пинбола со стола, как бильярдные шары в лузу. Но, однажды какие-то воспоминания или мысли внезапно застревают и проникают в самую глубину твоего сердца. И уже оттуда, из глубины твоего сердца, будут рваться слова о том, что теперь безмянные бойцы могут быть спокойны, «как мох болотный», ведь мы вернем память о вас, если не во всеуслышание, то хотя бы к нам самим. Мы будем помнить о тех, кто остался лежать среди замерзших болот Каре-

лии, словно черные точки, в своих шинелях без маскхалатов, на белом снегу, как многоточие после громкого и страшного в своей краткости слова «Война», как многоточие в неоконченных списках безвозвратных потерь личного состава зимы 1939–1940 гг.

Сегодня на болотах в районе станции Лейпясую тихо и пустынно. Насколько видит глаз, вдаль уходят хлипкие, скрюченные сосны и березки, напоминающие гнилые и поломанные зубы во рту дряхлого старика; на кочках кое-где мелькают яркие пятна брусники и клюквы, словно брызги крови на снегу. По вечерам весь этот сурово-унылый, но дерзко-прекрасный пейзаж укрывается густым непроглядным туманом, прикосновения которого бодрят похлеще ледяного душа по утрам. Создается впечатление, что эти места погружены в скорбные раздумья о жестоком противостоянии, приведшем сюда более 70 лет назад великое множество людей, которые оросили эти места своей кровью.

«СССР, Россия, Родина – мстительная богиня, неодолимая природная сила, требующая невозможных жертв от своих детей – как своего законного права» (О. Мэтьюз. «Антисоветский роман», 2010).

И она получила эти жертвы, вобрала их плоть и кровь, и раскинулась еще шире, чтобы и сегодня патриоты могли петь о том, что «от южных морей до полярного края раскинулись наши леса и поля». Петь и почему-то гордиться тем, что до сих пор, спустя столько лет, поисковики поднимают все новых и новых бойцов. Школьники, студенты, сочувствующие фанатики, променявшие дачу в выходные на леса и болота, на поиск – это должно быть позором, этим нельзя гордиться. Это должно стать немым бессловесным укором. Но... в нашей стране все наперекосяк, и сегодня мы становимся героями, хотя настоящими героями были те, кто навсегда остался там и кто навсегда забыт и вычеркнут из памяти...

5 сентября 2012 г.

Y.V. Chernousova

Chernousova Yana Viktorovna – the graduate of department of history of the Ural state pedagogical university, the active participant of search movement.

LEYPYSUO-2012: In the wake of the "FORGOTTEN" SOVIET-FINNISH WAR of 1939-1940.

August, 2012 appears at a mind a train of the days crossed out by daggers. Now it is possible to sigh quietly – ooh! – Watch of Memory ended. For all

years spent in seven field, didn't happen so difficult, so terribly and terribly, so restlessly, so interestingly, it is become so hysterical and it is hysterical, but it is so fascinating and it is attractive, as during Watch-2012.

Leyppasuo's bogs within 70 years hid in themselves a lot of things and waited, waited for the moment ... The moment when under a drizzle live shadows, with sun reflections on the ostrozatochennykh the fiskaryakh, on searches of shadows of the presents, the shadows pining waiting already within 70 years will move forward. And we came, we were here, we were as it seemed to us at the beginning, are ready to any marsh secrets. Today we become heroes though those who forever remained there were real heroes and who is forever forgotten and will erase from memory ...

Key words: Soviet-Finnish war, Memory Watch, search movement, memory

Т.М. Есенбаев

**«ФРАНЦИЯ» ПО ПРАВому БЕРЕГУ РЕЙНА.
ВЕСТФАЛЬСКОЕ КОРОЛЕВСТВО ЖЕРОМА БОНАПАРТА
(1807–1813 гг.)**

Созданное летом 1807 г. королевство Вестфалия превратилось для Наполеона в своего рода полигоном для внедрения французской модели на территории Германии; оно стало своего рода живым примером, демонстрирующим немецким князьям и герцогам, да и всей Европе в целом, не только то, как распоряжается император французов с покоренными государствами, но и наглядно рисующим проект буржуазного общества, которое мечтал создать Наполеон на территории Европейского континента. Вестфальское королевство внесло огромный вклад в процесс модернизации, ускорившийся, например, в Пруссии, которая переняла множество достижений из вестфальского опыта. По образному выражению немецкого историка Франца Меринга, Вестфальское королевство было одной из «шпор вонзившихся в тело Пруссии». Возможно, что именно эта «шпора» в конечном счете и привела Пруссию к той вершине могущества, с которой и началось объединение всей Германии.

Ключевые слова: Вестфальское королевство, модернизация, Пруссия, Наполеоновская эпоха

После разгрома третьей коалиции и окончания «несчастливой» прусско-французской войны 1806 г. Германия практически полностью оказалась под властью Наполеона. Австрия была унижена и раздавлена, Пруссия поставлена на грань исчезновения, а Французская империя превратила германские государства в объект беспощадной эксплуатации, основным орудием господства над которыми стала образованная в 1806 г. Рейнская конфедерация.

Созданное летом 1807 г. королевство Вестфалия превратилось для Наполеона в своего рода полигоном для внедрения французской модели на территории Германии; оно стало своего рода живым примером, демонстрирующим немецким князьям и герцогам, да и всей Европе в целом, не только то, как распоряжается император французов с покоренными государствами, но и наглядно рисующим проект буржуазного

общества, которое мечтал создать Наполеон на территории Европейского континента.

Даже среди немецких историков до сих пор нет единого мнения: послужил ли благом для дальнейшего развития Германии опыт, накопленный государством, созданным Наполеоном и опирающимся на достижения французской революции? Единогласно признавая положительное влияние проведенных в Вестфалии экономических и социальных реформ на формирование будущего либерального светского государства, специалисты, тем не менее, спорят о роли Вестфальского королевства в политике императора французов. В то время как часть историков (например, автор работы «Вестфальское королевство как образцовое государство Наполеона (1807–1813)» Г. Бердинг) полагает, что Вестфалия должна была стать «кузницей» современной Европы – моделью ее будущего устройства, другая группа специалистов считает, что это было лишь одной из форм политической зависимости, в которую попала Германия. В беспрепятственном доступе Наполеона к ресурсам новообразованного государства сторонники этой версии видят колоссальное бедствие для Вестфалии в частности, и Германии в целом (Й. Штрайсанд «Германия с 1789 по 1815»).

Тем не менее, в трудах всех без исключения немецких историков звучит понятие «Modelstaat» (образцовое государство), которое емко и точно характеризует то место в истории, которое занимало Вестфальское королевство. Не случайно, что один из трудов выдающегося историка Томаса Ниппердея, посвященных истории Германии первой половины XIX в., начинается с фразы: «В начале был Наполеон». Именно поэтому Вестфальское королевство (просуществовавшее всего лишь неполные шесть лет до поражения Наполеона в ходе кампании 1813 г.) обрело в историографии, особенно немецкой, значение «модельного государства» – образцового вассального королевства, составленного из искусственно соединенных северогерманских земель под протекторатом Наполеона.

Прологом к этому событию была проведенная под давлением Наполеона в 1803 г. медиатизация, упразднение вольных и имперских городов, и секуляризация монастырских земель. Всего было ликвидировано 112 мелких «государств», имперских рыцарств и городов общей численностью населения в 3 млн человек. Средние германские государства, увеличившие с помощью Франции свои владения, видели свое будущее только в тесном союзе с Наполеоном, который осенью 1804 г. совершил поездку по Рейнской области, и был встречен населением с неописуемым ликованием.

Германские государи в целом были далеки от того, чтобы заботиться об укреплении Священной Римской империи. Об этом, в частности, упоминает российский поверенный в делах во Франции П.Я. Убри в своей ноте министру иностранных дел Франции Ш.М. Талейрану: «Многие из государей Германской империи заявляют свои притязания на территориальную целостность, на расположенные внутри их государств владения имперской знати <...>». ⁵¹⁰

Ратифицированный 25 июля 1806 г. Рейнский союзный акт подтверждал эту территориальную реорганизацию. Согласно пункту 1 союзного акта, государства-члены Рейнской конфедерации объявлялись «навечно самостоятельными». Правовой статус союзных государств определял пункт 2, объявляя прежние германские законы недействительными в отношении их руководителей (королей, князей и графов), а пункт 3 объявлял об отделении каждого германского государства, входившего в состав новообразованной конфедерации, от империи и об отказе князей или герцогов от соответствующих имперских титулов. ⁵¹¹ «Их Величества, короли Баварии и Вюртемберга, великие герцоги Регенсбурга, Бадена, Айсберга, Гессен-Дармштадта и Нассау, так же как и ряд других правителей юга и запада Германии, решили сформировать конфедерацию между собой. Они создали союз для своей защиты от возможных чрезвычайных обстоятельств в будущем и, таким образом, официально вышли из состава Германской империи», – написал об этом событии 1 августа 1806 г. французский дипломат в Регенсбурге Теобальд де Баше. ⁵¹²

6 августа 1806 г. Франц II сложил с себя императорскую корону, и почти тысячелетнее существование Священной Римской империи германской нации окончилось. Таким образом, старая политическая модель существования Германии – номинальное главенство австрийских императоров над самостоятельными князьями – ушла в прошлое.

На пути единоличного властвования Наполеона в германских землях оставалось лишь Прусское королевство, оказавшееся после заключения Рейнского союзного акта в политической изоляции. Господство Наполеона в германских землях тяготило ярых реакционеров в Пруссии, которые были возмущены подобным положением собственной страны. Патриотически настроенная придворно-офицерская среда, во главе которой стояли герцог Брауншвейгский и князь Гогенлоэ, сплю-

---

⁵¹⁰ Цит. По: Искюль С.Н. Внешняя политика России и германские государства (1801–1812). М., 2007. С. 66.

⁵¹¹ Рейнский союзный акт (12 июня 1806г.) // Конституционные акты Германии Нового времени (конец XVIII – начало XX в.): Сборник документов. Екатеринбург, 2006. С. 46.

⁵¹² Millar S. States of the Confederation of the Rhine: 1806–1813. URL: http://www.napoleon-series.org/research/government/Confederation/c_confederation1.html (дата обращения: 20.05.2012).

тившись вокруг воинственной королевы Луизы и принца Людвига, настойчиво требовали от Фридриха Вильгельма III объявления войны Наполеону.⁵¹³

В конце концов это мнение возоблададо в прусской политической верхушке, и к октябрю 1806 г. Фридрих Вильгельм III решился на открытое выступление.

Причины разгрома и поражения абсолютистской Пруссии долго еще будут предметом ожесточенных споров среди историков. Война оказалась короткой и бесславной: уже первые два поражения королевской армии под Йеной и Ауэрштедтом (14 октября 1806 г.) фактически предрешили судьбу Пруссии. Итогом этого конфликта стал Тильзитский мирный договор (9 июля 1807 г.), урезывавший территорию Пруссии вдвое, тем самым низводя ее до положения третьестепенной державы. Кроме того, этот договор в полной мере продемонстрировал германским правителям замысел французского императора в отношении будущего Германии.

Согласно статье 20, из отнятых у Пруссии земель, лежащих по левому берегу Эльбы, и герцогств Магдебург, Брауншвейг-Люнебург, княжеств Брауншвейг-Вольфенбюттель и Гессен-Кассель, создавалось новое государственное образование – Вестфальское королевство, королем которого Наполеон назначил своего младшего брата Жерома (статья 19). «Королевство Вестфалия будет составлено из провинций, уступленных Его Величеством королем Пруссии и из тех государств, коими в настоящее время обладает Его Величество император Наполеон», – так звучит статья 8 прусско-французского договора⁵¹⁴.

Таким образом, на политической карте Европы возникало новое, полностью подконтрольное наполеоновской Франции вассальное государство – королевство Вестфалия, получившее свое название по имени герцогства, упраздненного и присоединенного к Гессену в рамках медиатизации 1803 г. Сателлит, коим являлась в политическом и в военном смысле Вестфалия, тем не менее, по замыслу императора, должен был стать современным государственным учреждением, реформированным во французском духе, образцом для прочих германских земель. Декретом от 18 августа 1807 г. Наполеон закреплял статус Вестфалии.

---

⁵¹³ Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М., 2000. С. 282.

⁵¹⁴ Королевство Пруссия: Тильзитский мирный договор с Францией // *Königreich Preußen: «Friedens-Traktat mit Frankreich»* (ab. 1907): «История Вестфалии» / LWL-Institut für westfälische Regionalgeschichte. URL: <http://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/portal/Internet/haupt.php?urlNeu=> (дата обращения: 17.04.2012).

Столицей королевства был провозглашен Кассель, королем – Жером Бонапарт.

Для Наполеона не могло быть лучшей площадки для опробования идеи «экспорта революции». Вряд ли в иных вассальных землях Наполеон мог найти более благодатную почву для того, чтобы укрепить свое влияние в Германии, привить французскую модель организации государства и продемонстрировать остальной, пока что независимой Европе, преимущества такой модели. Этот регион был одним из наиболее просвещенных не только в Германии, но и во всей Европе. На территории королевства находилось целых пять университетов (включая знаменитый Геттингенский университет). Там существовали мощные традиции развития хозяйственной и гуманитарной культуры.

Косвенные факторы, указывающие на подобный замысел, начали проявляться сразу же после официального «открытия» королевства Вестфалия. Еще до коронации Жерома Бонапарта, в Кассель в качестве регентского собрания была назначена комиссия, состоявшая из блестящих имперских министров. Ими были: Жак-Клод Бенью, имевший обширный опыт реорганизации управления в левобережных территориях Франции; Жан-Батист Жоливе – признанный авторитет по финансовым и административным вопросам, сыгравший важную роль в создании административных органов нового государства; Жозеф-Жером Симеон – министр юстиции, один из ведущих разработчиков Гражданского Кодекса Наполеона и составитель конкордата с католической церковью, заложивший первый камень в фундамент новой судебной системы в королевстве Вестфалия и оставшийся до 1813 г. министром юстиции; генерал Жозеф Лагранж, занявший посты военного министра короля Вестфалии и начальника Генерального штаба французских оккупационных войск. Отправка в новообразованное государство всех этих великодушных администраторов лично Наполеоном прекрасно характеризует те надежды, которые тот возлагал на Вестфальское королевство.⁵¹⁵

Неоднородность новообразованного государства (например, старые прусские провинции, лояльные к Гогенцоллернам, всеми силами цеплялись за стремительно ветшавшие традиционные феодальные отношения, в то время как в западных регионах на первых порах царило небывалое воодушевление от кажущейся свободы, что, по их мнению, несла в себе Франция) могла сыграть злую шутку с Наполеоном. Остро чувствуя подобную непрочность собственного положения в новом государстве, Наполеон старался всеми силами усилить легитимность нового

---

⁵¹⁵ Жером Бонапарт и «образцовое» королевство Вестфалия // Jérôme Bonaparte und der Modellstaat Königreich Westphalen: Museum Kassel, 2008. S. 9–10. URL: <http://museum-kassel.de/admin/userimages/File/pdf/Unterrichtsmaterial.pdf> (дата обращения 20.05.2012).

режима. За несколько месяцев до официального вступления Жерома Бонапарта на вестфальский престол Наполеон разыграл династическую карту: был заключен брак между Жеромом и дочерью Фридриха Вильгельма Карла – вюртембергского курфюрста, принявшего от Наполеона в начале 1806 г. титул короля. Таким образом, новоиспеченный монарх оказался связанным династическими узами с представительницей тех кругов местной германской знати, которые до той поры с открытым недоверием смотрели на Бонапартов.

Королевская чета прибыла в Кассель в декабре, и почти сразу же закипела бурная административная деятельность регентского собрания, преобразованного в министерский совет. В течение первого года существования на королевство Вестфалия обрушился настоящий поток нормативных актов и законов.

«Государь брат мой! В приложении к этому письму Вы найдете конституцию Вашего королевства, – такими словами начиналось письмо Наполеона, отправленное 15 ноября 1807 г. из Фонтенбло вдогонку его брату Жерому, спешившему занять королевский престол. – Она содержит условия, по которым я отказываюсь от всех своих завоеваний в Вашей стране. Следуйте этим указаниям точно. Нужно, чтобы Ваш народ был счастлив. Это важно не только для Вашей и моей славы, но и для всей европейской системы. Не слушайте тех, кто говорит Вам, что Ваш народ привык к рабству и поэтому будет неблагодарен за дарованную свободу».⁵¹⁶

Конституция Вестфальского королевства, которую Наполеон отправлял во дворец Касселя, была закреплена декретом 7 декабря 1807 г. Наполеону понравилась идея конституционного устройства королевства, которую озвучила прибывшая ранее в Париж вестфальская делегация, составленная из представителей различных слоев населения (клириков, бюргерства, чиновников, университетских преподавателей). Сформированный им специальный комитет выработал к ноябрю едва ли не самую либеральную (если не считать французской) конституцию в Европе.

Конституция, разделенная на 13 глав, устанавливала равенство граждан перед законом, высшим актом которого является конституция. Полностью отменялся прежний сословный строй. Вводилась единая система налогообложения, производилась чеканка королевской монеты (ставшей отныне универсальным платежным средством на территории королевства), устанавливался налог на имущество (отныне он не мог составлять более пятой части дохода). Декларировалась новая форма

---

⁵¹⁶ Klessmann E.. Deutschland unter Napoleon in Augenzeugenberichten. Düsseldorf, 1965. S. 277.

территориально-административного деления: королевство делилось на департаменты (не менее 8, не более 12) с разделением на округа и кантоны; все это управлялось государственным и муниципальными советами, префектами, подпрефектами, мэрами (главы VIII, IX).⁵¹⁷ В каждом департаменте возникала коллегия, размер которой определялся размером самого департамента – по одному члену коллегии на каждую тысячу жителей. Члены коллегии назначались королем и избирались согласно имущественному цензу (4/6 – из 600 представителей департамента, платящих наибольшие налоги; по 1/6 – от представителей купечества и промышленников, а также прочих граждан). Коллегия отбирали 12 своих представителей в палату депутатов, попадавших туда после одобрения королем. Главой XI с 1 января 1808 г. вводился гражданский Кодекс Наполеона (принятый им во Франции в 1804 г.); на всех уровнях административной лестницы создавались суды, включая мировой – для кантонов и единый для Вестфалии апелляционный суд. Кроме того, важный шаг был сделан в направлении укрепления королевской власти: конституционным декретом принц Жером Бонапарт объявлялся пожизненным королем Вестфальского королевства. Устанавливалась четкая система престолонаследия.⁵¹⁸

Отлаженный государственный механизм, ключевой деталью которого должна была стать конституция, создавал благоприятные перспективы правовой и общественной унификации на территории Рейнского союза, который Наполеон собирался превратить из рыхлого политического конгломерата в единое федеративное государство. Такая позиция Наполеона частично нашла отклик среди германской реформаторской бюрократии, видевшей в подобной схеме развития союза благоприятный шанс для объединения Германии. По словам Наполеона, которые он произнес обращаясь к государственному секретарю Великогерцогства Берг Пьеру-Луи Редеру, Вестфальское королевство должно было стать «колыбелью для других государств Рейнского союза».⁵¹⁹

Искусственно созданное государство, которое не было единым ни в территориальном, ни в политическом, ни в правовом отношениях, и даже в делах духовных, остро нуждалось в консолидации не только институтов управления и в единой правовой системе, но и в создании чет-

---

⁵¹⁷ Законодательные акты королевства Вестфалия // Gesetz-Bülletin des Königreichs Westphalen: «История Вестфалии» / Königliches Decret vom 10. Mai 1808 / Gesetz-Bülletin 1808. Nr. 1. S. 21. URL: <http://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/txt/normal/txt373.pdf> (дата обращения 13.05.2012).

⁵¹⁸ Конституция королевства Вестфалия // Constitution vom 15ten November 1807: «История Вестфалии» / Gesetz-Bülletin 1808, Nr.1, Kassel 1810, S. 10–11. URL: <http://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/que/normal/que1073.pdf> (дата обращения 13.05.2012).

⁵¹⁹ Berding H. Das Königreich Westphalen als napoleonischer Modellstaat (1807–1813), Göttingen, 1973. S. 183.

кой и эффективной общественной структуры. В этом смысле немецким реформаторам предоставили карт-бланш. Известные представители немецкого просвещенного сообщества, жившие в Касселе, сразу же стали играть заметную роль в только что созданном государственном аппарате. Иоганн фон Мюллер (до тех пор резко критиковавший политику Наполеона), барон Карл Август Малхус (с 1811 г. занимал пост министра финансов), Кристиан Вильгельм Дом (занимал пост уполномоченного посла Вестфальского королевства в Пруссии)⁵²⁰, – все эти и многие другие немецкие государственные деятели быстро поняли необходимость сотрудничества с новой властью, видя в тщательном проведении «революции сверху» возможный путь для существенных перемен в Германии. В своем обращении к рейхстагу в Касселе 14 июля 1808 г. Карл Август Малхус так выразил это подспудное стремление вестфальской бюрократии к реформам: «У государства подобного нашему, которое возникло в результате побед, нет прошлого! Оно, как и любое творение во Вселенной, замысленное творцом, есть не более чем первичная материя в его руках, в которую можно вдохнуть жизнь».⁵²¹

Идеи равенства, гремевшие, начиная с 1789 г., на всю Европу, кроме прочего включали в себя и свободу вероисповедания. В этом смысле конституция, данная Наполеоном вестфальским немцам, была ярчайшим выражением этих идей. Религии уравнивались между собой, была подтверждена веротерпимость (установленная еще по Вестфальскому миру 1648 г.), сняты ограничения на старшинство конфессий – католики и протестанты пользовались полными и одинаковыми правами на территории присоединенных к королевству земель. Церковь полностью утрачивала свое влияние на светскую власть, становясь отныне лишь отправителем христианского культа, не вмешиваясь в политику государства Бонапартов. Немалое значение имела и провозглашенная в Вестфальском королевстве эмансипация евреев. В Касселе была учреждена консистория израильтян – орган руководства еврейской общиной. Эта организация должна была стать основным рычагом урегулирования сложных взаимоотношений между христианами и иудеями.⁵²² Введение неограниченной свободы торговли по существу разрушало традиционные правила гильдий и корпоративный характер даваемых ими привилегий. Финансовые потребности королевства Вестфалия ускорили секуляризацию церковного имущества, которое (особенно с 1810 г.) все ча-

---

⁵²⁰ Ibid. S. 184.

⁵²¹ Ibid. S. 186.

⁵²² Законодательные акты королевства Вестфалия // Gesetz-Bulletin des Königreichs Westphalen: «История Вестфалии» / Königliches Decret vom 27. Januar 1808 / Gesetz-Bulletin 1808. Nr. 28. S. 667–669. URL: <http://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/txt/normal/txt369.pdf> (дата обращения 13.05.2012).

ше приобреталось уже не только крупными землевладельцами, но и простыми ремесленниками и торговыми агентами. Кроме того, с 1 января 1809 г. каждый желающий мог заняться собственным бизнесом. Для этого ему необходимо было получить патентное право на свое предприятие. Патенты приобретались за определенную сумму и облагались так называемым патентным налогом, выплачиваемым единовременно в год.

Французский дух господствовал на территории Вестфальского королевства и во всех областях культурной жизни. Чрезвычайной популярностью стали пользоваться французские архитекторы и скульпторы, которые заимствовали и переосмысливали достижения искусства эпохи классической античности и эллинизма. Все элементы так называемого наполеоновского ампира, господствовавшего в европейской архитектурной традиции до конца 30-х годов XIX века, можно без труда увидеть на примере здания Музея Фридериканиум (ныне – Государственный Музей) в городе Кассель, который с конца 1809 г. по 1813 г. являлся залом собрания Государственного совета и штатов. Фасад этого здания, построенного в 1779 г., был существенно перестроен и изменен согласно указу короля Жерома, дабы подчеркнуть могущество и величие империи Бонапартов.

Политическое господство Франции над Германией привело также и к глубоким экономическим последствиям, имевшим, однако, противоречивый характер, что особенно заметно на примере Вестфальского королевства. Важнейшим мероприятием в этой области, оказавшим положительное влияние на развитие немецкой экономики, явилась континентальная блокада Англии. Блокада очень резко ограничила английскую торговую конкуренцию, сильно препятствующую экономическому развитию Германии, тормозившую рост немецкой промышленности и задерживающую начало промышленной революции. Однако континентальная блокада имела и резко отрицательные последствия для экономического развития Вестфалии, так как препятствовала ввозу необходимого сырья для немецких мануфактур, например хлопка и пряжи, создавала трудности ремесленникам. Кроме того, в результате торговой войны между Англией и Францией был затруднен немецкий экспорт льна, зерна и древесины. Континентальная блокада больно ударила «по карману» государств Рейнского союза. Защищенное от английской конкуренции, немецкое производство было втянуто в конкуренцию с французскими производителями, которые сравнительно больше преимуществом. С 1810 г. ситуация для вестфальской промышленности заметно ухудшилась, когда, под давлением Наполеона, король Вестфалии был вынужден принять декрет об аресте и изъятии всех английских и колониальных товаров. Немецким товарам был закрыт доступ на французские рынки.

Более того, у королевства Жерома Бонапарта был один врожденный дефект – с начала 1807 г. оно должно было взять на себя огромные долги своих государств-предшественников. К 1810 г. сумма государственного долга составляла 187 мил франков. Правительство безуспешно пыталось найти выход. Поэтому налоговое бремя стало непрерывно увеличиваться, ложась тяжким грузом на экономику Вестфалии. Так, например, земельный налог, первоначально составлявший всего лишь 5 %, к началу русской кампании увеличился вчетверо. Помимо законных налогов постоянно вводились разного рода разовые поборы. к декабрю 1813 г. королевство Вестфалия оказалось, по существу, банкротом.

Это объяснялось тем, что Вестфальское королевство было едва ли не самым покладистым исполнителем финансовых обязательств, данных Наполеону. Король Жером не был готов взять на себя смелость в отстаивании интересов «собственного народа» перед грозным императором французов. Он был послушным исполнителем воли Наполеона, а потому между ним и «гражданским обществом» стали нарастать противоречия.

Отдельно необходимо упомянуть о «налоге кровью», которое пришлось выплачивать Вестфалии как члену Рейнской конфедерации. Декретом от 25 апреля 1808 г. Жером Бонапарт призывал каждого жителя Вестфалии «защищать Отечество с оружием в руках тогда, когда его призовет король».⁵²³ Разумеется, солдатам Вестфальского королевства, приходилось «защищать Отечество» в рядах Великой Армии, покоряя другие страны Европы. Вестфальский военный контингент, по акту Рейнского договора, был увеличен с 16 тыс. до 25 тыс. солдат, однако на самом деле в кампаниях Наполеона принимало участия куда больше вестфальцев. Так, во время похода на Россию в 1812 г. количество королевских солдат было равно 28 тыс., а еще 8 тыс. в этот же момент несли полицейскую и гарнизонную службы в Испании.

Таким образом, даже несмотря на короткий период существования королевства Вестфалия, успехи и неудачи этого проекта Наполеона очевидны. Вскоре после образования королевства совершенно обнажились многочисленные препятствия для осуществления реформ.

Прежде всего, вообще сложно говорить о Вестфальском королевстве как об исключительно положительном опыте. Император французов бесконтрольно использовал ресурсы королевства в интересах собственной завоевательной политики. Всякий раз, когда этого требовал Наполеон, огромные финансовые средства королевства приносились в

---

⁵²³ Законодательные акты королевства Вестфалия // Gesetz-Bülletin des Königreichs Westphalen: «История Вестфалии» / Königliches Decret vom 25. April 1808 / Gesetz-Bülletin 1808, Nr. 40, S. 701. URL: <http://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/txt/normal/txt373.pdf> (дата обращения 13.05.2012).

жертву его амбициям. Это ограничивало возможности для совершенствования самого государства изнутри.

Помимо контрибуций (до 31 мил франков), доставшихся королевству Жерома Бонапарта «по наследству» от прежних германских государств, вошедших в состав Вестфалии, необходимо было содержать 25-тысячное войско (это обходилось казне в 12 мил франков), не говоря уже о содержании расквартированных на землях королевства французских оккупационных войск.

Проводя политику протекционизма на территории старых французских департаментов, Наполеон, кроме того, принуждал Вестфалию к участию в Континентальной блокаде, что самым негативным образом сказалось на государстве, ставшим к 1813 г. банкротом. Был нанесен серьезный ущерб продажам шерстяной ткани, экспорт зерна снизился, в некоторых регионах, в которых текстильная промышленность и выращивание зерновых культур являлись основным источником прибыли, большая часть населения пребывала за чертой бедности.

Тем не менее, не признать положительного значения наполеоновской политики в Вестфалии для дальнейшего развития Германии и Западной Европы невозможно. В Вестфальском королевстве стирались сословные барьеры, которые мешали развитию сельского хозяйства, промышленности. Нельзя не отметить тот факт, что именно в этот период в фундамент будущего быстрого экономического развития немецких земель были заложены серьезные культурно-хозяйственные основания. Интеллектуальное воздействие завоеваний Французской Революции было велико. Ориентация на свободу хозяйственной деятельности, на торговые связи с Францией и другими странами прочно вошла в менталитет западных немцев. Поколение немецких бизнесменов, достигшее зрелости в рейнском регионе к 30-м гг. XIX в., как правило, в юности проходило через французскую образовательную систему, и именно эти люди сыграли огромную роль в том быстром хозяйственном подъеме, который начался в Германии в дальнейшем.

Вестфальское королевство внесло огромный вклад в процесс модернизации, ускорившийся, например, в Пруссии, которая переняла множество достижений из вестфальского опыта. По образному выражению немецкого историка Франца Меринга, Вестфальское королевство было одной из «шпор вонзившихся в тело Пруссии». Возможно, что именно эта «шпора» в конечном счете и привела Пруссию к той вершине могущества, с которой и началось объединение всей Германии.

T.M. Esenbayev

Esenbayev Timur Maratovich – the student of Institute of the humanities and arts of the Ural federal university.

**"FRANCE" ON THE RIGHT COAST OF RHINE.
GÉRÔME BONAPARTE'S WESTPHALIAN KINGDOM
(1807-1813)**

The kingdom Westphalia created by the summer of 1807 turned for Napoleon in some kind of range for introduction of the French model in the territory of Germany; it became some kind of living example showing to the German princes and dukes and all Europe as a whole, not only how the emperor of French with the subdued states, but also visually drawing the project of bourgeois society which Napoleon in the territory of the European continent dreamed to create disposes. The Westphalian kingdom made a huge contribution to the process of modernization accelerated, for example, in Prussia which adopted a set of achievements from the Westphalian experience. On a trope of the German historian Franz Moehring, the Westphalian kingdom was one of "spurs pierced in a body of Prussia". Probably, what exactly this "spur" eventually also led Prussia to that top of power with which association of all Germany began.

Key words: Westphalian kingdom, modernization, Prussia, Napoleonic era

В.С. Пруцакова

**МОН СЕН-МИШЕЛЬ:
ПАМЯТЬ О СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ**

История Столетней войны за века, прошедшие с ее окончания, обросла многочисленными легендами, разбилась на десятки популярных сюжетов, но не потеряла своего значения для Франции. Память о Столетней войне, ее героях и ее ключевых событиях жива до сих пор в особенности на севере Франции – в Нормандии. Мон Сен-Мишель, пожалуй, самый известный исторический объект этого региона, представляет собой одно из тех мест памяти, которые носят на себе отпечатки событий этой войны. С начала XIX столетия, когда на общегосударственном уровне началась интенсивная работа по сохранению национального на-

следия, память о конкретных событиях стала активно использоваться для воздействия на народное сознание. Образ монастыря как символа старой Франции с ее мощью и величием, основывавшихся на неразрывной связи церкви, короля и народа, создавался последовательно. Для воссоздания истории монастыря использовались несколько крупных сюжетов. Каждый из них в определенной степени представлял собою крупные эпохи французской истории, и поэтому все «звенья», причем в их четкой последовательности, имели принципиальное значение для неразрывности связи между этими периодам.

Ключевые слова: Столетняя война, средние века, историческая память, символы, религия

История Столетней войны за века, прошедшие с ее окончания, обросла многочисленными легендами, разбилась на десятки популярных сюжетов, но не потеряла своего значения для Франции. Память о Столетней войне, ее героях и ее ключевых событиях жива до сих пор в особенности на севере Франции – в Нормандии. Мон Сен-Мишель, пожалуй, самый известный исторический объект этого региона, представляет собой одно из тех мест памяти, которые носят на себе отпечатки событий этой войны. «Зарубки», оставленные той эпохой, постепенно смешивались со следами следовавших за Столетней войной веков и событий, шаг за шагом создавая монолитный образ монастыря, который в настоящее время притягивает многих своей полной тайны величием.

С начала XIX столетия, когда на общегосударственном уровне началась интенсивная работа по сохранению национального наследия, память о конкретных событиях стала активно использоваться для воздействия на народное сознание. Образ монастыря как символа старой Франции с ее мощью и величием, основывавшихся на неразрывной связи церкви, короля и народа, создавался последовательно. Для воссоздания истории монастыря использовались несколько крупных сюжетов. Каждый из них в определенной степени представлял собою крупные эпохи французской истории, и поэтому все «звенья», причем в их четкой последовательности, имели принципиальное значение для неразрывности связи между этими периодам. Подбор подобных событий зависел, прежде всего, от источников, но огромное значение имели их интерпретации и способ репрезентации. При этом применительно к истории Столетней войны все это выглядело не всегда однозначно. П. Нора, к примеру, выделяет несколько точек зрения на значение Жанны д'Арк и Столетней войны в целом для французской истории⁵²⁴. Для Мон

---

⁵²⁴ Нора П. Франция – память. СПб., 1999. С. 231.

Сен-Мишель это событие всегда было одним из самых знаковых: здесь непосредственно велись бои, здесь собрались многие из тех, кто отказался подчиниться английскому королю тогда, когда вся Нормандия оказалась под его властью. А само это место представляло собой священную обитель христианского героя, который оберегал Францию на протяжении всего периода ее существования.

Самое прямое отражение события Столетней войны получили в архитектуре, а именно в системе защиты города. До этого периода рукотворные укрепления на Горе были минимальны, она находилась под защитой природных условий. С начала Столетней войны все изменилось. Те стены, которые до сих пор окружают остров, связаны преимущественно именно с событиями этого периода и, частично, с последующей борьбой с гугенотами. Кроме того, если в отношении самого монастыря есть смысл говорить о более поздних изменениях, вносимых реставраторами, то построенные в течение XIV–XVI вв. городские укрепления до сих пор в большинстве своем сохраняют первозданный вид и могут «выступить свидетелями» перед задающими вопросы туристами.

Если проследить маршрут посетителя от начала его знакомства с монастырем, то первое, что встречается ему на пути – это трое монументальных ворот: Авансе, Бульварные и Королевские. Королевские ворота были построены известным ученым, советником Карла VI, аббатом монастыря Пьером ле Руа. «Они с южной стороны были защищены двумя большими башнями – Аркадией и Королевской. Ров, подъемный мост и решетка делали преодоление ворот очень трудным. Этому входу предшествовал Бульвар и его ворота»⁵²⁵. Ворота Авансе были построены несколько позднее – в XVI в., и стали своего рода последним штрихом в строительстве фортификационной системы города. «Лестница, ведущая в зал стражей, была перекрыта подъемной решеткой. Из-за крутости эту лестницу сравнивали с "бездной". Вначале вход в обитель находился с северо-западной стороны, затем он был перенесен на восточную сторону. На первом этаже располагалась комната монастырского привратника, в которой был установлен красивый, украшенный превосходной лепкой монастырский камин. С 1364 г. гости должны были оставлять там свое оружие, а в конце XIV в., когда Мон Сен Мишель стал крепостью, это помещение стало залом стражников. Он выходит на большую внутреннюю лестницу, монастырские апартаменты и на зал сбора подаяний, выстроенный в готическом стиле»⁵²⁶. К этому же вре-

---

⁵²⁵ Архимандрит Августин. Обитель архистратига Божия Михаила // Нева. 2010. № 6. URL: <http://maga.zines.russ.ru/neva/2011/3/aa22.html> (дата обращения: 11.11.2011).

⁵²⁶ Там же.

мени относится появление башни Шатле и защищающего ее барбакана, «величественного входа в аббатство»⁵²⁷.

Все это происходило на фоне уже не первый год ведущихся сражений между англичанами и французами. «Пьер ле Руа открыл монастырь для себя в период, когда монахи тратили большую часть доходов на вооружение, отдавали предпочтение скорее силе, нежели смирению, а военная суматоха изгнала все стремление к учености»⁵²⁸. Становилось ясно, что монахи и жители города не готовы сдаваться английским рыцарям. Еще большое значение это упорство, проявленное защитниками монастыря, будет иметь тогда, когда французы окажутся разгромлены при Азенкуре, многие провинции перейдут под власть английского короля, а сам дофин будет вынужден бороться за свои родовые права.

Строительство укреплений активно продолжалось при Робере Жоливе – преемнике Пьера ле Руа, явившемся фигурой более противоречивой, чем его предшественник. «Укрепления вырастали очень быстро, и скоро эта гора смогла противопоставить захватчику мощную преграду из высоких стен и башен, которые до сих пор служат образом военной архитектуры этой эпохи, несмотря на то, что время неизменно оставляет свои следы»⁵²⁹.

В период, когда прелатом являлся Роббер, наместником Нормандии стал герцог Бэдворд, брат английского короля. Предприимчивый аббат быстро согласился на сотрудничество с победителями и стал одним из советников герцога, за что получил неплохое вознаграждение. После этого ему пришлось почти сразу покинуть обитель, так как монахи его не поддержали. Впоследствии он был среди тех судей, которые отправили Орлеанскую Деву на костер.

Работу по укреплению города продолжил капитан Луи д'Эстувий. «С 1425-го по 1440 г. крепостные стены были укреплены, и весь городок был опоясан ими. Стены Мон Сен Мишеля изобилуют бойницами, в которых когда-то стояли наготове пушки для отражения любого нападения»⁵³⁰.

Но сохранившиеся по сей день городские укрепления – не единственное живое напоминание о минувших событиях. В 1421 г. рухнули романские хоры монастырской церкви. В существовавших на тот момент условиях восстановить его оказалось невозможно. Реконструкция началась несколько позднее, когда установилось относительное спокой-

---

⁵²⁷ Marquis de Tombelaine. Le Mont Saint-Michel et ses merveilles // Le Mont Saint Michel. URL: <http://www.le-mont-saint-michel.org/merveille045.htm> (дата обращения: 08.11.2011)

⁵²⁸ Fulgence Girard. Histoire géologique, archéologique et pittoresque de Mont Saint-Michel au péril de la mer. Avranches, 1843. P. 197.

⁵²⁹ Там же. С. 214.

⁵³⁰ Бели Л. Любить Мон Сен-Мишель. Западная Франция. 2001. С. 36.

стве. Работами руководил новый аббат – французский кардинал, брат одного из самых известных защитников монастыря, Луи д'Эстувийя – Вильгельм д'Эстувий. Хоры отстроили заново, только теперь уже в стиле поздней готики. Для поддержания новых хоров были возведены десять огромных цилиндрических столбов. Их основой остались старинные романские колонны⁵³¹.

Небольшой островок Томбелен, расположенный вблизи Мон Сен-Мишель, в свое время являлся скромным подобием соседней обители. Там были построены часовня и монастырь, куда монахи отправлялись для уединения. Постепенно это место тоже превратилось в крепость. Во время Столетней войны она была захвачена англичанами, откуда они стали угрожать гарнизону Мон Сен-Мишель. После нескольких неудачных попыток разбить гарнизон монастыря было решено, что голод и жажда сделают то, что не смогло сделать оружие. Осада началась в августе 1424 г. Остров был полностью заблокирован как с суши, так и с моря. Помощь монахам пришла из близлежащего города Сен-Мало, жители которого смогли рассеять английские корабли и открыть доступ для подвоза продовольствия. Но англичане не отказывались от идеи захвата монастыря очень долго. «Вскоре в городе вспыхнул пожар, и деревянные дома сгорели, а крепостные стены были повреждены. Пользуясь этим, большое войско англичан подступило к крепости и с помощью осадных орудий пробило брешь в крепостной стене. Но гарнизон выдержал их натиск»⁵³². Англичане, отступая, вынуждены были бросить два стенобитных орудия, которые до сих пор стоят перед воротами Авансе, напоминая об этой победе. Позднее этих событий замок, расположенный на острове Томбелен, перешел в руки Фуке, суперинтенданта Людовика XIV, но после того как их отношения испортились, король приказал сравнять все постройки с землей. Вот почему в настоящее время это место представляет собой пустынную скалу, напоминающую о том, насколько близки были англичане к цели.

Одной из диковин городского комплекса является дом Тифей Рагенель, жены Бертрана Дюгеклена, одного из самых известных бретонских рыцарей этого периода. Отправляясь бороться на стороне французского короля, Бертран велел жене оставаться в Мон Сен-Мишель. Если верить традиции, Тифэй была женщиной очень образованной для своего времени, любила наблюдать за звездным небом. Дом, в котором она жила, в XIX в. был реставрирован и в настоящее время входит в число самых популярных мест во всем городе⁵³³.

---

⁵³¹ Corroyer E. Mont Saint-Michel et de ses abords. Paris, 1877. P. 203.

⁵³² Архимандрит Августин. Указ. соч.

⁵³³ Duncan F., Glass L., Kennedy J. Top 10 Normandy (Eyewitness Top 10 Travel Guides). 2010. P. 9.

Со второй половины XIX в., вместе с возрождением внешнего облика монастыря, активно восстанавливалась его история, так сказать его «внутреннее содержание образа», его историческая ценность. Появилось периодическое печатное издание «Анналы Мон Сен-Мишель», выходившее раз в два месяца в течение 3 лет с 1876 г., а потом еще в течение 3 лет с 1917 г. Целью издания было, прежде всего, возрождение католического культа, от которого Революция и следующие за ней события оставили одни руины. Но, следуя веяниям времени, авторы журнала делали ставку не только на религиозные идеалы, но активно обращались к исторической памяти, к патриотическим сюжетам, легко запечатлевшимся в сознании читателей. В этом отношении материал истории Столетней войны пришелся как нельзя кстати: непосредственно сами события уже никто не помнил, и это позволяло свободно манипулировать сохранившейся информацией; кроме того, существовали уже созданные на протяжении веков образы некоторых героев этой войны, воплощавших в себе идеалы патриотизма, и оставалось только правильно преподнести их. Одними из самых ярких героев подобного рода была Жанна д'Арк, ведомая и оберегаема Архангелом Михаилом. В «Анналах» по отношению к этим двум образам прослеживается интересная связь: бесспорным авторитетом пользуется, прежде всего, Жанна. Ее образ как нельзя ярче отражал значение этой войны как колыбели французского единства и патриотизма⁵³⁴. Связь истории монастыря с образом Жанны д'Арк, безусловно, способствовало прославлению Архангела Михаила, что объясняло высокое духовное значение Мон Сен-Мишель⁵³⁵. Кроме того, имя Жанны чаще упоминается в изданиях конца XIX в.

Важно то, что вторая половина XIX в. в истории монастыря ознаменовалась не только активной деятельностью по восстановлению внешнего облика обители, но попытками местной епархии возродить ее былую популярность среди христианских паломников. К этому времени уже вышло несколько крупных исследований по истории Мон Сен-Мишель, а, значит, уже было известно немало событий из его прошлого, способных заинтересовать окружающих. Но события эти должны были прославлять обитель не просто как место с многовековой красочной историей, а как крупный религиозный центр, находящийся под защитой

---

⁵³⁴ Annales du Mont-Saint-Michel. Oct. 1878 // Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5417996d.image.langEN.r=annales%20du%20mont%20saint-michel> (дата обращения: 29.09.2012).

⁵³⁵ Annales du Mont-Saint-Michel. Janv-fevr. 1918. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k56887632.image.langEN.r=annales%20du%20mont%20saint-michel> (дата обращения: 29.09.2012).

небесного Архистратига. Для «доказательства» такой защиты нужны были истории о чудесах, а рассказ об Орлеанской Деве был как никакой другой полон чудес.

Изложение истории войны строилось на описании нескольких крупных событий и подвигов известных героев. При этом события отбирались исключительно только героические по отношению к французскому народу. При этом описание таких событий очень часто было сродни приключенческому рассказу с четким разделением героев на положительных и отрицательных, и, конечно же, победой добра в конце повествования. Одной из таких историй стала, например, история победы Жана де ла Йё, который дал бой англичанам в «первую пятницу апреля 1424 г. . . . А в это время на коленях у алтаря Архангела бенедиктинцы просили Святого Михаила защитить его аббатство. В итоге враг, утомленный борьбой, не мог больше сопротивляться, он уступил, сдался в плен, оставив мертвыми 240 своих людей, которые во время прилива были похоронены в песках»⁵³⁶. С этим же героем было связано морское сражение, имевшее место годом раньше и закончившееся также победой защитников монастыря.

С распространением туристической индустрии получили популярность различные путеводители. Цель их издания была в некоторой степени схожа с целью создания «Анналов Мон Сен-Мишель». Главное отличие здесь заключалось в том, что путеводители ориентировались, в основном, на светскую публику и носили скорее развлекательный характер. Издания второй половины XIX века насыщены подробной информацией о крупных событиях. Но постепенно брошюры становились тоньше, информация подавалась все более сжато, на страницах изданий оставались, в основном, только самые значительные события и личности.

Рассказ об истории монастыря в таких работах также основывался на описании нескольких событий в хронологической последовательности. Как правило, среди этих событий всегда были: явление Архангела Михаила Святому Обэру, нашествие викингов, завоевание Нормандии Филиппом II Августом, Столетняя война, Реформация и Революция. Именно эти события бесспорно появляются на страницах путеводителей разных лет и описываются в большинстве своем в одной и той же плоскости: обитель преодолела все вызовы времени и сохранила верность своему народу: «В 1415 г. английский король Генрих V осуществил очередное вторжение на север истощенной долгой междоусобицей Франции и в битве при Азенкуре наголову разбил французское войско.

---

⁵³⁶ Annales du Mont-Saint-Michel. Aoug. 1878. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5417996d.image.langEN.r=annales%20du%20mont%20saint-michel> (дата обращения: 29.09.2012).

После этого Нормандия, как и другие северные провинции страны, оказалась полностью во власти Англии. Полностью... за исключением обители Сен-Мишель»⁵³⁷.

Как бы то ни было, XIX в. вдохнул новую жизнь в Мон Сен-Мишель, вырвав ту сущность, которая уже отжила свое еще в начале XVIII века: возрождение, которое связывают с появлением здесь конгрегации Святого Мавра, продлилось недолго, статус эталона духовной чистоты и учености был давно потерян. Пережив революцию и Первую империю, монастырь возродился в новой роли: символа героической истории французского народа («Чтобы оставаться верными королю, своей родине, они (монахи – *В.П.*) мирились с разорением и пренебрегали смертью на протяжении четверти века. Об этом не говорит ни один из официальных учебников, попадающих в руки молодого поколения»⁵³⁸). Движение интеллигенции за защиту национального наследия в первой половине XIX в., переросшее в государственную политику, не потерявшую своего значения до сих пор, привело к тому, что история монастыря, восстановленная на основе немногочисленных источников и подкрепленная еще живой народной гордостью за победу в этой войне, стала использоваться для реализации конкретной цели – прославления насыщенной событиями позитивной истории французского государства. В эпоху религиозного упадка и укрепления материалистического мировоззрения образ монастыря создавался (и создается по сей день), прежде всего, для массы туристов, ведомых скорее любознательностью, чем устремлением к богу. А, как известно, для массового потребления малопримочен сложный общетеоретический материал, поэтому для создания образа в сознании людей использовались более понятные для них сюжеты, принимавшие форму небольших рассказов с положительным окончанием. Одним из таких рассказов и стала Столетняя война.

V. S. Prutsakova

Prutsakova Valentina Sergeevna – the student of department of history of the Ural state pedagogical university.

MONT SAINT-MICHEL: MEMORY OF CENTENARY WAR

---

⁵³⁷ Annales du Mont-Saint-Michel. Nov-dec. 1917 // Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5417996d.image.langEN.r=annales%20du%20mont%20saint-michel> (дата обращения: 29.09.2012).

⁵³⁸ Там же.

The history of Centenary war for the centuries which have passed from its termination, acquired numerous legends, broke into tens popular plots, but didn't lose the value for France. Memory of Centenary war, her heroes and its key events is live still in particular in the north of France – in Normandy. The Mont Saint-Michel, perhaps, the most known historical object of this region, represents one of those places of memory which carry on itself prints of events of this war. Since the beginning of the XIX century when at nation-wide level the hard work on preservation of national heritage began, memory of concrete events began to be used actively for impact on national consciousness. The image of a monastery as symbol of old France with its power and the greatness, being based on indissoluble communication of church, the king and the people, was created consistently. For a reconstruction of history of a monastery some large plots were used. Each of them in a certain degree represented himself large eras of the French history and therefore all "links", and in their accurate sequence, had basic value for continuity of communication between these to the periods.

Key words: Centenary war, Middle Ages, historical memory, symbols, religion

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ворошилин Сергей Иванович – доцент кафедры психологии Уральского государственного педагогического университета, кандидат медицинских наук, доцент.

Гладышев Андрей Владимирович – профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов), доктор исторических наук, доцент.

Глушков Христо Стефанов – профессор кафедры всеобщей истории нового и новейшего времени Великотырновского университета им. Св. Кирилла и Мефодия (г. Велико-Тырново, Болгария), доктор исторических наук, профессор.

Грибан Ирина Владимировна – аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, директор Музея истории УрГПУ.

Думнова Екатерина Сергеевна – магистрант кафедры востоковедения Уральского федерального университета.

Есенбаев Тимур Маратович – студент Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета.

Земцов Владимир Николаевич – заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор.

Кузьмин Вадим Александрович – заведующий кафедрой востоковедения Уральского федерального университета, доктор исторических наук, профессор.

Миловидов Борис Павлович – редактор издательства «Крига» (г. Санкт-Петербург), магистр истории.

Назарян Екатерина Анатольевна – заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин Малоярославецкого филиала Московского финансово-юридического университета (г. Малоярославец), кандидат исторических наук, доцент.

Орлов Александр Анатольевич – профессор кафедры зарубежной истории Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова (г. Москва), доктор исторических наук, доцент.

Поршнева Ольга Сергеевна – профессор кафедры истории России Института фундаментального образования Уральского федерального университета, доктор исторических наук, профессор.

Постникова Алена Александровна – аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

Пруцакова Валентина Сергеевна – студент исторического факультета Уральского государственного педагогического университета.

Рукоусев Евгений Юрьевич – старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской Академии Наук, кандидат исторических наук, доцент.

Слободяник Лада Сергеевна – докторант Высшей школы экономики (г. Прага, Чехия).

Соколова Елена Станиславовна – доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

Сутьрин Борис Алексеевич – профессор кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, профессор.

Фельдман Михаил Аркадьевич – профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральского института президентской академии, доктор исторических наук, профессор.

Черноусова Яна Викторовна – выпускница исторического факультета Уральского государственного педагогического университета, активный участник поискового движения.

Шестакова Надежда Федоровна – студент исторического факультета Уральского государственного педагогического университета.

Шистеров Максим Валерьевич – старший преподаватель кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук.

Шумкин Георгий Николаевич – научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской Академии Наук, кандидат исторических наук.

Шумкина Татьяна Геннадьевна – доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, доцент.